

Древнейшая
ономастика
Восточных
Балкан.
Л.А.Гиндин

Болгарская академия наук . Институт фракологии

Академия наук СССР . Институт славяноведения и балканистики

Л. А. ГИНДИН

Древнейшая ономастика Восточных Балкан

*(Фрако-хетто-лувийские
и фрако-малоазийские изоглоссы)*

София . 1981

Издательство Болгарской академии наук

L. A. G i n d i n

La plus ancienne onomastique des Balkans orientaux
(Isoglosses thraco-hittito-louvites
et isoglosses thraces et micrasiatiques)

Editions de l'Académie bulgare des sciences · Sofia · 1981

Моим родителям

© Леонид Александрович Гиндин
1981
c/o Jusautor, Sofia

931/939

Предисловие

Монография, по крайней мере, в одной из основных частей (фрако-хетто-лувийские изоглоссы) тесно примыкает в методологическом отношении и в содержательном плане к нашей работе, посвященной анализу догреческого слоя анатолийского происхождения (Гиндин, 1967).¹ Существенным импульсом к настоящему исследованию послужил один ее частный результат, несколько позже развитый в двух специальных статьях (Gindin, 1969; Гиндин, 1971), доказывающих генетическую близость т. наз. „пеласгского“ языка фракийскому.

Дальнейшее стремление конкретизировать представление о догреческих субстратных лингвистических элементах, поставив их изучение на почву реально засвидетельствованных языков, привело к необходимости более пристального анализа фракийских реликтов, фиксированных достаточно полно многочисленными именами собственными с территории древней Фракии.

Избрание фракийского основным предметом разыскания монографии обусловлено, помимо того, его вхождением в южный регион центрально-европейской переходной зоны индоевропейских диалектов, состоящий из реликтовых языков Балкан, о которых индоевропеистика располагает весьма фрагментарными знаниями, нуждающимися в пополнении и уточнении, что в свою очередь порождает незаслуженно малое использование в сравнительно-историческом языкознании, в частности фракийских фактов и скептическое к ним отношение со стороны многих компаративистов. Между тем значение этих языков и соотносимых с ними этносов в лингвистической и этнической истории Балканского полуострова и Юго-Восточной Европы чрезвычайно велико. При этом особо важную роль в балканском ареале с прилегающими областями в догреческий и паратреческий период играл фракийский язык и многочисленные племена фракийцев, территориально занимавшие в континентальной части Балканского полуострова доминирующее положение. В дополнение к этому имеются достаточно веские основания предполагать превалирующее влияние фракийского субстрата на возникновение „балканского языкового союза“ (из последней литературы см. Бернштейн, 1973, 31; ср. 1973а, 6), во всяком случае на таких его представителей, как болгарский, румынский и в определенной мере албанский.

Вся работа носит сугубо этимологический характер и выполнена в рамках методики современной этимологии, в основе которой должен лежать принцип сплошного этимологизирования единиц ономастического континуума, ограниченного определенным географическим ареалом; наиболее полно этот принцип воплощен в труде: Трубачев, 1968. В нашем

¹ Об этой работе см.: R. Katičić. *Ancient Languages of the Balkans* (=Trends in Linguistics. State-of-the-Art Reports, 4). The Hague — Paris, 1976, p. 41 f., 91—95.

случае эта необходимая предварительная операция включала отбор лексико-ономастических соответствий под углом зрения, означенным в подзаголовке монографии. При дальнейшем анализе подлежащих изучению фактов производилась возможно полная филологическая обработка материала, что обусловлено специфическими особенностями исследовательской базы.

Настоящая монография была полностью завершена осенью 1974 г., поэтому позже опубликованные работы учтены лишь эпизодически, включая наши собственные, в подстрочных замечаниях.

Пользуюсь приятной возможностью принести самую сердечную благодарность В. И. Абаеву, Б. В. Горнунгу, А. В. Десницкой, Вяч. Вс. Иванову, Н. Я. Мерперту, М. Н. Славятинской, В. Э. Орлу, прочитавшим рукопись и сделавшим ряд ценных замечаний.

Выражаю живейшую признательность С. Б. Бернштейну за постоянную поддержку и искреннюю заинтересованность на протяжении всей работы над книгой; благодарю И. А. Калужскую за помощь в подготовке рукописи к печати, а также ее и В. Э. Орла за составление указателя.

Май 1975 г.

Благодарю редактора Издательства БАН Л. Генчеву и моего болгарского коллегу Г. Рикова, любезно взявшего на себя чтение I корректуры.

Октябрь 1981 г.

Проблемы античной лингвистической балканистики

Привычный термин „античный“ здесь предлагается понимать как обозначение периода, значительно более протяженного в глубину, чем это принято в исторической науке. Обычно его употребляют в применении к греко-римской эпохе и воспринимают „античный“ в качестве синонима понятий „древнегреческий“ и „древнеримский“. Соответственно все то, что существовало в многовековый отрезок времени до прихода греческих и италийских племен в район Средиземноморья (первые на рубеже III и II тыс., вторые несколько позже) автоматически зачисляется в разряд явлений „примитивных“, относящихся к первобытной истории, причем „примитивный“ зачастую понимается не как „первоначальный“ (ср. лат. *primitivus*), но как „несложный, простейший и пр.“. Несмотря на указанное неудобство и некоторое шокирующее впечатление, оказываемое во всяком случае на эллиниста, по традиции соотносящего „античный“ с хронологическими рамками греко-римского мира и более того употребляющего его как знак греко-римской обусловленности, предлагаемый термин обладает тем не менее рядом существенных преимуществ по сравнению с весьма расплывчатым термином „древний“. Это преимущество связано главным образом с специфическими особенностями фактической базы, представляющей собой значительное, но к сожалению, и столь же разнохарактерное по времени и способу фиксации множество имен собственных, наряду с небольшим числом апеллативных вкраплений в виде глосс, географически приуроченных к различным областям Балканского полуострова, дошедших в передаче греческих, римских и византийских авторов, а также очень скудных письменных памятников, относящихся именно к античному периоду. Тем самым античная лингвистическая балканистика, охватывая материал, восходящий в определенной мере к доэллиническому, т. е. доантичному периоду (языки догреческого субстрата, фракийский и под.) целиком включается на правах самостоятельной дисциплины в область классической филологии, на что хотелось бы обратить специальное внимание. Следует заметить, что термин античная балканистика в таком случае, строго говоря, применим только к лингвистическому аспекту, так как другие дисциплины не ограничивают круг прямых источников античными письменными памятниками. Однако данный термин отнюдь не изоморфен лингвистическому понятию „современная балканистика“ и, в отличие от последнего, не предполагает *implicito* наличия языкового

союза,¹ хотя отдельные черты (элементы) такового могут быть, видимо, выявлены уже на современной ступени наших знаний о реликтовых языках Балканского полуострова (ср. Гиндин, 1972а). Античная балканистика в том виде, в каком она здесь рассматривается, скорее адекватна традиционным категориям генеалогической и ареальной лингвистики, опирающимся, помимо родства, на географический признак (ср. индоевропейстика и пр.).

1. Источники. Конкретные источники наших настоящих и, позволим себе некоторую долю оптимизма, будущих знаний о реликтовых языках Балканского полуострова, в противоположность общепринятому мнению, не так уж скудны; впрочем, степень полноты и сохранности варьируется по отдельным языкам.

а. Фактический материал (ономастический, топонимия, антропонимия, этнонимия, имена и эпитеты богов) и этнологический, сохранившийся в греко-римских передачах и прямых свидетельствах, черпается из Гомера, Геродота, Фукидида, Ливия, Страбона, Павсания, Плиния, Аппиана, Арриана, Певдо-Скимна, Стефана Византийского, Прокопия Кесарийского, Гесиxia и многих других менее известных античных и византийских авторов, включая различных схолиастов, располагающихся в огромном, более чем тысячелетнем хронологическом промежутке, если временем, к которому восходят отдельные отрезки гомеровских поэм, считать по меньшей мере XIII—XII в. (время кодификации VI в. до н. э.), притом, что Стефан Византийский и Прокопий Кесарийский писали свои сочинения в VI в. н. э.

б. Немалое число оригинального и корригирующего материала содержит вторая группа источников, состоящих из эпиграфики с интересующих нас и сопредельных территорий на греческом и латинском языках (надписи на монетах, печатах, эпитафии, папирусы). К несчастью, и без того скудные надписи на предположительно туземных языках метрополии (свыше 20 очень кратких из Фракии) пока еще далеки от однозначной расшифровки. Единственная балкано-иллирийская надпись из трех слов на перстне оказалась греческой, раннехристианского периода. Более двух с половиной сотен крайне кратких надписей на мессапском, который давно генетически идентифицирован с иллирийским, не восполняют недостатка в письменных источниках по иллирийскому языку в силу своей жанровой ограниченности (Гиндин, 1967, 4 сл.). Более пространные и разнообразные древнефригийские (VI в. до н. э.) и позднефригийские (I—IV вв. н. э.) — все без исключения обнаружены в Малой Азии.

в. Третья группа фактов, помогающих реконструировать древнейшее лингвистическое состояние и этнические процессы на Балканах, извлекается из современной топонимии Балканского полуострова и соседних регионов, в частности таковой служит балтийская и славянская ономастика.

¹ Не лишне указать, что далеко не все ученые в прошлом и теперь считают необходимым прибегать к понятию языкового союза при объяснении специфических лингвистических феноменов, свойственных современным балканским языкам, например, подобных взглядов придерживался А. Мейе, резко отрицательную позицию занимали С. Младенов, А. Белич, в настоящее время — Й. Займов. Изложение мнений на этот счет (с литературой) см.: Georgiev, 1958, 7 сл., где постулируется балканский языковой союз для более древних периодов; ср. Бернштейн, 1961, 13; о полемике между Вл. Георгиевым и Й. Займовым по поводу термина „балканистика“ см. Actes I-er CIEB, 181; о полемике вокруг понятия „балканский языковой союз“ на II Международном балканистическом конгрессе см. Займов, 1972, 86 сл.

г. Четвертый источник — это т. наз. субстратные слова, сохранившиеся в письменной и устной традиции современных балканских языков. При этом удельный вес таких аппелативов в исследовании различных реликтовых языков Балкан далеко не одинаков. Необходимо особо подчеркнуть, что на Балканском полуострове единый гомогенный субстрат не прослеживается ни на юге, ни в центральноевропейской части. Так, инородные лексические вкрапления в словаре древнегреческого языка, где они составляют с небольшими отклонениями довольно однородную массу „технических“ терминов и названий растений, сыграли значительную, но отнюдь не первостепенную роль в выявлении догреческих слоев на территории Эллады. Близкая картина наблюдается в румынском, содержащем определенное количество слов дороманского происхождения; из них наиболее знаменательны те, которые имеют соответствия в албанском и могут претендовать на автохтонное, т. е. субстратное дакийское, гесп. фракийское, происхождение с немалой примесью, видимо, иллиризов. По А. Россети, подобных слов около 80, по А. Филиппиде — около 140, Й. Й. Руссу насчитывает их до 160, Г. Райхенкрон — свыше 1000; последнее является несомненным преувеличением. Здесь нужно учитывать, что подобно тому как часть „пеласгских“ слов по мере углубления исследований оказалась заимствованной из языков древней Анатолии (сводку материала с литературой см. Gusană, 1968, 84 сл.; Гиндин, 1975), так и упомянутый компонент румынского тоже может включать определенное число заимствований из соседних языков; показательно несовпадение списков субстратных слов у различных ученых.¹

Для реконструкции собственно фракийского должны были бы иметь значение субстратные аппелативы болгарского, а priori содержащиеся в довольно многочисленной группе слов, лишенных достоверной этимологии в качестве исконно славянских или заимствованных из языков, ареално близких болгарскому в различные периоды его истории. Однако этот компонент представляет в болгарском словаре разношерстную как семантически, так и грамматически коллекцию лексем,² что существенно затрудняет их совокупное этимологическое исследование и групповую реконструкцию. С. Б. Бернштейн во многом прав, считая не внушающими доверия фракийские этимологии некоторых из подобных слов, и полагая, что при постулировании субстратно-фракийского происхождения прежде всего следует и нейтрализовать возможность позднейшего заимствования (Бернштейн, 1961, 23 сл.).

Так, например, обстоит дело с фракийской этимологией болг. *карпа* „скала“ при алб. *karpë* то же и *Καρπάτης ὄρος* „Карпаты“ (Георгиев, 1958а, 36 сл.). Действительно, в названии горного края *Καρπάτης ὄρος* (Ptol. III, 5, 8 и др.), *Κάρπαθης ὄρος* (Marc. Her. per. m. ext. 2, 38), ср. остров между Критом и Родосом — *Κάρπαθος, Κράπαθος* (P. — В. I, 627), имя героя из

¹ Весьма реалистичный список албано-румынских соответствий, составленный на основе работ указанных авторов см.: И. А. Калужская. Проблема автохтонных элементов румынского языка. — В: Славянское и балканское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика. М., 1977, с. 130—145 с исчерпывающей литературой с 1950 по 1974 г.; ср. С. Poghîc. Influența autohtonă. — In: Historia limbii române, v. II, București, 1969, p. 327—354.

² Ср. в этом отношении обратную картину, являемую догреческим и.е. слоем, где четко выделяются субстратные словообразовательные модели и семантические классы (см. Гиндин, 1967, 70 сл.).

понтийской Месембрии — *Καρπαίος* (D., 230), вполне возможно, отразился фракийский апеллатив, сохраненный алб. *karpe*, но это отнюдь не обязывает болг. *карпа* быть заимствованным непосредственно из фракийского; судя по отсутствию метатезы плавного, не отмеченной для предположительно фракийских апеллативных проникновений в болгарском (*балта*—*блата*, видимо, из румынского)¹ — это позднее заимствование из албанского. К нашему удивлению, теперешнее название этого горного кряжа в центре Европы оказалось весьма поздним, засвидетельствованным начиная с Птолемея, что вряд ли случайно. Подобное рассуждение уместно и в случае с болг. *рофея*, *руфя* „молния“, в котором, по мнению В. Томашека (Tomascsek II, 1, 18), а вслед за ним Д. Дечева (D., 403 сл.) и Георгиева, (1958a, 37), вскрывается глоссированное фрак. *ρομφαία*, *rumphia* „дротик“ *romphaea*, *romfea* „меч“, при алб. *rrufë* „гром, молния“, н.-греч. *ρομφία*, „большой, широкий меч“. Но если говорить о конкретной истории болгарского слова, то оно скорее всего также проникло из албанского, о чем недвусмысленно свидетельствует тождество семантики с албанской лексемой и пограничный с албанским ареал распространения болгарского слова (Бернштейн, 1961, 23), хотя само алб. *rrufë* может прямо восходить к фракийскому прототипу (подробнее см. Гиндин, 1973, 66 сл.).

Примером мнимого фракизма в болгарском может служить этимология болг. *ватра* „огонь“, предложенная Вл. Георгиевым (БЕР, 123 сл.) и недавно поддержанная Э. Хэмпом в качестве антитезы гипотезе Н. Йокля об иранском происхождении этого слова (Hamp, 1969, 246).²

Дистрибуция данной лексики и родственных ей без существенных отклонений в значении во всех трех славянских диалектных зонах следующая: ю.-слав. : болг., с.-хорв.; зап.-слав. : чеш., слвц., польск.; вост.-слав. : укр., весьма, вероятно, русск. *ватрушка*, ср. русск.-ц.-слав. *обатрнѣ сѧ* „воспалиться (о нарывах)“, *обатрѣннѣ флѣуиовѣ*. Подобное географическое распределение содержит достаточно реальных оснований для реконструкции праслав. **(v)atra* с регулярым протетическим *v* из **atra*, исконно родственного иранск. (авест.) *ātar-* „огонь“, др.-инд. *ātharvā-* „Feuerpriester“ (старое иранское заимствование), ирл. *áith* „печь“, лат. *ater* „черный, темный“, арм. **air* (все к и.-е. **ater*). Эта основа в некоторых славянских языках сохранила свидетельства былой продуктивности; кроме приведенных церковно-славянских, см. с.-хорв. *vātrūšme* „кострище“, слвц. *vatrisko* „цыганский табор“. Тем не менее в настоящее время слав. **vatra* представляется лексемой по ряду причин, аналогично некоторым другим пастушеским терминам, сузившей свое праславянское значение в сторону семантической спецификации в диалектах, причастных карпато-балканской зоне, ср. особенно слвц. *vatra* „костер (под открытым небом)“, укр. диал. *ватра* „костер, кострище, пепел“³. Вместе с тем признание праславянской принадлежности **(v)atra*

¹ Ср. Георгиев, 1958a, 36; напротив, отмечены безметатезные болгарские географические названия, например, гидронимы, по-видимому, воспринятые от фракийского населения, Арда и Ерма, см. об этом специально: Zaimov, 1963, 85.

² См. еще: Е. Н а м р. Strunga. — LB, XX, 1—2, p. 113 s. с критикой идеи об огнесении *vatra* к прасл. фонду.

³ Подробно о праславянской этимологии рассмотренного слова см. Трубачев ЭССЯ, I, 91 под **atra*. Ср. менее аргументированно Фасмер (I, 279) s. v. *ватрушка*. Семантическое поле лексики **(v)atra* в современных языках и ее географическая дистрибуция (карпат-

не снимает трудности с объяснения албанского и румынского слова. К тому же необходимо считаться с возможностью распространения этого слова валахами, воспринявшими его из иранского через албанское посредство.¹

Впрочем, приведенные примеры не должны умалять рациональности поисков каких-то единых критериев в подходе к потенциально субстратным апеллативам современных балканских языков, что может оказаться так же перспективным, как работы в области догреческого субстрата.

д. Наконец, пятый источник — глоссы античных авторов, включая такой значительный письменный памятник, как словарь Гесихия, где часть балканских слов среди других негреческого происхождения и диалектных греческих ждет своего выявления и этнической селекции. Необходимо специально упомянуть небольшие коллекции названий дакийских растений у Диоскорида и Псевдо-Апулея. При общей малочисленности и хронологической неоднородности глоссы античных и византийских лексикографов, историков и схолиастов составляют важнейшую группу фактов в силу их специфической семантической определенности и языковой приуроченности.

В связи с особенностями материальной базы позволительно сделать два предостерегающих замечания.

Не следует, во-первых, страшиться многочисленности источниковедческих единиц, их жанрового и хронологического разнообразия при весьма небольшой плотности в смысле наполненности знаменательными для данной дисциплины фактами, так как основная филологическая работа по выявлению балканских языковых реликтов в значительной части проделана несколькими поколениями ученых; относительно далеко продвинута и лингвистическая интерпретация.² Второе наше замечание заключается в предостережении от излишнего оптимизма в представлении о возможностях реконструкции субстратных языков Балкан. Действительно, специфические особенности исходных ономастических данных в лучшем случае допускают восстановление фонетики, набора апеллативных основ и словообразовательных элементов обычного языка, причем лишь в том объеме,

ский ареал с определенными районами, главным образом на Балканах) хорошо показаны в специальной работе: Клепикова, 1973.

¹ Более специально о субстратных проникновениях в болгарский и другие южнославянские языки с признанием особой роли раннебалканского, герр. фракийского, в глотто- и этногенезе карпато-балканского пространства см.: Л. А. Гиндин, И. А. Калужская, В. Э. Орел. К вопросу о составе субстратного фонда языков балканского ареала.— В: Балканские исследования, вып. 7, М., 1981.

² Кратко аннотированную библиографию работ по древним негреческим языкам Балканского полуострова (до 1965—1966 гг.) см. Гиндин, 1967, 9—12, 40—42 и др.; там же некоторые дополнительные сведения, характеризующие состояние материальной базы исследований. Библиографию работ, вышедших позже, см. Гиндин, 1973, 68, прим. 14. Меньше сделано в столь же важной области ретроспективного изучения древней топонимии Балкан, возможно, это связано с малочисленностью сводных работ (словарей), достаточно полно отражающих современное состояние топонимии балканских и смежных территорий. Однако и здесь накоплен немалый материал, облегчающий и стимулирующий дальнейшие исследования ретроспективного плана; имеются в виду труды С. Младенова, Д. Дечева, Вл. Георгиева, И. Дуриданова, И. Заимова (территория Болгарии); П. Скока, Г. Краз, Ф. Безлая, И. Поповича, Р. Катичича (территория Сербии, Хорватии, Словении, Македонии) — довольно полную библиографию работ упомянутых и некоторых других авторов см. Гиндин, 1973, 68 сл., прим. 15; специально разбор отечественных работ послевоенного периода по реликтовым языкам Балканского полуострова см.: Л. А. Гиндин. Античная балканистика в СССР.

в котором они принимали участие в создании ономастики данного языкового субстрата. Нужно считаться, кроме того, с различной, вплоть до очень значительной, степенью расхождения между набором лексем каждого обычного языка и ономастикой, которая обслуживает его носителей (см. об этом Топоров, 1962, 3), например, ономастика Фракии составлена, по крайней мере, из 8 компонентов: собственно фракийского, греческого, фригийского, древнемакедонского (языки Балкан), кельтского, иранского, хетто-лувийского и доиндоевропейского. Целесообразно помнить также, что все это базируется подчас на весьма зыбких корневых ономастических этимологиях. В связи с указанным обстоятельством названия трудов: „Язык иллирийцев“ (Г. Краэ, А. Майер), „Язык фракийцев“ (Вл. Георгиев, В. Нерознак), название нашей монографии „Язык древнейшего населения...“ — следует рассматривать как различной степени метафорические преувеличения. И совсем уже поэтической фигурой оказывается апелляция к фракийскому, герр. дако-мизийскому, субстрату, например, в поисках источника процесса утраты инфинитива в современных балканских языках (Габинский, 1970, 271 сл.), поскольку относительно грамматики и тем более синтаксиса фракийского, как и других реликтовых языков Балкан, нам практически ничего неизвестно: такова специфика материальной базы их реконструкции; подробнее см. Гиндин, 1973, 69.

II. Замечания к методике исследования. Если одна из рассмотренных выше особенностей материальной базы заставляет нас классифицировать античную балканистику прежде всего как самостоятельную отрасль классической филологии, то другая столь же характерная черта источников, выразившаяся в том, что они пока представляют собой в подавляющем числе лишь географические названия, антропонимы и имена богов, с необходимостью включает исследования в области античной балканистики в круг специфических проблем ономастики со всеми вытекающими отсюда последствиями. Подобное утверждение никоим образом не уменьшает важности исследований глосс апеллативной субстратной лексики и интерпретации пока весьма скудного эпиграфического материала на реликтовых балканских языках, в частности фригийских и мессапских надписей.

Много раз обсуждаемые трудности изучения ономастики, вызываемые отсутствием лексического значения в обычном понимании у имени собственного, усугубляются тем, что апеллативная лексика, на базе которой возникла автохтонная балканская ономастика, практически не сохранилась. Это существенно осложняет языковую и этническую атрибуцию материала, лишая исследователя естественной точки отсчета, каковой служит, например, при изучении догреческого ономастического слоя на территории Эллады греческая ономастика, прозрачно соотносимая с исконно греческой апеллативной лексикой. Именно поэтому в решении как чисто лингвистических задач (реконструкция отдельных элементов апеллативного корнеслова, морфемно-аффиксального состава, места отдельных балканских языков в кругу индоевропейских и пр.), так и экстралингвистических (этапы заселения Балканского полуострова, включая распространение славянских племен и, следовательно, этногенез южных и частично западных славян, румын, албанцев, греков; этно-лингвистическая ситуация и этнические связи), т. е. при решении проблем, требующих диахронической стратификации, необходима особо тонкая и осторожная процедура исследова-

дования; ее краеугольным камнем и базой вне всякого сомнения является этимологический анализ в его современном понимании (против без достаточных оснований Откупщиков, 1973, 17).

Утверждая в этом пункте столь очевидную истину, мы тем не менее коснулись в нем, кажется, самого болезненного вопроса для многих занимающихся топонимикой и ономастикой вообще, практикующих в своих работах в лучшем случае сопоставления на уровне топонимических лексем или ограничивающихся формантным анализом, хотя увеличившийся особенно в последние годы поток ономастических работ приводит к неоспоримому, на наш взгляд, выводу, что только этимологический анализ, включающий целый ряд чисто лингвистических операций и предполагающий, по возможности, их полное выполнение, способен оградить от произвольного морфемного членения и коллекционирования фантомов созвучия. Забвение этого положения, как правило, ведет к дилетантизму. Так, печальный опыт работ, устанавливающих единый доиндоевропейский субстрат по всему Средиземноморью на основании омонимии формантов и корневых элементов, встречающихся в этом обширном ареале, не послужил предостережением от абсолютизации формантного анализа при постулировании зеркального тезиса о также едином индоевропейском субстрате в Эгеиде.¹ Однако в настоящее время хорошо известно, что суффиксальные элементы *-ss-*, *-nt-*, *-m-*, *-n-*, *-r-* и пр. широко представлены по всему бассейну Средиземного моря как в индоевропейских языках, так и в неиндоевропейских. Впрочем, еще П. Кречмер и позже сам Вл. Георгиев убедительно показали, что суффиксальные комплексы, содержащие консонантную группу *-ss-/ -tt-*, свойственны множеству топонимов, разнородных в языковом отношении, но относительно равномерно распространенных в Эгеиде и сопредельных областях. Этот тождественный в синхронном плане класс топонимов составляют следующие гетерогенные слои: 1) догреческий доиндоевропейский (тип *Λάρισα*); 2) догреческий индоевропейский, „пеласгский“ (тип *Πάνσος*); 3) догреческий анатолийского происхождения в Элладе и Анатолии: индоевропейский (тип *Αρα(ῶ)ῶσα* от и.-е. **ara-* или *aba-*, Laroche, 1957, № 3) и неиндоевропейский (тип *Πατρασσ(ο)ῶς*) в Анатолии; 4) чисто греческий, содержащий топонимы с суффиксальным элементом *-σσ-/ -ττ-*, появившимся в результате фонетических модификаций в исходе согласных основ перед суффиксом *-ιο-/ -ια-*, например, название демов в Аттике *Κηττοί* < **kāwak-io-* при греч. (ион.) *καῦξ, κυῖκος* „вид морской птицы“; *Σφηττοί* < **sphak-io-* при *σφήξ, σφηκός* „оса“, ср. название комедии Аристофана. Затем можно указать на продуктивный в греческой топонимии суффикс *-ῶσσα, -οῦσσα* < **-ῶ-Ferit-ia*, образовавший географические названия типа *Ἰχθυόσσα*, более раннее название о. Икарос = апеллативу *ἰχθυόσσα* < **ἰχθυο-Ferit-ia* „изобилующий рыбой“; *Ἐχινοῦσσα*, более раннее название о. Кимолос, < **ἐχινο-Ferit-ia* „изобилующий ежами“, ср. местное название мужского рода *Ἐχινοῦς, Ἐχινοῦτος* < **ἐχινο-Ferit-ia*; *Οἰνοῦσσα*, группа из трех островов в Мессенском заливе, < **οἰνο-Ferit-ia* „богатый

¹ О границах и специфике применения этимологической методики в топонимии вообще и догреческой в частности см. в ряде наших работ: Гиндин, 1967, 53 сл., 80 сл. и др.; Gindin, 1969, 237 сл.; ЕРВ 306 сл., 309 сл.: см. нашу полемику с Вл. Георгиевым по поводу лингво-этнической принадлежности критских топонимов *λαβύρινθος* и *Τύλλισος*; кроме того: Гиндин, 1967а.

вином“. Исконно греческое происхождение двух первых апеллятивных основ бесспорно (Frisk I, 745 сл.; 601, соответственно); ср. неудачные попытки Откупщикова (1969, 52) связать словообразовательный тип на *-όσσα, -οῖσσα* с догреческим субстратом.¹ Итак, перед нами по меньшей мере 4 гетерогенных группы топонимов, слившихся в единый синхронный тип. Можно ли при такой сложной с лингвистической точки зрения ситуации игнорировать этимологический анализ корневых основ и ограничиться сугубо формальными сопоставлениями на ономастическом уровне? Не имея более возможности входить в методологические подробности топонимической субстратной этимологии, позволим себе сделать отсылку на цитированную выше специальную работу: Гиндин, 1967а. Заметим лишь, что топонимическая ситуация, подобная рассмотренной на Балканах, встречается повсеместно; недавно это с большой очевидностью для гидронимии Правобережной Украины показал О. Н. Трубачев в своей во многих отношениях образцовой книге: Трубачев, 1968, ср., например, диахронический срез рифмованного гидронимического сегмента *-αβα*, с. 49 сл. и др.; см. еще Трубачев, 1968а.

III. Предмет исследования. Лингво-этническое пространство Балканского полуострова догреческого и парагреческого периодов, подлежащее исследованию в рамках античной балканистики, может быть схематично расчленено на 4 региона.

1. Восток — фракийский язык; на этом языке говорили многочисленные племена (наиболее могущественными среди них были этнические образования бессов и одрюсов), позднее объединенные греками под одним этнонимом — фраки, и занимавшие области между Черным морем, Пропонтидой и Эгейским морем с островами Тасос, Самофракия и др. (район к югу от Дуная), на западе ограниченные реками *Timachus* — *Στενιόβη* (современная Болгария); приблизительно ареал топонимов с *-para* „река“, ср. болг. *бара* „речушка и пр.“² и *-bria* „город“, ср. тох. В *riye*, А *ri* то же.³ К северу от Дуная (современная Румыния и Венгрия к востоку от Тиссы) располагались даки; северо-восток современной Югославии и Добруджу занимали мизийцы, говорившие на дако-(мизийском) языке, являвшемся, по-видимому, северным диалектом собственно фракийского; приблизительно ареал топонимов с *-dava* „город“ (и.-е. *dhēuā* „место“).

2. Запад — иллирийский язык, обслуживавший племенное объединение иллирийцев, населявших до нашествия кельтов Иллирикум (современная Албания), Далмацию и, вероятно, Южную Паннонию (современная Югославия к западу и южная оконечность Венгрии). Согласно Р. Катичичу (Katičić, 1968, 363 сл.), в этом районе обитали родственные им племена далматинцев и паннонцев, а также близкие по языку венецам ли-

¹ Кстати говоря, для нас остается загадкой, каким образом в следовании *-όσσα, -οῖσσα* в рамках греческой ионийско-аттической письменной традиции возможно вычленение догреч. форманта *-σσα*, поскольку здесь на месте зияния могла быть только *F*, регулярно выпадавшая в данном диалекте в дописьменный период. В связи с этим допустима лишь приведенная выше реконструкция *-ó-Fευτ(τα)* = и.-е. именному суффиксу *-cent-*, ср. др.-инд. *-vant-* (Brugmann. Grundriss II, 379 сл.; Kretschmer Einl., 405 и др.). Что же касается форм *Γουόσσα: Γου(ν)οῖσσα* и пр., то эти дублиеты не результат влияния догреческого субстрата, как думает Ю. В. Откупщиков (1969, 53), а одновременные греч. передачи нестяженной и стяженной формы.

² Ср. Трубачев ЭССЯ I, 153 сл.

³ Относительно отождествления *-bria* с тох. *ri* ср. V. Pisani. — KZ 75, 78 сл.

бурнцы и истрийцы, занимавшие маленькую территорию в самой западной части полуострова.

3. Центральнo-южный район — язык древних македонцев, первоначально заселявших область по реке *Ἀλιάκιον* (современная Южная Македония); фригийский язык, до переселения его носителей в Малую Азию распространенный, видимо, в бассейне реки *Ἐρίγυον*, к западу от реки *Ἄξιός* (западная часть современной Македонии); прямые свидетельства Геродота и Евдокса и некоторые лингвистические соображения вынуждают постулировать прародину армян по соседству с фригийцами (см. Гиндин, 1971, 46 сл. с литерат.; ср. Дьяконов, 1968, 204 сл.; 1972); вполне возможно, что вблизи данного ареала следует искать также район распространения отдельных протогреческих племен (Эпир с западными областями Фессалии), послуживший промежуточным плацдармом во время их экспансии на юг Балканского полуострова (Гиндин, 1969с).

4. Юг (все прочие территории Эллады с Критом и другими Эгейскими островами) — „пеласгский“ язык, оказавшийся, по нашему мнению, в генетическом отношении тождественным фракийскому (Гиндин, 1969; Гиндин, 1971); какие-то раннехетто-лувийские диалекты, на которых говорили племена, в части своей определенно пришедшие из Анатолии (специально выявлению анатолийского вклада в догреческой топонимии посвящена упоминавшаяся монография автора: Гиндин, 1967; из новой литературы по проблемам лингво-этнической географии см. Georgiev, 1969, 161 сл.); наконец, приблизительно на рубеже III и II тыс. здесь распространились эллины.

Такова в высшей степени сложная лингвистическая, resp. этническая, картина подлежащего компетенции античной балканистики района по сведениям древних авторов и по предварительным данным ономастики; пространственное членение этого лингвистического пласта хронологической протяженности минимум в тысячу лет, разумеется, следует воспринимать как нечто весьма приближенное, особенно в определении границ распространения языков, поскольку координация противоречивых античных и византийских этнологических свидетельств на уровне письменных источников и по отношению к фактам топонимии пока может быть только сформулирована в виде одной из первоочередных задач, как соответственно и проблема выявления анахронизмов и поздних интерполяций в сведениях древних авторов.¹

Ко всему прочему обрисованная ситуация осложнялась различными языковыми и племенными смещениями и перемещениями, весьма усилившимися в эпоху великих передвижений (последняя четверть II тыс.) и несколькими веками позже; это существенно исказило черты постулированной выше протокарты. Так, на основе исторических, археологических и лингвистических данных установлено, что в первой волне балканской миграции на юго-восток в Малую Азию переселилась основная масса мизийских племен, в XII в. по их следам ушли фригийцы и на рубеже VIII—VII вв. часть фракийских племен, среди которых главную роль

¹ Помимо того, здесь не упомянуты некоторые древнебалканские этносы и языки, достоверно засвидетельствованные в античных памятниках (в частности, у Гомера), но оставившие после себя слишком скудные языковые реликты, например, дарданы, пеоны, мигдоны, киконы, кауконы, кидоны (Крит) и многие другие; о языке пеонов и мигдонов см. специально Duridanov, 1970, 760 сл. (там же, старая литература); 1971, 199: о дарданах см. 230 сл.

играли вифинцы (Dapov, 1969a); предполагается, кроме того, миграция в XII—X вв. в Малую Азию фракийского племени мигдонов (Duridanov, 1971, 205). Все вместе они заняли в поздне- и послехеттской Анатолии обширнейшие территории (север и центр), оттеснив хеттоязычные племена к югу и востоку вдоль побережья. Не подлежит сомнению балканский этнический компонент в троянском племенном союзе. Более того, ниже, в главе V, мы постараемся показать превалирующее значение фракийского этнического элемента в составе населения гомеровской Трои (ср. Kretschmer Einl., 177 сл.). По некоторым нашим данным и соображениям, фракийцы появились на территории Трояды не позднее конца первой четверти II тыс.

В связи с указанным обстоятельством в сфере античной балканистики оказывается лингвистическое пространство Малой Азии с ее многочисленными языками, принесенными с Балканского полуострова, сохранившимися в виде ономастики (поздние надписи имеются лишь на фригийском). Отсюда естественным и необходимым условием прогресса в изучении балканских языков Малой Азии и континентальной метрополии становится в современных условиях всемерное развитие исследований в области хетто-лувийских языков не только позднего, но и раннего периода, частично ассимилированных и существенно потесненных именно выходцами с Балканского полуострова.¹ В дополнение к этому не менее важным фактом является то, что письменно фиксированная и хорошо датированная апеллативная и ономастическая лексика на хетто-лувийских языках дает реальную основу для селекции ономастических реликтов Малой Азии и соответственно Балканского полуострова. Ниже у нас еще раз появится необходимость несколько в ином аспекте указать на важность данных хетто-лувийских языков в целом при реконструкции фракийского языка и вычленении в его ономастике древнейшего слоя.

Однако возвратимся к более интересующему нас сейчас Балканскому полуострову. Уже в предславянский период происходила постепенная, на протяжении всей эллинистической и византийской эпохи (последние века до нашей эры и первые нашей), более языковая, чем этническая экспансия самых авторитетных языков древней Европы, в результате чего центрально-европейские области Балкан были приблизительно на две трети латинизированы и на одну треть грецизированы. Этот процесс в значительной мере растворил туземные языки данного ареала и „смазал“ в трудно уловимой теперь степени более или менее первоначальный топонимический ландшафт, подвергнув неизбежной в таких случаях адаптации сохранившиеся лексемы. Однако почти полное поглощение туземной речи романской и греческой речью коснулось, видимо, лишь обычной лексики, почему, учитывая даже самые оптимистические подсчеты для румынского и албанского, наблюдаются единичные вкрапления апеллативной и субстратной, гесп. автохтонной, лексики в словаре современных балканских языков. Поэтому славяне, заселившие с начала VI в. н. э. обширные территории Балканского полуострова,² столкнулись в зависимости от лингво-

¹ Необходимо считаться и с возможностью противоположно направленных этнических движений из Анатолии на Балканы.

² О более точных датировках колонизации славянами областей к югу от Карпат см.: Л. А. Гиндиш. К хронологии и характеру славянизации Карпато-Балканского пространства (по лингвистическим и филологическим данным). I. — В: Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981.

этнического субстрата (иллирийцы, дакийцы, собственно фракийцы и пр.) с различным, с точки зрения отражения автохтонных языковых элементов, фонетическим, частично грамматическим и, в меньшей степени, лексическим, узусом покоренного населения, что, по нашему мнению, усилило диалектные различия внутри южнославянских языков и наложило на них печать еще большего своеобразия (ср. влияние дакийского на вульгарную латынь римских легионеров); к сожалению, теперь уже нет возможности с достаточной убедительностью определить величину сохранности туземных балканских языков, в частности фракийского, к моменту соприкосновения с основной массой славянских переселенцев. На базе субстратной и субстратной ономастики, а также греческих и латинских надписей с территории континентальной части Балканского полуострова, трудно сделать какой-либо определенный вывод на этот счет,¹ так как достоверных апеллативов пока минимальное количество в нашем распоряжении. Что же касается отдельных случаев восприятия славянами непосредственно туземных (фракийских) форм, например, *Пловдив*, древнее *Ριβρ-διβυ* из фрак. *Pulvideva*, греч. *Φιλίππολις*, ср. лат. *Trimontium*; *Боруй* из негречизированного *Βερόν*, ср. лат. *Augusta Trajana*; *Ибър* от негречизированного *Ἐβρος*; *Мокро* — калька *Ἀλάδαλα*, то они могли быть в ходу и у испытавшего сильную языковую ассимиляцию населения из-за известной консервативности местных названий, успешно конкурирующих с официальными книжными. С приходом славян на Балканах начинается этнически и в некоторых отношениях лингвистически стабильный период, сохранившийся в общих чертах до нашего времени, с той лишь разницей, что славяне заходили далеко на юг, на территорию континентальной Греции и на запад, в область Иллирикума (современная Албания). Помимо того, в предславянский период сюда вторгались кельты, оставившие значительные следы в топонимии и антропонимии (Katičić, 1968, 145 сл.; Beševliev, 1966, 415 сл.; Герасимов, 1971, 39 сл.; Бернштейн, 1973, 31 сл.), а также готы, еще раньше иранцы (скифы), в славянскую эпоху тюрки.

Уже то обстоятельство, что к балканскому региону причастны в той или иной степени множество индоевропейских языков и народов, засвидетельствованных фактами в непрерывной письменной традиции, начиная от Гомера, делает этот район необычайно интересным для исследования с точки зрения культуры в широком смысле слова и прежде всего в аспекте лингвистическом и этногенетическом. Кроме того, благодаря, по крайней мере, еще двум моментам, значение интенсивных разработок в этой области выходит за пределы чисто балканистических проблем, приобретая особую важность для индоевропеистики в целом.

В настоящее время появились весьма веские аргументы в поддержку предположения, что континентальные области Балканского полуострова входили неотъемлемой частью в индоевропейское пространство эпохи распада его диалектного единства, народы же, населявшие эту территорию с древнейшего периода, доступного исследованию: фракийцы, дакийцы, фригийцы, иллирийцы — оказываются там практически автохтонными, ср. Иванов, Тодоров, 1973 а, 24. Этот вывод подтверждается гидроними.

¹ Рассуждения о значительной сохранности, в частности фракийских автохтонных этнических и языковых элементов ко времени и в период славянизации Балкан см.: Бешевлиев, 1965, 62 сл.; Beševliev, 1964, 147 сл.; Геров, 1971, 33 сл.; Михайлов, 1971, 27 сл.; Бернштейн, 1973, 33 сл.; ср. Златковская, 1973.

ческими данными, так как почти все крупные реки указанного района получили теперь убедительные индоевропейские этимологии, выявляя древнейший тип номинации: например, фрак. *Στρονιών*, совр. болг. *Струма*, к и.-е. **sreu-* „течь“, в др.-инд. *śrāvati*, греч. *ῥέω*, праслав. **strujiti* то же, др.-в.-нем. *strōm* „река, поток“; *Pannysis*, *Πάνυσις*, *Πάνας*, к и.-е. **pen-/pon-* „грязь, болото“, в др.-инд. *pañka-* то же, др.-прусск. *pannean* „болото“, гот. *fani* „тина, грязь“ и пр., ср. совр. *Панега*, приток Истра, *Pannonia*; **Isiros*, *Histros* с эпентетическим *t* между *s* и *r* из **is(ə)ro*, в др.-инд. *iśirā-* „сильный, деятельный и пр.“ = греч. дор. *ἰσρός* (**isros*), лещ., ион. *ἰρός* (**isros*), атт. *ἰερός* „мощный, неистовый“, др.-кельт. *Isära*; иллир. *Σαῖος*, *Savus*, совр. серб. *Sava* из **soyo-*, к и.-е. **seu-* „влага, сок“, в др.-в.-нем. *sou* „сок“, англ.-сакс. *seaw* то же, греч. *ῥεῖ* „идет дождь“, алб. *shī* „дождь“ (оба из **sū-*), др.-инд. *sāvana-m*, *savā-* „Kelterung des Soma“, галльск. *Sava*; *Dravos*, совр. серб. *Drava* из **droyo-*, к и.-е. **dreu-*, в др.-инд. *drāvati* „бежит, течет“, гидроним *Dravanti*, галльск. название реки *Druentia*; *Máργος*, совр. болг., серб. *Morava*, из **morgo-*, ср. гидронимы галльск. **Morga* (в франц. *Morge*), нем. *Murg*, польск. *Mroga*, лат. *margō*, *-inis* „край, граница“ (и.-е. **merg'-ōn*) сюда же, согласно О. Н. Трубачеву, вост.-слав. название реки в бассейне Тетерева — *Мурава* (Трубачев, 1968, 51 сл.). При этом многие из балканских гидронимов засвидетельствованы у Гомера, Гесиода, Геродота, Страбона, Плиния, т. е. имеют возраст порядка 35 веков, сохранив в подавляющем числе свою фонетико-морфологическую структуру в современных балканских языках (Georgiev, 1969, 159 сл.). Постулируя автохтонность упомянутых племен в пределах Балканского полуострова, во всяком случае в его восточной части, следует учитывать эволюционную непрерывность археологических культур на протяжении неолита, энеолита и бронзового века, о чем убедительно свидетельствуют раскопки в Караново, Эзеро, Казанлыке и других местах и особо благоприятные здесь условия для оседлого земледелия (лессовые почвы и пр.) и животноводства без кочевого пастушества.

Второе важное обстоятельство, вызывающее интерес индоевропейцев к реликтовым языкам Балкан, заключается в том, что при распаде индоевропейской общности эти языки некогда могущественных народов оказались в центре и.-е. языкового пространства, образовав наряду с балтийскими языками т. наз. центрально-европейскую балтийско-балканскую переходную зону. В связи с этим для современной ареальной и.-е. лингвистики реконструкция фракийского и иллирийского — одна из наиболее актуальных задач. Видимо, к этому ареальному фрагменту и.-е. доистории относятся тесные лексико-ономастические связи балканских языков (иллирийского и фрако-дакийского) с балтийскими языками, и по нашим данным, надо полагать, восточнобалканско-хетто-лувийские. Напротив, балканские связи с прочей „древнеевропейской“ ономастикой могут носить в целом праязыковой чисто генетический характер.

Таким образом предметом исследования античной балканистики является все многообразие лингвистических явлений (как внутренних, так и внешних), относящихся к перечисленным реликтовым языкам, распространенным в пределах балканского ареала и Малой Азии в догреческий и античный периоды.

В неоднократно упоминаемой работе (Гиндин, 1973, 76—78), значительная часть которой воспроизведена в данной главе, предлагается пе-

речь относительно первоочередных тем, составляющих проблематику античной балканистики в собственном смысле.

По целому ряду соображений, выявляемых по мере изложения, одной из самых важных представляется проблема фрако-хетто-лувийских лексико-ономастических отношений, входящая в более широкую тему балканско-анатолийских языковых связей. Ее значение прежде всего заключается в том важнейшем обстоятельстве, что посредством этимологического анализа древнебалканской ономастики в сравнении с ранне- и позднехеттской, гесп. анатолийской, может быть выявлен древнейший из доступных исследованию слой фракийской и, шире, балканской ономастики. Хронологическая гарантия (критерий) древности балкано-хетто-лувийских ареальных изоглосс и одновременно *terminus ante quem* подобных схождений обуславливаются двумя моментами: во-первых, наиболее ранней из всех индоевропейских языков письменной фиксацией хетто-лувийских имен собственных (с начала XIX в. до н. э.) и, во-вторых, тем, что хетто-лувийцы могли покинуть районы Центрально-Восточной Европы, сопредельные северо-восточным областям Балканского полуострова в любом случае не позднее последней четверти III тыс. (ниже об этом подробнее).

В процессе анализа богатого фрако-хетто-лувийского сопоставительного материала совершенно непреднамеренно возникла необходимость изучения специфического пласта фрако-троянских (гомеровских) изоглосс, в подавляющем большинстве отличающихся от коллекции фрако-хетто-лувийских фактов в хронологическом и генетическом отношении своей компактностью и определенностью, при обратном направлении этимологической траектории исследуемых лексем, по сравнению с первым слоем отождествлений, предполагающим либо движение слова от хетто-лувийского к фракийскому, либо равноправное существование сопоставимых лексем вплоть до реконструкции фракийского апеллатива в ареально близких языковых пространствах.

Реконструкция фракийского в ареальном аспекте

Реконструкция фракийского, как и любого другого исчезнувшего языка или языкового слоя (прото- и праязыки), или, наконец, какого-нибудь лингвистического феномена, не засвидетельствованных письменной традицией, равно базируется на сравнительно-историческом методе, который в свою очередь — факт общеизвестный — целиком зиждется на этимологии в современном понимании ее рабочих процедур и задач, сводимых в каждом отдельном моменте к отождествлению лексико-морфологических единиц либо цельных лексем. Однако если этимологическая реконструкция праязыковых форм, использующая материал обычной лексики, resp. фрагментов текста, представляет собой в значительной мере формульное выражение сети соответствий, то для фракийского и прочих реликтовых языков, дошедших преимущественно или полностью в иноязычных передачах имен собственных, реконструкция предстает в качестве вынужденной реальности, получаемой в итоге „дешифровки“ ономастического континуума, организованного по мозаическому принципу и гетерогенного по своей структуре. Именно поэтому весьма важными оказываются в данном случае методологические предпосылки. Как и при обычной дешифровке, здесь многое определяется избранной методикой. Между тем, результаты не могут быть сравнимы: дешифровка текстов, даже таких ограниченных жанрово и коротких, каковыми оказались таблички линейного Б, дает язык в достаточной полноте плана выражения и содержания, в то время как интерпретация ономастикона выявляет факты обычного языка (фонемный состав, фрагмент апеллативного словаря, элементы морфологии, изредка синтаксиса) лишь только в той степени, в какой онамастика их использует. Причем, степень полноты реконструкции каждого языкового яруса, надо думать, изначально предопределена: ее шкала соответствует порядку, в котором эти ярусы только что перечислены. Напротив, в экстралингвистическом плане в силу своей специфики ономастика (топонимия, антропонимия и пр.) может содержать значительно больше информации, например, об этногенезе, племенных контактах, миграциях и т. п., нежели дешифрованные, но фрагментарно сохранившиеся тексты, ср. линейное Б, карийский, ликийский и т. д., с одной стороны, и индоарийская антропонимия в ближневосточных текстах, гомеровская антропо- и этнонимика, с другой.

В реконструкции фракийского можно выделить достаточно условно три этапа, каждому из которых свойственна своя, наиболее широко применяемая в данном случае манера (методика) этимологизации имен соб-

ственных. В целом методы реконструкции, герсп. этимологии, совершенствовались в прямой связи с развитием этимологической науки в сфере обычной лексики.

1. Ортодоксально-генетический. Наиболее распространенная операция: ономастическая лексема → обычная лексема любого индоевропейского языка → и.-е. корень из наиболее авторитетного для своего времени словаря (в настоящее время — словарь Ю. Покорного); ср. В. Томашек, П. Кречмер, Д. Дечев, И. И. Руссу, в какой-то мере Н. Йокль.

2. Комбинаторно-этимологический, применяемый наиболее последовательно Вл. Георгиевым.

3. Ареально-этимологический — в какой-то мере Н. Йокль, В. Н. Топоров, И. Дуриданов и др. Основная процедура: сплошное сопоставление фракийской ономастики с ономастикой и соотносимым с ней апеллативным слоем одного из ареально близких языков, в трудах упомянутых ученых — с фактами балтийских языков. Между первыми двумя достаточно условно разграниченными методиками демаркационная линия отсутствует. Много, если не все, зависело от вкуса, эрудиции и интуиции ученых. Так, много замечательных этимологий принадлежит В. Томашеку, ср., например, повторяемую всеми, нередко без ссылок, интерпретацию гидронима в Западной Дакии *Koίσιος* и пр., современное *Fekete-körös* (название реки в Венгрии), т. е. „Черный Кёрёш“, к и.-е. **krs-*, *kres-* „черный, темный“, ср. скр. *krsnā* и пр. (Томашек II, 2, 100), ср. еще у него замечание об этимологии ΜΗ *Ἐδεσσα*, теперь Воден, в связи с интерпретацией известной фригийской глоссы *βέδν* (Томашек II, 1, 5); несомненно, одна из самых глубоких этимологий Томашека — это истолкование композитной основы *-dava*, *-deva* и пр. приблизительно в 50 топонимах, около двух третей из них на территории Дакии, к и.-е. **dhē-ǵ-*: *dhā-ǵ-*, греч. *δαΐσσω* „сизу“ и пр. (Томашек II, 2, 70; II, 1, 9).¹

В большинстве, как всякая корневая этимология, особенно ономастическая, опирающаяся вынужденно на фантомы созвучия, реконструкции в ортодоксально-генетической манере лишены достоверной однозначности и критериев надежности, ср. ЛИ *Πάρις* (Томашек, Кречмер, Блюменталь, Дечев), *Ἰγνα* (Йокль, Дечев), *Λόχοζος* (Томашек, Дечев) и т. д. Впрочем, имеется ряд этимологически прозрачных случаев, когда мотивация названия достаточно однозначно заключена в характере объекта, ср. *-αλα-*/*-αβα-* в многочисленных гидронимах Фракии, Иллирии и за их пределами, из и.-е. **ǵp-*, в др.-инд. *ap-* „вода“, др.-прусс. *ape* „река“ и пр.: *-ζηνης*, *-zenius*, *-senes* и пр. в большом числе фракийских личных имен, из и.-е. *ǵʰen-*, аналогично греческим композитам с *-γένης*, позволивших эскизно представить фракийскую историческую фонетику.

В настоящее время первые две методики реконструкции фракийского, видимо, в значительной мере исчерпали себя. Известную роль в этом, как ни странно, сыграл бесспорный постулат о равноправности фракийского в кругу и.-е. языков и часто подразумеваемая мысль о гомогенности его ономастики, что совершенно сомнительно, поскольку такое состояние ономастики ни в одном языке попросту не засвидетельствовано (см. выше, с. 12, 13 сл.). Именно эти обстоятельства породили тупик ортодоксально-

¹ Позже для Вл. Георгиева пространственная дистрибуция топонимов с данным элементом послужила основным критерием в географической проекции т. наз. „дако-мизийского ареала“ (Георгиев, 1960, приложение: карта [№ 1]; 1958а, 90 сл. и др. работы).

генетической этимологии, стремящейся во что бы то ни стало возвести каждую фракийскую ономастическую единицу непосредственно к и.-е. корню на праязыковом уровне.

Успехи ареального подхода в этимологии обычной лексики и его особая продуктивность в истолковании ономастикона полно засвидетельствованных языков с необходимостью повлекли за собой распространение методов ареальной лингвистики и на исследование фракийских и других балканских ономастических и редких апеллативных реликтов (Duridanov, 1969; Топоров, 1964; 1973).

Нетрудно заметить, что отсутствие ресурсов внутренней реконструкции постоянно возвращало исследователей фракийского языка, даже таких авторитетных, каким был Томашек, в *circus vitiosus* корневой этимологии, хотя и на этом пути было немало достоверных результатов, примеры чему приводились выше. Чтобы позитивным образом сдвинуть изучение фракийских ономастических остатков в сторону более конкретной реконструкции фракийского: уточнение фонетических характеристик, выявление некоторых элементов морфологии, ареальные связи с этногенетической подоплекой — необходимо было изыскать новые материальные ресурсы для применения сравнительно-исторической методики (следует учесть, что использование метода внутренней реконструкции в „ономастических“ языках крайне ограничено).

Поскольку интерпретация ономастического континуума в условиях утери апеллативного слоя по сути, как уже писалось, является дешифровкой текста на неизвестном языке (ср. Топоров, 1962), она по необходимости должна покоиться на двух методологически обусловленных процедурах: во-первых, на комбинаторном анализе и, во-вторых, на сплошном этимологическом обследовании в аспекте какого-либо ареально близкого языка. Таким полем для внешнего сравнения по ряду причин, из которых наиболее существенными нужно признать наличие множества идентичных фрако- (и шире, балкано-) малоазийских лексем и относительную синхронность их греко-римских передач (многие тождественные или сопоставимые имена собственные засвидетельствованы одним и тем же автором), были избраны хетто-лувийские языки обоих периодов, чья ранняя письменная фиксация ономастической и апеллативной лексики давала дополнительные преимущества и этимологические критерии достоверности по сравнению, скажем, с балтийскими языками. Указанная синхронность или разрыв во времени в любом случае на тысячу лет меньший, чем при письменной фиксации балтийских фактов, отражение сопоставляемых лингвистических массивов в единой и непрерывной, главным образом, греческой языковой традиции с более глубоким прослеживанием полнолексемных совпадений в хетто-лувийских текстах (методика, в известной мере отработанная нами на догреческо-анаатолийском материале, см. Гиндин, 1967) — все это сулило надежность результатов в достаточно удовлетворяющей степени.

Действительно, уже давно было обращено внимание на значительное число балкано-малоазийских тождеств из области ономастики (большая часть материала собрана или отмечена в том или ином контексте в известных трудах К. Паули, Г. Майера, П. Кречмера, А. Фикка, Дж. Бейли.¹

¹ Литература и большое число таких изолексов, главным образом из раздела догреческо-малоазийских, см. в монографии: Гиндин, 1967; обширный список топонимических

Среди них немалое количество фрако-малоазийских омофонических географических названий, см., например (первым упоминается фракийское имя собственное): МН *Ἄργυλος* — МН *Ἄργυλα* (Кария); ГН *Ἄργιβος* — МН *Ἀρίσβη* (Троада, Лесбос, также Беотия); ГН, МН *Ἀσιβος* и пр. — МН *ἐν Ἀσιβία* (исавр.-пис. демотикон); ЛИ *Βουβας*, ср. ЭН *Βύβαι* (Апулия) — МН *Βυβασσος* (Кария); МН *Ἰλιον* (Фракия, Троада), ср. *Ἰλιον κόμη* (Лидия); МН *Ἰδη* (Фракия, Троада, Крит), ср. догреч. *ἶδη* „лесистая гора“, „горный лес“; МН *Καβασσός* и пр. (Фракия, Ликия); МН *Κρησα* — МН *Κρησσω* и пр. (Кария); МН *Καρσός* — МН *Κάρσος* (Киликия); МН *Πακτιή* — *Πακτιής* (гора в районе Эфеса); МН *Πάσσα* — МН *Πασσанда* и пр. (Кария); МН *Πέγραμος*, -ον (Фракия, Македония, Крит, Троада, Мизия); МН *Σαρπηδών* (Фракия, Киликия) и т. п. Имеется также ряд македоно-малоазийских и, меньше, иллиро-малоазийских соответствий, ср. макед. *Βάργαλα* (возможный вариант *Μάργαλα*) — кар. *Βαργύλα* и пр.; макед. (или фрак.) *Σίνδος* и пр. — писид.-памф. *Σίνδα*, лик. *Σινδία* и пр.; иллир. *Ἰσσα*, оно же раннее название о. Лесбос — килик. *Ἰσός* и т. д.

Очевидно, что все эти многочисленные омофонические тождества не могут быть истолкованы каким-либо единым образом: в силу общности ареала (Эгеида, прочие области Анатолии, Апеннинский полуостров) и его этнической дробности они заведомо должны относиться к различным историческим периодам, возникнув в результате также различных обстоятельств (ср. Гиндин, 1969б).

Многовековая греческая колонизация, наличие государства Аххийява (подробнее см. ниже, с. 140 сл.), непрерывные, на протяжении всего II тыс. этнические инвазии с Балкан в Анатолию — три обычно приводимые объяснения — не покрывают во всяком случае тех ономастических, в частности топонимических, соответствий, которые засвидетельствованы не только на уровне греко-римских передач, но имеют соотносимые лексемы в ранне- и позднехетто-лувийской туземной ономастике, в определенном количестве подкрепляемые апеллативными тождествами.

Такое положение дел вынуждает искать условий хотя бы для части балкано-хетто-лувийских, гесп. анатолийских, схождения в ареальных соприкосновениях указанных лингво-этнических регионов в преданатолийский период. По ряду весьма убедительных соображений подобные контакты могли осуществиться где-то в пределах Центрально-Восточной Европы, на территории, сопредельной северо-восточным областям Балканского полуострова. Относительно данной гипотезы достаточно развернуто на лингвистическом материале см. в статье: Гиндин, 1971, 47 сл., где в пользу подобного постулата формулируются 3 аргумента: 1) тенденция

балкано-малоазийских тождеств, в массе своей уже отмечавшихся в литературе, приводится также в недавно появившейся статье: Откупщиков, 1973, носящей более информативный характер и выполненной в рамках методики Паули — Майера (см. указ. соч., с. 6, прим. 3; 17). Уместно указать, что тождество балкано-малоазийских названий, особенно топонимов, весьма последовательно регистрировалось аптичными историками и географами. Кроме того, при известной полезности списков соответствий на уровне топонимов в рамках греческих передач, необходим всесторонний анализ, филологический и по возможности этимологический, каждой изоглоссы в отдельности, чтобы избежать хотя бы привлечения топонимов, появившихся в процессе интенсивной колонизации греками Малой Азии, особенно ее западных и юго-западных областей, о чем только что говорилось (ср. указ. соч., с. 17, где автор совершенно неправомерно выступает против применения этимологического анализа в „ономастических“ языках).

к передвижению согласных в хетто-лувийских языках при проекции в центрально- и северо-восточных областях Балканского полуострова зоны языков, охваченных указанным явлением;¹ 2) следы проникновения сатемной изоглоссы в хетто-лувийские языки (ассибилляция и.-е. *k'* в позиции перед *u*) с эпицентром распространения данного фонетического процесса в арийских языках и его ареальными рубежами в т. наз. „балкано-балтийской древнеиндоевропейской переходной зоне“ (специально об обеих чертах „переходности“ применительно к балканскому ареалу см. Гиндин, 1972а, кроме того, ниже, с. 30 сл.); 3) наличие в хетто-лувийском словаре лексем, восходящих к и.-е. корням, проведенным в языках данного ареала ассибилляцией палатальных, нерегулярно, например, лув. иер. *šurna* „рог“ при ст.-лтш. *sirna* „серна“, догреч.-„пеласг.“ *σέρροι·ἔλαροι* (Hes.) и т. д., но хетт. *kara-war* „рог“ при лит. *kárvė* „корова“ и т. д., что представляется существенно важным в плане высказанной гипотезы о сопричастности хетто-лувийских языков к балканской „переходной“ зоне. В аспекте сказанного чрезвычайный интерес представляет небольшая статья Б. Розенкранца (Rosenkranz, 1966), показавшего близость хетто-лувийской гидронимии к т. наз. „древнеиндоевропейской“, исследованной Краэ, ср. *Wawara*, *We-rija* к и.-е. **uer-/uor-* — *Vara* (Лягурия), *Varia*, ныне *Vaire*, *Veyre* (Франция) и многие другие европейские реки, ср. апеллативы: др.-инд. *vār*, *vāri* „вода“, авест. *var* „дождь“, тох. А *wār*, В *war* „вода“ и др.; *Aršania* к и.-е. **er-/or-* — *Arsia* (Истрия), вост.-прусск. *Arse* (<**Arsia*), ср. хетт. *aršaršura* „strömend, Strom“, *Hapurijata*, *Hiššašhapa* (к первому компоненту ср. европ. *Eisa*, *Isara*) — хетт. *ḫap-* „река, поток“ от и.-е. **ab-*, ср. лат. *amnis* < **abnis*, лит. *Abista*, лтш. *Abava*, в Британии *Abos*, фрак. *Ἄβα* (имя нимфы), МН *Záldala*, *-aba* из **g'hel-d-aba/-apa* „желтая вода“, *Ἄλιδαυός* (Троада, Фтиотида) < и.-е. **apa-danu-* „вода-вода“², ср. др.-прусск. *ape* „река“, осет. *don* „река, вода“ (ср. Гамкрелидзе, Иванов, 1972, 21).

Высказанные соображения в пользу гипотезы относительно преданатолийского ареала хетто-лувийских племен на территориях, примыкающих к Балканскому полуострову с северо-востока, могут, по нашему убеждению, быть подтверждены и более однозначно толкуемыми фактами из области обычной лексики. В этом плане нам представляется перспективным ареально-этимологический анализ исключительных хетто-арийских, по преимуществу хетто-древнеиндийских, изолексов из сферы „технической“ терминологии, с учетом подобных общностей из менее специализированных разделов лексики (коллекцию последних см. в кн. Gustani, 1968, 55 сл.; Гиндин, 1975, ср. Гиндин, 1972, 284). Опасение, что подавляющее число интересующих нас в данном аспекте терминов, таких как хетт. *hišša-* „дышло (повозки?)“: др.-инд. *iṣā* „дышло военной колесницы“, хетт. *turija-* „запрягать“: др.-инд. *dhur* „запряжка“, хетт. *warša-* „дождь, роса?“: др.-инд. *varṣā-* „дождь“, хетт. *tapašša-* „лихорадка“, („жар“?), „какая-то болезнь“: др.-инд. *tapas-* „жар“ и некоторые другие, заимствованы от переднеазиатских арийцев, отпали после углубленного изучения

¹ Ср. Гамкрелидзе, Иванов, 1972, 15 сл.

² Отсутствие следов ларингала в данном топониме, обычно отражаемом в греко-малоязычных передачах через *χ(γ)χ* (см. с. 41) с большой долей вероятия (исключает его хеттское происхождение; сравнительно позднее засвидетельствование *Ἄλιδαυός* в Троаде (Деметрий и Тимосфен у St. V., s. v. *Ἄπια*) может служить косвенным подтверждением высказанной мысли.

всего комплекса проблематики, связанной с пребыванием арийцев в Передней Азии (определенно с XVI—XV вв. до н. э., если не ранее). Сверх этого выявились еще два существенных момента: во-первых, арийские вкрапления в языках Ближнего Востока оказались индоарийской ориентации, единичные же проникновения в хеттский опосредствованы хурритским; менее 10 апеллативных реликтов, обнаруженных в хеттоязычных текстах, ограничены трактатом Киккули и имеют за небольшим исключением глоссовый характер; во-вторых, столь раннее историческое появление обособленных индоарийцев, возможно, в правление вавилонского царя Самсуиллунаса (по новой датировке 1740 г.), недвусмысленно свидетельствует о раздельном существовании индоарийских и иранских диалектов по крайней мере к концу III тыс. (подробно о проблеме переднеазиатских арийцев см. Гиндин, 1972; ср. Gindin, 1972b); относительно возможности иранских специфических связей с языками Европы, в частности италийскими, в древнейший период см. Абаев, 1965).

Таким образом, в итоге обозначилось одно из самых правдоподобных объяснений причин возникновения хетто-индоарийских общностей из области лексикологии: они могли появиться в результате ареальных контактов хеттов и арийцев в степных областях к северу от Черного и Каспийского морей, где эти этнические группы располагались в преданатолийский и прединдийский период, после распада индоевропейского единства; для постулирования арийцев на данных территориях большую важность представляют арийские заимствования, общие индоиранские (общеарийские) и порознь, в угро-финских языках, особенно западно-финских; суммарный перечень индоевропейских, главным образом, индоиранских заимствований в угро-финские языки, помещен в словаре Б. Коллиндера (Collinder, 129 сл.); помимо того, см. Joki, 1970; из более ранней литературы, библиографию которой см. также в кн.: Иллич-Свитыч, 1971, заслуживает особого внимания, кроме известных работ В. Якобсона, статья: Kalima, 1936, 199 сл.; из новейших работ следует особо отметить статью В. И. Абаева, специально рассмотревшего большое число финно-угорских заимствований из арийских языков наряду с другими доводами в пользу весьма правдоподобной гипотезы о реальном существовании индоарийской и иранской общностей еще в пределах их прародины в Юго-Восточной Европе (Абаев, 1972, 27 сл. с литерат.). Вероятность высказанной гипотезы находит поддержку в возможных следах индоарийской топонимики на юге России, изученных П. Кречмером в серии работ (Kretschmer, 1926, 1928, 1928a, 1944; против с серьезными, но излишне гиперкритическими аргументами, однако требующими дополнительной проверки: Eilers, Mayrhofer, 1960, ср. Абаев, 1972, 30, раздел II).¹

В аспекте предполагаемых контактов хетто-лувийских языков с индоарийскими в степных районах к северу от Черного моря с тем, что первые располагались в западной части данного ареала, чрезвычайно поучительным оказалось этимологическое истолкование первой в помещенном выше перечне хетто-лувийских исключительных изоглосс (Изучению всего перечня мы намереваемся посвятить особую работу).

¹ Новое подтверждение проницательных идей Кречмера содержится в работах О. Н. Трубочева (Трубочев, 1975 и др.), посвященной реконструкции синдо-меотского языка (Вост. Причерноморье), восходящего непосредственно к индоарийским диалектам на юге России.

Как исконно индоевропейское (Erbwort) хетт. *hišša-* интерпретировал Ф. Зоммер (Sommer, 1949, 161 сл.; ср. Laroche, 1949, 37 сл.), в том же качестве оно неоднократно привлекало В. В. Иванова (Иванов, 1957, 3 сл.; 1965, 11 и др. работы). Это мнение в настоящее время готов поддержать М. Майрхофер (Mayrhofer, 1965, 254) после значительных колебаний и вопреки многим своим работам, в которых он рассматривал хетт. *hišša-* как заимствование из др.-инд. *iśā* (Mayrhofer Wb. I, 97, 558; 1964, 185). К числу непосредственных проникновений из древнеиндийского в хеттский отнес данную хеттскую лексему Х. Кронассер в обеих своих сравнительных грамматиках хеттского языка (Kronasser, 1956, 43, 224, 253 сл.; II, 144); к утверждению Х. Кронассера присоединился Я. Фриск (Frisk II, 356). Категорически высказавшись против идеи о заимствовании и приведя ряд иранских соответствий, Е. Бенвенист как будто склоняется к мысли об исконном родстве интересующих нас слов (Benveniste, 1962, 14): ... et l'accord de l'indo-iranien et du hittite révèle ici un terme de la plus ancienne technologie; его мысль конкретизируется в свою очередь А. Камменхубер в ареально-изоглоссном плане (Kammenhuber, 1968, 184 сл.; ср. 1961, 50): автор за такими характерными „культурными“ словами, как *hišša-*, и *turija-*, оставляет возможность восходить ко времени контактов хеттского с арийским в районах севернее Кавказа; это, как мы постараемся показать ниже, является наиболее приемлемым и реалистическим.

Лексический материал морфологически и семантически распределяется следующим образом.

И.-е. **Hois* — полная дифтонгическая ступень (ларингал восстанавливается по анализируемому ниже хетт. *hišša-*).

Иран. **aiša-*: авест. *aēša-* „плуг“, н.-перс. *xēš* „плуг“, „лемех“, кашани *iš* то же (Bartholomae, 32), вахан. *yišəḱ* „ручка плуга“ (Morgenstierne, 555a); праслав. **ojes-*: продолжения этой основы по своей семантике группируются весьма характерным образом: только в балканском ареале и Полесье данный термин, помимо дышла различных запряжек, может обозначать, аналогично иранским языкам, части плуга или сохи, обычно „дышло“, *resp.* „грядиль“ — болг. *ойще, войще*, с.-хорв. *oje* (также „дышло у телег с волами“), словен. *oje* (при *oje* „лемех“ и *oje, -ęsa* „дышло“ и др.); в прочих областях славянского мира (запад и юго-запад европейской части) засвидетельствовано: „дышло воловьего воза“ — блр. *войўé* (при полесск. *vujé* „основная деревянная часть сохи“, т. е. „грядиль“ — Л. Г. Лексика Полесья. М., 1968, 95), укр. *viïa* (при *viïце* и др. о дышле плужной запряжки), ср. русск., только тверск. *воѣ* „дышло у телеги для запряжки в ярмо“; затем „дышло вообще“ — чеш. *oj, -e, voj, -e* (кроме того, „рулевое весло“), польск. *oje, woje*¹; греч. *οἶαξ, οἶακος* „рукоять кормового весла“, „ярменное кольцо“, „ярмо, снабженное кольцами“, *οἶήιον* „кормовое весло“ (<**oisā-* — Frisk II 356); финск. *aisa* „дышло“, „оглобля“, „ручка вил“ и пр., морд. *ažja* „дышло“, „оглобля“ (Collinder, 129; эрз. *ažje* то же; ср. еще эст. *ais* „оглобля“ и пр.) скорее заимствовано из иран. **aiša* (Mayrhofer, 1965, 254; 1964, 186 с литератур.), нежели из балт. **aisō* или **aisa* (Fraenkel I, 3, s. v., *ailē*), где приведены лтш. *ielek(s)i* „Femer-

¹ При сборе славянского материала, кроме известных словарей по отдельным славянским языкам (диалектных, литературных и этимологических), автором использована карта сектора этимологии и ономастики ИРЯ АН СССР.

stangen am Pflug“, лит. *ielek(s)tis* „дышло деревянного плуга и пр.“¹, ср. значение восточно-финских форм; в то же время финск. *oja, ojas* „Deichsel am Cabelpflug“, по всей вероятности, заимствовано из общеарийского (и.-е. **ojes-*) в период до перехода индоиран. *o* в *a*, но когда во 2-ом слоге *e* уже перешло в *a* (Kalima, 1936, 203).

И.-е. **His-* — ступень редукции.

Вед. *iṣā* (* < *Hiṣā*) „дышло“, встречается в Ригведе трижды; два раза речь идет о легкой боевой колеснице *rātha-*, причем, один раз — о повозке, запрягаемой быками. Рассмотрим подробнее эти случаи, поскольку они являются древнейшими, если не самыми древними, детальными письменными свидетельствами об устройстве колесных средств перевозки и боевых колесниц, небезразличными и для дальнейшего изложения. RV VIII, 5, 28—29: *rāham hiraṇyavandhuram hiraṇyabhiṣum aṣvina | ā hīsthātho diviṣpriṣam | huranyāyū vām rābhīr iṣhā ākṣho hiraṇyayaḥ | ubhācakrā hiraṇyā* || „в колесницу золотоместную, с золотыми вожжами, доходящую до неба, водружайтесь Ашвины; золотой у вас валек,² дышло, ось золотая, *оба колеса* золотые“; в RV X, 135, 3 из-за метафоричности этого отрывка не сообщается количество колес, но содержится важное указание на то, что *rātha-* имела одно дышло: || *yām kumāra nāvam rātham acakrām mānasākriṇoh | ēkesam viṣvātaḥ prāñcam* „которую, о мальчик, новую колесницу, бесколесную, мыслью ты сделал, *однодышловую*, во все стороныдвигающуюся“. Напротив, в RV III, 53, 17 явно говорится о более тяжелой, запряжке, бычьей, обычно называемой *āna-*: *sthiraū gāvau bhavataṃ vīlūr ākṣho mēshā vī varhi mā yugām vī śāri indrah pātalye dadatam śāritor āriṣṭaneme abhi naḥ sacasva* | „Надежными быки (оба) да будут, крепкой ось (да будет), да не оторвется дышло, да не сломается ярмо, пусть предохранит Индра от поломки *две опоры* (?);³ ты, у которого ободья никогда не повреждаются, сопутствуй нам.“ Итак, в противоположность иранским языкам, *iṣā* в Ригведе обозначало только дышло повозок, как и в классическом санскрите, наряду с далеко ушедшими смысловыми эволюциями „доска на кровати“, „мера длины“ (Böhtlingk I, 214),

Рассмотренной др.-инд. лексеме в формальном и, видимо, семантическом отношении (ср. только что истолкованный отрывок) полностью адекватно специально интересующее нас в данном случае хетт. *ḫiṣša-*, что впервые было отмечено Х. Оттен (H. Otten в предисловии к KUB XXXIV, с. II, ср. Sommer, 1949, 161; см. также Otten, 1950, 121; ср. Kammenhuber, 1968, 191. Наличие *ī* в др.-инд. *iṣā*, вместе с рядом других примеров, послужило отправным пунктом для гипотезы, высказанной недавно В. В. Ивановым о том, что утрата ларингала, кроме обычно признаваемого удлинения предшествующего гласного или сонанта, могла вызвать и удлинение последующего гласного и сонанта. В семантическом отношении дело обстоит несколько сложнее, так как хетт. *ḫiṣša-* засвидетельствовано в немногочисленных астрологических контекстах, плохо сохра-

¹ В интерпретации финских форм Френкель ссылается на упомянутую статью: Kalima, 1936; ср. Toivonen, 10.

² Относительно значения *rābhī-* см. Grassmann, 1148: ein Teil des Wagens, wahrscheinlich Zugscheit, an welchem die Stränge angeknüpft werden.

³ У Грасмана *pātalye* (dual.) оставлен без специального толкования (см. Grassmann, 805); в этом месте мы следуем переводу Гельднера.

нившихся и потому фрагментарных и не достаточно ясно толкуемых. Например, в KUB XXIV, 16 II 7¹, собственно говоря, имеется в виду созвездие Большая Медведица, которое хеттами, как и некоторыми другими народами, представлялось в качестве большой четырехколесной повозки с дышлом (ср. нем. *Grosser Wagen*, фриг. (Hes.) *κίχλην τὴν ἄρκτον τὸ ἄστρον, Φοῦγες*): ^{GIS} MAJR GÍD. DA-as ^{GIS} hi-iš-ši „на дышле повозки“ и двумя строками ниже ^{GIS} MAR. GÍD. DA 4 hu-ur-ki-uš „четыре колеса повозки“. Однако этого вполне достаточно, чтобы представить себе семантику хетт. ^{GIS} hišša- обозначающего деревянное дышло четырехколесной (тяжелой) повозки.¹

Приведенные лингвистические факты в совокупности с рядом соображений реального порядка весьма очевидно свидетельствуют, что первоначальным значением анализируемой индоевропейской лексемы было „плуг, градиль, дышло плуга“, затем, видимо, уже „дышло повозки, ярмо“. В древнеиндийском, в противоположность иранскому, и в хеттском — налицо формальная (ступень редукции) и семантическая (только дышло повозок) инновация, выразившаяся, между прочим, и в специализации (сужении) значения, ср. семантику финских форм при довольно вероятном заимствовании из иранского. Таким образом, здесь перед нами типичная ареальная инновация, возникающая в двух пространственно близких языках или даже заимствование из древнеиндийского в хеттский. Следует заметить, что на диалектном индоевропейском уровне принципиальное различие между ареальной лексемой, представляющей собой технический термин, и заимствованием трудно уловимо. В свете сказанного выше о вероятной причастности хеттского к балканскому ареалу важнее другое: как раз языки, в настоящее время распространенные на Балканах — южнославянские, наряду с иранскими, часть которых еще в предславянский период занимала сопредельные территории на юге России, сохранили самые архаические значения и.-е. **Hois-*: *His-*, вместе с интенсивно проявляемой словообразовательной продуктивностью на протяжении длительного времени (ср. словенский и болгарский), на фоне явного затухания первоначального значения и продуктивных потенций данной лексемы по мере удаления от балканского региона (ср. украинский, русский, польский, чешский). Поэтому мы склонны именно в балканском ареале и соседних районах к востоку (Триполье и пр.), с неолита отличавшихся высоким уровнем оседлого земледелия, постулировать эпицентр распространения интересующей нас лексемы, герсп. реалии. В то же время хетты и индоарийцы, покинув степные пространства к северу от Черного и к северо-западу от Каспийского морей и попав в иные культурно-исторические условия (длительные кочевые миграции, сопряженные с интенсивным развитием коневодства, более широкое хозяйственное и военное использование лошадей, новые места обитания, с обязательным в связи с этим лингвоэкономическим влиянием туземного населения и т. д.), закрепили свою семантико-морфологическую инновацию („дышло повозок“). И действительно, в древнеиндийском плуг имел другие названия, например, *síram*

¹ Типологические параллели см.: Вяч. Вс. Иванов. Древнебалканский и общееиндоевропейский текст мифа о герое-убийце пса и евразийские параллели. — В: Славянское языкознание. М., 1977, с. 211.

от глагольной основы *sī-* „вести прямую линию“ (Grossmann, 1521; Maughofer Wb., Lief. 23, 476).

Итак, взяв за хронологическую и пространственную точку отсчета обособленный внутри индоиранского мира индоарийский протодиалект, датируя распространение его носителей на юго-востоке России к северо-западу от Каспийского моря в худшем случае началом II тыс. до н. э. (Гиндин, 1972, 315; ср. Абаев, 1972, 36: первая половина II тыс. до н. э.) и приняв во внимание другие выдвинутые выше критерии (тенденцию к передвижению согласных, затронутость действием изоглоссы сатем, хеттоарийские, преимущественно древнеиндийские исключительные изолексы и пр.), правомерно постулировать преанатолийский ареал хетто-лувийских языков в непосредственной близости к балканской, герп. балтийской древнеиндоевропейской переходной зоне. Учитывая, кроме того, некоторые другие данные (например, промежуточное положение хетто-лувийских языков в аспекте ареальной дистрибуции и.-е. диалектов, выразившееся в существовании, главным образом, в области словаря изоглосс, сближающих хеттский с западноевропейскими языками, итальяскими и германскими, при более тесных связях с языками восточноиндоевропейского ареала— Гиндин, 1971, 47 сл. с литерат.; ср. 1972, 284), можно конкретизировать эту мысль, поместив носителей хетто-лувийских языков преанатолийского периода на территориях, сопредельных Балканам с северо-востока. Нижней хронологической границей пребывания хеттов в указанном районе следует считать начало распространения в балкано-балтийской зоне сатемной изоглоссы, успевшей коснуться хетто-лувийских языков лишь в незначительной степени; в начале II тыс. до н. э. хетты уже засвидетельствованы письменными памятниками в Анатолии (каппадокийские таблички XIX в. до н. э.; см. Гиндин, 1971, 51, 53).

Именно в данном ареале должны были осуществиться специально интересующие нас хетто-протофракийские лингво-этнические контакты, реализовавшие ряд анализируемых в IV главе хетто-лувийско-фракийских изоглосс из числа позволяющих индоевропейские этимологии. Вместе с тем, мы достаточно далеки от упрощенного взгляда на возникновение подобных тождеств (даже в области топонимики) в качестве обычного заимствования, герп. пережитка, вследствие пребывания хетто-лувийцев на восточно-балканских территориях, что принципиально не исключено (субстратно-суперстратные отношения).¹ Нам кажется более целесообразным скорее настаивать здесь на широко простирающихся ареальных взаимодействиях хетто-лувийских языков с протофракийским во второй половине III тыс. до н. э., подкрепляемых генетической близостью контактирующих языков.

¹ Вопрос о путях хеттов и лувийцев в места исторического обитания, который мы склонны были подспудно решать в пользу балканского пути, во всяком случае отнюдь его не исключали, ср. Гиндин, 1971, 47, прим. 21; Дьяконов, 1968, 25 сл., осложнился нашими наблюдениями о практически полном отсутствии топонимики хетто-лувийского происхождения в Северо-Западной Анатолии: по данным гомеровских поэм и даже свидетельствам более поздних источников (см. ниже, с. 164).

Черты древнебалканской индоевропейской переходной зоны в фонетике фракийского языка

Эта небольшая глава предпослана основным частям работы с единственной целью заострить внимание на некоторых фонетических характеристиках фракийского, которые, отличая нашу концепцию фракийской исторической фонетики от распространенных представлений о ней, обуславливают в то же время отдельные этимологии и некоторые общие принципы реконструкции фракийского, излагаемые в данной монографии. В целом фракийская фонетическая система описана и разработана детально, вплоть до избыточных частных, постулируемых *ad hoc*, в следующих широко известных трудах: Jokl RV XIII; Дечев, 1952; Георгиев, 1958, 112 сл., 133 сл.; 1960, 76 сл.; Georgiev, 1961, 5 сл. и многие другие работы последнего (с разделением на собственно фракийский и дако-мизийский); Duridanov, 1972, ср. Russu, 1959; 1969, 162 сл.; см. также строго выполненный труд: Mihailov, 1943, ср. Гиндин, 1971, 45 сл.

Наши коррективы касаются двух фундаментальных моментов: проявления сатемной закономерности и т. наз. „передвижения согласных“. Базируются эти уточнения частично на прозрачных этимологиях исконно фракийского материала, затем (в отношении „передвижения согласных“) на варьировании греко-римских передач одного и того же имени собственного и, главным образом, на фактах внешнего сравнения, предоставляемого анатолийскими и балтийскими языками. Суть предлагаемых уточнений заключается в следующем.

Фракийский язык, подобно другим языкам древнеиндоевропейской балканской, гесп. балтийской — относительно изоглоссы сатем, переходной зоны, недостаточно регулярно, особенно в части „передвижения согласных“, реализует обе закономерности.

Действительно, в фракийском наблюдается довольно много лексем, содержащих неассибилрированный индоевропейский палатальный, см. МН **Argilos* ~ *argilos* „мышь“ к и.-е. **argʰ-* „блестящий, белый“ (D., 22 сл.) при ГН **Arzōs*, *Arzos*, *Arsus* < и.-е. **argʰos* либо из фрак. *Argios* (D., 24); МН *Βέρογα/-η*, *Βερούπολις* и т. д. к и.-е. **bherǵʰh* „высокий и пр.“ (D., 51 сл. подробнее см. с. 112) и т. д.

Отсутствие сдвига (передвижения) в артикуляции смычных согласных также может быть проиллюстрировано рядом примеров, см. *-apa*: *-aba* в гидронимах и топонимах к и.-е. **āp-* „вода“, „река“ либо и.-е. **ab-* то же (D., 19); МН *Μηχύ-πετρα*: *Μηχύ-βετρα* (D., 302 сл.; подробнее см. с. 97 сл.); ЛИ *Γουδίλας*: *Κουτίλας/-ης* (D., 265): *Κοθήλας* (= *Gudila*) (D., 249); *Λενδου-*

Δεντον-, -δενθης, -dentes наряду с *ζενθες* в личных именах, к и.-е. **g'ent(i)* „род и пр.“ (D., 125) и т. д. Что же касается фракийских лексем, определенно заимствованных из хетто-лувийских языков или параллельно образованных от родственных фрако-хетто-лувийских апеллативных основ, не осуществивших передвижение согласных, то их достаточное количество рассмотрено в IV главе, ср. фрак. ЛИ *Τορκος*, герс. *Torkos* и т. д., при хетт-лув. ТН *Tarhu-* (см. специально № 2); фрак. ЛИ *Τια-μαους* при лув. ТН *Tiw-att-* (см. специально № 3) и др. Балтийский ономастико-апеллативный материал, соотносимый с фракийским, в этом смысле еще более показателен, так как в балтийских языках нет малейшего намека на возможность „передвижения согласных“, см. фрак. МН *Γινουλα* (мн.) ≈ балт. ГН *Ginulle*, (Duridanov, 1969, 24); фрак. МН *Κουρπιος* ≈ лит. МН *Kurpu kaimas*, *Kurpès kaimas* и пр. при лит. *kurpti* „копать, рыть“, праслав. **krpati* в русск. *корпать* „ковыряться“ и пр. (Duridanov, 1969, 41); фрак. МН *Palae* ≈ лит. ГН *Palėja*, *Palà*, *Palèa* и пр., лтш. *paļas paļi* „болотистый берег озера“, лат. *palus* „болото“ и т. д. (Duridanov, 1969, 53); фрак. МН *Palma* ≈ лит. ГН *Palminys*, МН *Palmajos kaimas* и т. д. при лит. *pālios* (мн.) „большое болото, трясина“ и пр. (там же); много примеров фрако-балтийского тождества смычных см.: Топоров, 1973.

По нашему мнению, подобное состояние фракийской фонетики определяется упомянутым выше статусом „переходности“, характеризуемым прежде всего затуханием обеих изоглосс по мере продвижения с востока на запад: действительно, фракийский более сатем, чем кентум; в иллирийском наблюдается противоположное положение; македонский и фригийский занимают промежуточное положение; аналогично обстоит дело и с „передвижением согласных“, с той лишь разницей, что в иллирийском нет никаких следов действия данной закономерности (см. специально: Гиндин, 1972а).

Значение предлагаемых корректив к фонетической системе фракийского языка трудно переоценить, поскольку в свете изложенного деление на собственно фракийский и дакийский главным образом по наличию в первом и отсутствию во втором „передвижения согласных“ (Георгиев и вслед за ним многие другие) представляется достаточно искусственным. Впрочем, хронологически различные варианты не исключены.

Два последних замечания касаются специфики греко-римских передач, возможно, отражающих определенные особенности произношения некоторых фракийских звуков по отношению к греческому и латинскому.

Греко-римские передачи фракийских имен собственных часто варьируют глухие аспираты *φ, θ, χ, ph, th, kh* с простыми глухими *π, τ, κ, ρ, t, c*, см.: ЛИ *Πιτταχός: Πιτταχος* (D., 371) *-κενθος, -centhus: -κεντιος, centus* и пр. в личных именах (D., 239); ЛИ *Θραξ: Θραχς, Thrax: Trax* и пр. (D., 209); *Αἰλαορχηνος: Αἰλαορχηνος* — эпитет Аполлона и *θεὸς μέγιστος* (D., 34; Mihailov, 1943, 65 сл.), из чего можно сделать предположение, что в фракийском аспирация осуществлялась с меньшей силой, чем в греческом (см. Дечев, 1952, 6 сл.); нередко отмеченное явление принимается неправоммерно за элемент „передвижения согласных“.

И второе. Большой разницей, не поддающийся какой-либо строгой систематизации, наблюдается в передаче *Ϸ* (греч. *F*) в различных позициях.

В аналауте перед гласным *Ϸ*, в противоположность ионийско-аттическому диалекту и греческому койне, обычно сохранялось, транскрибируе-

мое посредством β или σ , см. *Βετ-εσλιος*, *Οὐετ-εσλιος*, *Οὐτ-ασλιος* — эпитет Хэроса (I компонент из и.-е. **ced-*: *ud-*; D., 56, 349, Дечев, 1952, 20, подробнее см. с. 135 сл.); более старые литературные памятники могли анлаутное ζ не фиксировать в соответствии с правилами ионийско-аттического диалекта, например, МН *Ἰδη* (Hdt.), *Ἰδακος* (Thuc.) (D., 214) при МН *Βιζύη* (Strab.) и пр., *Βιζώνη* (Strab.) *Vizzo*, *Vizzonis* (Prob. Gramm. lat.) и пр. (D., 61), и.-е. **uidhūā/ō-*; подробнее см. ниже с. 94 сл.

В интервокальном положении ζ либо передавалось через σ , β , лат. *v* (= *u*), *b* см. *-δαινα*, *δαινον*, *-δαβα*, *daba* и т. д. „город“ в топонимах, и.-е. **dhēua* „место“ от **dhe-* „ставить“ (D., 121 сл., Дечев, 1952, 20; Гиндин, 1973, 72 и мн. другие), либо — и это весьма часто — бесследно исчезало как в греческой, так и в латинской передаче, ср. ЛИ *Τια-μαονς* (D., 502), МН *Tiutiamenus vicus* (D., 507) (элемент *Τια-*, *-tia-* из **tiça* ≈ лув. ТН *Tiw-att-*, подробнее см. с. 49 сл.) и др.

Однако некоторые косвенные данные, например, параллельные латинские фиксации указывают на произношение интервокального ζ в фракийском оригинале, ср. МН *Ναϊσσος*, *Ναισοῦ-πολις*, *Naissos*, но лат. *Navissum/-us* (D., 326; Дечев, 1952, 20), ГН *Νοης* при лат. *Novas* (D., 332); весьма характерен пример греч. передачи дак. глоссы *διέσ-εμα* (I компонент из **diçes-*) — название растения, заимствованное, вероятно, южнославянскими языками в виде *divizma* (см. ниже, с. 44 сл.); надо полагать, что в фракийском, подобно греческим диалектам, интервокальное ζ слабо артикулировалось и поэтому часто иноязычными, особенно греческими, передачами не отмечалось. Сравнение с греческими транскрипциями иранских, в том числе скифских, имен собственных, в целом современных фракийским, вполне определенно показывает, что при достаточно сильной артикуляции интервокального, а также анлаутного ζ , за единичными исключениями, оно фиксировалось греческими литературными источниками, несмотря на тенденцию к выпадению в самом греческом, чему в словаре Юсти (см. Justī) и в известной работе Фасмера (Vasmer, 1923) содержится множество примеров.

Таким образом имеются все основания думать, что фракийский сохранял ζ во всех позициях (прочие нюансы см. Дечев, 1952, 20 сл.) — вывод чрезвычайно важный для реконструкции первоначального облика фракийских имен собственных.

Фрако-хетто-лувийские изоглоссы

1. Ἀρμοληνή — эпikleза Геры (Mihailov IV, 2003, район Софии, D., 25) ~ лид. ЛИ *Armāvli-*, possessiv на *-li-* от лид. ЛИ **Armau-* (Gusmani Wb., 61), которое несомненно восходит к хетт.- лув. *Arma-* — бог луны, на апеллативном уровне „луна, месяц“ (Goetze, 1954, 76; Laroche Dict. 31; 1947, 80; 1960, 193 сл. и др.; Heubeck, 1959, 31 сл.; Houwink, 1961, 131 сл. с литерат.); притяжательные прилагательные с суффиксальным элементом *-li-* очень продуктивны во всех хетто-лувийских языках (хетт. *-al(l)i-*, лув. кл. *-alli-*, пал. *-alla-*, лид. *-li-* и пр.), ср. аналогичную морфему в других индоевропейских языках (см. Иванов, 1963, 134; Gusmani Wb., 36 сл.), в частности фракийскую морфему *-al-*, о которой специально Georgiev, 1971; *Arma-* в качестве ономастической основы необычайно распространена в ранне- и позднеанатолийских языках, главным образом в лувийском клинописном и иероглифическом и соответственно ликийском и писидийском, ср. хетт., лув. иер. *Arma-datta* (L., № 138) = лик. *Ερμαδατης* (S., 73), лув. иер. **Arma-tuwa* (L., № 133), хетт., лув. иер. **Armanani* (L., № 134) = лик. *Ermmenēni* (Houwink, 1961, 133), Ἐρμενηνης (Sundwall. Nachtr., 20), кибюр. Ἀρμοννας (S., 74) и пр., хетт., лув. иер. *Armapija* L., № 135) = лик. *Αρμαπιας, Ερμαπιας* (S., 74), хетт., лув. иер. *Armaziti* (L., № 141) = лкн. [A]ρμασητας (Zg., 381, прим. 60), лид. *Arma-* (Gusmani Wb., 61 сл.); в анлауте приведенных греко-малоазийских ЛИ отражено обычное позднехетто-лувийское чередование *a:e* при старом анат. *a* (Neumann, 1961, 39 и др.; Гиндин, 1967, 110 и др.).

Исход основы *-ovl-*, вычленимый в фрак. Ἀρμοληνή, свойствен также анализируемым ниже фрак. *Τορκουλ-ας* (с. 40) и *Θιουλ-πος* (с. 64 сл.). Помимо того, интересующее нас фрак. Ἀρμοληνή включено в достаточно многочисленную группу ономастических лексем, содержащих *-λην-* (муж. р. *-ληνός*), которые все, за исключением двух чистых этниконов, суть этника-эпитеты богов: Ἀρδιληνός — этникон, Ἀρσιληνός — эпитет Сабадзия, Ζερκληνή — комархия, видимо, этникон неясного происхождения, ср. Ζέρκων — скиф. ЛИ времен Атиллы (Р.-В. I, 440), Κερμιλληνός, Κυρμιλληνός — эпитет Аполлона, Κρελληνός — эпитет Аполлона, Οὐρηζελληνός — эпитет Диониса, Παισουλληνός — эпитет Зевса, Ραισικελληνός — эпитет Аполлона, Σαλδοκελληνός — эпитет Асклепия, здесь возможно выделение самостоятельной основы *-κελην*, ср. ΜΗ *Κελλαи, Κέλλη* (D., 238), к первой части ср. Σαλδηνός — эпитет Асклепия, Артемиды и Гигии (D., 412), Σαλδο-βυσηνός (D., 412 сл.) и пр., Σουητουληνός, Σουιτουληνός — эпитет фракийского конного бога ἼΗρωσ, Στρουνυληνός — этникон (приведенные этниконы см. соответственно D., 23, 27, 182, 241, 266, 347, 353, 389, 413, 468, 481).

Таким образом, функциональная семантика данных *l*-образований четко проявляется в выражении притяжательности, что придает предло-женной идентификации фрак. Ἀρμυλῆνῆ ~ лид. *Armiwli-* особую досто-верность. Отдельные из приведенных фракийских имен имеют малоазий-ские параллели; естественно, независимо от происхождения все они были втянуты в фракийский продуктивный деривационный тип на *-λ-* (подробно см. Vlahov, 1968; относительно образований на *-ωλ-: -υλ-* там же, 254—261) и шире на *-η(ω/η)* (специально об этом: Gălăbov, 1963, Гълъбов, 1964; Dečev, 1936).

Необходимо также отметить, видимо, чисто фракийский, а не адап-тационно-греческий характер *-ην-* (*-ēn-*), герср. *-aw-*, поскольку в греческом этникон-образования на *-ηρος* (*-awos*) почти не встречаются в контин-ентальной Греции и особенно продуктивны в северо-западных и северных областях Малой Азии, ср. Ἀσιαῖος, Σαρδανῖος, Περγαμῖος, Μοσσηῖος (лид. демот.), Ταταῖος (писид.-исавр. демот.) и пр., где имеется достаточно оснований для возведения морфемы *-awos*, *-ηρος* в качестве греческой пе-редачи (не эквивалента) к анатолийскому этникон-суффиксу *-uman-*: (*a*)*wana/i* при п.-хетт.-лув., лик. А *-(ā)ñna* и *-(e)ñni* / *-(ē)ñni*, лик. Б *-(e)wñni* (Houwink, 1961, 62, 180 сл.) с ссылкой на Сундваля, идентифицирующего лик. *-añna*, *-ēñni* с греч.-м.-аз. *-awos*, *-ηρος* (S., 41), и Боссерта (Bossert, 1946, 134 сл.); *a* и *e* исходные гласные основы. В этом смысле очень показателен писид. демотикон *Γλουηρος* < **Tlawāna* к писид. МН *Γλωος* (S., 209; Heubeck, 1961, 53), лик. А *Tlawā* 44 b 30 и др.; относительно реконструкции этниконов лик. А *Pilleñni* и *Tlāñna* см. с. 38; лик. Б *Tre-lewñne* (дат. п.) 44 b 40 < **Tralewani* к МН *Traliye* 44 d 42, т. е. „трал-лианцам“ (Neumann, 1961, 50); *Tunewñni* 44 с 63 и др. < **Tunewani* при ктн. МН *Тунна* (S., 219) и т. д., писид. ЛИ *Αρζαρος* (S., 77) < **Arza-wana* (ср. Houwink, 1961, 148, ср. название лувийской страны *Arza(u)wa* (Goetze, 1954, 7). Поскольку исход *-āwo-*, *-ηwo-*, *-ηwη-* играет весьма заметную роль в до- и негреческом апеллативном слое греческого языка, например: *εἰρήνη* „мир“ (Debrunner, 522; Гиндин, 1967, 70; ср. Frisk I, 467), *σαγήνη* „большая сеть на рыбу и на зверя“ (Debrunner, 525; Гиндин, 1967, 70, ср. Frisk II, 670), *κίβανος* „лазурит, синяя глазурь, темно синяя эмаль“ (Debrunner, 525; Гин-дин, 1967, 70), возможно, лин. Б *ku-wa-no* (Chadwick Baumbach, 214; ср. Morpurgo, 174), то греческие передачи анатолийских этникон-образований легко включились в греческий морфологический класс на *-āw-*, *-ηw-* (о до-греческом генезисе исхода *-āwo-*, *-ηwo-*, *-ηwη-* см. Chantaine, 1933, 266). Здесь существенно указать на широкое распространение в ранне- и позднешет-тской ономастике форманта *-(a)n-*, см., кроме приведенных выше м.-аз. топонимов, р.-хетт. *Armatana* — название страны на востоке Анатолии (Garstang, Gurney, 41 сл.), имеющее в семантическом плане, возможно, косвенное отношение к нашему Ἀρμυλῆνῆ, ср. теофорный антропоним от основы *Arma-* хетт. *Armati* (L., № 139), и упоминавшийся лид. possessiv *Armta-*; подобно хеттскому, во фракийском финальное *-ην-*, *-εν-*, *-aw-* весьма рас-пространено в топонимии, см. Ἀλιήνη, Ἀρσένε, ΓΗ Ἀρτάνης и пр. Прини-мая во внимание, что все приведенные выше фракийские лексемы на *-λ-ηρος*, *-λ-ηνή* представляют собой этниконы, правомерно предположить и здесь скрытый туземно-фракийский этникон-суффикс, идентичный лу-вийскому *-wana/i*. Таким образом, перед нами, видимо, одна из нем-

ногих фракийско-(resp. догреческо)-хетто-лувийская морфологическая параллель.¹

В некоторых пояснениях нуждается идентификация фрак. *-ov-* в *Ἀρμυοληνή* и лид. *-āv-* в *Armāvli-*. Здесь необходимо учитывать следующее. 1) Назализованное *ā* в лидийском закономерно возникает в соседстве с носовым согласным, ср. лид. *Mēlali* — possessiv к ЛИ *Mēla-* при греческой передаче *Μελας* и, возможно, хетт. *Mala* (Gusmani Wb., 164). Этот гласный, кроме того, является концом основы **Arma-*; в греческой транскрипции м.-аз. *a* иногда соответствует *o* (лат. *o*), чаще *ω*, например, „фриг“. ЛИ *Iavvas* — лкн. ЛК *Iava* — ион. ΜΗ *Ἰονδα*, килик. ΜΗ *Καοταλι*, лид. ΜΗ *Καοτωλλος*, кар. демотикон? *Καοτωλλος* при хетт. ЛИ *Haštali-* (анат. **hastal(i)-*), (Sundwall, 1911, 479; Гиндин, 1967, 149), ср. более важное в данном случае „фриг.“ -лик. *Ερμιονηρος* (Zg., § 355—37), равное цитированному выше лув. иер. *Arma-nani* и пр. 2) *v*, точнее *va*, содержащееся в несинкопированной форме в лид. *Ašbluva* — эпитет Артемиды, формально этникон на *-va* от *Ašblu-* = *Ἄσβολος* (Gusmani Wb., 66); Робер (Robert, 1963, 211 сл.), в случае если *Ἄσβολος* действительно окажется личным именем, связывает его с греч. ЛИ *Ἀσβόλιος*, *Ἀσβόλις* и пр. при греч. *ἀσβόλη* „сажа, копать“, лид. *Bakivali-* — possessiv от ЛИ *Bakiva-*, которое само от *Baki-* „Вахх“ (Gusmani Wb., 75) и др., представляет собой хетто-лувийский именной элемент *-wa-*, возводимый Ларошем к индоевропейскому именному суффиксу **-uo-/ua-* (Laroche, 1960, 126; ср. L., 313, 246), греч. *-Fo-/Fa-*, особенно продуктивному в образовании прилагательных, в том числе притяжательных (Schwyzer I, 472 сл.; Chantraine, 1933, 122 сл., ср. Brugmann. Grundriss II, 126 сл.) и входящему в различные суффиксальные комплексы для выражения принадлежности, включая образования многочисленных этника. Синкопированное *-v(a)-*, содержащееся в *Armāvli-*, обнаруживается также в лид. possessive *Bētovli-* от лид. ЛИ *Bētov-* (Gusmani Wb., 78; Zg., § 167). 3) Фракийцами в процессе усвоения иноязычного религиозного термина или греками при письменной фиксации (см. выше о греческой передаче туземного *a* через *o*) последовательность *-avl-* была адаптирована по типу упомянутых суффиксальных образований с *-ovl-*: *-vl-*. К варьированию *o:a* в греко-римской фиксации одних и тех же фракийских лексем ср. *Costobocae: Castabocae* (см. с. 98 сл.) и пр., *Zaldhwa: Σολδηρως* и т. д. (с большим числом примеров см. об этом Mihailov, 1943, 11). Полную аналогию предлагаемой нами реконструкции фрак. *Ἀρμυοληνή* < хетт.-лув. **Armau-l-*, можно усмотреть в м.-аз. *Αρμυοννας* (см. выше) < **Armau-nani*. Примечательно, что *Ἀρμυοληνή* по корневой основе стоит во фракийском ономастиконе особняком, засвидетельствовано единожды и не имеет родственных связей, за исключением одного сомнительного случая; *Ἐριέας* — высшее божество фракийских „племенных царей“ (Hdt. V, 7), которое Дечев (D., 170), возможно, без достаточных оснований считает греческим божеством и вслед за Nilsson, 1941, 474 сл. связывает с греч. *Ἐριμαξ* „груда камней“ и др., *Ἐριμα* „подпора“, „утес“, „столп“ и пр. (ср. Frisk I, 563 сл. с литературой о малоазийском (Кречмер), а также неиндоевропейском (Шантрэн и др.) происхождении греческих апеллативов).

¹ О точном соответствии фракийскому *-en-/an-* славянского этникон-суффикса *en-/jan-* с признанием инновационного характера изоглоссы, что вряд ли справедливо при наличии соответствий в хеттском, см.: О. Н. Трубачев. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян. — ВЯ, 1974, 6, с. 59.

В случае принадлежности фрак. *Ἐριέας* к кругу дериватов анат. *Arma-*, густое придыхание объясняется аналогией или точнее контаминацией с греч. *Ἐριέας* → *Ἐριήης*, подобно греческим передачам позднеанатолийских имен, восходящих к данной анатолийской основе.

Что же касается совмещения в одном синтагматическом ряду (*Ἦρα Ἀριουλήνη*, т. е. Гере Армуленской) имени старого или ранее заимствованного божества в качестве эпитета нового божества с соответствующим объединением функций, то примеры этому встречаются во всех религиозных традициях. В смысле реконструкции интересующего нас эпитета любопытно указание на существование в районе современного села Горна-Секирна (Радомирского района) святилища Седены и Гелиоса, о чем свидетельствует найденная там посвятельная надпись (Бешевлиев, 1952, 21, № 22; 79).

И, наконец, последний существенный момент, связанный с идентификацией фрак. *Ἀριουλήνη* ~ лид. *Armāvli*, заключается в том, что хетт.-лув. основа *Arma-*, вскрываемая в данных лексемах наряду с другими хетт.-лув. основами, прослеживаемыми в фракийской ономастике, имеет, правда, корневую, но не лишённую вероятия индоевропейскую этимологию. Гётце предложил рассматривать *Arma* в качестве адъективного (причастного — Л. Г.) образования на *-to-* от *ar-* < и.-е. **or-* „двигаться“, отраженного, например, в греч. *ἄροτο*, атематический медиальный аорист 3 л. ед. к *ἄρονμι* „приводить в движение, побуждать и пр.“ (Goetze, 1954, 80), ср. др.-инд. *ārta*, аог. мед. к *ṛṇóti* то же и т. д. (Pokorny, 326 сл.). Важным в данном случае представляется наличие в хеттском образовании от того же и.-е. корня хорошо засвидетельствованного глагола *ar-nu-m(m)i* „forbewegen, fort- oder herbringen“, идентичного по форме и семантике приведенным греч. и др.-инд. глаголам (Friedrich HW, 32; подробнее см. Иванов, 1965, 178 сл.); от него, по мысли Гётце, как нечто „moving, walking on“ название луны (Goetze, там же).¹

2. *Τορχος*, resp. *Τορχος* т. ЛИ (ВСН XVIII, 1894, 425, № 7, Амфиполь, II в. н. э.; XV, 1891, 663, Салоники; XVIII, 1894, 439, № 3, Демир-Гиссар; Dimitsas, 433, 434, Салоники; 821, Сепес, I в. н. э., 3, 4, 9, 31, 32; IG XII, 8, 510, Тасос, 2—5 и др.; D., 513); *Τορχων* ЛИ (ВСН 37, 1913, 111—112, Салоники; D., 512); *Τορχουλας* ЛИ (Dimitsas, 821, Сепес, I в. н. э., 3; D., 514); *Τορχου-παύνης* (Dimitsas, 821, Сепес, I в. н. э., 20; D., 514). Ортодоксально-генетическая корневая этимология данного ономастического гнезда принадлежит Георгиеву: и.-е. **(s)torg-u-(-o-)* при нем. *stark* „сильный“ от и.-е. **storg-* (Георгиев, 1960, 87). Возможно, сюда же *Τορχουατος* с вариантами *Τορχατος*, *Τορχουατος* (Dimitsas, 821, Сепес, I в. н. э., 1, 7, 17, 21, 23; 824 там же; 862, Амфиполь; 816, Сепес; Mihailov IV, № 1939, район Софии; D., 513), *Ρεπτα-τορχος* (Mihailov IV, № 2338, Никополь на Несте, 8—9, 14—15 ≈ имя лидийского героя *Τάρχων*, с вариантом *Τάρχων*, согласно античной историко-морфологической традиции, являющегося эпонимом-основателем ряда этрусских городов на Апеннинском полуострове, например, *Tarquīnii* (Р.-В., II, 1490), продуктивность основы *Tarχ-*

¹ Попыт^{ку} улизнуть хетт.-лув. *arma-* с др.-исл. *ár-tali* „месяц“ (букв. „считающий годы“ в качестве кеннинга) при возможности исчезновения гачальсго **i* в хеттском см. Вяч. Вс. Иванов. Разыскания в области анатолийского языковедения. 9—16. В: Этимология 1977. М., 1979, с. 148 сл.

в этрусской ономастике (см. этр. *Tarxi*, *Tarxi* и др., италийское отражение *Tarqu*-, *Tarc*- — Schulze ZGLE, 95 сл.) побудила Лароша говорить о лидийско-этрусском *tarxu* — (Laroche, 1947, 89), лидийский эпитет Зевса *Ταρ(υ)υηνος* (Heubeck, 1959, 62), этеокрит. *Ταρχοιν* [...] (Kretschmer, 1925, 313; 1940, 114; Гиндин, 1967: выводится из анат. **Tarhu* [u]mna-); м.-аз. ЛИ: лик. *Τροχοινας* (S., 214) и *Τροχοινας* (Zg., § 1512—28) — оба в надписях из Идебесса эллинистического периода, лик. *Τροχοις* (Zg., § 1512—39), килик. *Ταρχωνις* (Sundwall. Nachtr., 43), килик. *Ταρχοινις* (S., 214), килик. *Ταρχωνις* (S., 54, 213), килик.-памф. *Τροχοαρις* (там же), псид. *Τερχωνδας* (S., 214), лик. *Τερχωνδος* (Sundwall. Nachtr., 44) и многие другие (исчерпывающий список см.: Houwink, 1961, 126 сл.). Все данные малоазийские теофорные антропонимы имеют в основе имя хеттского и лувийского бога грозы *Tarhu*¹: *Tarhunt*-; последняя форма — причастное образование с суффиксом *-nt* от глагольной основы „быть сильным, побеждать“, отраженной в хеттском глаголе *tarḫ-* с тем же значением и в отглагольном прилагательном *tarḫu*- „победоносный, сильный“ (Laroche, 1947, 89; 1952, 60 сл., 78; 1958, 95 и др.; Dict., 127 сл.; 1966, 289 сл.; Goetze, 1954, 79; Heubeck, 1959, 32 сл.; Houwink, 1961, 125 сл. с литерат.; Гиндин, 1967, 126 сл.). Подобно рассмотренной выше анатолийской основе *Arma*-, *Tarhu*(nt)- выявляется и в многочисленных раннехетто-лувийских личных именах, например, капп. *Tarḫuni(a)* (L., № 1266), *Tarḫunu* (L., № 1273), хетт., лув. иер. **Tarhu-wassu* (L., № 1278), *Tarḫu(nda)-ziti* (L., № 1271) *Tarḫu(nda)-pija* (L., № 1267) = *Ταρχωνιβιος* (S., 179) — исчерпывающий список см.: L., 289. Определенный интерес вызывает многочисленность малоазийских личных имен с *-n*- в суффиксальной части, которая в ряде лексем может рассматриваться в качестве отражений анатолийского этникон-суффикса, реализованного в качестве *-(u)mna*-, *-(u)mana*-, капп. *-(u)man*-, *-(u)mna*-, лув. иер. *-wana/i*, лув. кл. *-wanna/i* (Goetze, 1960, 46; Laroche, 1960, 170 сл.; Houwink, 1961, 62 с литерат.), получившего в позднехеттских языках широкую продуктивность, выходящую за рамки образований обычных этника, ср. уже в хеттском (каппадокийские таблички) ^{LU}*ḫé-eš-tu-u-um-ni* (dat.) при хетт. *É ḫēšta* „kultisches Gebäude“, „Beinhaus“ (Friedrich HW, 68). Поэтому с учетом естественных фонетических модификаций, усугубленных иноязычной передачей (о греческих передачах = туземн. *u*) *Τροχοινας*, *Τροχοινας* < анат. **Tarhu*-(*u*)mna, подобно этеокр. *Ταρχοιν* [...]; к ассимиляции *mn > mm*, ср.: ^{LU}^{URU} *Ha-aš-šu-u-ma-aš*, ^{LU}^{URU} *Hal-pu-u-ma-aš* (при лув. иер. *Halpa-wana*) (Laroche, 1958a, 265; полнее о типе *-wana*: Meriggi, 1953, 53 сл.) и др. (Goetze, 1954a, 351, прим. 13). Ту же словообразовательную модель, но с лувийским вариантом анатолийского этникон-суффикса *-wan(n)i*, допускающего в позднелувийских языках (ликийском, псидийском, киликийском и др.) различные фонетические вариации в зависимости от характера производящей основы, например, *-wn(n)i*, *-un(n)i*, греч. перед. *-Fv(v)i*-, *-vv(v)i*-, *o/ov(v)i*- и пр., мы склонны видеть в килик. *Ταρχωνις*, лик. *Τροχοις* < **Tarhu*-(*u*)nni вопреки Ларошу, предельно усугубленную, однако, некоторых оснований идентификацию двух последних м.-аз. личных имен с цитированным выше *Tarḫuni(a)* (L., 176). Анало-

¹ Согласно Heubeck, 1959, 33 сл., вслед за Bossert, 1946, 80, лик. *trqq*-образования не личные имена, а различные падежные формы апеллатива со значением „бог“ *trqqas* (nom.), *trqqñti* (dat.), ср. Houwink, 1961, 126, где *trqqa-/trqqñta-* — ономастические основы.

гичный процесс упрощения суффикса в критском эпитете Артемиды *Δικτυννα* (P.-B. I, 300) < *Diktu-(u)nna* при *Δίκτη* — гора в вост. части Крита, ЛИ *Δίκτις*, -*νος*, указывающем на старую *u*-основу, лин. Б. кн. *di-ka-ta-* (Chadwick, Baumbach, 185; Morpurgo, 65; ср. Heubeck, 1961, 56 и др.); далее лик. *Pilleñni* 25а 6 < **Pinale-wanni* через ступень **Pin(a)le* -(*w*)*nni* при греч. перед. в билингве *ἔκ Πινάρων* (S., 180), ср. *Πινάρα* — лик. город — *Πινάλος* — лик. герой, основатель-эпоним данного города (там же); лик. *Πλαῖννα* < **Plawa-wana* через ступень **Pla(wa)*-(*w*)*nna* при греч.-билингв.-лик. городе *Πλως* (S., 209), ср. упоминавшийся писидийский демотикон *Πλωηνος* (= туземн. **Plawa-wana*) к псид. *Πλως* (там же). Об отражении форм анатолийского этникон-суффикса с конечным *-a* в м.-аз. и фрак. этника на *-āno-*, *-ηno-*, *-ηνη-* говорилось выше. Кроме того, не исключено, что лид. форма *Τάρη/χων*, *-ωνος* закономерно реконструируется как этникон **Tarhu-(w)na* с *ω* < туземн. *u* и последующим оформлением по греческим *ν*-основам, обобщившим древнюю долготу гласного перед носовым, ср. *ταῖβων*, *-ωνος* „плащ“; финальное *ν* в лид. лексеме не может восходить к словообразовательному варианту — анат. *Tarhunt-*, так как причастный формант в малоазийско-греческих именах всегда сохраняется в виде *-νδ-*, ср. килик. *Ταρχονδημος* (S., 215) < **Tarhunta-muwa*, памф. *Τροχονδας* (там же) = анат. **Tarhunta-*.

Анализ сопоставительного фракийского материала целесообразно начать с заведомо деривационной лексемы *Τορμιων*, засвидетельствованной в форме номинатива: *Τορμιων Ἀρτυίη- -γυναιχί* (D., 512); это исключает в значительной степени искажение фракийской туземной основы в процессе греческой транскрипции. Как известно, ономастические основы и часто целые лексемы претерпевают весьма незначительные модификации в иноязычном контексте, словоизменительная же часть легко отсекается. Именно поэтому большая часть дешифровок начинается с чтения имен собственных. Безоговорочно постулированную исконно фракийской патронимической, геср. образующей этника, морфемы *-ων* (и, видимо, *-ων*) препятствует наличие в греческом продуктивного, употребляемого в той же функции суффикса *-ών*, *-ώνος*, присоединяемого к *i*-основам (Chantraine, 1933, 165). Однако трудно поверить, чтобы засвидетельствованные, по крайней мере, с I в. до н. э. около 20 фракийских личных имен на *-ων* и около 10 на *-ων* (Vlahov, 1963, 340) все были произведены по греческой деривационной модели, ср. в частности: ЛИ *Δαλλίων* (надпись, I в. до н. э.), *Dalion* (Plin. VI, 183) при ЛИ *Δαλεῖς* (надпись, Матюдос), возможно, ЛИ *Δαλις* (надпись, Беотия) (соответственно D., 115, 114); ЛИ *Δολίων* (Strab. XIV, 5, 29), ср. *Δολιόνες*, *Δολιόνιος* — племя в области Кюзикос (Strab. XII 4, 4; St. B., s. v. и др. авторы при ЛИ *Δολής* (Mihailov III, № 1005, 2; 1317 и многие другие) (соответственно D., 148, 147, 146), ЛИ *Κοτ(τ)ίων* (надпись, Пантикапей) при ЛИ *Κοτ(τ)ις* (надпись, там же); *Κοτ(τ)ις* (Mihailov III, № 1293 и мн. другие; D., 257).

В Киликии засвидетельствовано ЛИ *Ταρχίωνις* (S., 214), из р.-лув. **Tarhu-wani* либо **Tarh(u)-iani* (суффиксальную часть обычно сопоставляют с лат. *-iāni*, ср. Houwink, 1961, 180), омонимичное анализируемому фрак. *Τορμιων*. Реконструкция киликийского личного имени открывает реальные возможности для двоякого объяснения фракийской формы или в качестве цельнолексемного заимствования, восходящего к анатолийскому прототипу, или как производное от заимствованной анат. основы **Tarhu-*,

оформленное чисто фракийским этнико-патронимическим суффиксом, адекватным анат. *-umna: wan(n)a/i* (впрочем, ср. Vlahov, 1972, 19 сл.).

Из двух вариантов одного и того же фрак. ЛИ *Τορκος* или *Τορκους* наибольший объем оригинально фракийской информации надо полагать, заключен во втором, поскольку исход основы имени *Τορκου-ς* в значительно меньшей степени можно заподозрить в выравнивании по сравнительно мало продуктивному в греческой ономастике типу аттического слитного склонения, вообще испытавшего на себе в койне влияние атематических парадигм, ср., например, в греческих надписях ЛИ *Κοσσούς* — у Плутарха *Κόσσοσ*. Во фракийском исход на *-ου(ς), v*, лат. перед *u*, достаточно многочисленен (Vlahov, 1963, 364—367), хотя, подобно греческому изоморфному типу, он испытал тенденцию к выравниванию по более распространенным и более совпадающим с греческим словоизменительным моделям, чему в памятниках есть несомненные свидетельства, отраженные в варьировании исходов основ в номинативе и других падежах, например: ЛИ *Μοκκους: Μοκκος: Μοκκας*, причем в надписях встречается звательный падеж в виде чистой *u*-основы, ср. *Μικλαίνη γυνή Βασί(λ)είδου και νιέ Μοκκον χαίρετε* (Latyshev IV, 253, Пантикапей) и др. надписи (D., 316) ЛИ *Βασσους, Βασσος* (D., 44); ЛИ *Σαρκους: Σαρκη* f. (D., 424); ЛИ, *Γουκους: Γουκουσα* f. (D., 108); ЛИ *Σουκους: Συκος* (D., 470); *Παιρισαλους: Παιρισαλος*, возможно иранское заимствование, первая форма зафиксирована в вокативе: *Παιρισαλου [νιέ] Ταρουλου...* (Latyshev IV, 331, Пантикапей), (D., 353). Часть *u*-основ несомненно скрыта в латинских передачах на *-us* мужских ЛИ, оформленных по II склонению, независимо от исхода. Однако в латинских передачах основ с финальным *-u* наблюдается примечательная деталь: надписи иногда, видимо, сохраняют чистую основу или *u* в номинативе, поскольку это в принципе допускалось латинским склонением, ср. ЛИ *Secu* f. (*Cintis Polulae fil(ius) Scaporenus sibi et uxori suae Secu Bithi fil(iae)...*) (надпись из района Драмы) при *Σεκους, Σακους, Ζακκα, Ζεκη* f., *Secus* m. в других надписях (D., 172); ЛИ *Sicu* m. в надписи из Далмации: *Sicu filius* (CIL III, 140, 15); вероятно, иллирийское, см. специализированного Крабе PN, 104, при *Σικους, Σικис* в других надписях (D., 443); в единичных случаях конечное *u* фракийского прототипа отражено греческой транскрипцией, например, в позднем (573 г. н. э.) памятнике: *οἰκία Πετερουτος Μαρτυριου και Τηρου Τηρουτος γαμετης αὐτου* (D., 502). Все это позволяет постулировать для фракийской антропонимики, resp. фракийского языка, исконный и живой класс *u*-основ, ср. намек у Кречмера на исконность *-ους* в качестве рефлекса *-us* в исходе ряда имен греческих надписей из Фракии и Фригии (Kretschmer Einl., 223 сл.); согласие с этим: Mihailov, 1943, 20; там причина варьирования финальных *-ους: -ος* усматривается в более или менее закрытом характере *o*. Указанные обстоятельства, надо полагать, облегчили проникновение хетто-лувийской основы *Tarhu-* во фракийский язык и способствовали ее ассимиляции и последующей продуктивности, ср. ниже *o* *Τορκου-παιβης*. Здесь необходимо сделать еще одно уточнение. Поскольку имена богов в силу специфичности их функции употребляются как антропонимы в чистом виде лишь при особых условиях (переосмысление и пр.), то логично предположить в *Τορκου-ς* какой-то скрытый дериват „анат.“ основы *Tarhu-*. И действительно, сказанное относительно *Ἀρμουληνή* < **Armau-l-*, в частности лидийский possessiv *Βέτου-*, открывает возможность реконструкции протоформы в качестве р.-хетт.-лув. **Tarhu-wa-* „имею-

щий отношение к богу *Tarhu*“ и равного п.-хетт.-лув. **Tarkov-/Torkov-* (относительно чередования *a:o* см. выше). Правильная с точки зрения греческого языка фрак. форма *Τορκος* появилась в результате адаптационного выравнивания, примеры чему только что приводились.

Следующая в нашем списке фрак. лексема *Τορκουλας* (ЛИ III) в морфологическом отношении представляет собой полный аналог основе только что упомянутого фрак. *Ἀρμουλ(ηνή)*, т. е. является possessivom-этнономом к форме, подобной п.-хетт.-лув. *Tarko-* < р.-хетт.-лув. *Tarḫu-*, образованным с помощью сложной морфемы *-v(a)+l-* с значением притяжательности (об этих элементах см. с. 35) и может быть восстановлена как **Torko-vl-* ≈ р.-хетт.-лув. **Tarḫu-va-l-* „имеющий отношение к богу *Tarhu*“. Впрочем не исключено, что здесь выступает чистая основа **Tarhu-*, оформленная хетто-лувийским притяжательным суффиксом *-l-*; Дечев (D., 514) совершенно произвольно постулирует здесь деминутив от *Τορκος*.

Двуосновное ЛИ *Τορκου-παιβης*, построенное, видимо, как ряд сложных фракийских имен по типу кармадхарая, содержит в первом компоненте то же **Torkov-*, что и рассмотренное фрак. ЛИ *Τορκους*, либо непосредственно отражает хетт.-лув. основу с финальным *-u* **Tarhu-* ≈ п.-хетт.-лув. **Tarku-* и пр., органически включенную в фракийский класс *u-*основ; к отражению в греко-малоазийских именах р.-анат. *u* ср. килик. ЛИ *Ταρῖαρις* при килик.-памф. *Τροῖαρις*, килик. *Ταρῖωνης*, о которых см. выше.

Кречмер совершенно справедливо отделил фрак. ЛИ *Τορκουατος* с вариантом *Τορκατος*, *Τουρκουατος* от омофоничного лат. *Torquatus*, связав его с анализируемыми фракийскими антропонимами. Причастное *-atos* он находит, кроме того, в др.-фриг. *Τερατος*, *Κοκκλάτος*, иллир. *Αδάτα*, *Πλευράτος* (Kretschmer Einl., 202; ср. D., 513). Правдоподобие предположения Кречмера подкрепляется распространением надписей с интересующим нас именем в районе, целиком входящем в ареал фрако-анатолийских антропонимов с основой *Τορκο-*, resp. *Τορκου-* — территория, прилегающая к побережью Эгейского моря, что было недавно специально отмечено Влаховым (Vlahov, 1969a, 195). Вместе с тем столь характерная дистрибуция данной основы в непосредственном соседстве с Западной Малой Азией — еще один веский довод в пользу предлагаемой здесь гипотезы о заимствовании этой фракийской ономастической основы из хетто-лувийской языковой области. В то же время ареал фракийских антропонимов слишком локален, чтобы свидетельствовать об исконно фракийском происхождении основы *Torku-*; параллельно его позднехетто-лувийскому омофону.

Сюда же относится стоящее особняком по первому компоненту и по характеру корневого гласного второго компонента фрак. ЛИ *Ρεπτα-τερκος*; мена *a:e* свойственна как письменной передаче исконно фракийских лексем, вследствие особого, возможно, открытого произношения гласного *a*, resp. [ä], во фракийском, ср. ΜΗ *Ζάλδ-απα*: *Ζέλδ-ελα* < и.-е. *g'hel-d-apā-* „желтая вода“; ΓΗ *Asamus*: ΜΗ *Ασημα*; ΛΙ *Καρσας*: *Κεοσης*; *Καρζας*: *Κεοζα* (соотв. D., 173, 30, 229) и множество других,¹ так и позднехетто-

¹ См. Дечев, 1952, 29, 122; Mihailov, 1943, 8 сл. с большим числом примеров; Погирк (Poghirc, 1961) тоже говорит об особом звуке, но противоположного характера, подобного болг. *ъ*, рум. *ă*, алб. *ë*. Зольта (Solta, 1961, 75) вслед за Райхенкроном указывает на случаи перехода *e>a* перед *r* в фракийском.

лувийским языкам (см. с. 33 сл.), ср. еще огласовку *e* в лик. МН *Ἐργασον* (S., 215).

Для решения некоторых задач лингво-географического и этногенетического свойства, касающихся пространственной проекции преданатолийского ареала хетто-лувийских языков, намеченных в вводных главах, указанное фракийско-хетто-лувийское лексикономастическое тождество играет первостепенную роль, так как хетто-лувийская теофорная основа *Tarḫu-* и соответственно ее фракийские корреляты имеют бесспорную индоевропейскую этимологию; указание на это содержится уже у Дечева вслед за Кречмером (D., 513 s. v. *Τορκος*). *Tarḫu-* и вариант *Tarḫunt* (последний как причастное образование), о чем уже писалось, прозрачно соотносятся с хеттским глаголом *tarḫ-* „быть сильным“, „побеждать“, сохранившимся в древнехеттском тексте, с отглагольным прилагательным *tarḫu-* „победоносный, мощный“ и его дериватом *tarḫuilli* „героический“ (Laroche, 1958, 95; Friedrich HW, 213), лув. *tatarḫ-* „briser“ (Laroche Dict., 95; ср. Иванов, 1965, 60). В свою очередь хетт. *tarḫ-* и пр. возводятся к и.-е. **tṛh-* от *ter-*: *tṛ-* и т. д., ср. др.-инд. *tārati, tirāti, turāti, titarti, tarute* „setzt über, fährt darüber, überwindet, übertrifft“ (Pokorny, 1074 сл.; Mayrhofer WB. I, 480); сюда же, согласно Krahe, 1955, 94, Pokorny, 1075, видимо, иллир. ГН *Ταρος, Ταρα, Tarus*. Различие в огласовке и метатеза объясняются поздней вокализацией и.-е. *r* в хетто-лувийских языках с различиями в диалектах позднего периода, ср. в этой связи позднехеттские топонимические продолжения и.-е. **bḫrǵ'h-*: *Περγη, Προγη* (Памфилия), *Πέργαμος/-ον* (Троя, Мизия, Фракия), *Παρκάλλα, Προγασεια* (Лидия) и др., подробно о рефлексах и.-е. **b(h)rǵ'h-* в греко-малоазийской и догреческой ономастической и апеллативной лексике с литературой см.: Heubeck, 1961, 63 сл.; Гиндин, 1967, 153 сл. Между тем во фракийском *r* давало либо *ur*, либо *or* (см. Дечев, 1952, 39; Georgiev, 1961, 11), что отражается следованием *Τορκ-*. Фрак. *κ* греческих фиксаций проанализированных антропонимов полностью соответствует греческим передачам малоазийских рефлексов раннехетто-лувийского ларингала или восходящих к нему звуков позднеанатолийских языков, через *κ/γ/χ*, ср. килик.-догреч.-анат. МН *Κασταλία*, лид. МН *Καστωλλος* и пр. — хетт. **ḫastali-* „герой“, кар. МН *Χαστα, Κασταιος*, хетт. *Ḫešta-* = *Ḫeḫstijaš* „Beinhaus, усыпальница“; лид. МН *Κιναροα* — хетт. *Ḫinnarurwa*, лид. *Γύνης*, кар. *Ἰδα-γυγος*, лик. *kuga/χyga* „дед“, — хетт. *ḫuhḫa-* — то же (Laroche, 1952, 147; Heubeck, 1959, 61 сл. специально; Шеворошкин, 292 и др.; Гиндин, 1968, 148 с литерат.).

3. *Τιαμαος m.* ЛИ (AUMB IX, 137, 62: *Τιαμαος Ἀθηρίωνος καὶ Ἡζων ἀδελφός*). . .; D., 502), *Siamaus* МН (Kalinka, 174, Острово, район Рахово: . . . *ex vicis Siamao*; D., 440).

По ряду соображений, излагаемых ниже, первые компоненты данных собственных имен восходят в качестве нулевой ступени к и.-е. *u*-основе **d(e)ḫēu-*: **dḫēu-*, **dḫu-*, **dju-* и пр., продолжения которой в фракийском языке весьма разнообразны по форме как с апофонической стороны, так и с точки зрения анлаутного согласного. Наиболее обширную группу (около 60 единиц) составляют личные имена с начальным звонким дентальным, отразившие различные ступени чередования указанной и.-е. основы: **deiyo-* (полная ступень), в лат. *deus* < *deivos* „бог“, оск. *deivai* „divae“ и пр.):

Δεο-βίχος,¹ *Deo-pus*, **Ἀνλου-δεια* f., ср. лат. *dea* (< *deiva*, *dēva*) „богиня“, *Δευ-γης*, возможно, МН *Deu-sara* (атематический тип); **diuo-* (нулевая ступень, в др.-инд. *divā-* „небо“, *diva* „днем“, греч. *Δίος* < **diFós*, ген. от *Ζεύς*, *Διο-*, *diFo-*, *di-* < **diF-* в двусложных греческих именах, *Δίας*, в надписях встречается *diFias* и пр., *δίος* < **diFios* „относящийся к небу, Зевсов, божественный, лучезарный“, *δία* m., субстантивировано „сестра неба, богиня“ — Frisk I, 396 сл.; все греческие личные имена здесь и ниже даны по: Fick—Bechtel, 1894, 98 сл.; кельт. *Divogenos* „сын бога“ (Holder I, 1296) *Divó-duro-n* „крепость бога“ (Holder I, 1295), *Divoo-s* (Holder I, 1296), лат. *dius* „днем“ и пр. < **diuós*; арм. *tiv* „день“ и т. д.): *Dio-bessi*, *Διόβορος*, *Δια-ξενος*, *Dia-zenus*, *Δια-ξελιус*, ср. к самостоятельному употреблению ЛИ *Διος*, *Δειος*, *Dius* m., *Δεια* f. (D., 141, там же ввиду греческих тождеств выражено излишнее, на наш взгляд, сомнение в исконно фракийском происхождении данных ЛИ), МН *Δια*, *Διον*, *Dium*, с этниконом *Διευς*, *Διηνος*, *Diensis* (D., 129); возможно, **dju-* (атематический тип, в др.-инд. *dyumñám* „Himmels Herrlichkeit“ и пр.): *Διον-κειλης*, *Diu-zenus*; следует учесть в этом случае, что грекоримская транскрипция не располагала иными средствами для передачи инлаутного *i* перед гласными; с выпадением *u* после *i* перед согласными: *Δι-βειδος*, *Δι-γηγοι*, *Di-gerri*, *Δι-σοσας* и пр.

Особое значение для выявления исконно фракийского характера рефлексов этого и.-е. корня, сохранивших анлаутный согласный без изменения вопреки свойственной фракийскому тенденции к передвижению смычных, имеют имена собственные, продолжающие нулевую ступень, распространенную посредством сигматического суффикса с огласовкой *o* в ном.-асс. sing. по типу греч. *γένος*, ген. **geneos*, лат. *genus*, ген. **geneses*: *Dios-cudus*, *Dios-cuthes* (D., 142), *Διόνυσος*, варианты *Διόνυσος* (Фесс.), *Ζόνυσος* (Лесб.) < **Διου-nyos* — имя бога Диониса (D., 140, Frisk I, 396, ср. Chantraine Dict. I, 285); там же другие диалектные формы, включая предположительно мик., ген., *di-wo-nu-so-jo* (Chadwick, Baumbach, 186; Morpurgo, 69). Подобное истолкование I компонента оказалось возможным лишь после того как Кречмер, вопреки Tomaschek II, 1, 41; Fick, Bechtel, 1894, 439, предположил указанную праформу данного теонима, отнеся *s*, как и в *Dios-cuthes*, *Deos-por*, к I основе, и интерпретировал **Διό-nyos* в соответствии с реалиями „сын Зевса“, „сын бога неба“, подразумевая под *-nyos* фракийское слово для сына при дальнейшей связи с эпитетом нимфы *Νύσαι* и фрак. ЛИ *Nusatita* (Kretschmer Einl., 241 сл.).² Предположение Кречмера, исключая сопоставление II части с *Νύσαι*, детализировано недавно Семереньи (Szemerényi, 1971, 665): *ΔιFόνυσος* < *ΔιFωνυσος* (*u*—*u*-диссимилировано в *u*—*o*, аналогично *nyós* < **snusus*), последнее из **ΔιFουσυ-nyos* в результате метатезы *σ—ν* (вторая часть — и.-е. **snus* или **snus* „сын“).

Окказиональные формы с огласовкой *e*: *Deos-por*, *Δεο-πορις* при *Διου-πορις*, *Δι-πορις* (D., 127) *Δεο-nyos* (D., 140) либо — к полной тематической ступени **deiyo-s* (правило Бенвениста о необходимости нулевой

¹ На протяжении всего этюда фракийские имена собственные даются по Дечеву (см. D., s. v. v.).

² Справедливо против связи с указанными именами см. Frisk I, 396, где неправомерно Кречмеру приписывается заключение, что в I части вскрывается „генитив фракийского имени бога неба“; к тому же это не подтверждается и комбинаторным анализом фракийских памятников; впрочем, Йокль в связи с дакийской глоссой *diavaria* (см. ниже) думал о генитиве имени бога (Jokl V XIII, 287).

ступени корня в случае полной ступени суффикса препятствует признанию здесь *es-/os-*основы, хотя в истории отдельных и.-е. языков его нарушения весьма часты), либо — результат чередования *e:i*, отмеченного в греко-фракийских надписях, ср. *Διοῦτες* (София), *Λεοῦτες* (Фасос) и пр., **Αγυλλήτων*: **Αγγελήτα*, *Agilleia*, *Μηδαίων*: *Μηδαίης* (Mihailov, 1943, 13, 20 сл.; Kretschmer Einl., 241); указанное чередование вообще свойственно греческим передачам иноязычных имен, например, памф. *Σελύωιως*: *Σιλύεων*; кипр. *Κέτιον*: *Κτιον* (Schwyzer I, 181).

Реконструкция теофорной *-es-* основы *diues-* в фракийском языке находит подтверждение в материале на апеллативном уровне. В условиях крайне ограниченного числа фракийских и дакийских глоссированных имен нарицательных важность такого свидетельства не нуждается в дополнительных комментариях.

В коллекции Диоскорида сохранилось дакийское название травы *διέσσημα* в следующем контексте (Diosc. IV, 103 RV [W. 2, 258]): *φλόμος. οἱ δὲ φλόνον, Ῥωμαῖα βερβάκλονι. ... οἱ δὲ φλόνος, οἱ δὲ λυχίτις. ... Αἰγύπτιοι ἀβαλ, Λάκοι διέσσημα*; у Псевдо-Апулея этому соответствует (Ps. Apul., 72 [HS., 129]): *A Graecis dicitur flomos, alii flonon, alii licititis. profetae Hermu rabdos, Aegypti natal, Daci diessathel* (варианты последнего — *diesapter*, *dies-sachel*). Из текста Диоскорида ясно, что речь идет о растении, научное номенклатурное название которого — *Verbascum* (*phlomooides* L.). В немецком ему соответствует „Himmelsbrand, Marienkerze, Fackelkraut, Brennkraut и пр.“, в болгарском — „свещилка, богородична свещ“, в румынском — „luminare“ и пр., ср. греч. *λυχίτις*, приведенное Диоскоридом, ~ ион.-атт. *λυχίτης* „светящийся“, при *λύχνος* „светильник, лампа“ (Tomasschek II, 1, 32, № 43; Jokl, RV XIII, 287; D., 546 сл.; Георгиев, 1960, 84; Russu, 1969, 120). Уже первый интерпретатор глосс Диоскорида Томашек (указ. соч.) дал точную этимологию I компонента — от и.-е. *di- μ -*, *div-* „бог неба“, „день“ (ср. др.-инд. *divasá-* „день“ — Mayrhofer Wb. II, 42 к и.-е. **diē-*, *dī-* „Strahlen werfen, leuchten, sehen“). В целом композит *διέσσημα* истолкован Йоклем как „Himmelsbrand“: *dies-* (gen.) + **eus-mn-*, согласно Георгиеву (указ соч., ср. БЕР, V, 385), „пожар“ — *nomen actionis* от и.-е. **eus- σ -*, ср. лат. *irō* „жечь, опалить“ = греч. *εῖω* (аог. *εῖωσα*) то же; *eu* > *e* (к стяжению дифтонга ср. алб. *ethe* „лихорадка“ — Pokorny, 348) *st* > *m*, *n* > *a*; синонимичная компоненту *-εμα* II часть псевдо-апулея *dies-apter* является *poen agentis* к фракийскому глаголу, соответствующему греч. *ἵπω* „зажигать“. С появлением этимологии Йокля, ныне общепризнанной (ср. Pokorny, 185),¹ исконно дакийское, resp. фракийское, происхождение этого названия, сообщенное современником Нерона (I в. н. э.), никем из специалистов по фракийскому языку, кажется, не оспаривалось. Необходимо лишь уточнить толкование I части *diues-*, которая, как и I компонент в упомянутом **Διῦδος-συνυς*, является чистой основой, в полном соответствии с правилом Бенвениста (основа II): нулевая ступень корня + ударный суффикс в полной огласовке. Сохранение в этих компонентах живых фракийских падежей, например, генитива, было бы слишком большой удачей и комбинаторным путем не подтверждается.

¹ Исключение составляет Руссу, выдвинувший совершенно неприемлемую корневую этимологию, притом касающуюся только I части (и.-е. **dek'-* „zerreisen“ — Russu, 1969, 120)

Сомнения относительно дакийского генезиса данного фитонима, возникшие в среде некоторых славистов восходят к Томашеку (указ. соч.), выдвинувшему свою интерпретацию (см. выше) за 45 лет до Йюкля. Основоположник фракийского языкознания, определив круг славянских соответствий дакийской глоссе, указал на одну существенную во многих отношениях деталь: поразительное (höchst auffällig) совпадение *διέσσημα* с южнославянским вариантом названия *Verbascum*, а именно болг. *дивѣзма*, с.-хорв. *дивѣзма* (RHSJ VI, 421 — *divizma*; о вторичном характере этой формы см. Mareš, 1960, 12), заметив в заключении „*mag wird versucht, an Entlehnung von einer Seite zu denken*“; обращает внимание ударение, полностью соответствующее реконструированной и.-е. праформе.

В связи с попытками объяснить дакийскую глоссу как заимствование из славянского, что в конечном счете ведет к эфемерной реконструкции утраченной славянскими языками и.-е. *es*-основы *diues-* (Mareš, 1960, 12 сл.; ср. Machek², 119; ст.-слав. *днво,-есе*, вероятно по аналогии с *чудо,-есе*, Verneker I, 202; Фасмер I, 513; Pokorny, 186 и др. авторы), необходимо подробнее остановиться на этом моменте.

Стремясь обосновать очень ранние, уже в I в. н. э., связи славян с даками, осуществляемые в процессе движения первых в Закарпатье и на Балканы, Нидерле в качестве языковых аргументов привлек 4 глоссы Диоскорида: *σέβα* — *Sambucus nigra*, *βλῆς* (по более авторитетному источнику *βλῆς*) — *Hyoscyamus niger*, *προδιόγρα* (H. Di., *προδιόγρα* RV) — *Helleborus niger* и *διέσσημα*—*Verbascum*, предложив для них славянское происхождение (Niederle, 1906, 146—169), наряду с некоторыми другими дакийскими названиями, например, этнонимом *Κοστοβῶχοι* и пр.; о *Κοστοβῶχοι* ниже (№ 12) специально. Спустя полвека Мареш предпринял подробную языковую ревизию выводов Нидерле в части происхождения упомянутых дакийских фитонимов, отвергнув возможность проникновения из славянского относительно первых трех,¹ и поддержал, тем не менее, детализируя, подобную идею относительно *διέσσημα* вместе с датировкой заимствования. Как раз эта глосса, выводимая из слав. **dives(ъ)ma*, в совокупности с болг. *дивѣзма*, с.-хорв. *дивѣзма*, контаминированными с чеш. *děvezna*, послужили Марешу отправным пунктом в постулировании праслав. **divesma* или более древнего, до падения слабых еров, **divesъma* или **divesъma* „волшебная трава“, членимое на *dives-* и суффикс *-mā*, либо скорее *-ъma*: *-ъma*, по типу *věd-ъma*, *běl-ъmo*, *kos-ma* и т. д.; все прочие славянские формы образовались после исчезновения данной *s*-основы и ассимиляции группы *sm > zm* (Mareš, 1960, 10 сл.). Махек (указ. соч.) подробно изложил ход мысли Мареша в связи с чеш. *divizma* (*Verbascum*) предпосылает все же помету „слово неясно“.

Однако словообразовательный и частично семантический анализ наличного материала, известного с небольшими лакунами еще Томашеку (указ. соч.; более подробную сводку см. Sławski I, 198 сл.; БЕР, V, 385; Mareš, 1960, 11 — табл.; Machek,² 119) являет иную морфемно-словообразовательную картину, выделяя производящую основу **div-*. По суффиксальным типам этот материал организуется следующим образом. Прежде всего в нем бросается в глаза группа лексем с продуктивным

¹ См. об исконно фракийской принадлежности *προδιόγρα*, *βλῆς*: Georgiev, 1965, 101 сл.; см. также соответственно о всех 4-х глоссах: D., s. v. v., где *βλῆς* считается греческим.

суффиксом *-izna*: болг. *divízna*, с.-хорв. *divǐzna*, чеш. *divízna*, словц. *divízna*, *dbízna*, польск. *dziwízna*, в.-луж. *dźiwízna*; к словообразовательному суффиксу ср. болг. *белизна* (Тырновского района) „раст. Андропогон *ischaetum*“ также „белозем“ (между прочим, название растения имеет еще вариант *белизма* — БЕР, II, 109), польск. *bielizna* „futro, szuba z wieiółek, ropielic, чеш. *bělizna* „белая шкура, бельмо“ (Sławski I, 33), русск. *белизна* и пр.; сюда же не совсем ясное в формальном отношении одно из опорных слов Мареша (указ. соч.) чеш. *děvezna*, возможно, с ассимилированным *e* при народно-этимологическом сближении с *děva*, ср. польск. формы (Verbasium) *dziew-ina*, *dziew-anna*, возникшие (по Славскому, указ. соч.) вторично, вследствие сближения с *dziewa* „дева“, причем влияние корня **dēva*, надо полагать, следует распространить на все дериваты (см. ниже), обнаруживающие *e* в первом слоге. Затем идут образования с суффиксом *-ina* (тип праслав. **smordina*): укр. *дывина*, с.-хорв. *divǐna*, русск. *девина*, польск. *dziewina*, словц. *devina*, словен. *devin*. И, наконец, ряд названий с продуктивным в фитонимах суффиксом *-an-*, расширенным посредством *-na-* (см. об этом типе Sławski I, 198 с примерами): польск. *dziwanpa*, блр. *дзиванна* (видимо, как и укр. *диванна* из польского), словц. *devana*, см. еще русск. *дивена*, укр. *дивенна*. Славский (указ. соч.) соответственно обрисованной словообразовательной картине везде выделяет праслав. корень **div-* „дикий“, в русск. *дивий* и пр., и, ссылаясь на известную работу Ростафинского, где говорится, что это растение произрастает „на диких, не обработанных полях“, считает его первоначальным значением „дикорастущее растение“; то же см. Holub, Корецьку, 102. Георгиев (БЕР V, 385), учитывая названия типа нем. „Himmelsbrand, Marienkerze“ и пр. (см. выше), допускает исходное значение, связанное с корнем **div-*, в русск. *дивный*, ст.-слав. *дѣвѣнь дѣвѣиѣос* и пр. Думается, что в кругу дериватов этих диахронически идентичных основ могли контаминироваться оба значения.

На фоне рассмотренных регулярных славянских образований от **div-*, из которых вряд ли все могут претендовать на праславянскую древность, хотя реконструкция праслав. **div-izna* вне каких-нибудь сомнений, интересующие нас специально болг. *divízma*, герср. с.-хорв. *divǐzma*, выделяются необычным морфемным обликом своей суффиксальной части. Членение *diviz-ma* < **dives-(b)ma* и т. д., предлагаемое Марешом, влечет за собой слишком много допущений, в частности перерасположение в основах всех остальных генетически близких названий Verbasium в славянских языках, оставляя, помимо того, необъясненным гласный *i* во 2-м слоге этимологической *-es*-основы; попутно отметим характерность исхода *-ma* для фитонимов неславянского происхождения. Вместе с тем парадигматика реальных форм вынуждает выделить морфему *-izma*, не засвидетельствованную в славянских языках.

В дополнение к этому необходимо подчеркнуть, что изложенная выше исконно дакийская (фракийская) этимология глоссы *diésera* как слова, состоящего из двух полнозначных основ, — самостоятельность II основы подтверждается дакийскими синонимами (*-ema* = *-apter* и пр., о чем см. выше) — исключает мысль относительно ее заимствования из южно-славянских языков, лишая одновременно гипотезу Мареша-Махака о наличии прямых отражений и.-е. *s*-основы **diyes-* в славянских языках (болг. *divízma*, с.-хорв. *divǐzma* и соответственно ст.-слав. *дѣво*, *дѣвесе*) главного ар-

гумента, базирующегося на письменной фиксации Диоскоридом формы названия, якобы воспринятого к I в. н. э. у славян. Относительно идеи о возможности непосредственного восприятия славянских названий даками и фракийцами в столь ранний период (мысль, отстаиваемая Нидерле, — указ. соч.; Влахов датирует проникновение славян в Восточные Балканы несколько позже — Влахов, 1969) не подтверждается современными фразеологическими исследованиями, показавшими, что основная масса славян пришла на Балканы не ранее VI в. н. э. и что, по крайней мере, до IV в. н. э. даже отдельные, небольшие группы славян не появлялись по южную сторону Карпат. В подобных экстралингвистических условиях (отсутствие непосредственных контактов) трудно представить вероятность проникновения иноязычного названия дикого растения из одного языка в другой.

Сказанное побуждает нас постулировать обратную направленность связи дак. *dičesna* — ю.-слав. *divizma*. Именно сохранение неславянского морфемного облика суффиксальной части, по всей вероятности, восходит в качестве пережитка к данной дакийской глоссе (ср. наличие дублетов с *-izna* в самом болгарском и сербохорватском). Более того, не исключено, что это непосредственное цельнолексемное балканское, герп. южно-славянское, заимствование из дакийского субстрата, контаминированное с исконно славянским *divizna* (о возможности сохранения интервокального *џ* в фракийском прототипе см. выше, с. 31 сл.). Этому выводу способствуют следующие моменты: 1) ареал названий с *-izma*, противостоящих неизменному *-n-* в составе суффиксальных образований всех других славянских названий Verbasium; 2) этимологическая проясненность дакийского фитонима на туземной почве, в частности включение его I основы в круг фракийских продолжений и.-е. *dičes-* и пр.; 3) датировка дакийской глоссы I в. н. э., т. е. за несколько веков до прихода славян на Балканы; 4) культурно-этнографический контекст, выразившийся в реально засвидетельствованном субстратном влиянии дакийского, герп. фракийского, на южно-славянские и другие современные языки Восточных Балкан (подробно см. Гиндин, 1973, 74).

Значение данной идентификации трудно переоценить, так как в южно-славянских языках, включая болгарский, за единичным исключением почти не отмечены лексемные субстратные отражения, имеющие надежные этимологии (см. Гиндин, 1973, 66 сл.). Однако и эту гипотезу надо выдвигать, учитывая возможность дублетов типа *njěsna: njěsma*, существующих в сербохорватском, см.: *bjělizna: bjělizma* и др., ср. еще болг. *белизна: белизма*; о важности с.-хорв. *divizma* см.: Ф. Безлай. — Этимология 1971. М., 1973, с. 376.

В свете изложенного нам не представляется правомерным признать справедливость утверждения Дечева, что звонкий дентальный возник во фракийском слове под влиянием греческих имен с омофоническим первым компонентом (Дечев, 1952, 9, прим. 4); необходимость подобного предположения явно продиктована стремлением согласовать наличие начального *d* в рассмотренных фракийских личных именах с ортодоксальным положением о безысключительности передвижения смычных согласных в фракийском, о чем см. гл. III. Кроме того, трудно представить, чтобы нивелировка по греческому образцу равно коснулась всех многочисленных вариантов столь употребительной и важной ономастико-апеллативной основы. Для последующего необходимо уточнить: во всех фракийских именах с основой, продолжающей и.-е. **d(e)ǵu-*, в соответствии с реконструкцией легко вос-

становливает билабиальный *ц* (греч. *F*), выпадающий регулярно в греко-римских передачах данного фракийского ономастического гнезда между гласными и часто после *i* перед согласным. Это явление, надо полагать, было инспирировано слабой артикуляцией *ц* в указанных позициях в самом фракийском (см. выше, с. 32). О былом *ц* (греч. *F*) свидетельствует возможное в редких случаях фиксации ударения заменительное удлинение, ср. цитированное *Δίος* с вариантом *Δίον* (< **ΔiFev*), ср. греч. *δῖος* и пр., ЭН *Δίος*, с вариантом *Δι* (D., 140; < **ΔiFai*), видимо, „светлые“, ср. толкование Томашека (Tomaschek I, 71) „die Göttlichen, die Gottesdiner“ *Δειος* при *Διος* (D., 141; < **ΔiFos*), *Δειοεις* при *Διοεις*, ЭН *Διοει* (D. 143; < **ΔiFooeis*).

Как и в большинстве индоевропейских языков, во фракийском наличествуют не только проявления глагольного корня **dei-*, *deið-*, *dī-* и пр. „блестеть, светить“, расширенного посредством *ц*, но и его нулевой ступени с *n*-распространителем, т. е. **din-* „день“, ср. ст.-слав. дньь, др.-инд. *dīna-m* то же и др. (ср. Роконгу, 186). К последним мы склонны отнести фракийский компонент сложных имен, употребляемый и самостоятельно; *Διν-*, *Δινε-*, *Dini-*, *Δινο-*, *-dinus*, *-dinus* *-dinos*, *-dinninus* (D., 138);¹ аналогичная кельтская основа в ЛИ *Dino-mogeti-*, *-marus*, *Dino-magius*, *Din-uus* и т. д. толкуется Хольдером подобным же образом (см. Holder I, 1284). На старую морфологическую и семантическую связь фракийских рефлексов и.-е. **d(e)ǵ̑u-*: *dju-* и **din-* указывает, по-видимому, параллелизм некоторых ономастических композит с этими основами, например, ЛИ *Διακένθος*, *Dias-centus* (D., 130): *Δινκένθος*, *Din(i)-centus* (D., 138); *Διοντραλις* (D., 142) *Dini-tralis* (D., 139). Интересны также как диахронически тавтологические ЛИ *Dias-dinus* (D., 130) и *Zia-dinnius* (D., 186); о первом компоненте *Zia*-см. ниже.

Вторая достаточно обширная и претерпевшая более значительные фонетические модификации группа продолжений и.-е. основы **d(e)ǵ̑u-* образовалась целиком в результате спирантизации *d* перед передним *i* уже на почве самого фракийского, ср., например, имя бога *Βενδῖς*, *Béndis*, ЛИ *Βενδῖς*: ЛИ *Βεντζεις* (D., 50).² Эта группа состоит из сложений с первым компонентом *Zi-*, *Zei-*, *Zη-*, *Zwi-*, *Zie-*, *Zwo-*, *Zio-*, *Zov-*, *Zy-* (D., 185), независимое употребление ЛИ *Zia* f. (D., 186). Факт спирантизации в данных основах свидетельствуется типологически и функционально сходным употреблением с ономастическими композитами, содержащими *Δι-*, *Δια-*, *Δει-* и пр., в некоторых ЛИ второй компонент тождествен, например: *Zi-συρας* (D., 192): *Δι-συρας*, *Δι-σορας*, *Δει-σορας* (D., 143); *Zei-τραλις* (D., 180): *Δι-τραλις* (D., 131), *Διον-τραλις* (D., 142); *Zio-πορας* (D., 189), *Zov-πορας* (D., 194) и пр.: *Δι-πορας*, *Διον-πορας* (D., 127); *Zi-πυρας* (D., 191) и др.: *Δι-πυρας*, *Διπυρας* (D., 130) и т. д.

Фракийским формам с начальным *Z*, например, *Zi(F)ο-*, *Zi(F)ο-*, *Zi(F)α-* и под. полностью соответствуют лид. апеллатив *civs* „бог“, *civa* „богиня“ с дериватами и, возможно, мильиск. *zi-* „день“; подробно о данных позднеанатолийских лексемах с постулированием аналогичного фракий-

¹ Иначе, структурно и семантически менее удовлетворительно см. Дечев, 1952, 22: к. и.-с. **ddei-*: *dūi-* в греч. (гом.) *δειδω* „страшиться“.

² Специально о вторичной фракийской ассимиляции перед светлыми гласными с многочисленными примерами см. Kretschmer Einl., 196 сл.; Iokl RL XIII, 290 сл.; Mateescu, 1923, 101 сл., 157 с прим. 1; Mihailov, 1943, 63 сл.; Дечев, 1952, 22.

скому, — на это следует обратить специальное внимание, — направления и результатов ассимиляции см. Heubeck, 1959, 52 сл. с литерат. Следует также заметить, что фрак. *d* перед *i*, resp. *i*, вообще могло, как в позднегреческом, иметь произношение африкаты или интердентального спиранта, ср. характерное в этом отношении *Zov* < *Διον*- и т. п.

Третья группа основ, предположительно относимая к тому же индоевропейскому корню, что и рассмотренные, состоит из двух вариантов основы, имеющей в аналауте сибилант *s*, а именно Σi -, Σei -, втекающих в весьма ограниченном числе композит, сводимых к трем инвариантам, ЭН Σi -*ἀλέτι* (D., 440), ЛИ *Si-bur-renus* (там же), Σi -*τάλκης* (D., 450 сл.). Это *s* могло теоретически возникать или благодаря далее идущему процессу ассимиляции *d* перед *i* (Mihailov, 1943, 63 сл.) или, в результате, как предположил Дечев (1952, 22), ассимиляции *t* в той же позиции, причем сама ономастическая основа *Ti*-, имеющаяся здесь в виду, из того же и.-е. **di*- „блестеть, светить“ по передвижению согласных. Сюда же Дечев (1952, 22; D., 440) включает и упомянутое в самом начале *Sia-maus* < *Tia-maous*, с первым компонентом, отражающим данный и.-е. глагольный корень, расширенный -*ц*-, как в выше рассмотренном *Δι*- и т. п. Однако вероятность отождествления основ Σi -, Σei - и с *Ti*- и с *Δi*-, *Δei*- и пр. минимальна, так как второй компонент ономастических композит, в которые они входят, не имеет ни одного случая совпадения, что лишает нас возможности опереться на факты комбинаторного анализа.

В этом смысле полное исключение составляют лексемы *Tia-maous* и *Sia-maus*, вынесенные в заглавии этюда и являющиеся в нем, строго говоря, основным предметом исследования.

Формально и семантически *Tia-maous* объединено Дечевым (указ. соч.) с основой *Ti*- < и.-е. **di*- в ЛИ *Ti-topos*, *Ti-tychos* (D., 502), но по тем же причинам, что и Σi -, последнее может быть элиминировано из числа рефлексов указанного и.-е. корня, или эта связь должна быть признана мало надежной; кроме того, допустимо членение *Ti-tychos* и *Titychos* (об эгейской основе *Tit*- см. Гиндин, 1967, 87 сл.).

Таким образом, наше *Tia-maous* и непосредственно связанное с ним МН *Tiu-tia-menos* оказываются стоящими особняком в отношении компонента *Tia*-. Ниже к нему будут присовокуплены еще некоторые родственные формы. Что же касается второго компонента -*maous*-, то как раз его специфически нефракийский облик послужил импульсом к поискам материальных истоков вне этой языковой области и для первой части антропонима, хотя уже само стремление найти единообразное, не выходящее за рамки фракийского языка объяснение всем фонетическим и в отдельных случаях морфологическим вариантам рефлексов и.-е. *djeu*- и пр., прослеживаемых во фракийских языковых остатках, попросту противоречило бы здравому смыслу, поскольку аналогичное состояние ни в одном из индоевропейских языков не отмечено. Кроме анализируемого *Tia-maous* и ЛИ *Mau-pus* (D., 287) („анатолийское“ происхождение его II части у нас не вызывает сомнения), во фракийском имя богини-матери встречается в односложной или дифтонгической форме *Ma*-, *Ma*-, *Me*-, *Mη*-, *Ma*-, *Me*- (D., 278); при этом восстановление финального *ц* на стыке компонентов сложения не представляется реальным. Специально рассмотренная нами ранее (Гиндин, 1967, 114 сл.) хетто-лувийская теонимическая основа **Matw*- широко представлена в позднеанатолийской ономастике, в частности, в западно-

малоазийском названии племени, обитавшем, согласно античной традиции, в Восточной Лидии; *Mήνορες, Μαιόνες, Μήονες* < анат. **Maṃa-wana/i* по типу рассмотренного выше лик. *Plañña* < **Plawa-wana*, греч. *Πλωεύς*, а также в имени карийского царя *Μαύσ(σ)ωλ(λ)ος*, лик. ЛИ *Μανσολος*, возможно, капп. ЛИ *Maṃwashi* f. (L., № 795). В цитированной монографии автора данная анатолийская основа выявлена в (до) греч. МН *Μανσοός*; на апеллативном уровне эта основа наличествует в греч. *μαῦλις μάχιρα* (Hes. и др.), вероятно, из лидийского адъектива на *-li-* **maṃ-lis* (Гиндин, 1967, 114 сл.).

Необходимо отметить, что фригийский также знает один и очень яркий случай засвидетельствования именно богини матери *Maṃ(a)*, которое вскрывается в неоднократно рассматривавшемся многими малоазийском теонимическом композите *Γ'δαυιάας (χωρίον)*; реконструируемое на его основе фриг. **Γ'δαν-μῆνα* „мать-земля“ тождественно семантически и структурно-типологически (до)греч. *Δω-μάτηρ, Δαυ-μάτηρ, Δη-μήτηρ*, подробно толкуемому в связи с элементом *-δων* (№ 6). Явно догреческий характер богини земледелия *Δω-μάτηρ* и пр. и ее хтонического культа, отсутствие связей фригийского теофорного топонима во фригийской ономастике и фригийских надписях, наконец, его малоазийское местоположение скорее всего говорят о заимствовании из какого-то общего, может быть, анатолийского источника с соответственным адаптационным калькированием, ср. вифинское *Mā Tiavī* (Kretschmer Einl., 338) ~ лув. *tijammi* — „земля“ (Laroche Dict., 87), исавр. ЛИ *T[i]jamos*, псид. *Tiomas*, лид. *Μην Τιμοῦν* (S., 207, где точная реконструкция из **tija-ma*).

Обратившись к интерпретации *Tia-* — первого компонента сложения с *-μαος*, сразу можно отметить полное совпадение его реконструируемой формы **Tiṃa-* (греч. перед. *Ti(F)a-*) с именем лувийского бога солнца *Tiwat-* (кл. *Ti-wa-ta-*, Laroche Dict., 128; 1960 сл.), которое Фридрих вместе с хетт. *šiw-att-* „день“, справедливо членит на основу *Tiw-* < и.-е. *d̥ieu-* + суффикс абстрактных имен *-at(t)-* (Friedrich HW, 195), далее ср. лид. ЛИ *Tivda* (Gusmani Wb., 213),¹ к выделению непрямой лувийской основы *Tiṃ-* ср. лув. иер. *Tiṃa(n)d/t* (Heubeck, 1959, 52 с ссылкой на Боссерта).

Теофорная основа *Tiwat(a)-* входит в состав многочисленных лувийских клинописных и иероглифических антропонимических композит, см *Tiwata-miwa, Tiwata-ziti, *Tiwata-ura?* и т. д. (L., 290). Нераспространенной суффиксом лув. *и*-основе **tiṃ-* правомерно, видимо, приписать значение „светлый, сияющий день; бог светлого дня; вообще бог“, что вполне соответствует дистрибуции значений рефлексов праформы **d̥ieu-* в индоевропейских диалектах, ср. греч. *Ζεός*, лат. *Iu-piter* < вос. **d̥ieu p̥ater*, поп. *Diespiter* при *dies* „день“ и т. п. Таким образом, изложенное позволяет истолковать фракийский композит *Tia-μαος* в качестве очень вероятного лувийского заимствования из **Tiṃa-μαῖοϝ-* „имеющий отношение к богине *Μαṃ(a)*; принадлежащий богине *Μαṃ(a)*“; его первая часть во фракийском была оформлена по типу тематических основ женского рода, вторая же является посессивом на *-(o)ṃ(a)-* (лид. *-av-, -ov-*), адаптированным, подоб-

¹ О хетто-лувийском суффиксе *-at(t)-* см. Friedrich HE, 38; Laroche Dict., 139; Иванов, 1963, 194; о позднеанатолийском суффиксе *-da-: -ta-*, родственном хетт.-лув. *-at(t)-*, в частности в лув. *Tiwata* без веских оснований пишет Шеворошкин (1965, 240).

но рассмотренным Ἰαριον-Ἰηρή и Τορκους (см. № № 1,2), в качестве фракийской *и*-основы, о чем выше писалось (с. 39 сл.) подробно.

Более того, по отношению к лув. *Tiṷ-at-* проанализированное фрак. *Tia-* не стоит особняком. Фракийский сверх того располагает еще другими именами собственными, содержащими ту же, но нетематизированную основу; одно из них выказывает полное морфемно-словообразовательное тождество лувийскому теониму. Здесь имеется в виду фрак. ЛИ *Tiouta* (Mihailov III, № 1005; 1348), *Tioutḡ* (Mihailov III, № 1010; Бешевлиев, 1965, 16, 17; D., 507) из **Tiṷ-ta* = лув. *Tiṷ(a)ta-*; слоговая запись *Ti-wa-ta-* позволяет и консонантное чтение среднего слога, ср. в этом смысле лид. *Tiv-da*, упоминавшееся выше. По причинам, главным образом, формального порядка нам представляется менее оправданным и экономным объединение Дечевым (D., 507, 495) вслед за Кречмером (Einl., 228) *Tiouta*, -η с фрак. *Tauto-medes* при последующем возведении к и.-е. **teutā* „народ“ (от корня **teu-* „расти, становиться мощным, сильным“) в гот. *Fiuta*, лтш. *tāuta* то же, иллир. *Teuta* и пр., кельт. *Tautius* и пр. Фракийский язык не знает германской трансформации дифтонга **eu* непосредственно в *iu* (Brugmann KVG, 87), как, например, в готском; во фракийском произошла какая-то не совсем ясная вторичная прејотация *й* перед зубным преимущественно (ср. Дечев, 1952, 33); характерно сомнение Кречмера (указ. соч.) относительно перехода и.-е. *eu* > фрак. *iu*. Фрак. ЛИ *Touta* (D., 507), предполагаемое, по всей вероятности, в виде промежуточной ступени, не может быть прямо идентифицировано с фрак. *Tauto-* и его индоевропейскими коррелятами, поскольку его туземная форма **Tuta* (ЛИ с той же основой в латинской транскрипции имеет вид *Tutius* = кельт. *Tutius*, иллир. *Tutia-* D., 517) в любом случае восходит лишь к нулевой ступени и.-е. **teu-* с *t*-расширителем, имея значение „мощный, сильный“, ср. фракийский гидроним *Toṷτης* (D., 515, с повторением подобной интерпретации Томашека, см. Tomashek II, 2, 98); кроме того, у нас нет никаких достоверных данных в пользу гипотезы, высказанной Томашеком (II, 2, 38) с ссылкой на Дюмона, что *Toṷta* и *Tioṷta* варианты одного и того же имени. С другой стороны, в германских языках, в частности в готском, как будто неизвестны случаи употребления аппелатива **teuta* в качестве антропонима.

Вместе с тем факт исконности формы *Tiouta* подкрепляется наличием во фракийском весьма своеобразного топонима *Tiu-tia-menus vicus* (D., 507), построенного на повторении диахронически адекватных основ, т. е. **Tiṷ-tiṷa-menus*; ¹ между прочим, видимо, адъективно причастный исход *-menis* в фракийской ономастике больше нигде не отмечен (см. Vlahov, 1963, 365).

Свидетельство Ст. Византийского (s. v. *Τῖος*):... ἐκ τοῦ τιμῶν τὸν Δία *Τῖον* προσαγορεύσει делает весьма достоверным выявление основы *Tiṷ-* и в МН *Tῖον*; *Τῖος*, *Τῖος*, *Τῖειον*, *Tius*, *Tium* — город на границе Вифинии и Пафлагонии (D., 506; относительно толкования фриг. *tinjon* см. Haas, 1966, 67, 86) < **TiFo-v/|-o-s*; на выпадение билабиального *ц* (греч. *F*) указывает замечательное удлинение, обозначенное обличенным ударением в *Τῖος*. Жители этого города назывались *Tiavoi*, *Teiavoi*, видимо, < *Tiwa-wana/i* с гапло-

¹ Томашек (указ. соч.) связывает это местное имя с *Tioṷta* и пр.; в нашем членении и реконструкции мы частично следовали Дечеву (указ. соч.).

логией, аналогично писидскому демотикону *Γλωνρος* < **Γλωα-ωана* (см. с. 34), и долгим слогом *ei* < *i* после выпадения *ц*.

Фракийский сохранил, как уже говорилось, топоним *Siamaus*, представляющий собой коррелят с сибилантом в анлауте к уже истолкованному *Тиа-маоус*, и тождественный ему, надо полагать, по внутренней семантической форме. I компонент **Siw-a* (фракийская тематическая основа женского рода) в точности соответствует хетт. *šiu-, šiu(n(i)-, šiwann(i)-* „бог“, *šiwatt* „день“ (Friedrich HW, 194, 195); на базе деривата *šiu(nala/i)* образовано капп. ЛИ *Šiwanala* (L., 337). Получилась ли основа **Siw-a-* по ассимиляции дентального на фракийской почве из **Tiwa-*, восходящей, как мы стремились здесь показать, к лувийскому прототипу (см. рассмотренные выше *Ziц* < **Diц-*), или она непосредственно восходит к хеттскому варианту анатолийской основы для обозначения понятия бог, трудно пока сказать что-либо определенное, хотя последнее предпочтительнее. Однако влюбом случае перед нами знаменательный в аспекте фрако-хетто-лувийских отношений параллелизм рефлексов и.е. **dieu-*, различающихся начальным согласным: фрак. **Tiц-*: **Siц-* — лув. *Tiw-*: хетт. *Šiw-*.

4. *Magava* м. ЛИ (CIL III, 7389, из Паниона). Членение на *Ma-gava* поддерживается параллельным ЛИ *Мада-γαва* (см. ниже). I часть, не вызывающая затруднений в интерпретации, входит в обширную группу сложных имен собственных, содержащих именно в I компоненте различные фонетические модификации имени фракийской богини-матери *Ma-, Mu-, Mη-, Mae-, Me-*, уже рассмотренного в связи с *Тиа-маоус* и пр. (с. 48 сл.). II часть — *-gava*, засвидетельствованная всего лишь дважды, формально и, принимая во внимание минимальный синтагматический контекст данного сложного ЛИ, в функционально-семантическом отношении тождественна лид. *kaveś* „жрец“ (Gusmani Wb., 150); относительно чередования глухих и звонких смычных в фракийском, с передвижением согласных во многих случаях см. гл. III; для начала морфемных отрезков ср. греческие передачи фрак. ЛИ *Γουδίλας: Κουτίλας* (D., 265) и пр., м.-аз. ЛИ *Μω-γετης* (S., 99): *Ζηρι-κετης* (там же), II часть равна хетт. (<хатт.) *k/gatte* „царь“; специально о возможности идентификации позднеанат. *-γет-* с хатт. *k/gatte* см. Гиндин, 1967, 130 сл. Лидийский религиозный термин обычно сопоставляется с греч. *κοίης· ιερεὺς Καβείρων, ὁ καθάϊρων φωνέα, οἱ δὲ κόης* (Hes.); др.-инд. *κατί-* „Seher, Weiser, Dichter“; *κοῦλῆς· ὁ ἱερεὺς* (Hes., Suid); *κοῖον ἐνέχυρον; κοῦα, κῶα ἐνέχυρα; κοῦάσαι ἐνεχυριάσαι* (Hes.), греч. *κοέω* „замечать, слышать“ = лат. *caveo* и пр. (Frisk I, 893 сл. — s. v. *κοῖον* 890, где основа *κοι-* из *κοφι-*; Mayrhofer I, 188 — оба с ссылкой на Массона относительно лид. *kaveś*; прочие и.е. параллели с расширителями *-s* и *-d* см. Рокотну, 587 сл. под *keu-*: *kou-* „(про)видеть, слышать, замечать“. Сюда же лув. иер. *kawāi* „алтарь“ (Шеворошкин, 231) и значительное число анатолийской, главным образом, поздней антропонимики и реже топонимики с основой **Кац*-, расширенной посредством различных суффиксов: хетт. ЛИ *Kawija*, капп. ЛИ *Kawia* (Laroche, 1952, № 291, ср. L., № 558), возможно, хетт. ЛИ *Gawala* (L., № 557), м.-аз. миз. МН *Κανη*, писид. ЛИ *Κευης* (м.-аз. **kaw(a)-*); относительно вокализма п.- хетт.-лув. *e* на месте р.-хетт.-лув. *a* см. выше с. 33 сл.); лик. *Καωα-ρι*, кар. МН *Κεωαρος* (м.-аз. **Καωα-р-*); лик. ЛИ *Καωαση* (все м.-аз. имена собственные см. S., 99 сл.); м.-аз. миз. *Καν-ιλος* (Zg., § 556); там же о возможной фракийской принадлежности имени

оформленного греческим суффиксом *-λος* (м.-аз. **Kaw(a)-s-*); псид. *Kavallē* или *Kavallēs* m. (Zg., § 555-1); видимо, адъектив с possessивным оттенком на *-(a)l-*, о чем см. выше, с. 33 сл.); кар. и догреч. анат. (крит.) МН *Καῖνος*, (S., 100; P.-B. I, 639): кроме того, ионийский остров (м.-аз. **Kaw-n*), м.-аз. *Καοανία* (S., 286; < *Κατω-ωανί-*).¹

Ту же м.-аз. основу несомненно содержит *Δῆοκόων* < **ΔαFo-koFων* — имя знаменитого жреца Аполлона или Посейдона (P.-B. II, 772), предсказавшего гибель Трои и легко толкуемого как „жрец (-прорицатель) народа“; само имя, видимо, гибридное, содержит в I части греч. *λαFός* „народ“, II компонент в такой форме в греческом ономастике, кажется, не встречается, где засвидетельствовано ЛИ *Εὐ-κοίης* с II основой, идентичной выше цитированной глоссе Гесихия и им же глоссированному глаголу *κοῖται* *ἱερῶται*, ср. лак. *ἐκοίFη* (см. Fick—Bechtel, 1894, 171). Напротив, как раз у троянцев отмечены, по крайней мере, 3 также гибридных антропонимических композита, имеющих II компонентом *-κο(F)ων*: *Δημο-κόων*-сын Приама (P.-B. I, 291), семантически адекватное (греч. *δῆμος* „народ“) приведенному *Δῆοκόων*, что может указывать на параллельное калькирование I части одного и того же туземного м.-аз. личного имени; *Εὐροκόων* — сын Перимнестоса, троянец (P.-B. I, 421), ср., видимо, негреческое по II основе *εὐροκόας* *μεγάλονος* и пр. (Hes.); в Малой Азии зафиксирован топоним *Λαλα-καον* (S., 100, Kretschmer Einl., 352), **Lal(l)a* — весьма распространенная в анатолийской ономастике основа, возможно, теофорная (см. S., 133; Kretschmer Einl., 351 сл.; ср. Laroche, 1947, 69: *Lalaš-šiš*). Следует упомянуть еще мифологическое ЛИ *Διοκόωσα* (P.-B. II, 772), вероятно, вариант женского рода к *Δῆοκόων*, *-ωντος*.

В итоге возникает достаточно оснований, чтобы истолковать фрак. *Ma-gava* „жрец Ма — фракийской богини-матери“, аналогично интерпретации, предложенной для упомянутых м.-аз. имен собственных, с возведением II компонента к прототипу, широко распространенному в анатолийской, особенно поздней, ономастике. Не исключено, кроме того, и цельное заимствование данного фракийского теофорного антропонима из хеттолувийского, ср. культ богини *Mā* в центре восточных областей Малой Азии, особенно в Каппадокии, а также на западе, например, *Mā ἀνευκῆτωι* в Пергаме (Zg., § 839-1 с прим. 3). Мысль о заимствованном характере *Ma-gava* может быть подтверждена наблюдением над тем, что элемент *-gava* в сочетании ни с одним из многочисленных богов фракийского пантеона более не зафиксирован. По справедливому предположению Д. Дечева, фрак. ЛИ *Μαδα-γανα* f. является параллелью рассмотренному *Ma-gava*; к I части ср. осет. *madä* „мать“ (D., 279; прочие иранские параллели см.: Абаев II, 62).

Однако отражения и.-е. **kou-* не ограничиваются во фракийском наличием заимствованной лексемы. Подобно рефлексам и.-е. *d(e)jēu-* (см. № 3), фракийский располагает и рядом исконных продолжений данного и.-е. корня, причем, как и в первом случае, именно предположительно исконные ономастические рефлексы сохраняют неизменным качество анлаутного смычного согласного. Речь идет о целой группе имен собственных, связующим звеном между которыми служит весьма своеобразный в плане греческих литературных передач, обычно адаптирующих конец слова,

¹ Подробнее о м.-аз. основе **kaw-* в связи с догреч. анат. *Καῖνος* см. Гиндин, 1967, 170 сл.

элемент *-κῆρι*: *-κῆρι* в топонимах *Κούσκῆρι* — кафель в области Марцианополя (Proc. ae. IV., 11 — Н. 148, 25) и *Κουσκῆρι* — кафель в Родопах (Proc. ae. IV, 11—Н. 145, 22; D., 264). Фонематический состав этого элемента при наличии в фракийском нерегулярного перехода *ou > au* (Дечев, 1952, 37) допускает однозначную реконструкцию **kou-r- : *kouci-r-*, по основе формально и, как мы увидим ниже, вероятно, семантически тождественной др.-инд. *kavi-*, ср. лид. *kave-* (см. выше); к суффиксу ср. упомянутое лик. *Kawari* и пр.; переход интервокального *u* в *b* (или его передача через греч. β, лат. b) характерная черта фракийских языковых остатков, ср. *-δῶα*: *-δαβι*, *-dava*, *-daba* (D., 121) и т. д. (специально: Дечев, 1952, 20).

Вместе с тем по ряду соображений вряд ли может быть случайным почти пофонемное совпадение *-κῆρι* (: *-κῆρι*) с именем догреческих хтонических парных божеств *Κάβηροι*, *Κάβηροι*, по некоторым источникам, (Paus. X, 38,7 и др. авторы), равных *Λίσκηνροι*. В греческих надписях встречаются обе формы с *ei* и с *i* в срединном слоге; согласно Etymologicum Gudianum, грамматики Алексий и Филоксенос писали *Κάβηροι*, поэтому, возможно, эти формы соседствовали с самой древности (подробнее см. Hemberg, 3, 18).

Самое древнее из достаточно развернутых сообщений о Кабирах принадлежит Геродоту. В II, 51 он пишет, что обычаю изображать Гермеса с прямо стоящим фаллосом эллины научились не у египтян, но от пеласгов, и „всякий, кто посвящен в оргии Кабиров, которые, будучи унаследованы у пеласгов, справляются самофракийцами, тот знает, что я говорю“ (*ὅστις δὲ τὰ Καβείρων ὄργια μεμύηται, τὰ Самоφρήκιες ἐπιτελέουσι παριλαβόντες παρὰ Πελασγῶν, οὗτος ὄνησ' οἶδε τὸ λέγω*); „Самофракию же раньше населяли пеласги, те, которые поселились потом среди афинян“ (*τὴν γὰρ Самоφρήκην οἴκειον πρότερον Πελασγοὶ οὗτοι οἱ περὶ Ἀθηναίοισι σύνοικοι ἐγένοντο*). Справедливость этого сообщения Геродота не вызывает сомнения, поскольку, судя по контексту, он получил свои сведения непосредственно от участников кабирских оргий. Ср. у Нильсона (Nilsson I, 671) толкование данной цитаты в качестве заслуживающего доверия свидетельства; там же об изображении самих Кабиров с стоящим фаллосом и о Самофракии как основном месте их культа. Многочисленные античные источники в дополнение к этому единодушно сообщают, что Кабиры более всего почитались на о. Самофракия, наряду с Самосом, Лемносом, Имбросом, Троей, Пергамом и другими малоазийскими прибрежными городами, затем в Македонии и Беотии — Plut. Marc. 30; Strab. VII, fr. 50; X, 3, 7 и др.; Mnas. в схолии Ar. Rh. I, 917; полную сводку источников см. P.-B. I, 587; Kern, RE X, 1399 сл. и особенно в образцовом исследовании Хемберга, где имеется, помимо того, весьма характерная в смысле негреческого происхождения Кабиров карта распространения их культа (карта II); самое раннее упоминание о Кабирах, между прочим, встречается у Гиппонакта, т. е. относится к VI в. до н. э. (см. Hemberg, 132). Надо полагать, именно указанная географическая дистрибуция культа Кабиров с центром в Самофракии побудила Дечева безоговорочно включить эти божества в фракийский пантеон (D., 220). В этой связи, видимо, показательно наличие культа *Μεγάλοι Θεοί*, которые обычно идентифицировались на Самофракии и в других пунктах с *Κάβ(ε)ροι*, в городах континентальной Фракии: в *Ὀδησσός*, *Ἰστρος*,

Kállauis, Tōmus и т. д. (Hemberg, 215, 217 сл.).¹ Подобное обстоятельство может действительно свидетельствовать об исконно фракийском генезисе указанных божеств и их последующем рассеивании, аналогично культу Диониса, по всей Эгеиде, особенно в приморских областях Малой Азии, ср. распространение данного теонима и его производных в качестве личных имен в Македонии и Беотии (Sittig, 1911, 143—144), а также в топонимии, например: *Κάβειρος, Κάβειροι* — гора в Берекинтии (Фригия), от которой, по Деметрию Скепсийскому у Страбона (X, 3, 20), самофракийские Кабиры получили свое название, кроме того, город в Беотии (Р.-В. I, 587). Именно опираясь на это место Страбона и на упомянутую выше схолию к Аполлонию Родосскому (I, 917), А. Фикк трактовал теоним *Κάβειροι* из фригийского (Fick, 1909, 48), т. е. языка, во всяком случае ареально и этнографически близкого фракийскому; здесь уместно напомнить весьма справедливое рассуждение того же Страбона относительно причин подобия ритуала в культуре Матери богов у фригийцев с фракийскими Котиттиями и Бендидеями: *καὶ οὐκ ἀλλοίως γέ, ὥσπερ αὐτοὶ οἱ Φρύγες Θρακῶν ἄποικοὶ εἶσιν, οὕτω καὶ τὰ ἱερά ἐκείθεν μετενηρέχθη* „и весьма вероятно, поскольку сами фригийцы суть переселенцы из Фракии, что и священные обряды были перенесены оттуда“ (Strab. X, 3, 16).

Впрочем, все это, хотя и делает менее вероятным, но не снимает возможности первоначального распространения культа Кабиров из Малой Азии и происхождение теонима *Κάβ(ε)ροι* из какого-либо анатолийского (хетт.-лув. языка, ку см. приведенную выше м.-аз. апеллативную и ономастическую лексику с основой **kaṣ-*, наряду с именами собственными, помещенными Сун.залеом под основой **kebe*, resp. *kaba*, например, *Καβαρῆς* — древнее имя о Парос, *Καβαλῆς* — город и местность между Ликией и Памфилией (S., 102; передача туземного интервокального *ϰ* через *β* обычна для греко-малоазийской ономастики). Кречмер был склонен присоединиться к версии Геродота (см. выше) и вывести кабировские мистерии вместе с теонимом из автохтонного (неиндоевропейского) малоазийского источника. Контаминируя вслед за Цахером ТН *Κάβειροι* с меонийским этнонимом *Καβαλεῖς* < **kavāl-* и засвидетельствованным у Аристофана ТН *Κοῦλεμος* < **koFalemos*, а также глоссами Гесихия *κόβαλος πανούργος, κακούργος* и пр., *κόβαλοι, βάρβαροι*; *καβαλός μορολόγος*. Кречмер предположил различные диалектные малоазийские формы основы: *kab-*, *kau-*, *kub-*, *kuv-*, (Kretschmer, 1927 b, 75 сл.). Для последующего важно обратить внимание в этой реконструкции на реальность чередования *b* : *ϰ* в исходе основы, переданной греческими фиксациями. Однако эти лексемные связи могут отражать более глубинную ситуацию. Свидетельство Геродота о заимствовании кабировских таинств у пеласгов, как и Страбона, но в ином этнолингвистическом плане, чем у последнего, скорее возвращает нас к фракийскому, поскольку т. наз. „пеласгский“ догреческий слой в генетическом отношении оказался близкородственным фракийскому (специально Гиндин, 1971, ср. Duridanov, 1972, 237 сл.). В свете изложенного нам представляется вполне вероятной гипотеза, если не об исконно фракийском происхождении теонима и культа Кабиров, то во всяком случае об их прочной 'принадлеж-

¹ Однако весомость этих фактов среди аргументов в пользу фракийского происхождения интересующего нас теонима снижается тем, что, кроме *Κάλλαις*, которую основали выходцы из дорийской Гераклеи, все они были милетскими колониями.

ности с древнейших времен к фракийскому пантеону и распространению кабировских тайнств некогда по всей Фракии.

Возвращаясь к поразительному сходству фрак. *-καβιου*: *-καυου* с теонимом *Κάβ(ε)υου*, необходимо заострить внимание на двух моментах, обуславливающих формально-семантическую мотивированность отмеченной омофонии. 1. Функции глоссового *κόης*, *κοίης* в качестве жреца мистерий в честь Кабириов, в частности в ритуале очищения от убийства, притом, что *Κάβ(ε)υου*, формально может восходить к **kou-*, как и *κόης* (< **κοFης*), наряду с *κοίης* (< **κοFης*), т. е. подобно фрак. элементу *-καβιου* реконструироваться в качестве **kouci-r-*; такое употребление слов идентичной внутренней формы в одном реально-семантическом ряду характерно для языкового мышления на мифологическом уровне. Что же касается взрывного греч. *β* на месте интервокального *υ*, то это явление, подобно фракийскому (см. выше), свойственно догреческому „пеласгскому“ слою, ср. *ἐρέβινθος* „вид кормового гороха“: *ῥοβος* „вика; турецкий горох“ при лат. *ervum* „вика“, др.-в.-нем. *araweiz* и пр. „горох“, возможно, из и.-е. **ereu-* — (см. Van Windekens, 1952, 11, 86 сл.; ср. Frisk I, 549, сл.; II, 424, где признается происхождение из восточноевропейской области; Walde, Hofmann I, 419 сл.; Pokorný, 335); *λαβύρινθος* „лабиринт“ при греч. *λαύρα* „проход в ущелье; улица; сток для нечистот“; по Van Windekens, 1952, 118, также „chemin taillé dans le roc“; там же подробно об этимологии *λαβύρινθος*; см. еще специально Гиндин, 1967, 158 сл., коррективы — 198 сл. (с подробной литературой); примеры отражения догреч. *υ* через *β* в интервокальном положении могут быть умножены (см. Van Windekens, 1952, 11). 2. Согласно некоторым античным источникам (Hes.; Nonn. 14, 19; 24, 93; 39, 391), Кабиры были детьми бога огня и кузнечного дела Гефеста — деталь, приобретающая в свете некоторых новых лингвистико-мифологических исследований особое значение для данного круга проблем. Недавно В. В. Иванов и В. Н. Топоров подробно прокомментировали глубинную этимолого-семантическую связь и.-е. группы лексик, имеющей значение „жрец, мудрец, поэт и пр.“ (др.-инд. *kaui-*, лид. *kave-* и т. д.) с славянским обозначением кузнечного искусства и искусства вообще, в том числе магического, ср. ст. сл. *къзнь* „τέχνη, μηχανή“, *коварнь* „πανοῦργος, мудрый, благоразумный“, чеш. *kouzlo* „колдовская сила и пр.“ при русск. *кузло* „кузнечный горн“, „кузнечная работа“ — все к праслав. **kovati*, ср. также ц.-слав. *кова* *ковати*, *ковати зълаати* „злоумышлять“ (Иванов, Топоров, 1973, 155).¹ Против языковой связи *Κάβευος* с др.-инд. *Kūbera-* — *Kuvera-* „der Herr der Geister des Dunkels, Gott der Schätze“, относящимся к пантеону позднего периода, см. Mauryhofer I, 231 (с литературой), Frisk I, 750 с пометой о неизвестности происхождения греческого теонима.

После этого довольно однозначно толкуемого материала уместно перейти к интерпретации I компонента рассмотренных фракийских топонимов — *Κουσ-*, реконструкция внутренней формы которого в сочетании с последующим элементом таит в себе неожиданные возможности для воссоз-

¹ Несколько по-иному с предположением в названии жреца и богов Кабириов, сопряженных в отрезке текста *κόης* [-*ἱερός*] *Κάβευος* (целиком глоссу Гесихия см. ниже), омофонно-семантической филиации рефлексов генетически различных корней **(s)keu*: *κου* „(про-)видеть, слышать“ и **kaq-* и пр. „бить, ударять“, от которого и праслав. **kovati*, см. Гиндин, 1975, с. 60 сл.

дания минимальных отрезков текста, нередко содержащихся в свернутой форме в именах собственных, ср., например, переднеазиатские индоарийские ЛИ: *Bartaśva* < **bhṛta-aśva* при ригвед. *sām bhṛtāśva*, букв. „с снаряженным конем“, эпитет Индры (RV VIII, 34, 12); *Biridaśva* < **pṛita-aśva*, „обладающий (хорошо) ухоженным конем“, букв. „(хорошо) ухоженный конь“, при ригвед. *āśvān pṛi-* „ухаживать за лошадей“, ср. форму императива *pṛinītāśvān* (RV X. 101, 7), *vajī nā pṛitāḥ* „как (хорошо) ухоженный конь“ (RV I, 66, 4; 69, 5) и т. д. Действительно, *Κουσ-* может быть закономерно сведено к тому же и.-е. **ko-*, расширенному посредством *-s* (атематический тип, ср. греч. ἀκούω < *ἀκουσῶ „слышать“, гомер. ἀκουή < **akouā* „слух“, гот. *hausjan* „слышать“ и пр. Таким образом, *Κουσ-κάβρι*, гесп. *Κούσ-καβρι*, проясняемое этимологически как **koūs-koṷ(i)ri* по форме и в плане сочетаемости лексических элементов почти полностью накладывается на глоссу Гесихия: *κό(Φ)ης (= ἰερεὺς) Καβείρων* в реконструкции **koṷa-s koṷ(e)-ir-on*.¹ Воздерживаясь от более детализированной морфолого-семантической реконструкции внутренней формы фракийских топонимов, отметим лишь, что *i*, крайне редко встречающееся в исходе фракийских топонимов (2—3 случая), может оказаться локативом на *-i*.

Обращает на себя внимание название еще двух кастелей у Прокопия, расположенных в тех же местах, как и рассмотренные *Κουσ-κάβρι*, *Κούσ-καβρι*, и отличающихся от них только суффиксом, что заставляет предположить в них либо соседние близко родственные топонимы, либо вариации одного и того же названия. Имеются в виду *Κούσκουλι* — кастель вблизи Марцианополя (Proc. ae. IV, 11) и *Κούσκουλις* (там же), легко восстанавливаемые в качестве **koūs-koṷ-li-* с тавтологическим повторением однокорневых элементов близкого смысла и possessивным суффиксом *-l(i)*, весьма характерным для анатолийской и фракийской ономастики, ср. производное от данной основы псид. *Καουλη/-ς*; подробно об этом суффиксе см. выше в связи с **Αριουλητή* (№ 1).

Более того, в фракийском ономастиконе имеется еще несколько имен собственных, образованных от омофонной основы *Κουσ-* (лат. передача *Cus-*): *Κούσιες* — также кастель в Родопах, *Κουσις* — ЛИ в надписи из Истрии, *Cusides*, *Cusaiā* f. — ЛИ в надписях из Паннонии (D., 264), возможно, *Κουσοὺς* — ЛИ в надписи из Пантикапея (D., 265), которое Згуста объединяет с *Κοσοὺς* и пр. и вслед за Фасмером считает иранским (Zgusta, 1955, 109; в Малой Азии им соответствуют исавр.-псид. демотикон *Κουσεανος*, ЛИ: псид. *Κουσιων*, лкн. *Κουσιανις* (S., 129). Разумеется, в объединении данных фракийских имен с рассмотренными выше есть значительная доля гипотетичности.

Сверх того, проделанный этимологический анализ допускает, как нам кажется, постулирование во фракийском апеллативной основы *κουσ-* (**koṷs-*) с значением, близким к семантике др.-инд. *kaṷi-*, гесп. лид. *kaṷe-*.

5. *-πο-ς* — структурно-типологически характеризуется тем, что встречается только в теонимах и теофорных именах, как то: *Πρόιπος*, *Πρόηπος*, *Πρόεπος* — сын Диониса, бог неистощимой производящей силы, способствующей

¹ Слабо аргументированная славянская этимология фракийских топонимов предложена Георгиевым (1958 а, 79) в разряде „возможных толкований“: *Κουσκάβρι*, *Κούσκαβρι* = **ко-зькъ върхъ* или *внрѣ* или **коуѣковѣ върхъ*.

щей процветанию во всех областях жизни людей, животных, растений (D., 379; Р.-В. II, 1252 сл.; Nilsson I, 594); *Πρίαπος* — эпитет Диониса, культ которого греки определенно заимствовали у фракийцев (Р.-В. II, 1253); *Πρίαπος*, *Priapos*, *Πρίαπος*, *Πριηπίς πόλις* — город на азиатском берегу Пропонтиды, *Πριαληνή*, *Πριαλής (χώρα)* — область, в которой расположен этот город, *Πριαληνός*, *Πριαλέως*, *Πριητηναίος* — этникон от него (D., 379, Р.-В. II, 1253), *Πρίαπος*, согласно Плинию (VI, 31, 38), также название острова в Эгейском море; *Περίεπιος*, *Περίπιος*, *Περιοέπιος*, *Πριέπιος*, возможно, *Πριήπιος* — название месяца у вифинцев в честь Приапа; все приведенные лексемы несомненно едины в парадигматическом отношении. Далее, ЛИ *Maurus* (CIL VI, 32624, a, 9: *L. Maurus Trimon* (т. е. из Филиппополя) D., 287;) ЛИ *Επιηπους* f. (Mihailov IV, № 1959, София; D., 169), *Επιη-πιος* m (Mihailov IV, № 2325, Ширбаново, совр. Мулетарово, район Петрич: D., 169;) ЛИ *Θιουλιπος* (Mihailov III, № 1104, совр. Варвара, округ Пазарджик): ЛИ *Deopus* (CIL III, 7330, Салоники, ср. VI, 32916; Mateescu, 1923, 97); вероятно, этнонимическое ЛИ *Vithopus* (CIL VI, 33005) *Vitupaus* (CIL VI, 2772 и 32660), *Βειδιπης* (Mihailov III, № 1338; D., 47); сюда, видимо, не относится, вопреки Дечеву, ЛИ *Miscarus* f., будучи стяженной формой от *Μουκαπονις*, *Miscarpis* (D., 316), II элемент из **rovi*, ср. D., 360, и ΓН *Αΐσηπος*, *Aesepus* (D., 10), где легко вычлениется *-ηπος* (фрак. **apa* и пр. „вода, река“ < и.е. **ar-* то же, см. D., 19).

Анализ целесообразно начать с теонима *Πρία-πος* и т. д., поскольку его семантика „высшая жизненная сила природы“ однозначно очерчена функциями божества, чей непрменный атрибут символики *φάλλος*. Предлагаемое членение опирается на такие сегментно-рифмованные имена, как *Deopus* (о I компоненте см. № 3 ≈ *Θιουλ-πος* (подробнее ниже), *Maurus* (о I компоненте см. в связи с *Τια-μαους*, с. 48 сл.) и др.; ср. D., 379: *Πρί-απος* и пр. с признанием этимологической неясности II части.

Направление поисков этимологических истоков данного имени бога определяется весьма примечательным географическим распространением имен собственных, идентичных с ним по основе и воспринимаемых греческими авторами в качестве родственных и производных от него, хотя это, возможно, не всегда соответствует истинному положению вещей. Несомненным дериватом от основы, отраженной общегреческой литературной формой *Πρίαπος*, но не от самой этой формы — слишком велики различия в звучании I части — выглядит название вифинского месяца; при этом обилие письменных вариантов названия свидетельствует о затемненности его внутренней формы для ряда античных авторов и попытках осмысления. Что же касается второго, омофонического до полного тождества формы топонима *Πρίαπος* (город и остров), то отсутствие в нем деривационных морфемных признаков делает маловероятным истолкование этого названия как „город Приапа“. В то же время подобное цельнолексемное употребление какого-либо имени бога в качестве другого ономастического объекта (топонима, антропонима и пр.) противоречило бы самой существенной функции языка и естественно не засвидетельствовано. Ниже мы постараемся показать, что здесь перед нами объединенные греками и поэтому фиксированные в тождественной передаче параллельные варианты действительно родственных по внутренней форме туземных прототипов. Однако, как бы то ни было, налицо совершенно локальная дистрибуция теонимической основы, заключенной в греческом имени бога *Πρίαπος* и пр. Его

ареал строго ограничен Вифинией, в частности, упомянутый город расположен по Ст. Византийскому (s. v. *Πρίαπος*), Страбону (VII, frg. 58) и др., на берегу Геллеспонта.

Такое положение вещей и некоторые иные соображения побудили многих, начиная с Томашека (II, 1, 42), который локализовал культ Приапа в прибрежных городах Геллеспонта, а саму лексему отнес в качестве возможности к языку вифинского племени *Βέβρυγες*, считать божество *Πρίαπος* и пр. по происхождению малоазийским с эпицентром распространения в Северо-Западной Малой Азии (см. Frisk II, 594; Boisacq, s. v., со старой литературой; Nilsson I, 594). Его сравнительно позднее появление в Греции отмечалось еще античными авторами (см. Strab. XIII, 1, 12: ἀπεδείχθη δὲ θεὸς οὗτος [*Πρίαπος*] ὑπὸ τῶν νεωτέρων οὐδὲ γὰρ Ἑσιόδος οἶδε „он же Приап был признан богом людьми новейших времен, ибо даже Гесиод не знает Приапа“). Там же Томашек предложил этимологию *Πρίαπος* от и.-е. **prei-*: *pri-* „любить“ и **op-*: *ap-* „Saft, Nass“, предварительно сравнив его с *Πρίασος*, *Πρίαόλας* — Genius des Erntesegens bei phrygischen Mariandynen, *Πρίατος* — вифинский бог в *Πραίνετος*, можно добавить еще др.-в.-нем. *Frija* „супруга Вотана“. Эта этимология, повторяемая в том или ином виде и в настоящее время, по крайней мере в двух отношениях, неудовлетворительна. 1. Функции Приапа значительно шире. Это не только и не столько бог любви, сколько вообще бог плодородия с атрибутом-фаллосом, символизирующим мужское начало, ср. название месяца у вифинцев и столпы (*τὰ ἔριμα*) Приапа в Беотии с конца V в. (Nilsson I, 594, прим. 4). Главным образом в эпоху римского владычества в Греции и особенно в Риме Приапа чтили в качестве божества, олицетворяющего плотскую мужскую любовь. 2. Томашек, упомянув родственную *Πρίαπος* (*Πρίαπος* и пр.) форму *Πρίατος* (также *Πρίαίετος*), не указал, что это — вифинский бог войны, согласно многим античным источникам (D., 378; к этому слову мы вернемся ниже несколько в иной связи), как и *Πρίασος* по ряду памятников (Р.-В. II, 1253).¹ Подобная функция непосредственно не вяжется с основным значением и.-е. корня **prai-*: *pri-* (см. Роконгу, 844), хотя, заметим, справедливости ради, в германских языках развилось вторичное значение „охрана, покровительство“ (ср. др.-в.-нем. *fridu* и др.) и „охранять, покровительствовать“ (ср. англ.-сакс. *fridian*).

С точки зрения нашей основной методологической предпосылки: прежде всего использовать ресурсы ономастики, дошедшей в греко-римских передачах с ареально близких территорий или относящихся к тому же времени туземных письменных фиксациях (см. с. 22), внимание исследователя должны привлечь формально идентичные малоазийские имена собственные — гибридное туземногреческое название карийского острова *Πριαλόνησος* (Plin. V, XXXI, 36, Р.-В. II, 1252; ср. S., 184: *Πριαλονησος*), ср. типологически и, возможно, семантически сходный упомянутый фрак. (вифин.) топоним *Πρίαπος* с вар. *Πριηπὶς πόλις*, и лик. туземн. ЛИ *Prijabu-hama* (S., 184, Zg., § 1304-1). Первые компоненты обоих западноазиатских географических названий, будучи идентичными по форме, вполне удовлетворительно проясняются на почве ранне- и позднехетто-лувийских языков. Членимая в свою

¹ Ср. аграрные функции у римского Марса (Dumézil, 1966).

очередь на **prija-* и **bu*,¹ эта часть топонимов таит в первом своем элементе продуктивную в анатолийской ономастике хетто-лувийскую наречную основу, соотносимую с хетт. *parija, parijan* „hinüber, darüber hinaus; außerdem“ (Friedrich HW, 160), ср. хетт. *para* „vorwärts; hervor; hinaus; darüber hinaus, außerdem; künftigt и пр.“ (Friedrich HW, 158), ср. лув. кл. преверб *pari-* „pro“ (Laroche Dict., 78), лув. иер. *par(a)* „avant, devant; de“; (Laroche, 1960, 8), лик. *prije-* (Houwink, 174), др.-инд. *prā, pāri, pāra-*, лат *pro* и т. д. с практически одними и теми же значениями, прослеживаемыми по всем родственным индоевропейским формам (ср. Mayrhofer Wb. II, 350). Данную основу несомненно содержат анат. ЛИ: хетт. *Parija-muwa* (L., № 939), **Parrijan(a)-ziti* (L., № 940); *Pari-ziti* (L., № 942), *Parija-watra* (L., № 941) и др.; лик. *Prije-nuba* = греч. перед. *Πρια-νοβας* (Zg., § 1304-2; Houwink, 174 с подробным анализом данной ономастической анатолийской основы; см. также Гиндин, 1967, 141 сл.).

Элемент **-bu* = -греч.-м.-аз. *-πο* может быть возведен (см. Шеворошкин, 216 и др.) к и.-е. *bhu* (нулевая ступень от **bheu-*) первоначально „расти, урождаться, процветать“, затем „быть и пр.“, ср. греч. аог. *ἔφυν* „я про-, изошел, возрос и пр.“, откуда новообразование *φύομαι* „расти, происходить стать“, *φῦμα* „нарос“ = др.-инд. *bhūta-* „земля, мир, сущее“, *φύσις* „природа“ и т. д. (Рокотну, 136 сл.; Frisk II, 1052 s. v. *φύομαι*); Фриск (там же) обращает внимание на „безгранично продуктивный“ словообразовательный тип сложных прилагательных с вторым компонентом *-φνής* и *-φνῆα*, например, *μεγαλο-φνής* „von großer, edler Natur“ и т. д., ср. еще ЛИ *Εὐφνής*; сюда же лид. *bu-* в союзе *buk(-)* „или“, наподобие нем. *sei es... sei es...* (Gustmani Wb., 87 с литерат.)

Вокалическая сторона идентификации греч.-м.-аз. (кар.?) *-πο-*, лик. *-bu-*, фрак. вифин. *-πο-* в данных именах собственных не требует сложных обоснований, поскольку в греческих передачах м.-аз. ономастических единиц часто туземное *u* равно греч. *o*, ср. упомянутое лик. *Prijenube* = греч.-м.-аз. *Πριανοβας* (билингва), лик. *Puna-muwe* ≈ греч.-м.-аз. *Πο[ν]ιαμοας* (Houwink, 104) и т. д., как и во фракийском, где в греческих передачах *o* почти регулярно чередуется с *u* при возможном переходе фрак. *o*, которое из *o*, в *u*, ср. *-βοννον-* *-βοννον* (D., 80), *Βονραειδης* = *βοραϊδης* (D., 80) и т. д. (подробнее см. Дечев, 1952, 34 сл.). При несколько более пристальном внимании особых трудностей не вызывает и консонантизм. Так, общеизвестен факт варьирования *b: p* в греко-малоазийских (и туземных позднеанатолийских) продолжениях и.-е. **bh*, ср. кар. МН *Παρυαση, Περυασα, Βαρυασα, Βαρυβλια, Παρχαλλα* (Лидия), ЛИ *Περγάμη* (Киликия), *Περγη* (Писидия) и т. д., с превалированием в начале глухого смычного (4 лексемы имеют *b*, 12 — *p*; все от и.-е. **bhrǵ'h-* „высокий, возвышаться и пр.“),² что полностью соответствует раннехеттскому консонантизму, где и.-е. **bh* давало как правило *p*, видимо, в результате передвижения согласных.³ Надо полагать, появление *b* в некоторых позднеанатолийских формах на месте *p*-хетт.-лув. *p* свя-

¹ Именно такое разбиение лик. *Prija-ba-hama* предлагает Хоувинк тен Кате (Houwink, 174), сравнивая его с туземными лик. лексемами *kñtabā, kñtabu* и *ahamāsi, dāwahāma* и т. д.

² Полный список позднеанатолийских имен собственных от этого корня см.: Гиндин, 1967, 154 сл.

³ См. очень убедительно на большом материале: Гамкрелидзе, 1961, 250 и др.; ср. несколько с иным объяснением: Kronasser, 1956, 57 сл.; 60 § 65.

зано с фонетическими процессами позднеанатолийских языков, ср. лид. *bira-* „дом“ при хетт. *pir* то же, лик. *prñnezi-* „οἰκεῖος“ и т. д. (см. с. 96).

Теперь о π во II элементе фрак. вифинского теонима и тождественного ему топонима. Подобно другим реликтовым балканским языкам, закономерным фракийским рефлексом и. -е. **bh* было *b*. В таком случае регулярным фракийским продолжением и. -е. *bhu-* следует признать упомянутое выше в другой связи фрак. *-βουνον*, *-βουων* в МН *Κασι-βόνων* (Proc. ae. IV, 11 = Н. 146, 41; D., 234) *Βασι-βουνον* (Proc. ae. IV, 11 = Н. 147, 43; D., 43, которое обычно вслед за Йоклем (RV XIII, 286 сопоставляется с иллир. МН *Βοῦννος*, ЭН *Buni*: алб. *bun(ë)* „шалаш“ (D., 80; Pokorny, 147: под корнем **bheu-*: *bhu-* и пр.); с другим суффиксом тот же корень в мессап. *βύριον οἴκημα*, *βασιῶν οἴκια* (Hes.): др. -в. -нем. *bur* „дом, клетка“ (Pokorny, 147, 149). В таком случае специально интересующий нас фрак. элемент *-πο-* скорее всего заимствован в составе цельных лексем: теонима и топонима *Πριάτος* и помещенных вначале этюда ряда теофорных имен, I элемент которых имеет явно хетто-лувийское происхождение (см. ниже). Между прочим в м. -аз. прототипе может быть и звонкий смычный в начале этого компонента, как в лик. *(Prija)bu-*, поскольку во фракийском наблюдается чередование *p*: *b*, подобно отмеченным фактам в позднеанатолийской ономастике, ср. МН *(Μηκό)περνα*: *(Μηκό)βερνα*, а также ситуационно сходные с установленными рефлексами и. -е. **bhū-* в фракийских реликтах МН *Πέρογαμον/-ος* (видимо, возникшее под влиянием позднехетто-лувийской ономастики): чисто фракийское МН *Βέρογα/-η*, *Βέροιον*, *Βερούελο-λις* (специально см. с. 111 сл.) и т. д.

На основе изложенного вполне правомерно элемент *-πο-*, засвидетельствованный во фрак. *Πριάτος*, аналогично м. -аз. кар. *-πο-*, лик. *-bi-* и лид. *-bi-* возвести к и. -е. **bhū-* при идентификации I части с хетт. -лув. **p(a)rija-*, что целиком соответствует функциональной семантике божества *Πριάτος*, буквально „обладающий высшей степенью животворной силы (способствующей процветанию во всех сферах жизни)“. Наряду с этим м. -аз. МН *Πριάτωνησος* толкуется „очень, в высшей степени плодородный остров“. По соображениям, изложенным выше (отсутствие признаков деривации), мы склонны рассматривать название вифинского города *Πριάτος* и пр. в качестве первоначально параллельного теониму образования и независимого от него заимствования из хетто-лувийских языков с последующей интерпретацией „очень, в высшей степени цветущий (город)“; на самостоятельное по отношению к божеству Приапу функционирование дериватов лексемы *Πριάτος*, но также в религиозной сфере, указывает употребление их в качестве эпитетов Артемиды: *Πριπίνη* „*Artemis* и Аполлона: *Πριπταῖος* „*Απόλλων*“ (Р.-В. II, 1253). Эти сочетания, возможно, являются отзвуком наиболее архаических черт данных богов, вытекающих из их участия в различных культах плодородия (относительно Артемиды см. Nilsson I, 486 сл.; относительно Аполлона см. Nilsson I, 529 сл. и т. д., Гиндиц, 1975 а); в таком случае в приведенных сочетаниях упомянутые божества определяются с точки зрения внутренней формы: „существо, обладающее высшей степенью животворной силы“; нелишне здесь напомнить о малоазийском происхождении Артемиды и Аполлона. В отмеченном смысле особенно показательно первое сочетание, так как связь Артемиды с богом Приапом не засвидетельствована (ср. о сомнительности следов поклонения фаллосу в культе Артемиды (Nilsson I, 594).

Между тем возникает законный вопрос: почему малоазиатские топонимы, в частности, *Πριαιπον-νησος*, представляющие собой сложение с исконно греческим *νησος* „остров“, не могут быть греческими, возникнув наряду с многими малоазиатскогреческими топонимами в результате широкой колонизации Эллады? Следует учесть, что если *Πριαιποννησος* засвидетельствовано Плинием (Iв.н.э.), то *Πρίατος* впервые отмечено Фукидидом (VIII, 107, 1), т.е. в IV в. до н.э.

Такому предположению препятствуют, как нам кажется, следующие обстоятельства: 1. В Эгееде топонимические сложения с *-νησος*, по сравнению с другими географическими терминами, малопродуктивны (соотношение, например, с *-πολις*, включая антропонимы, приблизительно 1:9,— подсчеты произведены по: Hansen, 191 сл., 285); более того, в греческой топонимике Эллады не засвидетельствована семантическая модель — имя бога + *νησος*, исключение *Πελοπόννησος* из **Πελοποσ-νησος* (Р.-В. II, 1165), как *Διώνυσος* из **Διοσ-νυσος* (см. выше), ср. раздельное написание *Πέλοπος νησος* = *Πελοπία νή*, однако вскрываемое в I части имя мифического героя *Πέλοψ*, кстати, происходящего, согласно традиции из Лидии, само не имеет хорошей греческой этимологии (см. Fick — Bechtel, 1894, 405; Kretschmer, 1940, 236 сл.: *Πέλ-οψ*, т.е. „серый, темный“ (по виду), ср. помету Фриска (II, 498): ganz unsicher). 2. Вероятно, по причине особой сферы проявления магических сил Приапа (плотская любовь) и определенной одиозности его фигуры в классической и эллинистической Греции на территории Эллады не встречаются географические названия, как, впрочем, и любые другие ономастические лексемы, образованные от теонима *Πρίατος*.

Отсюда естественное предположение, что греки, столкнувшись в Малой Азии с топонимами, созвучными имени божества *Πρίατος*, полученного ими вместе с культом Диониса от фракийцев, связали эти диахронически родственные имена собственные и прояснили малоазиатские географические названия с помощью описательной конструкции, отражающей характер объекта, в результате чего получилось *Πριαιποννησος* „остров Приапа“ и типологически адекватное *Πριαιπὸς πόλις* = ΜΗ *Πρίατος* и пр. „город Приапа“, тем более, что греки застали в ряде мест Малой Азии развитый культ Приапа, в частности в означенном городе на берегу Геллеспонта.

Во фракийской ономастике обнаруживается, правда, небольшое, как и следовало ожидать, число других отражений хетт.-лув. **p(a)ri(ja)-* или параллельно образованных исконно фракийских слов: упомянутое *Πριέετος*, *Πρίετος* — вифинский бог войны; *Πριέετιος*, *Πρίετος*, *Brietus* (все из **Prija-to-* с переходом р.-хетт.-лув. *a* в п.-хетт.-лув. *e*) — место в Вифинии, позже *Πριάνετος*, *Πρίνετος* (D., 378), т.е. „первый, высший“ или что-нибудь в этом роде, ср. троянск. гом. ЛИ *Πρίαμος*, лик. ЛИ *Prijāma* (S., 185) < **Prija-ma* „первый, исключительный“, что вполне логично о боге и о царе. В одном памятнике, цитируемом Дечевым в указанном месте, сообщается: *Βιδυνὸς δὲ μῦθος... τὸν Πρίαπον δαίμονα πολεμιστήν, τῶν Τιτάνων οἶμαι ἕνα ἢ τῶν Ἰδαίων Δακτύλων*, где Дечев вслед за Дёрнером правит *Πρίαπον* на *Πρίετον*. Думается, данная конъектура излишня, так как возможность спецификации функций Приапа, олицетворявшего высшую степень животворной силы, в сторону олицетворения силы вообще, в том числе военной, нетрудно представить, ср. выше об аграрных функциях у римского бога войны Марса.

В специальной статье Георгиев (Georgiev, 1958 с, 202 сл.) идентифицировал фрак. ЭН *Priantae* — племя, жившее между Месембрией и Эгейским морем (Plin. IV, 41; Solin X, 7); Βοιωτικὴ χώρα — Hdt. VII, 108), *Prianticus campus* (Liv. XXXVIII, 41, 8 (конец II в. н. э.) с гот. *frijōnds* „друг“ и возвел к и.-е. **priant-s*, в др.-инд. *priyá-* „любить и пр.“, праслав. **pri-jateljь* и т. д. Соответственно к той же индоевропейской основе: Πριώνη (со времени Геродота) — ионийский город на западном берегу Карики, древнее **Πριῶνα*¹ < **Πριῶν-ια* „страна племени *Priantae*“; догреч. крит. МН *Πριανσον/-ος* < **Πριῶντ-λο-* с переходом *τι* > *σι* в крито-микенском и др. греч. диалектах „город или место обитания племени *Priantae*, догреч. крит. МН *Πριῶσός* < **Πριῶσχο* — по закономерностям эолийского диалекта и т. д. К этому можно добавить, что в готском, древневерхненемецком и кельтских индоевропейская основа **pri(ia)-* дала значение „свободный“, весьма подходящее для образования этнонима. Однако нам представляется, по меньшей мере равновероятным, если не более, отнесение всей этой группы имен собственных к хетт.-лув. наречной основе *p(a)ri(ja)-* с значением „особый, исключительный → первый; впереди, перед (находящийся, стоящий)“. В этом убеждает прежде всего наличие в Малой Азии типологической семантико-морфологической параллели к догреч. ион. крит. **Πριῶντ-ια* < **Prija-nt-* в кар. МН *Σ(a)ρανσός* < **Sara-n(t)s* при хетт. наречии *šara-* имеющему пространственное значение „вперед, hinauf, herauf“ (Friedrich HW, 183);² суффиксальное образование *-(a)n(t)s* = хетт. суффиксу прилагательных *-anza*, ср. хетт. *dassus* „сильный“ — *dassuwanza* то же. Кажется, нам удалось обнаружить и во фракийском пережитки основы, входящей или параллельной анат. **s(a)r-pa/i*, ср. его продолжение в лик. *hrppi*, лид.: *šr-fašti* „вышний, верхний и пр.“, а именно фрак. ГН *Ἀρπη-σός* < **Sarpa-ss(ος)*, ср. кар. МН и ГН у St. B. (s. v.): *Ἀρπασα, πόλις Καρίας, ἀπὸ Ἀρπάσου ποταμοῦ...* также Ptol. V, 2, 19; P.-B. I, 142), ср. реконструкцию Сундвала (S., 284, 290): туземн. ЛИ *Αρλοαρια* < **hrpp(i) + иwa + (e)rma*; о других фраккомалоазийских рефlekсах данной основы см. с. 73 сл.

Очень вероятно, что во фракийской ономастике представлена и полногласная, если так можно выразиться, форма наречной и.-е. основы **per*, *peri* „vorwärts, in Hinausgehen, Hinüber gehen über, im Durchdringen, im Übermaß“; „über — hinaus, durchhin“, отраженной в др.-инд. *pari*, авест. *pa'ri*, греч. *περί, περ*, алб. *për*, хетт. *para, parija(n)*, лув. *pari-a* и пр. (Pokorny, 810 сл.). Речь идет об антропонимах с первым компонентом *Παρι-, Παρε-, Παρι-, Παρ-* (D., 353). Из-за совпадения этой формы с авест. *pairi* (др.-перс. *pariy*), хорошо засвидетельствованной в иранской ономастике, оспаривается чисто фракийское происхождение *Παρισιδης* — имени многих боспорских царей (D., 353), Томашек (II, 2, 18) выражается более точно, говоря о вифинском имени 5 боспорских царей из рода Спартокидов. Он относит это имя к фракийскому ономастикону, вопреки Дечеву (там же), который, подобно Кречмеру (Einl., 215), склонен считать „скорее иранским“, ср. иран. *Парсида* — жена одного из персидских царей (Justi, 237 сл.). Там же Юсти приводит в качестве иранских ЛИ, отмеченные на территории Фракии: *Βηρσιάδης* — 1) один из царей одрюсов (Strab. VII, frg. 48; Demo) sth. 23, 8; 2) царь в Понте (Dinarch 43 и пр.); 3) частное лицо (IG II², 9223-

¹ Такое развитие ионийской формы топонима в связи с крит. *Πριῶσός* восстанавливали: Fick, 1905, 31 сл.; Schwyzer I, 286 и др.

² См. Гиндин, 1967, 141.

(D., 57, с указанием на неправильность формы имени боспорского царя *Παισιάδης* — Demosth. 34, 8 вместо *Παισιάδης*, ср. D., 357). Действительно, здесь можно предполагать с формальной стороны и фракийское происхождение имен с элементом *Παισι-*, *Βησι-* и т. д., поскольку фрак. *ā* часто из и.-е. *ǣ* (см. выше с. 40 сл.), а **p > b* по „передвижению согласных“ (см. с. 30 сл.), как и склонен считать Томашек (указ. соч., также Zgusta, 1955, § 567). Однако иранское происхождение имени с *π-* в аялауте выглядит достаточно правдоподобно ввиду их географического ареала и хорошей иранской этимологии компонента *-σαδης*, ср. авест. *šāta-* „радующийся, радостный“, др.-перс. *šiyati-*, авест. *šati-* „радость, счастье“ (ср. иран. *Παυ-σατις* — Justi, 610), следовательно, *-σαδης*, *-σατις* — типологический эквивалент греч. *-χάρης*, *-χάρις* в антропонимике (Kretschmer, 1936, 22; Einl., 215; D., 410; вопреки Tomaschek II, 2, 41). Несколько с большими основаниями можно отнести к фракийскому ЛИ из Пантикапея *Παρισαλος* (IRE 2, Add. 86²), *Παρισαλονς* (IRE 4, 331) (D., 353), вслед за Томашеком (II, 2, 18 — возможно, вифинское), Фасмером (Vasmer, 1923, 47), Згустой (1955, § 567) и вопреки Кречмеру (Einl., 215), Юсти (Justi, 328) и Дечеву (там же), которые из иранского; ср. к первой гипотезе фракийский компонент в ряде фракийских имен собственных *-σαλα*, *-sala*, *-σαλος*, *Σαλε-*, *Σαλον-*, *-ζαλας*, *-zala* и пр. (D., 172) самостоятельно — ЛИ *Σαλας*, *Σαλλας* (D., 412); ср. также параллельные м.-аз. формы: лик ЛИ *Σαλας*, *Σαλαμος*, лид. МН *Σαλα*, памф. МН *Σαλαμαρα* (S., 244).

Относительно имени сына царя Приама в Илиаде *Πάρις*. При равновероятности формальных возможностей отнесения к чисто фракийскому ономастическому фонду и к заимствованному из хетто-лувийских языков в пользу последнего предположения может свидетельствовать прежде всего тождество имени отца Париса — *Πριάμος* с лик. *Prijāma* < хетт.-лув. **Prijama*, греч. перед. *Πριάμος* (S., 185), ср. лин. Б. пил. *pi-ri-ja-me-ja*, dat. [возм. *Priameiai*] (Chadwick, Baumbach, 240), см. также упомянутое выше хетт. ЛИ *Pari-ziti*. С другой стороны, об органическом вхождении ЛИ *Πάρις* в фракийский ономастикон говорит его употребление в двух из четырех надписей вместе с очень распространенными исконно фракийскими именами *Βιδυς* и *Σευθυς* (D., 358 с контекстами; о самих именах см. D., 66 сл.; 434 сл. соответственно). Кречмер (Einl., 185, прим. 1 и более поздние работы — Kretschmer, 1924, 211, прим. 2; 1933, 254), располагая известным тогда материалом об иллирийских тождественных образованиях (*Voltu*)*paris*, (*Asso*)*paris* соотнес их вместе с *Πάρις*, которое он также вывел из иллирийского, с алб. *parë*, др.-инд. *pāra-* (венет. *parah*), и истолковал совершенно справедливо как „der erste, der beste“, ср. еще кельт. (?) ЛИ *Pari(s)* и т. д. (Holder II, 932 сл.). Таким образом, здесь не исключен параллелизм в образовании омофонных форм имени *Πάρις* в европейской части Фракии и в ономастике Малой Азии (Троя), в конечном счете восходящих к одной и той же и.-е. основе. Однако фрак. ЛИ *Παρις* необходимо отделить от фрак. ЛИ *Πορις*, *Poris* необычайно продуктивного в качестве второго компонента антропонимических сложений (D., 374) и определенно продолжающего и.-е. **per-*: *pr-* в лат. *pario*, perf. *peperi* „рождать“ и пр., *Propertius* „раньше рожденный“ и пр. (Pokorny, 818); о связи данных фракийских имен см.: Kretschmer Einl., 184, вслед за Tomaschek, II, 2, 21: к и.-е. *per-*: *por-* в греч. *πείρω* „пробивать, пронзать“, слав. *na-porъ* и пр.; Дечев (D., 358 — с подробной историей вопроса,

374), вслед за Блюменталем, уже к упомянутому и.-е. корню, отраженному лат. *pario* и т. д.

Фрак. ЛИ *Παρι-γυτης*, может быть целиком из хетто-лувийского; относительно анатолийской этимологии элемента *-γυετ-* в (до)греч. МН *Γαῦ-γυετον*, ЛИ *Γαῦ-γυετος*, „фриг.“ -лик. *Μοα-γυτης* — имя тирана в городе Кибюра и т. д., соотносимого с хеттским культурным термином *k/gatte* „царь“ и пр., см. Гиндин, 1967, 129 сл.

В свете предложенной здесь этимологической интерпретации фрако-малоазийского элемента *-πο-* (*-p/bu-*) не вызывает особых затруднений истолкование и ряда других сложных имен, содержащих данный компонент (список их с указанием источников приведен в начале этюда). За единственным исключением все они являются теофорными антропонимами, в первом компоненте которых с достаточной очевидностью вскрываются или имена богов, или апеллатив, обозначающий бога вообще, что заставляет подозревать в них смысловые кальки.

Mau-pus < **Mau-bhu-*, либо, возможно, < **Mau-bu-* „проникнутый, обладающий животворной силой богини Mab“; I теофорная основа, широко засвидетельствованная в ономастике Малой Азии, рассматривалась выше в связи с фрако-хетто-лувийским *Τια-μαους*, *Sia-maus* (см. с. 48 сл.).

Επη-πους I, *Επτα-πους* II; в I компоненте совершенно определенно наличествует название могущественной малоазийской богини *Μήτηρ Ἴπτα* с вариантом *Μήτηρ Εἴπτα* — позднеанатолийское продолжение имени хуррийской по происхождению раннеанатолийской (хетто-лувийской в том числе) богини *Hebat* (*Hebet* и пр.), жены бога грома *Teššup*, главного в западно-хурритском пантеоне. Данная теофорная основа аналогично раннеанатолийской, чрезвычайно продуктивна в фракийской ономастике (подробно см. № 7). Отсюда толкование *Επη-πους* и пр. „обладающая/ий животворной силой богини Эпта (Хепта).“

Θουλ-πος допускает двойную интерпретацию. 1. Компонент *Θουλ-* < *Τιυο-υλ-* к лув. теонимической основе *Τιυ(α)-*, подобно рассмотренному выше *Του-τη* (с. 50); к суффиксальному оформлению ср. уже интерпретированное *Τορκ-ουλας* < **Torko-υλ-* (с. 66) и **Ἀρμουληνή* (с. 35 сл.), относительно чередования *t:th* (T: TA) во фракийском в связи с тенденцией к передвижению согласных ср. варианты фрак. ЛИ *Ταρσας*, *Tarsa*, *Tarsus*, *Tharsa*, *Tharsus* (подробнее см. с. 30 сл.). 2. Более экономное и, видимо, более правдоподобное истолкование рассматривает *Θουλ-πος* в качестве греко-фракийского гибридного образования типа полукальки (следует учесть существование в греческой ономастике очень продуктивной словообразовательной модели с гетерогенным *-πος* в исходе — Hansen, 277—278). В I компоненте греческий апеллатив *θεός* (ὁ, ἡ) „бог“, „богиня“ или *θεά* „богиня“; о правомерности форм с *ι* в данной основе свидетельствует, например, беот. *Θιογένης* и пр. вместо *Θεόγυνης* и т. д., поскольку в беотийском вообще имеется форма *θιός-θεός*, ср. еще *θιος* *θεός*. *Κοῖτες* (Hes.), сюда же, видимо, и другая глосса Гесихия: *θιάσαι* *χορεῦσαι* и т. д. „учреждать священные пляски и т. д.“; относительно мены *ε: ι* во фракийском ср. варианты ЛИ *Θεαθω*: *Θιαθους*, *Θιαθαιθις* (D., 202; специально Mihailov, 1943, 22; Дечев, 1952, 31); об исходе основы см. выше в пункте 1. В связи с этим *Θουλ-πος* можно истолковывать „животворная сила бога, resp. богини“, либо, памятуя об адъективной природе *-ουλ-* „божественная, богова животворная сила“. С точки зрения субституции значения от частного к общему инте-

ресно название города в Колхиде *Θιά-πολις* взамен первоначального *Αία-πολις* (P.-B. I, 509), где *Ἄια* — „Мать-земля“ идентично *Γαῖα* и, вероятно, контаминировано с последней (см. Frisk, s. v. v.).

Deo-pus; здесь также имеется две возможности истолкования композита в целом: 1) латинская полукалька, ср. лат.: *deus* „бог“, подобная рассмотренному *Θουολπος*; 2) данное сложение, с фрако-хетто-лув. *-pus*, в I компоненте содержит чисто фракийский апеллатив **deyo-* „бог“ (см. № 3). В любом случае данная лексема толкуется „животворная сила бога“.

Βει-πης, Vitu-paus, Vitho-pus; I часть композита — распространенное фракийское ЛИ *Βειθς*, один из вариантов ЛИ *Βιθς* (D., 66), обладающее значительной продуктивностью в качестве компонента ономастических композит, ср. *Μ-βειθς* и т. д. (D., 65). *Βειθς* — герой эпоним племени *Βι-θυνοί* и пр. („вифинцы“, в латинизированной традиции „битинцы“) имеет ту же этимологию, что и указанный этноним: *-θυ-ς, -θυ-γ-οι* к нулевой ступени и.-е. **tū-* от **tē-* „набухать, быть мощным“ в др.-инд. *tavīi* „ist stark, hat Macht“, *tavās-* „stark, kräftig“ и т. д., ср. глоссы Гезихия *ταῦς μέγας, πολὺς* и *ταύσας μεγαλύναι* (Роконгу, 1080), лид. *tavsa-* „большой, мощный и пр.“ (подробнее в применении к догреческому материалу см. Гиндин, 1967, 128 сл.; *-γ-* в *-θυ-γ-οι* < и.-е. **-no-*; относительно самостоятельного функционирования см. ЭН *θυνοί* и пр. — племя, обитавшее в европейской Фракии и на севере Малой Азии (Вифиния); *Βι-* соответствует греч. *ἄμφι-* = *ἀμφι-* — приставка, обозначающая наряду с прочим высокую степень качества и т. д., ср. англ.-сакс. *bī-, be-*, др.-в.-нем. *bī-*, ср.-в.-нем. *bei-* (Роконгу, 34), следовательно, фрак. *βιθς, βειθς, βιθνοί, βειθνοί* целиком адекватно греч. ЛИ *Ἄμφικράτης* и пр. Более развернутое изложение данной этимологии, принадлежащей Дечеву, см D., 65. Таким образом, наше *Βειθ-πης*, лат. передача *Vitho-pus* и пр., — единственное в сложениях с *-πο-* не теофорное, а этнонимическое личное имя; впрочем, принципы образования имен от этнонимов в древности во многом схожи с образованием антропонимов от теофорных основ. Кроме того, последний композит, возможно, свидетельствует о вычленении элемента *-πο-* из фрако-хетто-лувийских сложений и его самостоятельном функционировании в качестве полностью ассимилированной основы апеллатива.¹

б. *-δων, -δου-*; данный элемент засвидетельствован в качестве II компонента в нескольких фракийских именах собственных. Обращает на себя внимание факт, что все они за единственным исключением топонимы: *Σαρπηδών, -ονος* — город, мыс, побережье, скала, в частности, *Σαρπηδονίη ἄκρα, πέτρα* во Фракии (начиная с Геродота — Hdt. VII, 58; D., 424, P.-B. II, 1348) ср. то же в Киликии; в форме *Σαρπηδών* встречается как личное имя, ср тождественное имя ликийского царя, сражавшегося на стороне троянцев (II. VI, 199 и др.), а также имя брата Миноса, согласно историко-мифологической традиции, выведшего ликийцев с Крита, *Βράρμεδον* — кафель в районе Наясса (Pрос. ae. IV, 4 = Н., 122, 35; D., 84); *Τζυειδών* — город в районе Хемуса (Pрос. ae. IV, 4 = Н., 147, 42), варианты *Τζοῖδης, Τζῶιδος, Τζῶϊδα* (D., 498); *Συγγιδών, Συγγιδών, Σεγγιδών* (с Менандра), равно фикси-

¹ Иначе, идентифицируя данные основы с атт. *παῖς*, надписи *παῖς* и пр. „дитя и пр.“ V. I. Georgiev. Das thrakische Wort *puī-s, pu-s* „Mädchen, Tochter“. — I.B, XXI, 2, p. 5 s.

руется в форме *Σινγίδουνον* (*Σινγιδουνον*), *Singidunon* (*Singitunum*), *Singiduno* (с Птолемея) — город в верхней Мёзии, вероятно, совр. Белград (D., 444); ЛИ *Σερόδων* (Mihailov III, № 947, район Пазарджик).

В непосредственной близости к территории исторических фракийцев имеются два еще более характерных географических названия, обозначающих сравнительно обширные области в центре Балканского полуострова, содержащих *-δων-*, resp. *-γδων*. Это *Μακεδορία* — приблизительно бассейна реки Галиакмон, герой-эпоним *Μακεδών*, *-όνος* и т. д. (P.-B. II, 843 сл.) и *Μυγδορία*, *-η*, *-ς*; 1) „земля“ (*γῆ*, *χώρη*, *χθών*) эдонского (т. е. фракийского) племени *Μυγδόνες* (*Mygdones*) — согласно большинству источников (Hdt. VII, 123—124; Thuk. I, 582; II, 99,4; Strab. VII, frg. 11 и др.), пространство между нижним течением Аксиоса и Стримоном, на юге включающее озеро Больба, позже часть Македонии; 2) в Малой Азии район Мизии, или Вифинии, или Фригии; герой-эпоним *Μυγδών*, *-ονος* (P.-B. II, 956; D., 321).

Анализ интересующего нас лексического элемента целесообразно начать с последнего из приведенной серии композит топонима *Μυ-γδων-ία*, хотя бы потому, что в его составе он уже неоднократно подвергался истолкованию. Так, Краэ (Krahe, 1935, 91 сл.), Георгиев (Georgiev, 1961, 7 сл.), Дуриданов (Duridanov, 1971, 200) справедливо идентифицировали *-γδων* (*-gdōn*) с греч. *χθών* „земля, страна, край, город“ из и.-е. **ghdhóm* < и.-е. **dhg'hóm*. Не вдаваясь в подробности интерпретаций I компонента, так как они построены на догадках разной степени семантической и формальной произвольности, отметим, что адекватность *-γδων* и греч. *χθών* подтверждается греческой калькой, засвидетельствованной Стефаном Византийским, который сообщает *Μυγδορία, μοῖρα Μακεδονίας, καὶ ἑτέρα Φρυγίας τῆς μεγάλης, ἀπὸ Μύγδωνος... λέγεται καὶ Μυγδονίος καὶ Μυγδορία. ἐλέγεται καὶ Μυχδορία*.

Поскольку античная традиция помещала малоазийских мигдонов в Мизии или Фригии, либо, упоминая вместе с фригийцами, нередко считала их родственными фригийцам (ср. P.-B. II, 956: *Μυγδόνες*, *-ία* эп. (Nonn.) „mygdonisch“ = „phrygisch“ и т. д.), оказывается особенно знаменательным наличие лексемы **γδων* (обычно без звездочки) в несомненно фригийском теофорном личном имени или скорее теониме *Γδαμμαα*. Последнее ономастическое образование заслуживает более пристального внимания еще и потому, что оно оказалось одним из импульсов для известной статьи П. Кречмера „*Χθών*“ (Kretschmer, 1932, 66 сл.), с которой собственно началось переосмысление т. наз. „спирантов Бругмана“.

Прекрасно сохранившаяся христианская эпитафия из местечка Ахиолон в Восточной Фригии содержит (приводим ее первую половину по МАМА 1, 339): *Ἀρχ. Εὐσέβης [χωρίον Γδαμμαίας οἰκῶν δὲ χω(ρίον) Κριστενον...]*, т. е. „Аур. Эусебис [родившийся] в местности *Γδαμμαα* (букв.: из местности), но живший в местности *Κριστένα* (либо *Κριστένος*).“ Кречмер в указанной статье по топониму *Γδαμμαα* восстановил имя божества **Γδαν Μα* (с суффиксом *-ία* ?), идентичное греч. *Χθών Μᾶ* „*Erdmutter, Mutter, Erde*“. Но так как в старо- и новофригийских надписях многократно засвидетельствована основа *ζεμελω-* с морфемным обликом, подобным греч. *χθιμαλός* „низкий, низменный“, лат. *humilis* то же, ср. греческое заимствование из фрако-фригийского пантеона *Σεμέλη* — богиня земли, мать Диониса от Зевса (сатемный коррелят и.-е. корня, отраженного греч. *χθών* — по-

дробности ниже), то Кречмер предположил, что *ῥδαν* — фригийская адаптация греч. *χθών*. К тому же Кречмер считал фракийский (в его понимании фрако-фригийский) сатемным языком с кентумными исключениями, идентичными славянским и балтийским (Kretschmer Einl., 229 сл.).

Спустя 5 лет Бенвенист, полемизируя с Кречмером, вновь обратился в специальной работе к греч. *χθών* и его и.-е. соответствиям (см. Benveniste, 1937), где с полным правом утверждал чисто фригийский характер *ῥδαν*, тонко заметив по поводу существования во фригийском ее квазидублета *ζεμελω-*, что отношения между данными фригийскими лексемами *ne diffère du rapport entre gr. χθών et χαμή* que par une palatalisation de la consonne simplifiée (Benveniste, 1937, 194 сл.). Добавим от себя типологически сходный хрестоматийный пример сосуществования „кентумно-сатемных“ рефлексов из славянских и балтийских языков: при слав. **srna*, ст.-лтш. *srna*, др.-прусск. *sirwis* и пр. имеется слав. **korva*, лит. *kàrvė* „корова“, др.-прусск. *kurvis* „бык“. К чередованию в анлауте *gd*: *z*, ср. др.-инд. *kṣāṅ*: авест. *zā* (Pokorny, 414). Некоторые детали дописьменной истории фригийских слов см. ниже. О неправомерности утверждения Бенвениста относительно проявления *n*-основ в хетт. *tekan* и пр. и тох. *A tkaṃ*, ген. *tkanis*, вопреки Кречмеру (указ. соч.), справедливо постулировавшему *m* в исходе основ всего данного круга и.-е. лексем, см.: Иванов, 1965, 29 сл.

В связи с автохтонным характером фриг. *Γδαν-μαα* существенно уточняется и интерпретация II компонента, предложенная Кречмером (указ. соч.). В нем с большой долей вероятности вскрывается негреч. *Mã*, resp. *Maĩa* = *Μήτηρ γῆ* (ср. Frisk II, 154), но чрезвычайно распространенная в малоазийской ономастике теофорная основа **Matw-* (о чем выше неоднократно упоминали), восходящая к имени м.-аз. *Magna mater*, отраженной в несвязанной форме малоазийским ЛИ *Mava* в надписи из Телоса (S., 146) и в легенде на монете (Zg., § 844-1), а также лидийским названием богини-матери **Mavś*, реконструируемым, как уже упоминалось выше (с. 49), по двум глоссам Гесихия: *μαῦλις μάχαιρα καὶ ἡ μωφοτόν παιούσα* (без этнической атрибуции) и поставленная в связь с ней Йонкесом (Jongkees, 1937, 147) *μαυλιστήριον παρ' Ἰπλιώνακι Δύδιον νόμισμα* (cod. *λέμισμα*), для обеих глосс Йонкес предлагает значение „der Mavś gehörig“ и пр. (подробнее с глоссами других авторов см. Frisk II, 186).

Сказанное позволяет с предельной степенью правдоподобия восстановить первоначальный туземный прототип греч.-м.-аз. *Γδαν-μαα* в виде **Γδαν-μανα*. Кстати, форма **Γδαν-μανα*, приводимая без звездочки Хойбеком (Heubeck, 1961, 76) в качестве варианта и Фриском (Frisk II, 1098) как единственно сохраненная античной традицией, кажется, реально не засвидетельствована и, надо полагать, появилась в научной литературе под влиянием ее зеркального греческого аналога *Δαμιάτηρ* (фесс.) — один из фонетических вариантов имени богини плодородия Деметры, к анализу которого мы переходим и которое вплотную приближает нас к формальному и семантическому истолкованию фрак. *-δων*.

Имя великой богини-матери-земли в греческой письменной традиции весьма значительно варьируется по диалектам. Оно фиксировано в следующих формах: эол. *Δωμιάτηρ*, фесс. (dat.) *Δαμιάτερι*, родос. *Δαμιάτερι*, дор., арк., беот. *Δῶμιάτηρ* и, наконец, литературное ион.-атт. *Δημήτηρ*, встречающееся в Илиаде. Более 2000 лет это слово, начиная с древнегреческих

грамматиков и вплоть до наших дней, привлекает внимание этимологов и исследователей мифологии. Однако, если II часть *Μήτηρ* и пр. ни у кого не вызывает сомнения в ее идентичности с омофоническим греческим апеллативом, то интерпретация I компонента имеет несколько версий.

Нет необходимости излагать здесь все этимологии этого компонента, так как они были неоднократно предметом специального обсуждения в работах многих ученых (см. сводку мнений и литературу: Frisk I, 379 сл.; Chantraine Dict., I, 272 сл.; ср. Szemerényi, 1971, 665; Van Windekens, 1966, 94 сл.; Heubeck, 1959a, 225, прим. 1; Schindler, 1967, 192 сл.; Герценберг, 1972, 82). Одна из наиболее заманчивых гипотез, сформулированная Кречмером в начале века (Kretschmer, 1902, 523 сл.; 1909, 27 сл.; 1929, 240; 1939a, 31 — в полемике с Пизани, о чьей гипотезе см. ниже), вскрывает в *Δαμήτηρ* дор. *δᾶ*, этимологически Lallnamen, равное дор. *γᾶ* (ион.-атт. *γῆ*) в вокативных конструкциях, ср. Aischyl. Eumen. 827, 858 (восклицание хора): *οἶ, οἶ δᾶ, φεῦ!*; Phoin, 1296: *φεῦ δᾶ, φεῦ δᾶ!*, возводимое в ранг старого слова для земли, которое он (последнее вслед за Фикком — см. ниже) усматривает и в ТН *Ποσειδῶν* и пр. из вокатива *ὦ πότμι Δᾶς!* (Kretschmer, 1909, 27 сл.; 1909a, 382 сл.; 1925, 21; 1927, 187). Это предположение Шантрэн (указ. соч.) склонен считать наиболее вероятным, Фриск же в письме к Нильсону — „довольно приемлемым“ (Nilsson I, 462, прим. 1; ср. 445, прим. 4). Тем не менее, несмотря на всю подкупающую логичность идеи Фикка Кречмера, ее полное признание наталкивается на ряд трудно преодолимых препятствий, связанных прежде всего с тем, что, по словам того же Шантрэна: „Du point de vue philologique, rien ne prouve qu'il ait existé un tel nom de la terre en dorien, et que *δᾶ* attesté dans les chœurs des tragiques soit autre chose qu'une exclamation (Chantraine Dict., 245).

Из последней этимологической литературы об имени Деметры, базирующейся на его связи с именем Посейдона см. Нанр, 1969, в отдельных частностях вслед за Ван-Виндекенсом (Van Windekens, 1966) рассматривающим только ТН *Δημήτηρ* и т. д. при отождествлении I компонента с чисто греч. *δαίωμα* „partager, distribuer“, *δατρόν* „ration“ и пр., относимыми к и.-е. **dē(i)-*, но не к **dā(i)-*, вопреки общепринятому мнению, ср. Frisk I, 341 сл.); отсюда *Δημήτηρ* „Mère de la portion de la nourriture“, что в контексте культа Деметры требует дополнительного специального обоснования. Согласно Хэмпу, *Δωμάτηρ* < **Δᾶος* + *μάτηρ*, где I часть сложения — форма генитива **dasós* от р.-греч. **δα-* „земля“, *Δᾶ-μάτηρ* < **Δᾶοματήρ* при **Δᾶσ-* < **das-* (combining form), трактуемое „the Das-mother“ или „the mother of Das“; соответственно *Ποσειδῶν*, ион. *Ποσειδέων*, гом. *Ποσειδῶν*, коринф. *Ποτ. Εδᾶν*, крит. *Ποτειδᾶν*, лесб. *Ποσειδᾶν*, беот. *Ποτειδᾶων*, арк. *Ποσοδᾶνος* возводятся к праформе **Ποτ(ε)δᾶων* < **potē-dā(h)ōn/potē-dā(h)os*, интерпретируемое как **potis das*, resp. *Ποτις* + *dās*, „Lord of (the) Da“; ср. Fick (Curt. Stud. 8, 307 по Frisk II, 583); *Ποσειδῶν* — в конечном счете унификация вокатива **Πότμι Δᾶς* „O Herr (Gemahl) der Da, d. h. der Erde“; *ι*, выпавшее в *Ποτειδᾶων* (зап. греч.), откуда дор. *Ποτειδᾶν*, арк. *Ποσειδᾶν*, ион. *Ποσειδέων*, атт. *Ποσειδῶν*, принадлежит к суффиксальной части по типу **Ερμ-άφων*, *Μαχᾶ-φων* и пр. — Fick — Bechtel, 1894, 440; Kretschmer, 1909, 25; Schwyzer, I, 521 и др. В то же время наличие *s*-основы регистрируется по формам лин. Б: *po-se-da-o* (*-no*, *-ne*, *-ni*), *po-si-da-i-jo* (*-de*) и т. д., специально см. Heubeck, 1958, 83 сл., 1959a, 226 сл., где, однако,

веские аргументы против возведения *-da(h)on/da-(h)os* к **da-* в пользу реконструкции **dys-* (нулевая ступень от и.-е. **dens-*, отраженном в *δαῖναι* (аог. intrans.) „научить(ся)“ (Heubeck, 1959a, 233 сл.), ср. Ruijgh, 1968, 120: о суффиксе *-on*, присоединяемом к основам на *-h* в *Ποσειδάων* (лин. Б. *po-se-da-o*) и *Ἐρμῆων* (лин. Б. *e-ma-a₂*) и отсутствии интервокального *F* в обоих случаях; о первоначальной форме имени Посейдона см. также Ruijgh, 1967, ср. еще сочувственное упоминание цитированных работ Хэмпа и Ван-Виндекенса: Szemerényi, 1971, 665.

И другое, кажется, важное обстоятельство. Если в *Ποσειδάων* и т. д. предположение о первоначальном *s*, закономерно переходящем в *h* в интервокальном положении с последующим выпадением, может быть поддержано микенскими формами, то для подобной конъектуры относительно *Δημήτηρ* и т. д., кроме аналогии типа фесс. *ἀμιέ* „нас“, дор. *ἀμιε-*, ион.-атт. *ἤμιε* < **a₂μιε* (др.-инд. *asmān* то же — Schwyzer I, 281, Frisk I, 635), приводимой Хэмпом в пользу исконной здесь *s*-основы, реально засвидетельствованных фактов не имеется (в микенских текстах имя Деметры пока не обнаружено).¹

Более эффективной и с формально семантической стороны, и с точки зрения современных представлений о догреческом субстрате, гесп. негреческом адстрате, на Балканском полуострове, куда уходят корнями многие персонажи хтонических культов, оказалась, по нашему мнению, линия поисков, начатая В. Пизани в двух коротких заметках (Pisani, 1935, 30, 38, ср. RAL VI, V, 209 сл.). Не уточняя фонетические и морфологические подробности, он предположил тождество *Δω-*, гесп. *Δαμ-* < **g'dhō*, гесп. **g'dhom*,² с греч. *χθών*, считая *Δαμῆτηρ* компромиссной формой (?) между эол. *Δωμῆτηρ* и фесс. *Δαμῆτηρ*; при этом *Δω-*: *Δαμ-* рассматриваются в качестве реликтов иллирийского *δω* (пом.): *δαμ* (вос.) „земля“, заимствованного греками в составе цельного теонима вместе с культом Деметры у иллирийцев. В специальном дополнении Пизани (1935, 38) указал на алб. *dhe* „земля“ как на продолжение данной иллирийской лексемы. Самостоятельно эта основа, согласно Пизани (там же), отражена в адаптированном греками догреч. *Δώς* — название Деметры в гомеровском гимне, ей посвященном: (стих 122) *Δώς ἔμοιγ' ὄνομ' ἐστί· τὸ γὰρ θέτο πάντα μήτηρ* (о различных конъектурах, порожденных метрическим несоответствием в первой стопе стиха см. Georgiev, 1937, 10), также в эпитете Деметры *Δαμία* = *Χθονία*, ТН *Δμία* (*Δμῖα* — Hes.) — дочь Океана и Деметры и теофорном ЛИ *Δαμθαλής*, ср. контекст *ὁ ἐν χθονὶ θάλλων*; ср., впрочем, сомнения Хэмпа в родстве алб. *dhe* с греч. *χθών* и пр. (Napp, 1968, 199). Все последующие иследования в этом направлении либо целиком воспроизвели изложенную гипотезу (ср. Georgiev, 1937, 9—16, 20—22; 1941, 76; Роконгу, 414), либо уточняли в различной степени детали частного или общего характера (см. Merlingen, 1957, 54, прим. 11; 1963, 36 сл.; Heubeck, 1961, 75 сл. — специально). Таким образом, утверждение Шантрэна (Chantraine Dict., 273), о „фантастичности“ гипотезы Пизани совершенно не соответствует реальному положению вещей. Прежде чем перейти к последующему, необходимо указать, что в той же маленькой заметке

¹ Развернутую критику данной гипотезы см. в упомянутой статье: Heubeck, 1959a, ср. Georgiev, 1937, 10 сл.

² Устаревшая транскрипция и.-е. праформы *d* сохранена в цитатах из Пизани.

(Pisani, 1935, 30) Пизани, по крайней мере, за год до развернутой постановки вопроса по поводу пересмотра теории Бругмана об особых и.-е. спирантах, предпринятой Бранденштайном (Brandestein, 1937, 27 сл.) обронил следующее: Man wird m. E. den Ansatz von Idg. *d'-Lauten nicht umgehen können; es sei denn, daß dieselben in idg. Zeit in der Gruppe Gutt. + Dent. entstanden sind, womit eine idg. Doppelform *dh(e)g'hom und *g'dhom aus *g'-h-dhom möglich wäre*“ (Pisani, 1935, 30, прим. 1).¹

Итак, в свете сказанного фриг. *Γδαν-μῶα* (**Γδαμ-μῶα*) предстает этимолого-семантически и типологически тождественным (до) греч. *Λαμιάτηρ* (фесс.), resp. *Λομιάτηρ* (эол.); две последние формы соотносятся как различные апофонические ступени и.-е. **dh(e)g'hom* (подробно см. Heubeck, 1961, 75 сл.).

В круг столь разнообразных по форме дериватов этого корня почти с предельной степенью правдоподобия может быть включен и специально интересующий нас фракийский топонимический элемент *-δων* с реконструируемым значением „земля, страна, край, resp. город“, равным семантике греч. *χθών* (ср. перечисленные в начале этюда фракийские топонимы с данным элементом, а также *Μακεδονία*² и конкретные объекты названия); появление транскрипций с *δ* (*-δων-*) либо греческая субституция по аналогии с разрядом имен нарицательных и собственных, содержащих суффикс *-δών-* (пѳт. *-δών-*, Chantraine, 1933, 360 сл.), либо дублет при безразличии к долготе во время письменной фиксации.

Не касаясь частностей интереснейшей и поучительной истории исследования и.-е. корня **dh(e)g'hom* — она полно и последовательно изложена в связи со „спирантами Бругмана“ В. Мерлингенем (Merlingen, 1957) и в книге В. В. Иванова (1965, 24 сл.) (некоторые подробности см. выше) — отметим лишь самую существенную деталь. Фрак. *-δων*, подобно догреческому, фригийскому, греческому и др., — одна из трех возможных реакций (метатеза) на необходимость упрощения недопустимого в древних и.-е. языках следования двух смычных звуков подряд: дентального (переднеязычный) и гуттурального (заднеязычный), образовавшегося после выпадения редуцированного гласного; первоначальное несинкопированное состояние пока обнаружено только в хетт. *te-e-kan = tekan* „земля“ (Иванов, 1965, 27 сл.), хетт. иер. *takami* то же (Laroche, 1960, 111). В результате и.-е. **dhg'hom* > *ghdhom* образовало в языках Балканского полуострова и Малой Азии: греч. *χθών* (= др.-инд. *kṣāh*), мигдонское (фриг. ?) *-γδων-* (с последующим опрощением начала) догреч. *Δω(μ)-*, фрак., макед. *-δων*, вероятно, алб. *dhe*. В то же время апофонический вариант **dhg'həm* дал греч. *χθαμῶς*, фриг. *Γδαν-*, **γδαν* (с опрощением начала), греч. *χαμῶι* (до метатезы), догреч. *Λαμ-* (после метатезы). Что касается ион.-атт. формы *Λημιάτηρ* (дор. *Λαμιάτηρ*), то она произошла из *Λαμιάτηρ* (сохраненного фесс. *Λαμιάτηρ*, dat.) с заместительным удлинением после ассимиляции одного *μ*, ср. лесб. эол. *σελάνῶα*, дор. *σελῶα*, ион.-атт. *σελίρη* „луна, месяц“, видимо, из **σελασῶα*; лесб. эол. *φαεινός*, дор. *φαεινός*, атт. *φῶνός* „светлый, яркий, чистый“ (Schwyzer I, 81, 281; Frisk II, 690 сл., 990). Реконструируя апофоническую ступень редукции **dhg'həm* вслед за Merlingen, 1957, 53; 1963, 37, и

¹ Ср. Иванов, 1965, 25 сл.; протоформа **dh(e)g'hom* предложена впервые Кречмером из сопоставления греч. *χθών* с хетт. *tekan* и тох. *A tkam* „земля“ (Kretschmer, 1932, 65 сл.).

² Специально о *Μακεδονία* см.: Л. А. Гиндин. Элемент *-δων-*, *-δων-* в реликтовых языках Балканского полуострова. — В: Сборник в чест на акад. Вл. Георгиев. С., 1980.

Heubeck, 1961, 78, мы полагаем, что несоблюдение правила Бенвениста (диахронически здесь отражена нулевая ступень корня и нулевая ступень суффикса) в данном случае допустимо, поскольку все и.-е. языки, кроме хеттского, отражают позднее, непервичное состояние указанной и.-е. основы, уже испытавшей на себе действие различных фonomорфологических процессов, происходивших практически на уровне отдельных и.-е. языков, ср. Merlingen, 1957, 53, прим. 9). Другие попытки объяснения гласного *a* в языках Балканского полуострова представляются менее убедительными, хотя и нелишенными известных оснований, ср., например, реконструкцию Фриска **(dh)g'hōm* для *χθαμαλός*, ср. тох. А *tkaṃ*, и *χαμαί*, ср. лат. *humus* (Frisk II, 1098, 1071), при сомнительности перехода и.-е. *ō >* греч. *a*; см. еще малоэффективное стремление Швицера возвести *-am-* к и.-е. **n̥* (Schwyzer I, 343), а также Walde, Hoffman I, 665, Pokorny, 414 сл., где вопрос о природе *a* в этой позиции не ставится. Вместе с тем Бенвенист (указ. соч., 194), как будто не выступая против возведения *-av* в фриг. *υδαν* к **-n̥*, в то же время пишет о возможности отражения в этом *a ē*, ссылаясь на фриг. *εδαεις, αδαειει* (ср. греч. *ἔθρηεν*), *ματαα*, наряду с *ματεα* и пр., и предполагая, что здесь мы имеем дело с тем же самым вокализмом в ступени продления *e*, как в лат. *heto*, лит. *žėte*, ст.-слав. *земля* и в самом фриг. *ζεμελη* (*Σεμέλη*).

Еще некоторые уточнения предлагаемой реконструкции. 1. Отсутствие начального гуттурального в догреческом и фракийском вероятнее всего может быть объяснено отпадением анлаутного *g* перед *d* уже на протяжении истории обособившихся языков, гесп. диалектов, в период после осуществления метатезы в и.-е. основе, ср. др.-ирл. *dū*, ген. *don* „место“ $< *gdōn < *dgon$, как в греч. *χθών* (Merlingen, 1957, 52; Frisk II, 1098; ср. Pokorny, 415; Льюис, Педерсен, 52); аналогичное положение в греческом, регулярно упрощавшем в абсолютном начале сочетание *γδ*, ср. *ἔρι-γδοῦλος* при *δοῦλος* и *ἐρί-δοῦλος* (Schwyzer I, 325; Frisk I, 412; Heubeck, 1961, 76 с еще одним примером: *Γδάσιος*, возможно, лин. Б. бил. ЛИ *ka-da-si-jo* — этникон к МН *Δασέα(ι)*); напротив, греческие передачи малоазиатской ономастики, подобно фриг. *Γδαν-μαα*, сохраняют неизмененным анлаутное *γδ*, например, писид. ЛИ *Γδαβα*, *Γδασα*, писид.-лик. *Γδαομασις* (Zg., § 206—208). 2. Конечное *v* в фриг., фрак., макед. формах — либо следствие адаптации при передаче соответственно закономерностям конца греческого слова, либо, что более вероятно, результат перехода *m*-основ в разряд *n*-основ, как это наблюдается в хеттском, древне-ирландском и др. (Иванов, 1965, 30 — специально; о древнеирландском см. выше). 3. И.-е. **dh > d* в языках балканской и.-е. переходной зоны — фракийском, фригийском, македонском, иллирийском, догреческом. 4. И.-е. *ə* (шва), как известно, в греческом, догреческом и фригийском дает *a*; к последним двум ср. (до) греч. *θεράπνη* „жилище; служанка“ и пр. при чисто греч. *τέραπνη* „дом, жилище“ $<$ и.-е. **terab-no* (Pokorny, 1090 с ссылкой на Kretschmer, 1936a, 90 сл.; прочая литература и другие мнения: Frisk I, 663 сл.; II, 877; ср. Georgiev, 1941, 85 сл.; Van-Windekens, 1952, 91 сл.); фриг. *πατερης* „родители“ $<$ и.-е. **pater*, ср. др.-инд. *pitár-* и т. д. (Gusmani, 1959, 913; Haas, 1966, 204).

Для языков сатем, каковым в целом был фракийский и диалектно родственный ему догреческий „пеласгский“, теоретически возможно и другое объяснение, предложенное Георгиевым по поводу догреческой формы в качестве переинтерпретации изложенной выше гипотезы Пизани

(Georgiev, 1937, 12 сл.; повторено Georgiev, 1941, 76). Поскольку получившееся в данном случае из и.-е. *g'h* догреч. *ǵ* из-за отсутствия в греческой графике знака, обозначающего этот интердентальный спирант, передавалось греками посредством *δ*, *θ* и пр., то и.-е. **(dh)g'hōm* после упрощения начала должно было дать в догреческом **dom* ≈ греч. перед. *δομ-*; соответственно, по мысли автора, образовалось алб. *dhe*. Согласно Дечеву и некоторым другим авторам, совершенно идентичную трактовку претерпело и.-е. *g'h-* во фракийском (Дечев, 1952, 11 сл.; Георгиев, 1958, 123; Гиндин, 1971, 46; Duridanov, 1972, 234), что позволяет аналогичным образом объяснить и фрак. *-δων*. Однако, руководствуясь этой гипотезой, нельзя объяснить *-δων* (функционально-семантически тождественное догреческо-фракийскому элементу), засвидетельствованное в языках кентумного характера — македонском, позднихеттских,¹ поэтому развернутая выше интерпретация балканских, герп. малоазиатских, фактов более всеобъемлюща и более экономна.

Прежде чем перейти к истолкованию отдельных фракийских композит, содержащих *-δων* (*-δων-*), необходимо обратить внимание еще на два существенных момента. Во-первых, формальная и семантическая реконструкция лексико-ономастического элемента *-δων* вплоть до апеллятивного уровня опирается на реально засвидетельствованные факты балканских языков, ср. алб. *dhe*, мигдон. *-γδων-* (*-χδων*), фриг. *Γδων-*. Во-вторых, полное тождество рефлексов и.-е. **(g'h)dhōm* в догреческом и фракийском представляет еще одну лексическую изоглоссу, в дополнение к отмеченным ранее в другом месте (Gindin, 1969, 240 сл.; Гиндин, 1971, 52 сл., некоторые уточнения ср. Duridanov, 1972, 237 сл.) в связи с доказательством фракийской принадлежности „пеласгского“ догреческого слоя.

Из перечисленных вначале топонимов только два поддаются анализу в целом. Два других — *Βορρέηδων* и *Τζυβεδών*, из-за отсутствия соответствий их первым компонентам внутри фракийского и за его пределами пока остаются совершенно не ясными.

Σαρπηδών (*πόλις, ἀγλή, πέτρα*), *Σαρπηδονία* (*ἄγλη, πέτρα*), *Σαρπηδόνιον* (*χῶμα*); ЛИ *Σαρπηδών* вторично, подобно *Μυρδών* и *Μακεδών*; производность личного имени от географического названия подчеркивают и античные авторы, ср., например, Schol. Eur. Rhes. 29: *ἔχει δὲ ὁ λόγος τὸ ἕτερον εἶναι Σαρπηδῶνα τὸν ἐπὶ τῆν Ἴλιον στρατεύσαντα καὶ ἄλλον τινὰ Θράκη, ἀφ' οὗ Σαρπηδονίαν πέτραν φασὶν ὀνομάσθαι*. Стефан Византийский, в задачу которого входило определение производящего топонима и производного этникон-образования, вероятно, не случайно называет в качестве основной формы *Σαρπηδών*, характеризуя его следующим образом: *πόλις Θράκης, τὸ ἐθνικὸν Σαρπηδόνιος καὶ Σαρπηδονία* (St. B., s. v.). Самая характерная черта фракийского имени собственного — его отмеченное выше абсолютное тождество с малоазийским топонимом (Киликия, главным образом, мыс, реже город и т. д.) и ликийским ЛИ, в свою очередь совпадающим с критским мифолого-историческим личным именем *Σαρπηδών* — брат Миноса, приведший, по традиции, о чем уже говорилось, ликийцев с Крита. Здесь вряд ли можно предположить перенесение из Малой Азии во Фракию данного топонима, так как непосредственных связей между Киликией и Фракией типа колонизации не засвидетельствовано; кроме

¹ В иллирийском данная и.-е. лексема, видимо, не сохранилась: в балкано-иллирийской ономастике она не представлена, мессап. *damatras* (gen.), *damatira* и пр. заимствовано у греков, причем первое без какой-либо адаптации (Krahe, 1955, 82; ср. Pisani, 1935, 38).

того, на территории Фракии указанная ономастическая лексема характеризуется шире и притом за исключением одного упоминания (см. приведенную выше цитату из схолии к трагедии Еврипида *Rhesos*) только как географическое название. Напротив, в Ликии идентичная форма и ее производные фиксируются лишь в разряде личных имен (антропонимы и мифологические персонажи): *Σαρτηδών* — 1) ликийский царь и герой, сражающийся на стороне троянцев; 2) личное имя с вариантом *Σαρτιδων*, туземное *Zrppē-du*, ср. *Zrpu-de* = *Σερποδης*; ЛИ *Σαρτηδωνης* f.; лик. дем. *Σαρτηδωνιος* (< ЛИ) (S., 251 сл., ср. с туземной формой *Zrpudei-ne*; Згуста не включает в свою книгу ни одного из приведенных антропонимов, видимо, считая мифологическими). Корни этого своеобразного тождества, как и многих других, во всяком случае в отношении I компонента, лежат глубже в хетто-лувийско-фракийских, герр. балканских, связях доанатолийского периода.

I компонент *Σαρτη* — (лик. *Σαρτα*-, однажды употребленное в туземной надписи, — возможно, случайная адаптационная транслитерация) функционально-семантически и формально, за исключением финального гласного, совпадает с позднехетто-лувийским наречием **s(a)r-pa/i*, отраженном лик. *hrppi* „darauf, dafür“ (Neumann, 1969, 391), „über“ (?), ср. *hrppi tadi* „legt darüber“ (Heubeck, 1964, 264 с ссылкой на Педерсена), т. е. „(с)верх“, лид. *šrfa-štīd* „oberer, верхний“; значение и членение по Хойбеку (там же), вслед за Хаасом и вопреки Gusmani Wb., 206, где толкуется „левый“ или „правый“; ср. Шеворошкин, 182, прим. 42 и др., выделяющий суффикс *-ast-*; впрочем, на с. 299 в качестве параллели к хеттскому суффиксу *-asti* указывается лид. *-st-*, ср. с. 267, где, кроме того, в связи с позднехеттскими рефлексамися говорится о различных тематических гласных, предшествующих суффиксальному элементу. В этой связи уместно напомнить вывод Бенвениста, исследовавшего большой сравнительный материал о вторичности хеттского суффикса *-asti* (Benveniste, 1962, 95).

Со своей стороны позднеанат. **s(a)r-pi/a* генетически принадлежит к раннеанатолийским формам наречия с пространственным значением — хетт. *šer* „oben; darüber и пр.“, *šara* „empor, hinauf, herauf“ (Friedrich HW, 190; 183 соответственно); лув. *šarri* „en haut, sur“ (= хетт. *šer*); из него лик. *hri* то же, употребляемое только как преверб; лув. *šarra* „sur“ (Laroche Dict., 86, 85);¹ раннехетто-лувийская наречная основа хорошо представлена в неизменном виде греко-малоазийской топонимикой и антропонимикой: кар. МН *Σ(α)ρασος* < **Sara-n(t)s* (о его типологическом подобии ион.-кар. МН *Πρῆνη*, крит. МН *Ποίανσος* < **Ποῖαντ-ια/ιο* см. выше, с. 62), ЛИ *Σαρι(σ)ωλλ(λ)ος* (ср. кар. ЛИ *Παο(α)-vσσωλλος*, *Παα-v(σ)ωλλος* — Zg., § 1203, 6—8; к хетто-лувийскому наречию *para/i*, о котором выше, с. 59); область в Каппадокии *Σαραοννη*, капп. МН *Σαριχα* и пр. (более полный список: S., 190 сл. под **sara*); не исключено отражение и в раннеанатолийской ономастике, см. ЛИ (капп.) *Sara-ma* (L., № 1113, к словообразованию ср. рассмотренное лик. ЛИ *Prijā-ma*, с. 63), *Sarija* (L., № 117, ср. там же рассмотренные **Parijā* > *Παρις*); *Sarra-duwa* (L., № 1115), II компонент в лув. *duwa-* „placer“ (Laroche Dict., 100; ср. Goetze, 1954, 79), т. е. в целом „высоко поставленный“ и т. д. Отношения между формами

¹ Ср. реконструкцию Хоувинка тен Кате: *hrppi* = *šarri(-e)-pi*? (Houwink, 1961, 174).

рассмотренного анатолийского наречия позднего и раннего периода вплоть до и.-е. реконструкции *sēr-* „oben и пр.“ проанализированы Хойбеком в специальной статье — Heubeck, 1964; ср. Neumann, 1969, 391.

Особого пояснения требует исход I компонента основы подлежащего исследованию фракийско-малоазиатского имени собственного, повсеместно переданного через *η*. Здесь правомерны следующие рассуждения. В эллинистический и в большей степени в византийский период греч. *η* часто передавала иноязычное (туземное) *i*, а в надписях, составленных на вульгате, в Элладе и особенно за ее пределами *η* постоянно чередуется с *ι*, что обусловлено изменением характера артикуляции греч. *ε̄* в направлении закрытости и почти полного совмещения с *ι* в произношении; этот процесс, закончившийся приблизительно к II в. н. э., по крайней мере, в народном языке получил у грамматиков названия итаизма (Schwyzer I, 186 с литерат.). На территории Фракии не только наблюдается мена *η:ι* в греческих надписях: *ἰδίον:ιδίον*, *Ἰδα:Ἰδαίς, νήκης:νίκα, ἀνάθημα, Κυρήλα, Βρασητραλῖς ~ Βρασητραλί* и пр., но и адекватность греч. *η* лат. *i*, ср. в одной надписи 70 г. н. э.: *λεγι(ῶνος) Ἀπολληαρίας* = лат. *legio Apollinarius*, *ποηδιε* = лат. *pridie* (Mihailov, 1943, 25 сл.; там же другие примеры; для Малой Азии ср. капп. город *Τιταρησσοῦς = Τιταρισσοῦς* (Ptol. V, 7, 6; S., 209) и др. Следовательно, *η* греческих передач могло отражать *i* фрако-хетто-лувийского прототипа, т. е. *Σαρπη* < **Sarpi*-. Возможно и другое объяснение, согласно которому, в исходе туземного оригинала постулируется *a* при регулярной греческой передаче *η*. Действительно, в (поздней)анатол. **sarpi* финальн-нсе *i* — этимологическое, восходящее в составе хеттской указательно-направительной частицы (или застывшего локативно-аблативного падежного окончания) *-pi* к и.-е. *-bhi* (греч. *-φι* — Schwyzer I, 550 сл.); это *-pi* также в хетт. *kuwapi* „где, куда“ < и.-е. **k^uo-bhi* (подробнее см. Neumann, 1961, 68; Шеворошкин, 298). Однако хетто-лувийским языкам свойственно чередование *i/a* в исходе основ,¹ в том числе адвербиальных, см. выше приведенные *šarri-/a-*, ср. также лид. *šrfa-šti* при лик. *hrppi, pari-/a*; в других апеллативно-ономастических основах: *ziti-/a, pari-/a* и пр., а на месте этимологического *i* появляется только в греко-малоазиатских передачах позднихеттских имен собственных (см. Goetze, 1954 s. v. v.; ср. Houwink, 171, 155: *nana/i*, где, напротив, *ι* фиксируется только в период греческих передач; оба с большим числом примеров). Между прочим, Хойбек (Heubeck, 1964, 265 — таблица), видимо, связывает различия наречных форм на *a:i* с их функциональным различием: наречия на *i* имеют значение локатива, на *a* — алатива.² Надо полагать, не случайно ликийская антропонимика сохранила собственно ликийские имена, содержащие ликийское

¹ О более широкой мена *i/a* в хеттском см. Klopasner I, 20 сл.

² Гетце (Goetze, 1954, 78), выделяя ономастическую основу *šarpa-* наряду с раннеанатолийскими личными именами в лик. *Σαρπαδων*, лик. килик. *Σαρπαδων*, соотносит ее с не совсем ясным по значению хетт. G1S *šarpa*, снабдив его пометой „обожествленное“; согласно Фридриху (Friedrich HW, Erg. I, 18), „Baum und sein Holz?“ и далее с ссылкой на Роста „vielleicht zu streichen und nur das Gerät G1S *šarpa* anzuerkennen?“ Такое предположение нам представляется менее обоснованным с семантико-типологической стороны; кроме того, элемент *-dow* остается за пределами интерпретации. Кстати, почти все раннеанатолийские ЛИ из списка Гетце хорошо толкуются в связи с наречием **sarpa*, например, *Huh(h)a-šarpaš* „лед, стоящий над, т. е. самый старший“, *Tiwašarpaš*, D *Kubaba-sa+r-pa-s(a)* и другие теофорные ЛИ „высшее божество“, к ЛИ *Ša-ar-pá*, ср. ЛИ *Pa-ri*, т. е. „высший“.

наречие. Это *hrppi-dube* (Zg., § 1666); *Ερπι-γρης, -δασα* f., т. е. „сверхмощная“ (хетт. *daššu-* „stark; fest и пр.“ — Friedrich HW, 218); *Ερπιδερμους* f., *Ερπιδεντης*, *Ερπιας*, ср. упомянутое хетт. (капп.) *Šarpi* (L., № 1128), все греко-м.-аз. ЛИ по: Zg., § 358. В ликийском раннеанат. (лук.) *s* регулярно в анлауте и интервокальном положении соответствует *h* (Neuhann, 1969, 379), которое в греческих передачах должно было перед гласным отражаться через *spiritus asper*; в малоазийских надписях обычно придыхания, как и ударения, не фиксировались, но Папе-Бензелер дает *Ἐρπιδαση* (Р.-В. I, 389). Интересно гиперкорректное *ε* греческих передач: видимо, греки, очень чувствительные к аспирации, слышали какой-то гласный призвук [э?] вначале столь непривычного для эллинского слуха стечения согласных; это вполне допустимо при наличии позднехеттского чередования *a : e*, resp. *a.¹* Вероятно, явление того же порядка греческие передачи кар. МН *Ἐρπιασα*, ГН *Ἐρπιασος* (придыхание по Р.-В. I, 142), причем *Ἐρπιασα, πόλις Καρίας, ἀπὸ Ἐρπιάσου ποταμοῦ* (St. B., s. v. *Ἐρπιασα*); карийский гидроним, совпадающий с фрак. ГН *Ἀρπησός* (D., 26), может быть истолкован „верхняя (река)“ и т. п., если оно не непосредственно к позднеанат. форме **sarpa/i-* с переходом *s* в придыхание.

В связи с последним обстоятельством возникает мысль, что фрак. и хетто-лув. *Σαρπηδών* относится к более древнему ономастическому пласту, нежели период исторических ликийцев; для малоазийской лексемы не исключено, по нашему мнению, своего рода обратное заимствование от догреческого населения Крита, генетически близкого фракийцам.²

Теперь, наконец, мы располагаем достаточными основаниями, чтобы истолковать фрак. МН *Σαρπηδών* как „высокая местность (мыс, побережье, скала)“, „город, расположенный на высоком месте или около возвышенных географических объектов“, ср. Schol. Apoll. Rhod. 1, 216, 17a: *Σαρπηδονίην λέτ[την] πόλις τῆς Ἀσικῆς...*

Второй топоним, могущий быть интерпретирован целиком, — это название города в верхней Мёзии, локализуемого в районе совр. Белграда (по D., 444 и др. сам Белград³) и приводимого обычно в форме, признаваемой наиболее авторитетной, *Σινγιδούνον* (*Singidunum*), что, как мы попытаемся показать ниже, далеко не бесспорно. По общему мнению, утвердившемуся вслед за Хольдером (Holder II, 1570, ср. D., 444), оно считается фрако(-дако)-кельтским гибридным образованием: дак. *Σινγι-* + кельт. *dunon* „укрепленный валом город, крепость“. Вместе с тем, название указанного города равно, если не чаще, засвидетельствовано в греческих памятниках в форме с *-δων, -δον*; здесь особенно показательны фиксации византийских авторов, живших, правда, на несколько столетий позже цитированного Птолемея, например, Менандр (Menandri Prot., frg. 63 — Dind, 121—124): *ἐν Σινγιδόνι* и *ὁ τῆς Σινγιδόνος πόλεως τὴν ἀρχιερωσύνην διέπων*; далее идут другие поздние засвидетельствования, однако современные латинским передачам, см. Sozom. n. eccl., 3, 12: *Σινγιδώνον*, Hierocl. Synecd: 657, 3: *ἐλαρχία Μυσίας Σινγιδόνος* Proc. bell. V, 15, 27: *Σινγιδόνον*; VII, 33, 13 *ἀμφὶ πόλιν Σινγιδόνον* и т. д.; Proc. ac. IV, 4—5 = Н. 127 сл.: *πόλιν οὖν*

¹ Иначе, с идентификацией *Ερπι-* и лик. *er(i)* = хетт. *arha*: Ноннинг, 173.

² См. заслуживающий внимания список фрако-критских топонимических тождеств (часть засвидетельствована в табличках линейного Биз Кноса); Георгиев, 1958 с. 204; список подобных соответствий может быть увеличен.

³ О. Н. Трубачев (1966, 103 сл.) идентифицирует его с совр. Сегедом (юг Венгрии).

παρὰ τὴν ἐκείνη ἀκτῆν, ὄνομα Σιγγηδόνων (cod. Vaticanus: σινγηδών) и в других местах *Περὶ κτισμάτων*; прочие упоминания см. D., 444; Holder II, 1570 сл.

Учитывая данные фиксации Менандра, а также то, что фрак. *o* < и-е. *o* произносилось очень закрыто, в ряде случаев изменялось в *u*,¹ вызвав в греческих передачах чередование *ω*, гесп. *o:ou*, и через ступень *ï* даже *v:i*, ср. *Λολε-*, *Λουλη-*, *Αυλη-*, *Αυλυ-*, *Αυλι-* и т. д. (см. с большим количеством примеров Mihailov, 1943, 29 сл., Дечев, 1952, 34 сл.), вполне правомерно считать написания топонима с *-δων*, *-δον*, отражающим исконное состояние.² Соответственно отпадает необходимость в постулировании гибридности названия, которое на почве фрако-дакийского непротувиреchio толкуется как „земля, гесп. место, город сивгиев“ (к реконструируемому значению элемента *-δων* ср. характеризованную выше семантику греч. *χθών*). I компонент имеет хорошие соответствия в дак. МН *Σινγί-δαва* (Ptol. III, 8, 8; D., 443), выказывающем семантико-типологическое тождество рассмотренному топониму, совпадая с фракийским этниконом *Σίγγιοι* (*Σίνγιοι*, *Σίγγαίος*) от названия города на восточном берегу полуострова Ситония — *Σίγγος* (этникон — Meritt. Athen. trib. 1, 402—403; IV в. д. н. э.; Thuc. 5, 18, 6; St. B., s.v.v.; топоним, начиная с Геродота — VII, 122; D., 440).

Разумеется, не исключена адаптация топонима *Σιγγιδών* ~ *Σιγγίδουνον* и т. д. кельтами, еще в IV в. до н. э., захватившими значительные районы Паннонии, Трансильвании и Дакии (из новой литературы см. Герасимов, 1971, 39 сл.). Именно за счет кельтского влияния, видимо, следует отнести устойчивость написаний с *-δουνον* = *dunum*; ср. географически близкие кельт. адаптации: *Cape-dunum* (Holder I, 757) — дак. *Καπί-δαва* (D., 226), *Καρό-δουνον* — дак. *Καροί-δαва* (см.: С. Poghirc. — Б Е XXIII, 3, 32).³

7. *Επτα-κενθος*, *Επτι-κεντος*, *Επτε-κε(ν)θος*, *Επτη-κενθος*,⁴ *Επται-κενθος*, *Epta-centus*, *Epta-cens*, *Epte-centus*, *Epte-cens*, *Επει-κενθος*, *Eti-cens*, *Efta-centus*, *Efte-centus*, *Ipta-cens* (D., 167 сл.), *Επτα-κινθινος* (D., 168); *Epta-per* (D., 168), *Efte-pir* f. (D., 171); *Επτα-πορις*, *Hepta-poris*, *Επτη-πορις*, *Epti-poris* (D., 168), *Επτη-πυρις* f., *Επτε-πυρις* f. (D., 169); *Επτα-πυς*, *Επτη-πυς* f. (D., 169); *Επτα-τραλις*, *Επτη-τραλις*, *Epta-tralis*, *Επται-τραλις* (D., 168); *Epte-dius* (D., 168); *Επτε-ζενις*, *Epte-zenus*, *Επτε-ζενις* (D., 169); *Επτε-συκος*, *Επτη-συκος* m. f., *Επτη-συχις* f. (D., 169); *Epte-tras* (D., 169); *Επτη-μενηκα* (D., 169); *Ετα-ζέτι* — вторая жена вифинского царя Никомеда II (Memnon 23; D., 171); *Eptala*, *Eptela*, *Eptula* (?), *Ettela* (D., 168); *Επτε-νις*, *Επτενης*, *Eptenis* (D., 169); ср. *Βουρδ-επτω* (Proc. ae. IV, 11 = Н. 147, 4), *Burd-ipta* (ItA 137, 2; 231, 6) — топоним на левом берегу Хэброта. Источниковедческая доку-

¹ Георгиев прямо постулирует переход *o > u* (Georgiev, 1961, 11).

² Старовенг. *Szegedin*, в памятниках — *Civitas Zegedinum*, *Zegediensis*, приводимое Трубачевым (1966, 105), возможно, отражает конечный результат эволюции *-δων*, *-dunum*, *-dinum*.

³ Мысль Томашека (Tomascsek II, 2, 89) об отражении *dunum* в *Λοῦναξ* (по D., 153, гора Рила с вар. *Donuca*, *Dinax*) уточнена с семантической стороны Георгиевым, который видит в *Λοῦναξ* прямое отражение лексемы родственной англ.-сакс. *dūn* „возвышенность, гора“ (Георгиев, 1967, 14).

⁴ Имеется, по всей вероятности, поздний вариант *Απτε-κενθος* (единственный случай начального *a* в данной основе) из надписи, опубликованной Мирчевым в 1957 г. (Mihailov, I, № 281 bis: Форма пова *Απτε* = *Επτε*, ср. Vlahov, 1963, 264; о чередовании *e: a* в фракийском см. выше, с. 33 сл. Руссу неверно сравнивает эту форму с дак. ЛМ *Aptassa*.

ментация в целях экономии опущена: с необходимыми контекстами эти данные приводятся под соответствующими лексемами в указанных местах у Д. Дечева; в отношении греческих надписей Болгарии полная ревизия, как и во всех прочих случаях, проведена Г. Михайловым (см. Mihailov I²—IV). Кроме *Ἐταζέτα*, указанные антропонимы засвидетельствованы многочисленными греческими и латинскими надписями, разбросанными по всему восточно-балканским территориям, главным образом, в пределах современной Болгарии (собственно Фракия) и частично Румынии (Дакия).

Определенные соображения, опирающиеся главным образом на данные комбинаторного анализа, позволяют с большой долей уверенности постулировать теофорную природу подлежащих интерпретации антропонимов. Прежде всего обращает на себя внимание идентичность ряда вторых компонентов **(H)Eptia*-комполит и личных имен, содержащих в первой части сложения явно теонимическую основу или апеллатив с значением „бог“ (см. № 3), ср. *Ἐπιη-πους*, *-πις* при *Mau-pus*, *Deo-pus*, *Παία-πος* и т. д. (см. № 5); *Ἐπιε-ζενις* и т. д. при *Δια-ζενις*, *Diu-zenes* и т. д., II компонент, восходящий к и.-е. **g'en-* „рождать, производить на свет“ (Pokorny, 373), семантико-типологически адекватен греч. *-γένης* от *γένος* „род, отпрыск, потомок и пр.“ в антропонимике, состоящей в значительной части из теофорных имен, ср. *Διο-γένης* (Fick, Bechtel, 1894, 84 сл.; Bechtel, 104; D., 181); *Ἐπια/ε-κενθος* и т. д. при *Μα-ε-εντης* (D., 283), *Διασ-κενθος*, *Dias-cinthus* и пр. (D., 130), II компонент из и.-е. **ken-to*, в галльск. *Cintugnātus* и т. д. „первороденный“, др.-ирл. *cēt-*, кимр. *cyn(t)*, брет. *kenta* „первый и т. д.“ (Holder I, 1022 сл., и.-е. **ken-* „происходить, начинать; также о молодых животных и детях“ (Pokorny, 563 сл.) отсюда для фрак. *-κενθος* правомочно предположить значение „первенец“ (к реконструкции фракийской лексемы см. Kretschmer Einl., 239; Дечев, 1952, 7; D., 239 сл.; Russu, 1969, 115). *Ἐπια/η-πορις*, *Epti-poris* и т. д. при *Διου-*, *Δι-πορις*, *Beos-por* (D., 127) и пр., II компонент к и.-е. **per-*: *pr-* в лат. *pario*, perf. *peperi* „родить и пр.“, *Propertius* букв. „преждерожденный“ (D., 374; Pokorny, 818, см. еще выше, с. 63.

Следует обратить внимание на *Ἐτα-ζέτα* f., образованное однотипно с фрак. ЛИ *Βενδι-ζήτα* f. (D., 49), имеющим в I компоненте хорошо засвидетельствованное античными авторами (Hdt., Hes. и пр.) и многочисленными надписями имя фрак. бога *Βενδῆς*, *Βένδης*, *Μενδῆς* (D., 50); ср. еще *Διη-ζήτης*, в котором I часть, возможно, к и.-е. **din-* „день; небо“ в ст.-слав. днь, др.-инд. *dina-m* то же, согласно Кречмеру и др., также в этр. *Tin*, *Tinia* = *Juppiter* и т. д. (Kretschmer, 1925, 309 сл., Georgiev, 1962, Гиндин, 1967, 89), от и.-е. **dei-*, *di-* „блестеть, светить и пр.“ (Pokorny, 183 сл.) Сколь ни заманчиво сопоставление I компонента *-ζή/ετα* с лув. ономастическим элементом *zita/i* (в греко-малоазийских передачах *-στας*, *-σητας*, *-σατης*) от него приходится отказаться, поскольку лув. *ziti-* значило „человек, мужчина“ в противоположность понятию „женщина“ (L., 324 сл., Goetz, 1954, 75 сл., Houwink, 1961, 171 сл.), в то время как ЛИ *Ἐτα-ζέτα* и *Βενδι-ζήτα* принадлежали женщинам.

Весьма показателен в теофорном смысле комполит *Epti-dius* букв. „*Epti*-бог“, если чтение, принятое Дечевым (D., 168): *Eptidi Modesti cont. leg V Mac.* (CIL III, 14433) — правильно; Руссу, согласно Vlahov, 1963, 247, предлагает *Septidi Modesti*.

Существует две ортодоксально-генетические этимологии основы **(H)Epta-*. Одна из них принадлежит Дечеву и разделяется Руссу (Дечев, 1952, 30; Russu, 1969, 123). Приняв за исходную форму *Epta-*, Дечев отнес ее к и.-е. **ep-* от и.-е. **op-* в др.-инд. *ápas-* = лат. *opus*. *-eris* „труд, работа“, лат. *optimus* букв. „богатейший“, греч. *ἄμωπη* „пища, зерно“, *Ἰομωπη* — эпитет Деметры „Кормилица“. Помимо чисто корневого характера, данная этимология имеет другой важный недостаток: среди реально засвидетельствованных рефлексов и.-е. **op-* отсутствуют лексемы с *e*-огласовкой; *e* германских примеров из прагерм. *a* < и.-е. **o*, ср. др.-исл. *efni* „Stoff, Zeug für etw.“ (прагерм. **afniça* < и.-е. *opniço-m*) при др.-исл. *efna* = англ.-сакс. *oefnan* „ausführen“, „wirken“ (Pokorný, 780; Frisk II, 391; Kluge, Mitzka, 799). Вторая этимология В. Томашека, будучи также корневой, более строга с формальной стороны: так как учитывает возможность исчезновения аналутного *h* (греческое густое придыхание) фракийских форм в латинских и, как правило, греческих надписях Фракии и Дакии. Согласно Томашеку, фрак. *epta* через ступень *hepta*, подобно др.-инд. *sápti* „упряжка (коней)“, к и.-е. **sep-* в др.-инд. *sap-* в частности „запрягать“ (Tomášek II, 2, 9); кроме всего прочего, ценность интерпретации Томашека снижается тем обстоятельством, что начальное *s* перед гласными в фракийском сохранялось, см. Дечев, 1952, 19. Редкая в указанном смысле транскрипция *Hepta-poris* — CIL XVI, Dipl., 108, a. 158: *ex gre-gale* („рядовому“) *Heptapori* (dat.) и нам представляется реальным отражением первоначального облика фракийской туземной формы, ср. объяснение начального *h* в данной форме фракийской преютиацией и.-е. **e* (Д. Дечев. Указ. соч., с. 31).

Противоречивость и малое правдоподобие с семантической и формальной стороны обеих этимологий, а также общий культурно-этнографический контекст побуждают искать в качестве потенциальной возможности прототип фракийской ономастической основы **(H)Eria-* за пределами Балканского полуострова, не упуская из виду выводы комбинаторного анализа относительно ее теофорного характера. Это намерение стимулируется, как и во многих других случаях, наличием исконо фракийского продолжения и.-е. **op-*, реализованного в теонимическом композите *Ἀηλοπιης* (см. *ἐπιωνέσα. Στέφανον τῆς τε πρὸς τὴν γενδίον καὶ τὸν Ἀηλοπιην καὶ τοὺς ἄλλους θεοὺς εὐσεβείας ἐνεκεν*; *Ἦρωσ Αἠλοπιη[ς]* — D., 129; Дечев, 1952, 34; Russu, 1969, 131), ср. приведенный выше эпитет Деметры *Ἰομωπη*.

Исследования теонимики и вообще ономастики сопредельных Фракии территорий вновь ведут нас к позднеанатолийскому (малоазийскому) пантеону, сохранившему имя богини-матери *Ἰπτα: Εἴπτα*, видимо, потерявшей ко времени засвидетельствования свою популярность, что отразилось в крайне ограниченном числе фиксац *й* (определенно всего, кажется, 3 раза): *Μητροῖ Ἰπτα* (Keil, Premerstein II, 169), *Μητροῖ Ἰπτα καὶ Λεὶ Σαβαζίω* (там же, 188), *Λεὶ Σαβαζίω καὶ Μητροῖ Εἴπτα* (W. H. Buckler в кн.: Neubek, 1959, 63); Кречмер с ссылкой на Кайля приводит еще один случай, когда в лучших рукописях комментария Прокла к Тимею кормилица детей Диониса названа *Ἰπτα* вместо *Ἰππα* (Kretschmer, 1927, 76); имеется также ЛИ *Ἰπτας f.* (Zg., § 481). Надо отдать должное Дечеву, который, вопреки собственной корневой этимологии (см. выше), в своем основном труде указывает на явное совпадение фракийской основы и пр.

с именем малоазийской богини-матери, упомянув цитированную работу Кречмера (D., 167).

В этой небольшой заметке Кречмер тонко сопоставил вплоть до отождествления м.-аз. **Ἰлта*: *Εἴλτα* с хетт. *Ḫepit* или *Ḫipit*, митанн. *Ḫera* или *Ḫira* — именем заимствованной у хурритов великой хетто-лувийской богини, жены бога грома *Teššup* (Kretschmer, 1927, 77); современная обобщенная транскрипция хетт. теонима ^D*He-pit* (Laroche, 1947, 48; L., 293, 348), лув. иер. *He/Hi-pa-tu(a)* (Heubeck, 1959, 63 с ссылкой на Боссерта и Лароша); см. также продуктивную основу теофорных антропонимических сложений: хетт. ¹*Hé/Hi-pa-tu-(u)-wa-(aš)* (L., № 364), иер.-лув. ¹*He-ra-pi-a* (L., № 365), иер.-лув. (асс.) *Hi-pa + r-wa-ni-n* (L., № 366) и т. д.; относительно смещения *e*:*i* в хеттском, видимо, в результате более позднего перехода в отдельных случаях *e*>*i*, отраженном, в частности, различием малоазийских форм **Ἰлта*: *Εἴλτα*, герсп. фрак. *Ελτα*: -*ιλα*-, см. Kroppasser, I, 37 сл.; 1956, 39.

Известную трудность составляет идентификация раннеанатолийского начального *H* и греческого густого придыхания, поскольку первому обычно в греческих передачах соответствует *κ/γ/χ*, например, лид. *Κραθρα* — хетт. *Ḫinnariwa*-; килик., догреч.-анат. *Κασαλία* — хетт. **H/haštali*-; м.-аз. *Κιλμες* — возможно, хетт. *Ḫilakkai* (Heubeck, 1959, 62 сл., особенно прим. 22; Гиндин, 1967, 148 сл.). Весьма правдоподобно нерегулярное отражение анат. *H* через греческое густое придыхание в данном случае объясняется сближением по народной этимологии иноязычного теонима с *ἵππος*, см. отмеченную выше субституцию в рукописях Прокла (ср. Heubeck, 1959, 63), в то же время Кавэньяк указывает на связь богини *Ḫepat* с амазонками (Cavaignac, 1950, 53). Пожалуй, здесь уместно упомянуть признаваемое многими очень раннее греческое заимствование *ἄφενος* „богатство, изобилие“ из анат. **hapina* при хетт. *ḫappinant* „богатство“ (ср. Heubeck, 1961, 70; Гиндин, 1967, 167).

Возвращаясь к фракийской ономастической основе *(*H*)*Epta*, тождественной рассмотренным поздне- и раннеанатолийским теонимам (**Ἰлта*: *Εἴλτα* < *He/Ḫipat*), отметим сразу *e*-вокализм начального слога в подавляющем числе случаев (40 к 2 именам с *i*),¹ что может говорить о более раннем, по сравнению с временем греко-малоазийских передач, проникновении этой основы в фракийский пантеон и соответственно антропонику. Форма *Ḫep̄ta-poris* свидетельствует о начальной аспирации типа греческого придыхания, подобно ударению, как правило, не фиксируемого в греческих надписях за пределами Эллады. В зависимости от последнего обстоятельства, необходимо из соображений гиперкорректности восстановить для фракийского теофорную основу в греческих передачах **Ελτα* = лат. *Ḫep̄ta*.

Подвергнутые выше комбинаторному анализу антропонимы допускают следующую интерпретацию в семантическом плане: *Ελτη-πος* f., -*πος* m. „проникнутый (-ая), обладающий (-ая) животворной силой богини **Ḫep̄ta*“; *Ελτε-ζενος*, *Epte-zenus* „потомок, отпрыск богини **Ḫep̄ta*“; *Ελτα/ε-κενδος*, *Epta/ε-centus* и др. „первенец богини **Ḫep̄ta*“; *Ελτα/η-πορις*, *Epti-poris* и пр. „рожденный богиней **Ḫep̄ta*“ и т. д. *Eptala*, *Eptela* и пр. — типичное

¹ Переход *e* в *i* мог осуществиться уже на фракийской почве, см. Mihailov, 1943, 13.

поссесивное адъективное образование на *l* (см. с. 33 сл.). Еще одно немаловажное наблюдение. В двух случаях из трех богиня *Μήτηρ Ἰ/Ἐπιτα* упомянута вместе с именем главного бога фригийцев *Σαβάζιος*, имеющим многочисленные варианты у античных писателей и в надписях: *Σανάζιος*, *Σαονάζιος*, *Σαβάδιος*, *Σεβάζιος*, *Σαάζιος*, *Sabadius*, *Savadius* и т. д. Этот фригийский бог изофункционален Дионису, как уже говорилось, заимствованному греками у фракийцев; по отдельным источникам Сабадзий — фракийский Дионис или сын Диониса, ср., например, Schol. Arist. Vesp. 9: *Σαβάζιον δὲ τὸν Διόνυσον οἱ Θράκες (sic!) καλοῦσι, καὶ Σαβοῦς τὸς ἱεροὺς αὐτῶν*; Hes.: *Σαβάζιος ἐπώνυμον Διονύσου καὶ Σάβον ἐπίστε καλοῦσιν αὐτὸν. Φοῦξ δὲ ὁ Σαβάζιος*, ср. там же: *σαβάζεν βακχεύειν*.

В плане конкретной связи культа Сабадзия и богини *Magna mater* весьма знаменательно сообщение Страбона с ссылкой на Демосфена, обвинявшего Эسخина в том, что он участвовал вместе со своей матерью в дионисийском шествии, взывая: *εἶποι σαβοῦ* и многократно: *ἕης ἄτης [ἄτης]ἕης*, ибо таковы — культ Сабадзия и Великой богини-матери (*ταῦτα γὰρ ἐστὶ σαβάζια καὶ μητῶν* — Strab. X, 3, 18).

Форму *Σανάζιος* в качестве наиболее точно отражающей туземный прототип **Savadios*, членимый, возможно, **Sava-dios*, т. е. „бог-податель“, об основе **Sava* см. с. 104 (β греческих передач = *u*; *d* перед *i* спирантизировалось в ζ — см. с. 47) обычно сопоставляют с македонским названием Силены *Σανάδα*, согласно Америасу у Гесихия, где сообщается: *σανάδα σαῖδοι. Ἀμεριάς τοὺς σαλείνους οὕτω καλεῖσθαι φησὶν ἐπὶ Μακεδόνων* и фрак. топонимом *Σαναδία* или *Σαβα διά*¹ (Kretschmer Einl., 195 сл.; Hoffmann, 6 сл. 94, 97 сл.; ср. Tomaschek II, 1, 43; Кречмер и Томашек с попытками этимологии). Если учитывать форму теонима *Σάβος* (см. цитаты из Гесихия и Страбона), то сюда же можно присоединить *Σάος* с вар. *Σάβος*, *Σάουος* — 1) приток Дуная в Паннии; 2) гора на Самофракии; 3) имя сына Гермеса и Рены, эпони́ма Самоса; ср. *Σαόννησος* — старое название Самофракии (Р.-В. II, 1340; ср. Hemberg, 119; Gusmani, 1958, 867). На основании изложенных фактов Кречмер сделал совершенно правильный вывод об исконно балканском происхождении бога Сабадзия и его культа, который фригийцы принесли в Малую Азию с своей европейской родины (Kretschmer Einl., 196 сл.), где они с самых древних времен близко соседствовали с фракийцами до своего переселения, приобретая в результате много общих языковых и этнографических моментов, что прослеживается как по языковым реликтам, так и по сообщениям античных авторов.²

В итоге правомерно предположение, что наряду с *Σαβάζιος/Σανάζιος* фригийцы и культ *Μήτηρ Ἰ/Ἐπιτα* = фрак.: **(H)Epta-* занесли в Малую Азию с Балкан, создав условия для миграции последнего термина в обратном направлении (Rückwanderung); как выше отмечалось, фракийские формы антропонимов с *Ἐπιτα* имеют более архаический вид, чем греческие передачи диахронически тождественного туземного малоазийского прототипа.

¹ Дечев дает *Σαάδα* (D., 427), с которым связывает также МН *Sabatium*, -он и пр. (D., 406).

² Интересная, также исконно фракийская, resp. фригийская, этимология предложена Грегуаром-Бонфанте. Она основывается на эпитете Диониса *Ἐλεύθερος*, *Ἐλευθέριος* *Ἐλευθῆρ* = греч. *ἐλεύθερος* „свободный“; при идентичности *Σαβάζιος* с Дионисом они возвели первый теоним к и.-е. **sǵobhódh(j)os* (Grégoire-Bonfante в кн. Георгиев, 1960, 84);

8. Ἡρώς, Ἡρός, *Heros*, Ἡρώου, *Heron*, *Eron* — фракийский бог, изображаемый всегда на коне, обычно с оружием, чаще копьем, в правой руке и некоторыми другими повторяющимися атрибутами, о которых см. ниже; засвидетельствовано, как правило, в дат. п. Ἡρώι, Ἡροί, Ἡρώτι, Ἡρώτι, *Herói*, *Heroni*, *Eroni* многочисленными посвятельными надписями на стелах с рельефами, разбросанными по всей древней Фракии и Мизии, с увеличением частотности к югу и юго-востоку; 1128 рельефов, обнаруженных на территории Болгарии, значительная часть с надписями, исследованы и изданы (около половины с фотокопиями) Кацаровым (Kazarow, 1938; там же в приложении ко II тому карта места находок; ср. RE Suppl. III, 1132 и др.); со времени выхода указанной монографии коллекция надписей, посвященных Хэросу, еще более пополнилась¹ — капп. *Perua* — главное божество города Канеса, хетто-лувийский теоним *Perwa*: *Pirwa* (L., 288, ср. Laroche, 1947, 87); *Peru(w)a*, *Pirwa* чрезвычайно распространено в качестве теофорного личного имени в староассирийских табличках из Каппадокии и в значительно меньшей степени у хеттов; служит продуктивной теофорной основой ряда анатолийских антропонимов: хетт. *Piruwi* (L., № 1019), *Pirwannu* (L., № 1020), капп. *Perutahšu* (L., 146),² *Per(u)-wahšu* (L., № 1018); соотносится с хеттским апеллативным деривационным гнездом, состоящим из слов, имеющих значение „скала“: *pirwa-* (Friedrich HW, 170), *peru-* (Friedrich HW, Erg. 2, 20), *peruna-/piruna-* (Friedrich HW, 167 сл.); последнее в „Песне об Улликумми“ фигурирует как мифологический персонаж *šalli iš pi-ru-na-[aš]* „большая Скала“, родившая сына богу Кумарби (Иванов, 1958, 109 сл., 1963, 31 сл.; Иванов, Топоров, 1970, 339).

На религиозно-мифологическом уровне данное фрако-хетто-лувийское сопоставление предложено В. Н. Топоровым (Топоров, 1972, 33 сл.); с некоторыми уточнениями Иванов, Топоров, 1974, 210 сл.; наиболее полное обоснование с богатой литературой см. Топоров, 1974, 11 сл. Он опирается на целую цепь наблюдений, характеризующих прежде всего функционально-семантический изоморфизм фрак. Ἡρώς и т. д. и хетт.-лув. *Perwa* и т. д. Их суть сводится к следующему. 1. Божество *Perwa*, засвидетельствованное еще в староассирийских табличках (см. выше), было связано с культом лошади — факт, уточняющий индоевропейскую принадлежность соответствующей мифологемы: *Perwa* на коне,³ а также хронологически рамки ее (Топоров, 1972, 33). 2. Возможно, что именно *Perwa* — божество индоевропейского происхождения,⁴ будучи позднее вытеснен

ср. теонимическую семантическую параллель: оск. (*lívveis*) *Lívfreis* = (*iovis*) *Liberi* (Walde, Hofmann I, 792); относительно *dī>zi* в фракийском см. выше, с. 47).

¹ Относительно развития коневодства и конницы у фракийцев, которых Гомер называет *ἰπλοῖοι* (II. XIII, 4; XIV, 227; ср. X, 434 сл.), см. Kazarow, 1916, 46 сл. с богатой литературой.

В настоящее время предпринято новое критическое издание всех надписей и рельефов с территории Болгарии, посвященных Хэросу, см.: Z. Gočeva, M. Orgerman p. *Corpus cultus equestris Thraciæ. Monumenta orogae ponti Euxini Bulgariae*. Leiden, 1979.

² Ср. Goetze, 1954a, 356 сл. литературой: воссоздавая для данного имени основу **Peru-n-*; вслед за ним Ларош дает в другом месте *Peru(n)š-ahšu* (L., 288).

³ См. специально статью Оттена с характерным названием „*Pirwa — der Gott auf dem Pferde*“ (Otten, 1951), некоторые дополнения: Bossert, 1952.

⁴ Относительно и.-е. происхождения *pirwa* (: *per-*), *peruna* при др.-инд. *párvata-*, „гора, скала, камень“ см. F. Sommer в кн.: Friedrich HW, 168; вслед за ним Goetze, 1954a, 357; Иванов, 1958, 110; Иванов, Топоров, 1970, 337, где для др.-инд. лексемы предлагается и.-е. праформа **peruṅ-t-*; Mayrhofer Wb. II, 228, иначе Laroche, 1947, 87: к хатт. *pir* „камень“.

хаттским богом грозы *Tāru* = шумер. DĪŠKUR = хетт. DĪX (L., 32, 95, 108 сл. и также индоевропейским *Tarhu(nt)-*, о котором выше, с. 37 сл., „по крайней мере типологически“ мог быть соотнесен и связан „хотя бы как поздняя субституция“ с главным богом в галерее Язылыкая, стоящим на скале (точнее на двух отрогах скалы) и снабженным атрибутом молнии (копье и пр.), по левую руку от нее изображена солнечная богиня *Ariṇna*, помещенная, как и другое мужское божество — хурритский бог *Sarruma*, сын *Hepat*, на спинах священных животных, опирающихся в свою очередь на отроги скал; фигура Аринны открывает собой процессию женских божеств с руками, согнутыми в жесте молотбы (специально Akurgal, фотография 76—77 = рис. 19, с. 79; интерпретация содержательного плана с. 48—54); детальное истолкование процессии богов, изображенных в галерее Язылыкая и иероглифических надписей под ними, содержащих хурритские теонимы, осуществлена Ларошем в специальной статье (см. Lagoché, 1969). 3. Низложенный Кумарби от скалы *Peruna* родит для уничтожения своих врагов каменное чудовище Улликумми с хеттским прозвищем *Kunkunnuzzi* — редуцированная основа от глагольного корня *kuen-* „бить“, „убивать“ <и.е. *g^hhen- (аналог мифа о Тифоне — подробнее см. Иванов, указ. соч. с литерат., Akurgal, 1961, 52 сл.). 4. Характеризованные в предыдущих пунктах религиозно-мифологические и изобразительные мотивы, связываемые с реконструированным образом *Perwa* как конного бога грозы, схожи с многочисленными изображениями фракийского конного бога *Ἡρως*: всадник на коне, каменное возвышение, копье или другое оружие в правой руке и т. д.; дополнительные мотивы — жертвенник, дерево, часто змея, бычок, либо другое жертвенное животное. Антропоморфная фигура или люди на заднем плане, resp. по левую руку, иногда впереди и т. п. — все это „вполне укладывается в общую схему мифа о поединке бога грозы со змеем“, создавая предпосылки для предположения, что оба сопоставленных божества являются вариантами одного и того же мифологического персонажа (Топоров, 1972, 34). 5. Этот весьма красноречивый культурно-этнографический контекст, объединяющий на первый взгляд столь разные по внешнему виду теонимы, обуславливает возможность, хотя и не лишенную гипотетичности, языкового отождествления хетт. *Perwa* — фрак. *Ἡρως* — др.-греч. *ἦρως* „вождь, герой, воин и пр.“ при отсутствии надежной этимологии греческого слова (Frisk I, 644 и др.) и попытках искать его до- или негреческое происхождение. Греч. *ἦρως*, полностью совпадая с фракийским теонимом формально и некоторым образом семантически, представляет собой диахронически основу на -*ū*, выказывая апофонические варианты исхода -*ō̄*: -*ū*, ср. гомеровскую парадигму склонения *ἦρως, ἦρῶα, -ῶος, -ῶϊ, -ῶες, -ῶας, -ῶων, -ῶεσι* м., *ἦρως* f. (надпись из Лилибайона, II в. до н. э.), на базе него Кречмер и восстановил древнее соотношение *ἦρως* (нулевая ступень):¹ *ἦρῶF-*, аналогично *χελώνη*: *χέλως*, лесб. *χέλωνα*, русск.-ц.-слав. *желы*, -*ъве* (праслав. **želū-*); атт. *γάλως*, гом. *γαλώω* < **γαλωFος*, лат. *glos* < **glous*: ц.-слав. *зълъва*; *μήρως*: *μητρῶνιά*; *πάτρως*: лат. *patruus* и т. д. (Kretschmer, 1927a, относительно *ω* из *ῶ* в данном разряде слов см. Schwyzer I, 479 сл.; Шантрен, § 69, 1); с *ἦρως* связывается ЛИ *Ἡρῶλλα*, TH *Ἡρῶα* (Frisk I, 644 сл.) < **Ἡρῶα* — жена бо-

¹ Ср. Frisk I, 644, о возможности новообразования по типу *θῆλως*.

га грозы Зевса, ср. эл. *Ἐοφάδοι*, ЛИ *Ἡρακλῆης*, -κλῆς и пр., см. Fick, Bechtel, 440, 361, где *Ἡρα* как „Покровительница“: *ἦρως* как „покровитель, защитник“ соотносится с лат. *servare* „сохранять, оберегать“, авест. *haurvat* „защищать“ и пр.; Bechtel, 1914, 160 сл.; Pokoḡny, 910. Однако эта этимология, безукоризненная в формальном отношении, не покрывает всей сложности семантических ассоциаций, характерных для *Ἡρα* и *ἦρως*; ср. другое этимологическое обоснование связи данных слов у Дечева (D., 200). Следует также учесть, что отсутствие дигаммы в кипр. *Ἐρα* и особенно мик. *e-ra* делает подозрительным эл. *Ἐοφάδοι* и ставит под сомнение само отнесение ТН *Ἡρα* к основам на *h* (Chadwick, Baumbach, 201, Mogurgo, 92 — с литературой; Frisk I, 642, ср. Szemerényi, 1971, 670 s. v. *Ἡρα*).

Высказываясь в целом с большой осторожностью и не берясь решать окончательно, каким образом может быть объяснена близость *Perwa-* и **H₂F- (*herw-)*: случайным ли звуковым притяжением, либо общим происхождением — В. Н. Топоров (1972, 35; 1974, 13) ссылается на судьбу *p* в фригийско-армянских диалектах, ср. арм. *het* „след“: греч. *πέδον* „нога“ при арм. *otn* то же (Pokoḡny, 790 сл.); арм. *hur* „огонь“: греч. *πῦρ* то же (Pokoḡny, 828; еще несколько примеров, иллюстрирующих переход и.-е. **p > арм. h* в анлауте см. Джаукян, 1967, 88), что позволяет постулировать в конечном счете и для *Ἡρως* в качестве протоформы нечто вроде **Peru-*.

Однако окказиональность лингвистического обоснования в пределах фракийского усугубляется отсутствием прямых сведений в античных источниках о функциях бога грома у фрак. *Ἡρως*, помимо позднейших религиозных реминисценций в восточно-балканских областях (Илья Пророк, Георгий Победоносец, Федор Тирон и пр.). Тем поразительнее оказались результаты предпринятых нами дальнейших разысканий на фракийской почве в этом направлении.

В 1960 г. М. Мирчев опубликовал надпись и фотографию рельефа посвятившей мраморной стелы, обнаруженной близ с. Галата в окрестностях Варны и относящейся к I в. до н. э. — I в. н. э. (хранится в Варненском музее, инв. № II, 373). Из-за нечеткости некоторых важных деталей на фотографии, в общем удовлетворительной, считаем необходимым привести все описание памятника целиком: „... представлен бог — конник в движении направо. Конник с повернутой немного наперед головой, одет в короткий перепоясанный хитон и развевающийся сзади плащ. Его правая рука лежит поверх гривы коня. Жеребец без седла и узды с высоко поднятой левой передней ногой. Перед ним в правом углу алтарь, просто отделанный снизу доверху. За алтарем находится фигура молящегося с поднятой кверху правой рукой. Сзади молящегося ствол дерева с слабо разветвленной кроной, которая выходит за рамку рельефа. По дереву вьется змея с направленной к коннику головой“ (Мирчев, 1960, 44, № 23). Приводим прорись греческой надписи, помещенной под рельефом вверху нижней рамки; надпись, видимо, выполнена без словораздела; щербина между 3-й и 4-й буквами от начала в 1-й строчке, видная на снимках (см. Мирчев, 1960, 57, fig. 26; Mihailov I, tab. 140, № 283 bis), вероятно, естественного происхождения.¹ *HPΩEΠEPKΩNEI | MENANAPPOΣ AMYN || TOPOΣ.*

¹К сожалению, *in situ* с надписью нам ознакомиться пока не предоставилось возможности.

Первый издатель надписи М. Мирчев (указ. соч., 44), прочтя ее *Ἡρώς Εἰπερκωνεῖ Μένανδρος Ἀμύντορος* „Хэросу Ейперконису Менадр (сын) Амюнтора (приносит в дар)“, связал эпитет *Εἰπερκωνεῖς* с эпитетом бога Хэроса — *Περκω* (dat.) в другой votивной надписи из с. Галата (II — I в. до н. э.) под аналогичным рельефом¹ на мраморной стеле, изданной впервые также Мирчевым (1951, 21). В чтении Мирчева с незначительными уточнениями Михайлова (Mihailov I², № 283), присовокупившего к подписанной в дательном падеже, она имеет следующий вид: *Ἀρτεμίδωρος καὶ Πολέμαρχος οἱ θεοξένου Περκω Ἡρώσι ἔλπίσας* „Артемидор и Полемарх (сыновья Теоксена) Перкосу (либо Перкусу — см. ниже) Хэросу внемлющему“. Толкуя надпись, издатель справедливо отметил, что здесь, кроме обычного греческого эпитета *ἐλίπσας* (ср. Kazarow, 1938, № 79, 740, 946; Mihailov, 1943, 55; 142 — вообще в посвяtitельных надписях), к имени бога присоединено еще одно имя, „по всяка вероятност, местно, тракийско *Περκος*, което срещаме за първи път“. Судя по имеющимся у нас данным, эта чрезвычайно интересная теонимическая фракийская лексема не привлекла должного внимания; это выразилось в отсутствии каких-либо попыток ее интерпретации в фракологической литературе. В частности Михайлов в своих весьма важных заметках к монографии Дечева, добавив топоним *Πέρκη*, древнее название Фракии, засвидетельствованное Аррианом и Стефаном Византийским (ниже подробнее), не делает попыток объяснить созвучное ему *Περκος* (Михайлов, 1958, 140), учтенное так же без комментариев Дечевым в дополнениях к своему труду (D., 539). В то же время именно Михайлов своей совершенно оправданной поправкой чтения первой из приведенных надписей как *Ἡρώσι Περκωνεῖς² Μένανδρος Ἀμύντορος* (Mihailov, 1962, 216; I², 283 bis) открыл далеко идущие перспективы в истолковании фракийских ономастических единиц с основой **Perk-*.

В свете изложенной выше осторожной гипотезы о семантическом и, вероятно, формальном тождестве хетт. *Perwa* и фрак. *Ἡρώς* становится очевидной неслучайность полного материального совпадения фрак. *Περκων* (из туземного фрак. *Perkūn-*), восстановленного по dat. *Περκωνεῖς*, с балтийским именем бога грозы **Perkūn-*, в лит. *Perkūnas*, лтш. *Perkons* и т. д., и его закономерное употребление в качестве эпитета к фрак. конному богу *Ἡρώς*; греч. *ω* в надписях Фракии могла передавать *u*, ср. *Γαλλίας Λυδωννήσιος* при лат. *Gallia Lugdūnensis* и вообще чередовалось с *ou* (Mihailov, 1953, 29 сл., особенно § 8, 36, ср. выше с. 76). При этом фрак. **Perkūn-* следует рассматривать не в качестве миграционного религиозного термина, проникшего из балтийского языкового ареала, но как genuинное образование в рамках широко прослеживаемых в настоящее время фракийско-балтийских и, шире, балкано-балтийских связей (Топоров, 1972, 1973; Duridanov, 1969, ср. Jokl RV XIII, 284 сл.). С индоевропейской точки зрения фрак. **Perkūn-* представляет собой и.-е. **per-* „ударять“, „поражать“ с гуттуральным расширителем *k^h*, resp. *k* + суффикс *-u-n(i)-*,

¹ В целом изображение наполнено большими деталями и имеет два дополнительных мотива: правая рука, отстраненная от шеи коня, стоящего всеми четырьмя ногами на земле, держит потир или чашу; перед алтарем стоит фигурка служителя, ведущего навстречу коню (налево) жертвенное животное; правее алтаря две пары молящихся мужей, одна над другой, повернутых налево в хитонах и мантиях с правыми руками, поднятыми в молитвенном жесте.

² Между прочим в Vlahov, 1963, 280, ошибочно приводится *Περκωνεῖς*.

о чем подробно см. Иванов, 1958, 103 сл. и др., ср. Роконгу, 818, 822; относительно суффикса *-n-* в фракийском ср. ЭН *Βι-θν-vo-ι* (см. этимологию на с. 65) и т. д.

В смысле исконно фракийской принадлежности основы **Per-k-ū*,¹ формально и, вероятно, семантически адекватное ассимилятивному лат. *quercus* „дуб“ (<*perk*^u-s — Walde, Hoffmann II, 402), очень показательное параллельное употребление эпитета Хэроса *Περκωρ* во второй надписи, позволяющего восстановить вопреки Мирчеву (1951, 21; D., 539, Vlahov, 1963, 280 s. v. *Περκων*) основу на *ū* с номинативом *Περκους*, ср. *Τορκους* → *Τορκος* (хетт. *Tarḫu-*) при dat. *Τορκω* (греческое слитное II склонение), см. выше, с. 39. Вместе с тем основа **Perkū-*, деривационно соотносясь в пределах фракийского с основой **Perkūn-*, не имеет аналогии в балтийских языках; в то же время ср. в хеттском *perun-a* <**per-un-o*: *per-u-*, гесп. *perw-a* <**per-ū-o*, без гуттурального расширителя; архаический тип данного морфологического соотношения, характерного для индоевропейских языков, подробно рассмотрен Ивановым (см. Иванов, 1958, и др. его работы).²

В дополнение к сказанному необходимо отметить, что рассмотренные надписи, относящиеся к рубежу старой и новой эры, содержат самую древнюю письменную фиксацию среди индоевропейских диалектов теонимических основ **Perkūn*: **Perkū-*. Тем самым снимается утверждение Порцига, что имя бога-громовержца, представляющегося индоевропейцам как „божество дуба“ (и.-е. **perk^uun-*), сохранилось только в балтийских языках (Порциг, 288); одновременно это еще одна четкая балто-фракийская эксклюзивная изоглосса.

Более того, в фракийском, видимо, сохранились оба члена древнейшей формально-семантической индоевропейской корреляции: *u*-основа с значением „дуб“ и производная от нее *n*-основа с значением „бог дуба“ (с иными суффиксами тот же семантический ряд восстанавливается и для иллирийского, см. ниже); подробно о связи балто-славянского бога грома **Per(k)ūn-* с дубом см.: Иванов, Топоров, 1970, 331 сл., 335 и др.

Касательно реликтов и.-е. названия дуба **perk^u-* — значительный интерес имеет сообщение Стефана Византийского, который со слов Арриана пишет под *Θράκη*: *ἔστι δὲ ἡ Θράκη χώρα ἢ Πέρκη ἐκαλεῖτο καὶ Ἀοία*. В формальном плане *Πέρκη*, не осуществив, как и рассмотренные выше эпитеты Хэроса, „передвижения согласных“ (подобно многим другим случаям) может непосредственно восходить к и.-е. **perk^uā-* — вариант основы ж. р., аналогично др.-в.-нем. *forha* „сосна“ <**prk^ua*, лангоб. *fereha* „aesculus“ (Wal-

¹ В фракийском, как и в балтийских, лабиальные претерпели дэлабиализацию (Дечев, 1952, 15 сл.; Георгиев, 1958, 123).

² Обоснованная здесь идентификация эпиграфического фрак. *Περκων* (туземн. **Perkūn-*), гесп. *Περκους* (туземн. **Perkū-*), с балт. *Perkūnas*, гесп. лат. *quercus*, впервые разработана в докторской диссертации (см. Гиндин, 1973а, 155 сл., соответственно Гиндин, 1974, 14 сл., ср. Гиндин, 1973 б). Данное отождествление включено В. Н. Топоровым в более широкий контекст: мифологический (мотив громовержца, поражающего соперника) и ареальный (Балканы — связующее звено между Прибалтикой и Анатолией), см.: Топоров, 1974, 14 с богатейшей литературой по фракийскому коллому богу, включая следы его культа в современном болгарском фольклоре; Иванов, Топоров, 1974, 105; затем V. I. Georgiev. Die thrakischen Götternamen. Ein Beitrag zur Religion der alten Thraker. — LB, 1975, XVIII, 11, p. 46.

de, Hoffmann I, 403; Pokorný, 822), что обуславливает интерпретацию *Πέρκη* [χώρη] „дубовая страна“.¹ Полная семантическая параллель данной реконструкции в кельтской глоссе, извлеченной Майером из схолии к Аполлонию Родосскому: *ὄθεν τὸν μὲν δρυῖδὸν ἔρκος φασί*, т. е. *ἔρκος* = *δρυῖδός* „дубовый лес“, из и.-е. *perk^ho-s* либо *perk^hu-s*, ср. кельт. *Hercynia silva* (Caes.), *Ἀρκύνια ὄρη* (Aristot.) — название гор в Средней Германии (ср. др.-в.-нем. *Firgunnea* „Erz-oder Fichtelgebirge“ (о Рудных горах), ср.-в.-нем. *Virgund* „Walgebirge westlich Böhmens“ (о Судетах), гот. *fairgyñi* „Gebirge“, др.-англ. *firgen* „Waldhöhe“) до выпадения *p* из **perk^huniā-* (Hirt, 480 сл., Mayer, 1951, 80, ср. Иванов, Топоров, 1973а, 23; Pokorný, 822).

В свете изложенного представляется возможным истолковать сочетание *Πέρκη Πρωί* как „Дубу-Хэросу“ или „дубовому Хэросу“, resp. „Хэросу — божеству дуба, обитающему на дубе и пр.“; формально-семантически фрак. эпитет *Πέρκους/Πέρκος* полностью совпадает с рассмотренным выше кельт. *ἔρκος* „дубовый лес“. В свою очередь сочетание *Ἡρώε Πέρκωνε*, памятуя о тождестве фрак. эпитета с балтийским именем бога грома — лит. *Perkūnas*, лтш. *Pērkons*, правомерно интерпретировать „Хэросу-Громовержцу“.

Как факты, относящиеся к балканской индоевропейской переходной зоне, несомненный интерес представляют иллирийские имена собственные. Так, Майер (Mayer, 1951) видит отражение иллир. слова для дуба, соответствующего лат. *quercus*, в топонимах: *Κέρκυρα*, по ассимиляции *ε-v > o-v* *Κόρκυρα* (Schwyzer I, 225) — адриатический остров, совр. Корфу, ср. Aroll. Rhod. IV, 567 сл.: *μελανομένην δέ μιν ἄνδρες | ναυτίλοι ἐκ πόντου κελαιῆ πάντοθεν ἔλη || δρυκόμενοι Κέρκυραν ἐπιλείουσι Μέλαιναν*, и другие авторы, на основе чего делается вывод: остров выглядел черным из-за покрывающих его лесов; так же совр. итал. *Cürzola*; *Κόρκυρα ἢ μέλαινα* (Ptol. II, 16, 9), *ἢ Μέλαινα Κόρκυρα, νῆσος καὶ πόλις* (Strab. VII 5, 5 и др. авторы; в названиях гор — *Κερκίνη, Cercētius*; МН *Cercinium*, иллир. ЭН *Κέρκυρες* (см. также с извлечениями из античных памятников Mayer, 1957 s. v. v.). Иллирийский, подобно фракийскому, сохранил и теоним, образованный на базе иллирийского апеллатива, восходящего без регрессивной ассимиляции начального губного к и.-е.

**perk^hos* „дуб“, а именно *Percernes* — нимфа в Воклюзе (юг Франции), совпадающее с кельт. (гойдельск.) этнонимом в Галлии *Querquerni*, ср. венет. ЭН *Quarquēni*, лат. МН *Quercens, Querquensia* (Krahe, 1955, 85; Walde, Hoffmann II, 402 сл.; Pokorný, 822), содержащим суффикс *-en-*, находящийся, видимо, в гетероклитическом чередовании с *-er-* в *Percernes* и в лат. *quercorum* (ср. Иванов, 1958, 103 сл.). Значительно менее определенно включение в данную теонимическую группу (до)греч. *Περσεφόνη* (*Φερσεφόνα* и пр.), этр. *ferssipnai, ferssipnei*, лат. *Proserpina* (Топоров, 1972, 32 сл.; 1974, 10), где *ph* начальное и *s* в исходе первой части исконы (Frisk II, 517 сл., с богатой литературой; Walde, Hoffmann II, 375).

В плане стратификации балканских реликтов культа и имени бога грома, с одной стороны, соотносимыми с балт. **Perkūn-*, с другой стороны, — с слав. *Perunъ*, требует объяснения еще один момент, подробно изученный в последнее время Р. Якобсоном (Якобсон, 610 сл.), В. В. Ивановым

¹ Ср. Hirt, 481, прим. 1; Mayer, 1951, 90.

и В. Н. Топоровым (см. Иванов, 1958, 106 сл.; Иванов, Топоров, 1965 152 сл.; Топоров, 1961, 14 сл.; 1972, 32 сл.; из старой литературы см. основополагающую работу: Иванов, 1903, затем Филиповић, ср. еще Симеонов, 193 сл.; Duridanov, 1966; о родстве балтийских и славянских форм см. О. Н. Трубачев с большой литературой в дополнениях к словарю Фасмера и вопреки ему (Фасмер III, 247). Речь идет о большой группе балкано-славянских имен собственных, непосредственно восходящих к форме слав. ТН *Perunъ*. Это прежде всего топонимы, чаще всего обозначающие лесистые возвышенности, в том числе дубравы, например, *Перун* (гора в Восточной Истрии, гора в Далмации, возле села Дубрава; возвышенность в Боснии), *Перуња Вес*, *Перуњи Врх* (села в Словении); *Перуна Дубрава* (Хорватия), *Перуновац*, *Паруновац*, *Перуника* (села в Сербии), *Периновац* (холм в Сербии), *Перуна Гора* = совр. *Перин*, *Перин Планина*, *Перуна Дубрава*, *Перунин Дуб*, *Перуна Дупка*, *Перинград*, *Перуњи* и многие другие топонимы (преимущественно в Западной Болгарии), *Перуница* (город в Болгарии, известный в XIII в., ср. табуизированное новгородское *Перунице* в обращении к потопляемому идолу Перуна — Иванов, 1903, 157 сл., и др. авторы), *Перени* (Румыния) и многие другие. Сюда же относят имена общебалканского персонажа в фольклорно-песенном ритуале, изофункциональном моленью в Ригведе бога *Parjanya-* (тот же и.-е. корень) о ниспослании дождя: болг. *Пеперуна*, *Преперуна*, *Пеперуда*, *Преперуда*, *Пепереда*. *Пеперуга*, *Преперуга* и пр.; с.-хорв. *Пропоруше*, *Прпац*; н-греч. *Περπερόβια*, рум., арум. *Pîrpirîună* и др., алб. *Perperona* и т. д. Их общим прототипом могла быть лишь форма ж. р. **Perperuna*: **Preperuna*, произошедшая от теонима *Perunъ* с экспрессивной редупликацией и различными модификациями в суффиксальной части, ср. удвоение в ритуальных призывах Марса: *Marmar*, *Matters* и пр. Нередуплицированная основа без гуттурального расширителя, возможно, вскрывается, кроме того, в алб. *Perëndi* „бог, небо“ (также Walde, Hofmann II, 403); *-di* < и.-е. *dieu-*, т. е. букв. „бог *Perën*“ = слав. *Perunъ* (ср. Нерознак, 85¹); иначе из лат. *imperantem* — E. Sabej. Studime gjuhësore, v. II, Prishtinë, 1976, f. 17—19.

С большой долей вероятия форма основы также без гуттурального расширителя присутствует в двух фракийских топонимах: *Πέρωνδος* (начиная с Геродота — Hdt. IV, 90; V, 2), *Perinthus* (начиная с Ливия — Liv. XXXII, 33, 7), *Πείρωνδος* (кажется, в единственном позднем источнике — у Мемнона) — город в Пропонтиде, совр. Гераклея, тур. *Eregli*; этникон и личные имена только от первой недифтонгической формы (D., 363 сл.); последнее обстоятельство наряду с подавляющим числом античных свидетельств, делает фиксацию *Πέρωνδος* единственно авторитетной (вопреки Gindin, 1969, 241, ср. Duridanov, 1972, 238); второй топоним *Φόροννα*, согласно Стефану Византийскому (s. v.): *πόλις Θράκης. Πολύβιος ἐννάτωρ, Phoryn-*

¹ Приведено вместе с другими рефлексам и.-е. названия бога грома, включая фракийские топонимы (см. ниже), в связи с фрак. глоссой *Σαραπύρα* „головорезы“, которое, как и сопоставленное с ним арум. *sarafura*, pl. *sarafurani* „ошеломленный, сбитый с толку, потерявший голову“, если и имеет, то самое отдаленное, на корневом уровне, отношение к рассматриваемым лексемам (упоминавшееся и.-е. **per-* „поражать, бить и пр.“ (?); ср. D., 423: *-liu-* к авест. *per-* „durchboren, durchschneiden“); ср. осет. *sær-xppar* „сбрасывающий головы“ = „головорез“ (В. И. Абаев. Скифо-сарматские наречия. — В: Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки, М., 1979, с. 302).

па, выявленный Томашеком из *Iamphorynna*, дважды отмеченного Ливием (Liv. XXVI, 25, 8; 15) и справедливо прочитанного им как *iam Phorynna* — столица и крепость фракийского племени *Maedi*; греч. перед. *Μαδοί* и т. д., населявшего область по среднему течению Стримова (D., 213, 280 сл.). Первое — *Πέριονθος*, Георгиев весьма правдоподобно сопоставил с др.-инд. *párvata* „гора“ <и.-е. **peru-n-to* (Georgiev, 1961, 39; Георгиев, 1958а, 61; 1967, 15), второе же — *Φόροννα*, он отождествил с *Perün* (планина), *Pirün* (и в первом слоге после редукции неударного *e*), что подтверждается реалиями: территория обитания указанного племени находилась в современной Пиринской области, имеющей много скалистых мест. При этом болг. *Перин* из более древней формы **Perunь* (Георгиев, 1967, 15), равной упомянутому в Третьей Новгородской летописи названию возвышенности *Перынь*, на которой находилось святилище Перуна, ср. параллельные формы из новгородских летописей на *Перыньѣ*, на *Перуни*, на *Перыни* (Иванов, 1958, 107 с литерат.; Якобсон, 612); запись *Φόροννα*, видимо, из **Φερονна* в результате ассимиляции с *e-u>o-u* (см. выше о *Κόρκυσα*), фрак. *ph* (греч. перед. *φ*) <**p* по передвижению согласных; форма топонима *Πέριονθος* избежала передвижения, вероятно, по диссимиляции придыхательных после переоформления основы **Perunto-* фракийским топонимическим продуктивным суффиксам *-ωνθος*; относительно качества суффиксального гласного не исключены переход *u>i* на фракийской почве (Mihailov, 1943, 22), либо греч. транскрипция переднего туземного *ü* посредством *i* (там же, 23). Впрочем данные фонетические модификации допускают возможность другого этимологического объяснения *Πέριονθος*, достаточно убедительного и в любом случае более экономного, из ТН **Perun-*, адекватного славянскому названию бога грома, оформленного фрак. суффиксом *th* (греч. перед. *θ*), ср. фрак. ЛИ *Σεν-θος* (D., 434 сл.; Vlahov, 1963, 365); суффикс *-θ* особенно продуктивен в догреческом (Гиндин, 1967, 67 сл.; 71); кроме того, предложенная нами этимология дает единообразное объяснение обоим рассмотренным топонимам; семантические параллели из славянской топонимии см. выше.

Итак, древнейший слой балканской ономастики, восходящий к и.-е.

per(k^u)un-* или **per(k)u(n)*, составляют исконно фракийские лексемы: *Περικων* (тузем. **Perkūn-*) „бог грома, связанный с дубом, гесп. обитающий на дубе, в дубавах и пр.“ = балт. *Perkūn-*; *Περικωνς* (туземн. **Perkū-*) „дуб и пр.“ = кельт. *ērkos*, лат. *quercus* и пр., топонимы *Φόροννα* (туземн. **Perun*) <Perün* = вост.-слав. *Перынь* (<**Perün-*), *Πέριονθος* (<**Perunto* = др.-инд. *párvata* „гора“ <и.-е. **peru-n-t-*, при хетт. *peruna-* „скала“, либо <**Perun-* (*th-*) = слав. *Perunь*); к возможности существования в одном языке слов от родственных и.-е. основ с гуттуральным расширителем и без такового ср. др.-инд. *párvata-*: ТН *Parjanya-*, слав. *Perunь* **pergunja* в ст.-слав. *прѣгынн* — название горной местности в Супрасльской рукописи и пр. (Иванов, 1958, 108; менее убедительно Фасмер III, 237: из праслав. **pergybni*).

Все прочие из рассмотренных балканских топонимических и мифологических названий образованы заселившими Балканы славянами, принесшими с собой культ Перуна, к имени которого эти названия прямо или опосредствованно восходят. Следует подчеркнуть, что с точки зрения лингвистической речь здесь может идти только о самостоятельной конкретной славянской праформе *Perunь*, а не о следах балто-славянского

имени бога грома и грозы **Per(k)un-*. Фракийские топонимы *Φόρουνα* и *Πέρινθος* прямого отношения к славянским географическим названиям не имеют, представляя параллельные образования в кругу родственных основ, хотя в случае с фрак. *Φόρουνα* — болг. *Перин* не исключена контаминация языковая и культурно-мифологическая. Однако датировка фиксации рассмотренных фракийских топонимов (см. выше) за несколько веков до прихода славян, не допускает прямого славянского влияния на данные фракийские названия. Напротив, истоки богатства топонимических и даже культовых реликтов слав. *Perunъ* в пределах Балкан по сравнению с другими территориями славянского мира — кстати, это свидетельствует о широком распространении культа Перуна и длительном сохранении его пережитков в очерченном ареале — следует искать в совмещении принесенного на Балканы славянского божества с туземным фракийским культом Хэроса, в реконструкции бога-громовержца, самого почитаемого из фракийских богов предславянского периода. Судя по дистрибуции и количеству рельефов Хэроса, не было, по справедливому замечанию Кацарова, ни одного населенного пункта, где бы не поклонялись этому богу (Kazagow, 1938 (I), 3). Другой весьма знаменательный факт — святилища Хэроса обычно располагались на возвышенностях и холмах близ холодных источников, в пещерах или на скалах с нишами (Михайлов, 1972, 237 сл.).

В балканском ареале, покрытом сравнительно равномерно с некоторым учащением к западу топонимическими реликтами слав. *Perunъ*, выделяется единственное географическое название, содержащее интересующую нас основу с гуттуральным расширителем, приведенное И. Ивановым в форме *Перкуниста* с ссылкой на Шеппинга, который в свою очередь опирается на труд Касторского, указавшего МН *Perkunisti* — село на р. Яловиц в Валахии (Иванов, 1903, 158; Шеппинг, 117; Касторский, 71). К сожалению, мы не располагаем более достоверными источниками. Тем не менее, в случае правильности записи, *Percunista/Percunisti* может оказаться прямым пережитком исконно фракийского топонима, состоящего из теонимной основы **Perkun-*, оформленной продуктивным в фракийском языке суффиксом *-st-* (см. с. 96 сл.) с предшествующим *i*, ср. фрак. топонимы *Βοάτζιστα* (D., 85) *Orudista* (D., 345), далее см. Vlahov, 1963, 330. Симптоматично отсутствие опорных пунктов для объяснения *-ista* в рамках как романского, так и славянского вклада в топонимику Румынии, где имеется *-iște* = праслав. *-išče* < *-isk-jo-* (список румынских топонимов на *-iște* см. Jordan, 439 сл.).

Следует специально подчеркнуть, что осуществленная здесь лингвоэтническая стратификация рефлексов индоевропейской основы **Per(k)un-* оказалась возможной лишь после интерпретации двух фракийских надписей, относящихся к рубежу прошлой и новой эры.

Что же касается идентификации фрак. *Ἡρωος* и пр. — хетт. *Perwa*, нашей столь неожиданное подтверждение в тех же надписях, то перед нами яркая эксклюзивная изоглосса, предполагающая общий культурно-мифологический и языковой источник.

Помимо всего прочего, изложенное может служить примером того, когда импульсом и критерием достоверности в этимологии конкретного слова оказывается не собственно языковой материал, а т. наз. „культурно-

этнографический“ контекст, что является, видимо, самой характерной чертой современного этапа этимологической науки.¹

Следующая группа этимологизируемых фактов состоит из ономастических лексем, соотносимых с апеллативами (географические, культурные термины и пр.), засвидетельствованными в хетто-лувийских языках обоих периодов при обязательности фрако-, анатолийских“ соответствий на уровне имен собственных, дошедших в греко-римских передачах.

Этимологии этого разряда заключают в себе значительно больше трудностей и в известной степени менее надежны, чем интерпретации, представленные в предыдущих этюдах. Причина такого на первый взгляд парадоксального обстоятельства несомненно кроется в том относительно неоднозначно толкуемом культурно-этнографическом контексте, который почти всегда наличествует в теонимах и теофорных именах собственных: минимальные единицы такого контекста — имя бога, часто сложное и употребляемое с повторяющимся эпитетом, максимальная единица — развернутое сообщение древних авторов о функциях божества, атрибута культа и т. д. Это, разумеется, не значит, что в этимологизации прочих разрядов имен собственных исследователь лишен опорных пунктов в семантике, но набор возможных способов называния шире, чем в теонимах, хотя и ограничен определенными моделями (см. об этом Гиндин, 1967а, 215 сл.), и поэтому менее гарантирует надежность сопоставлений.

9. *Tápai* (Cass. Dio LXVII, 10, 1; LXVIII, 8, 1), *Tapaе* (Iord. Get. 63; 74) — главный проход в Дакию с юго-запада вверх по Дунаю, между Карпатами и Стара-Планиной, ныне Железные Ворота (D., 489). Прежде всего обращает на себя внимание отсутствие формально-тождественного окружения, вскрываемого комбинаторным путем внутри фракийских языковых остатков; ЛИ *Tabusus* (CIL XIII, 7803; D., 487, где см. о сложностях, связанных с этим чтением, и исправлении, предложенном Матееску, на *Tarusi*), наряду с тремя именами собственными, анализируемыми ниже, может быть связано с *Tápai* ввиду мены *p: b* только диахронически. Уже одно это значительно уменьшает правдоподобие корневой ортодоксальной этимологии Георгиева: дак. *Tapaе* из и.-е. *tok^hoj* (pl.) „быстрины, быстрые течения“ при условии, что и.-е. *k^h* дало в дакийском *p* перед *a* < и.-е. *ǵ*, аналогично переходу лат. *qu, gu* в рум. *p* перед *a*, ср. лат. (*quattuor* „4“ > рум. *patru* и т. д. Семантическим обоснованием для Георгиева послужило то, что „в районе Железных Ворот река (Дунай — Л. Г.) круто меняет свой нрав. Стынутая высокими скалами, она мчится с огромной скоростью, бурлит и бунтует“ (Георгиев, 1967, 12).

В двух отношениях нам представляются более оправданными этимологические поиски в направлении, намеченном Дечевым (D., 489), указавшим прежде всего на соответствующие малоазийские топонимы, содержащие основу *Tapa-/Taβa-*, соотносимую с туземным малоазийским апеллативом *táβa* „камень“ (см. ниже). Во-первых, с семантической точки зрения, так как для прохода в горной теснине самый характерный признак именно с к а л ы, к а м н и; во-вторых, в плане общих методологических предпосылок, выразившихся в обособленности данной лексики в самом фра-

¹ Некоторые специальные и общие моменты этимологии данных фракийских лексем рассмотрены в нашей статье „К возможности реконструкции фракийского языка на материале греко-римских надписей.“ * *Ἦρος Περγουός*, герр. *Περγουός*. — ВДИ, 1978, 3, с. 134.

кийском на фоне хороших, деривационно разнообразных и многочисленных связей в ранне- и позднехетто-лувийской ономастике; впрочем, близкие названия встречаются и в других областях Восточного Средиземноморья, но там их отличает по сравнению с Анатолией значительно меньшая плотность и словообразовательная варьированность. В пределах других областей Балканского полуострова это единичные вкрапления: иллир. МН *Tabia* (Maueг I, 327) и в Элладе догреч. *Θῆβαι, Θήβη*.¹

Список созвучных фрак. *Tarae* и пр. анатолийских лексем целесообразно начать с красноречивой глоссы Стефана Византийского, сообщившего под *Τάβαι* (название города в Лидии и Кари) относительно *Τάβος* — герое эпониме лидийского города: *καλέσαι ἀπὸ τοῦ ἐπὶ πέτρας οἰκείσθαι τάβαν γὰρ τὴν πέτραν Ἑλληνες ἐρομηνεύουσιν*. С м.-аз. туземным апеллативом *τάβα-πέτρα* связан мощный слой позднехетто-лувийской ономастики: упомянутое *Τάβαι* — кроме Лидии и Кари, согласно Plin. V, 27, город в Киликии, *Ταβήνος* — кар. демотикон; МН: лид. *Ταβαλα, Ταβειρα*, кар. *Ταλασσοσ*, лкн. *Θηβασα*, кар. *Θαβουσιον (Thabusion)*, ср. указ. выше фрак. ЛИ *Tabusus*, кар.-ион., ктн. *Θηβη*, фратрия в Милете *Ταπαιδαί*, фриг. *Κερε-ταλα*, кар.-лид. *Καλλαταβοι (Καλλο-τηβος)*; ЛИ: *Ταβις*, исавр. *Τεβεις*; кар. ГН *Thebaites* (S., 199, под **taba*). В раннехетто-лувийской ономастике сюда могут быть причислены хетт. *Tapala* — название священной горы (L., 283), ср. указ. лид. *Ταβαλα*, хетт. МН *Tapašawa* (Garstang, Curney, 29) и весьма показательные в смысле первоначальной семантики, видимо, теофорные хетт. ЛИ *Dabala* -^{DU} (L., № 1246); идеограмма ^{DU} = ^{DISKUR} имела значение „бог грома“ (Friedrich HW, 297), ср. рассмотренные выше (с. 33 сл.) взаимосвязи хетт. бога грома с камнем, скалой; о данной общей мифологической универсалии см. Иванов, Топоров, 1970, 335 сл., и др. В результате возникает интересная возможность истолкования хеттского антропонимического композита „имеющий отношение к камню, горе, гесп. богу грома“,² *I* — хеттский суффикс притяжательности (см. с. 52), ср. упомянутую священную гору *Tapala*, ЛИ *Tapalazunauli* (L., № 1247),³ затем ЛИ *Tapali-ziti (Ta-pa-li-LÜ* — L., № 1248); *ziti* — продуктивный особенно среди теофорных ЛИ ономастический элемент, равный лув. *-ziti* „человек, муж“ (L., 285, 325).

Учитывая характеризованное выше фракийское варьирование смычных, в том числе дентальных *d : t : th*, наблюдаемое в греческих транскрипциях, ср. ЛИ *Γουδίλας : Κουτίλας* (D., 265): *Κοδήλας = Gudila* — имя царя гетов (D., 249) и т. д. (Гиндин, 1972а, ср. Mihailov, 1943, 64, 67), с немалой долей вероятия к фрак. *Tarae* и пр. позволительно присовокупить еще три фракийских лексемы, отличающиеся звонким консонантизмом: МН *Δάβανος* — кагель в Дардании (Proc. ae. IV, 4 = Н. 120, 11) ≈ указ. кар. МН *Τάβηνος*

¹ При сопоставлении необходимо принять во внимание часто наблюдаемый во фракийском переход *b > p*, либо мену этих звуков, обусловленных явлениями „передвижения согласных“, наблюдаемыми в языках древнебалканской и.-е. переходной зоны (см. с. 31 сл.), а также колебания между *M : T*: *TA*, особенно дентальными и губными, характерное для туземной и дошедшей в греко-римских передачах восточно-средиземноморской ономастике, включая Малую Азию (см. Гиндин, 1967, 92, прим. 55).

² Не исключена синкретическая (смысловая и омофонная) связь с анат. лексемами со значением „небо“: лув. кл. *tappaš(a)* = иер. *tapas(a)* = хетт. *nepiš* (Laroche Dict., 91; 1960, 98 сл.), что хорошо укладывается в и.-е. миф о каменном небе (см. Иванов, Топоров, 1974, 22 и др.)

³ Относительно этих трех анатолийских имен собственных Ларош недвусмысленно заметил „*Tapala est nom de montagne sacrée, dans Tapala-^{DU} et Tapalazunauli* (L., 283).

ЛИ *Δαβεις* (Mihailov II, № 752, в местечке с знаменательным названием Горско-Абланово, район г. Попово) ≈ указ. лкн. *Ταβεις*, и, наконец, представляющее дополнительный критерий достоверности данных фрако-хетто-лувийских сопоставлений божество *Δάβατοπειος* (СбНУ, XVIII, 1901, 766, № 66, район г. Добрич (ныне г. Толбухин)): *θεὸς Δαβατοπειο Μουκιαδὸς ἱερεὺς καὶ Ῥευηταλκας Δουδου* (D., 109). Переходя к специальному анализу последнего, отметим наличие в малоазийской ономастике цельнолексемных соответствий ко всем остальным фракийским именам собственным. Членение интересующего нас теонима на *Δαβα-το-πειος* сразу выделяет две полнозначные основы. При этом *Δαβα-* связывает его с рассмотренной фрако-анатолийской лексикой, *-πειος* включает в круг очень распространенной в ранне- и особенно позднеанатолийской теофорной ономастике с продуктивным элементом *-pija(ma)*, в греческой передаче: *-πιας*, *-πις*, *-βιας*, *-βιος*, *πει-μις*, *-πι-μις*, и пр., к хетт.-лув. глагольной основе **pija-* „давать“ в хетт. *pija-* (:rai-), лув. кл. *pija-*, причастие *pijama*, иер. *pia*, лик. *pije*; в греческом этому ономастическому типу соответствуют греческие образования с *-δοτος*, *-δορος* (L., 317 сл.; Laroche Dict., 82 с литер., Goetze, 1954, 78; Houwink, 175 сл. с литерат.). Остается объяснить элемент *-то-*. Ввиду своей краткости эта изолированная морфема трудно поддается интерпретации, в частности на почве фракийского. Однако в качестве промежуточного (связующего) звена в сцеплении с двумя рассмотренными основами в подлежащем исследованию фрак. теониме *Δαβα-το-πειος* она имеет прямые семантические и типологические параллели в позднехетто-лувийской ономастике. Гётце (Goetze, 1962, 56, прим. 32, 57 сл.) собрал 16 греко-малоазийских антропонимов с срединной морфемой *-δα-* (: *-δι-* : *-δη-* : *-δο-*), восходящей к элементу *-di/-da* из раннеанатолийского аблатива/инструменталю на *-ta-* в *Peru-ta-*, *Işpu-ta-* и пр., указывающем на происхождение (лик. *-adi*, *-edi* — Houwink, 134). Из них 7 во второй основе продолжают хетт.-лув. *pija(ma)*, например, *Δοσα-δα-πει-μις*, *Εομα-δα-πι-μις*, добавим к ним форму *Εομα-δα-πει-μις* (Zg., § 355-2) при хетт. *Dele-pimis*; с точки зрения греч. передачи раннего **a* через *o* важно причисленное Гётце к этому же типу имен *Εομα-δο-νεμς* при хетт. *Pime-nani* (к членению первого ср. менее правдоподобно Houwink, 134), со своей стороны, вопреки Houwink, 133, включим сюда же *Εομα-το-βορις* (Zg., § 355—30); ко II основе ср. *Κερε-βορις* (Zg., § 577); видимо, *Κερε-* < хетт. *hanna* „бабушка“, лик. *χῆνα* „мать?“ — Friedrich HW, 50 см. также S., 283 (s. v. **bura*) и D., 80 — о возможном соответствии этой малоазийской основе фрак. ономастического элемента *-βορις*, *-βορις* и пр.; все приведенные позднеанатолийские имена ликийские. Сказанное, на наш взгляд, дает достаточные основания для идентификации фрак. *-то-* в составе *Δαβα-το-πειος* с вставным позднеанатолийским элементом *-δα/-ди-* и пр. из раннехеттского аблатива/инструменталю *-ta-*; относительно чередования п. -анат. *a*:*o* при р. -анат. *a* ср. с. 56, фрак. *t* из анат. *d*, о чем см. выше. В таком случае целиком весь теоним имел внутреннюю семантическую форму „данный (божеством) *D/Taba*“; относительно религиозного смысла первой части ср. рассмотренное хетт. теофорное ЛИ *Dabala*^{DU} и название священной горы *Tapala*. Возвращаясь к фрак. *Τάπαι*, *Tapaе*, в свою очередь вполне правомерно приписать этому названию горного прохода, исходное значение „скалы; камни“, реконструируя фрак. апеллатив **tapa* / **daba* = м. -аз. *τάβα* „πέτρα“, соответствующий раннеанатолийской ономастической основе **Taba-* и ее многочисленным консо-

нантическим вариантам в греко-римских передачах имен собственных позднего периода.

Удовлетворительная и.-е. этимология **T/tabā-* отсутствует (ср. Георгиев 1958, 215; Georgiev, 1961, 13, и др.). Не исключено доиндоевропейское „эгейское“ происхождение (подробно с литературой см. Гиндин, 1967, 92 сл.) что отнюдь не снимает возможности иных фрако-хетто-лувийских связей на уровне автономных лексем.

10. *Ταοβος* ш. ЛИ — царь в Паннии (Dio Cass. LXXI, 11, 1), согласно Дечеву, в области, граничащей с Дакией (D., 490); *Τέροβος* ш. ЛИ (AM 17, 1892, 80 из Вифинии, D., 491); Краэ, сравнивая с кельт. ЛИ *Tarvī-acus*, *Tarvīus* и пр. (Holder II, 1742 сл.), думает о возможности кельтского происхождения первой формы (Krahe PN, 110; определенно кельтское: Mayer, 1957, 329); Дечев, приняв во внимание малоазийские формы, приводимые ниже, а также фиксацию варианта *Τέροβος* в Вифинии, кажется, с большим правдоподобием считает фракийским (D., 491); к чередованию *a:e* во фракийском см. с. 40 сл.; *Δαλύταβα* — кафель в Родопах и Хэмусе (Proc. ae. IV, 4 = H. 145, 30; 147, 39; D., 114;¹ *Tarpodizos* (ItA., 230, 2; ИИ. 569, 4); *Tarpodizos* (Tab. Peut. 8, 5: |*Tar*|*pu**dizo*), *Tarpu**dizon* (Rav. 184, 9), *Trupu**dison* (Rav. 184, 12; D., 492: восстанавливается *T[ar]pu**dison*) — mutatio на 13 км севернее г. Лозенград, турецк. *Kirkkilise*, ныне *Kocvas* в Турции (D., 492; Duridanov, 1969, 69), *Τάρπορον* — кафель в районе Пауталии (Proc. ae. IV, 4 = H. 122, 16); *Τσαποβιζύη* (*Τσαβιζύη*) — город в районе Хэмуса (Not. episc. 10, 669; D., 520); *Τέροπυλλος* — город в Мигдонии (Ptol. III, 12, 33; D., 496).

Помимо *Δαλύταβα* (см. выше), другие топонимы также подвергались этимологической обработке. Томашек (II, 2, 74) отнес I компонент в *Tarpodizos* и пр. к и.-е. **terp-*, в лит. *tarpà* „рост, процветание“ при *-dizos* и пр. „Burg, Schloß и пр.“ и при сравнении с *Τέροпυλλος*. Йокль (RV XIII, 295), объединив упомянутые местные названия с иллир. *Τέρπονος* (App. Illyr. 18; Mayer, 1957, 334), связал *Tarpo-* / *Terpo-* с лит. *tàrpa* „промежуток, пустота; ущелье, пропасть“; данная интерпретация общепринята, см.: Дечев, 1952, 7, и др.; Георгиев, 1960, 104; Georgiev, 1966, 86, и др. работы; Russu, 1969, 142; развита Дуридановым на большом балтийском топонимическом материале (Duridanov, 1969, 69, и др.). Георгиеву (Georgiev, 1966, 85 сл.) принадлежит весьма убедительная в целом этимология II компонента *Τσαποβιζύη*, ср. фрак. МН *Καπαβιζύη*, в несвязанном виде употребляемого в названии главного города фракийского племени *Ἀσται* — *Βιζύη* (Strab. VII, frg. 48; Ptol. III, 11, 7; St. B., s. v. и др. авторы), *Bizye* (Plin. IV, 47), *Βύζη* (Acta SS. Febr. 1, 40), *Bizzis* (Iord, Get. 266), *Bize* (CIL VI, 32640, 20), визант. *Βιζύη*, совр. турецк. *Vizzé* (ср. D., 61) и в топонимах *Βιζύωνη* (Strab. I, 3, 10; VII, 6, 1; St. B., s. v. и др.), *Bizone* (Plin. IV, 44) — город на Черном море, совр. Каварна (D., 61); *Βιδζώ* (Proc. ae. IV, 4 = H. 121, 26) — кафель в районе *Καβετζος* (Dacia mediterranea — D., 60, 220). Автор истолковал данную лексему из и.-е. **uidhu-*, включив в круг родственных форм с др.-ирл. *fid* „дерево, дрова, лес и пр.“, др.-исл. *viðr* „лес, дрова, дерево“, англ.-сакс. *widu* то же и т. д. — все из и.-е. **uidhu-*; к тому же **uidhu-*

¹ Георгиев вопреки Дечеву (указ. соч.) выделяет II компонент в самостоятельную лексему *-ταρβα* < **torpo-* „мрачен, страшен“, ср. лат. *torvus* то же (Георгиев, 1967, 17).

в качестве древнейшей фракийской формы название города в фракийском Херсонесе — *Ἰδην*, которое, совпадая с (до)греч. апеллативом *ἰδην*, дор. *ἰδα* „лесистая гора (горный) лес, корабельный лес“, наряду с многочисленными ономастическими коррелятами на территории Малой Азии, принадлежит, по нашему стойкому убеждению, к догреческому индоевропейскому слою в Эгеиде; подробно об основе **Ida-* и ее дериватах с этимологической литературой см. Гиндин, 1967, 131 сл.; там же попытка удовлетворительного объясне-

ния *ī* в (до)греч. *ἰδην*: скорее всего заменительное удлинение после выпадения инлаутного *ι* в протоформе **Fid[F]a*, ср. *δδός* „путь“, гом. *οῖδος*, дор. *ὠδος* (?) из **odF-* (Schwyzer I, 301). В отличие от *Ἰδα*, где исход *-α* непосредственно не засвидетельствован при фиксации начального *ι*, ср. греч. диал. *Βίδα*, кн. *vida-jo* [вероятно, *Widaios* (муж. ЛИ)] (Chadwick, Baumbach, 204; Morpurgo, 361), позднефракийская форма *Βιζίνη* (начиная с Страбона), визант. *Βιζόν* (*o < u*) сохраняют в греческих передачах следы билабиального; зияние и место ударения в этих формах, возможно, указывают на первоначальное **uid(u)-α*, фрак. суффикс *-α*, аналогично хетт.-лув. *-wa*, из и. -е. **uo*, ср. **dei-uo-*, **kera-uo-*, затем *duā > zuē* и через ассимиляцию *z(z)ē¹* ср. *Bizzis* — *Βίζε*, турецк. *Vizze*. Соответственно фрак. *Βιζίνη* (начиная с Страбона) etc., возможно, из **uidhu-on* гесп. *-ονα* „лес, лесной массив“. относительно суффикса *-ών*, *-ώνος* ср. греч. *Μαγαδών*, *Σικωνών*; см. также с. 38;

Что же касается первых компонентов фракийских имен собственных, сгруппированных нами вокруг ЛИ *Ταρβος: Τερβος*, и II компонента в *Δαλίταρβα*, то возможно иное объяснение — с помощью многочисленных греко-анатолийских фактов, выказывающих некоторый формальный изоморфизм (чередование *a:e*; метатеза в слоге, содержащем плавный), которое, будучи в известной мере равновероятным с гипотезой, построенной на балтийских сближениях, нам представляется даже несколько предпочтительнее ввиду данных комбинаторного анализа. Нелишне отметить, что мысль Дечева в его основном труде работала в том же направлении (D., 491).

Греческие передачи сохранили мощный пласт позднеанатолийской ономастики, содержащей в основе составляющих его имен собственных хетт.-лув. **tarpa-*, актуализированное в лув. кл. *tarpa/i-* „пятка“, лув. иер. *tarpa(i)-* „топтать“ (Laroche Dict., 93; ср. 1960, 59 сл.; Шеворошкин, 260: „овладевать“); хетт. *tarpalli*: „Bild, Personalersatz“ (Friedrich HW, 216 „(ritueller) Personalersatz“ (Friedrich HW Erg., 2, 25): *tarpanalii-* „Rebell, Wiedersacher“ (Friedrich HW, 216); лув. кл. *tarpašša-* „Ersatz“ (Friedrich HW Erg., 1, 40),² лик. *trbb(i)* (Houwink, 160; ср. Kretschmer Einl., 360), лид. *tarbla-* „владелец(?)“ (Gusmani Wb., 209). На ономастическом уровне от этой анатолийской основы образовано множество имен собственных, как топонимов: кар. *Ταρβανη / Τρυβανη* (согласно Kretschmer Einl., 360, этникон), памф., лик. *Τρεβετα*, лик. *Δρελατα*, писид. *Ταρβασσος*, *Λεοβη*, *Τρεβεβδα*, лик. *Τραβαλα / Τραναλα*, так и антропонимов: кил. *Τρεβεις*, *Τεοβεμασις*, лик., писид. *Τεοβημις*, лик. *Τρεβημις*, *Τρεβημος*, *Τροβημις*, кил. *Ρουδεορεβεις*, лик. туземн. *trb-*

¹ Иначе В. Н. Топоров, оперирующей основой *Βιζ-* (?) для *Βιζίνη*, *Βιζόνη* и пр., аналогично *Βυζάντιον*, в качестве деривата от и. -е. **budh(-i)* в др. -греч. *Πύθον*, *Πύθιας* и др. (В. Н. Топоров. Еще раз об и. -е. **Budh-* (: **bheudh-*). I. Фрак. *Βυζάντιον* в индоевропейской перспективе. — В: Этимология 1976, М., 1978, с. 137 сл., особенно 147 сл.

² Подробнее о всей приведенной группе хетто-лувийских слов и их деривативной связи см. Van Brock.

bēnemi, trijatrbbahi (S., 212 s.v. *trbbe*; ср. Houwink, 161 сл. с туземн. лик. *trbbēni*). Судя по греческим передачам и лик. туземн. формам, в исходе ономастической основы был звонкий лабиальный, что полностью соответствует хетт. -лув. написанию *tarpa/i-* (о лик. *b* = лув. *b* см. Neumann, 1969, 378). Звуковая вариативность, геср. колебания, в графической фиксации первого слога: *Taq- : Tεq- : Tqa- : Tqe- : Tqo- : Tqv-* (различие в огласовке, метатеза), по всей вероятности, результат попыток средствами греческого языка передать *ʀ* оригинала (ср. Kretschmer Einl., 360), а также несомненное отражение позднего процесса вокализации слогового плавного, предшествующего глухим, ср. выше об основе **Tork-*, с. 68 сл. В связи с этим возникают реальные условия для отнесения хетт. -лув. *tarpa/i-* к и. -е. **trb-* (ср. Heubeck, 1959, 29) от и. -е. **ter-*, расширенного посредством лабиального *-b-* „reiben, drehend reiben и пр.“ в праслав. **terbiti*, ср. русск. -ц.-слав. *трѣ-ытн* „чистить, корчевать“, русск. *теребить* то же (Фасмер IV, 45 сл.); к нулевой ступени ср. ср.-ирл. *trebaid* „пашет“ и т. д. (Pokorny 1071),¹ относительно значения „вредить, причинять ущерб“ в корне **terb-* ср. ц.-слав. *нс-трѣытн* < **iz-terbiti* (ср. Фасмер II, 144).

В кругу значений хетт. -лув. *tarpa/i-*, включающих „пята“, „овладевать“, могла развиваться ономастическая основа с первоначальным значением „владелец“, ср. лид. *tarb-la* то же = лик. ЛИ *Tqαβαλα*. На базе этой продуктивной антропонимической основы, надо полагать, возникли многочисленные топонимы, по своему словообразовательному типу могущие восходить к этниконам (о суффиксе *-qη-, -ενα*, в этом смысле см. с. 34 сл.), или к адъективным образованиям (*-(α)σσοσ* — греч. перед. лувийского possessивного суффикса *-ašša*, о чем см. Гиндин, 1967, 147).

Не вдаваясь в детали восстановления внутренней формы всех фракийских имен собственных, сопоставимых с анатолийской ономастикой от основы **Tarba-*, мы возьмем на себя смелость постулировать и для данного фракийского ономастического пласта сходную картину. В семантическом отношении особенно показательны царское имя *Tάροβος* и его вифинский антропонимический вариант *Tέροβος*, а также название замка *Δαλα-ταρβα*.

Интересно отметить, что Дечев в *Tarpo(dizos)* и пр. предпочел в последнем этимологическом варианте видеть лат. ЛИ *Tarpa, Tarpeius, Tarpeia* (Schulze, 273), которые через этрусский могут в конечном счете восходить к анатолийским антропонимам. Возможно, в этот же круг фракийской ономастики следует включить и ЛИ из Сереса *Αρεπαλος* (D., 157), ср. упомянутый лик. топоним *Αρεπαλα*, к словообразованию ср. лик. ЛИ *Tqαβαλα*.

11. *Παροῦστα* (Proc. ae. IV., 4 = H. 121, 24) — кафель в области Кавец, Северо-Восточная Македония (D., 359: Георгиев, 1958, 80). Предполагаемые интерпретации малоубедительны: Дечев (указ. соч.) сравнивает данный топоним с, видимо, иран. ЛИ *Παρος* (Ольвия); впрочем, ср. Zgusta, 1955, § 764, который принимает во внимание возможность греческого происхождения последнего (см. P.-B. II, 1140); Георгиев (указ. соч.) пытается, правда, под

¹ Возведение фрак. и анатол. слов к и. -е. **ter* на глубинно этимологическом уровне, возможно, не противоречит связи рассматриваемых слов с гнездом слов, развивших специализированное значение „расселина“, „долина“, „промежуток“ и т. п., ср. лит. *tárpas* предположительно фрак. **tarpa-* в *Tαρπο-δίζος* (см. Pokorny, 1073 под корнем **terp-, trep-* от того же и. -е. **ter-* и т. п., ср. Абаев III, 267).

вопросом, чисто умозрительным путем (см. его вводные рассуждения о наличии большого числа славянских топонимов у Прокопия в *Περὶ πτωμάτων* — Георгиев, 1958, 67 сл.) вывести *Παγροῦστα* в качестве суперстратного отложения из слав. *Барниште > н.-болг. *Бранище*. Не говоря уже о том, что у нас нет никаких предпосылок для предположения такого значительного искажения туземного прототипа в процессе греческой транскрипции столь образованным и искусственным в литературном труде автором, каким был Прокопий Кесарийский (ср. его абсолютно точные передачи: *Πέωνθος* — Proc. ae. IV 9, 14 = Н. 139; *Συγγηδόρον* (cod. Vaticanus; *συγγηδών* — Proc. ae. IV, 5 = Н. 126 сл., также Proc. bell. V, 15, 27 и др.). Помимо этого, подобное объяснение не учитывает вполне вероятных связей *Παγροῦστα* внутри фракийского и за его пределами — в догреческой Элладе и в Малой Азии — как в основе, так и в словообразовательной части. В этом смысле весьма существенны показания суффиксального элемента *-st-*, засвидетельствованного достаточно широко на территории Фракии, ср. МН *Orodista P*, *Orudista R*, видимо, более правильные передачи или более ранние формы *Orudisza ad Burgum* (D., 345), ЛИ *Αζιστής* (D., 134), ТН *Surgasteus*, *Συργαστής* (D., 471 сл.), ЛИ *Κοζιστής* (D., 249) и пр., в том числе ономастические образования, предположительно анатолийского происхождения, например, *Κοῦστα* < *kuwa-sta; словообразовательные потенции данного элемента в фракийских языковых остатках хорошо иллюстрируют соответствующие рифмованные сегменты в обратном словаре Влахова (Vlahov, 1963, 330 и т. д.). Относительно догреческого словообразовательного элемента *-st-*, в крит. МН *Λύμαστος* и его взаимосвязях с малоазийской тождественной морфемой, ср. лик. ЛИ *Αρμαστα*, лкн. ЛИ *Μαμαστα*, кар. МН *Dimastos*, исавр. МН *Καουστής*, адекватное нашему *Παγροῦστα* в словообразовательной части, и др. (S., 196), восходящей к раннеанатолийскому *-st-* в составе сложного суффикса *-ašti*, см. специально Гиндин, 1967, 107 сл.

Обратившись к этимологическому истолкованию основы топонима *Παγροῦστα*, следует, по нашему мнению, вовлечь в круг исследуемых в этом случае фракийских фактов еще два географических названия, содержащих сходную основу *Pern-*, *-pern-* / *-βερν-*, так как подобное различие в вокализме, выражающееся в чередовании *a:e*, свойственно фракийским реликтам и неоднократно отмечалось ранее, см. с. 33 сл. Здесь имеются в виду: *Πέρον*, по Стефану Византийскому (s. v.), *πόλις Θράκης ἀπὸ τὸν Θάσον* (D., 364); *Μηκίβερα* (Hdt. VII, 122; Thuc. V, 39, 1, и др. авторы вилоть до Ст. Византийского), **Μηκίπερα*, восстанавливается по этнику *Μηκίπεραιῶν* (Meritt, Athen. trib. 1, 340; 454—432 до н. э.), *Mesyberna* (Plin. IV, 37: *sinus Mesyberna*), **Megyberna*, восстанавливается по этнику *Megybernaeus* (Mela II, 34), — город на восточном берегу полуострова Палленэ; небезынтересно отметить мену *b:p* при более частом *b* в уже древнейших свидетельствах, ср. приведенную форму из афинского трибутного списка с этником *Μηκίβεραῖοι*, фиксированным там же (453—421 гг. до н. э.).¹

Аналогичное состояние с точки зрения вариативности фонетического облика (правда, вместо фрак. *b:p* чередуются *p:ph*) выказывают малоазийские имена собственные, собранные Сундвалем под лик. **παρῖνα*: *Πεονη* — остров в Кари, лик. ЛИ *Φερνς*, *Παγρασος* — город в Каппадокии, лик.

¹ Попытку чисто корневой этимологии элемента *-berna* < и. -е. **bher-* „резать“ см. Rus-su, 1969, 111.

ЛИ *Παράσ*, исавр. ЛИ *Περάσ* (S., 288). К ним следует присовокупить догреч. *Παράσ(σ)ός* — гора на границе Фокиды и Локриды, тождественное указанному каппадокийскому топониму при раннехеттском (II тыс. до н.э.) МН *Parnašša*, расположенном, видимо, на юго-востоке, так как в этом городе, в соответствии с многочисленными клинописными упоминаниями, находилось святилище хурритского божества (Laroche, 1957, 5), а также, вероятно, название горы в Лаконике *Πάρονος* и горного леса в Аттике *Πάρονης, -ήθος* (P.-V. II, 1140).

Все перечисленные имена собственные с большой долей вероятия вслед за капп. *Παράσ(σ)ός*, отражающим, согласно Палмеру, лувийский туземный топоним, поскольку в районе этого города обнаружены лувийские иероглифические надписи, соотносятся с общеанатолийским названием дома, ср. лув. кл. и иер. *parna-*, хетт. *parn-: pir* (поп. -асс. из **per-*), лид. *bira-*, лик. **prīna-*, реконструируемое по *prīnawate* „он строит“, *prīnezi-* „οἰκεῖος“ и пр. (Friedrich HW, 1962; Laroche Dict., 79 сл.; L., 289; Gusmani Wb., 81), имевшим, видимо, в религиозной сфере специфический оттенок „дом бога, храм“, ср. герм. *Dom* „собор“ и пр., что и определило возникновение названий гор, гесп. горных лесов, и других топонимов с восточно-средиземноморской основой **Parn(a)-* как мест, некогда имевших отношение к святилищу, храму **parna*: **perna*. Существенно в этих обстоятельствах отметить созвучное египет. *pr* „дом“, стоящее в египетском изолированно, хурр. *purli* то же; это может указывать на странствующий технический термин. (Подробнее см. Palmer, 1962, 26; 241 сл.; Гиндин, 1967, 147 сл.). Разумеется, не исключено и распространение автономной ономастической основы с затемненной внутренней формой и с центром иррадиации в анатолийском ареале. Происхождение антропонимов, хотя бы их части, от данной основы может быть вторичным по отношению к топонимам, осуществленным в результате деэтимологизации и морфемно-словообразовательного опрощения последних по типу т. наз. греческих „Kurz- oder Kosenamen“, например, ЛИ *Τῆλος*: *Τηλο-κράτης* при *τῆλε* „далеко, вдали“ (P.-V. II, 1518, Fick, Bechtel, 16; 265), ЛИ *Δῆμος* при многочисленных двусложных антропонимах с основой *Δημο-, -δημος* и пр. = апеллативу *δῆμος* „народ“ (P.-V. I, 292; Fick, Bechtel, 94 сл.), ЛИ *Δοξα* при *Εὔ-δοξος* и пр. (P.-V. I, 318, Fick, Bechtel, 102 и т. д.; специально об этом классе греческих личных имен и их коллекцию см. Fick, Bechtel, раздел I B); много подобных имен выявляет Дечев и во фракийском ономастиконе, см. *Κοζας* при *Κοζεμενθος* и т. д. (D., 249).

Следует заметить, что после выхода моей книги по догреческому субстрату (Гиндин, 1967) данная анатолийская этимология догреч. *Παράσ(σ)ός*, признанная большинством авторитетных эллинистов-хеттологов, вызвала резкую, но при детальном рассмотрении мало обоснованную критику со стороны Ю. В. Откупщикова (см. Откупщиков, 1973, 24 и др.). Согласно формально-словообразовательной этимологии этого автора, догреч. *Παράσ(σ)ός* представляет собой палатализованную форму из *Παρονήθιος* „Парнетский“ — эпитет Аполлона, которое в свою очередь образовано с помощью суффикса **-i(-os)* от основы МН *Πάρονης, -ήθος* — горный лес в Аттике. Постулируя без каких-либо аргументов чисто греческую словообразовательную модель: основы на *-ж* или *-τ, -θ + i(-os)* с последующей палатализацией в *-σσ(ος)*, Ю. В. Откупщиков видит критерий достоверности данной этимологии в единичном примере аналогичных трансформаций чисто греческого

хотя и трудного слова *βύθιος* „глубокий“ < *βύθ-ι-ος* при *βυσσός* „глубина, моря“ < *βυθ-ι-ός* — оба от *βυθός* „глубина, особенно морская“ (Chantraine Dict. I, 201; Frisk I, 275 сл.). Кроме указанного обстоятельства, здесь не учитывается следующее. 1. Результаты групповой этимологизации топонимического ландшафта, в котором разворачивается и проецируется мифология и культ Аполлона — бога, несомненно пришедшего из Малой Азии не ранее микенского периода; эти названия либо перенесены из Анатолии: помимо *Παгнаσ(σ)ός*, имеются в виду: *Κασταλία* — источник в Дельфийском святилище, ср. килик. МН *Κασταλία*, см. специально Гиндин, 1967, 148 сл.; *Κωρύμιον ἄντρον* — пещера на Парнасе близ Дельф, равная по функционально-мифологическому значению одноименной пещере в Киликии, ср. также *Κώρυκος* — гора с городом и гаванью недалеко от Корикской пещеры в Киликии и другие названия от основы *Κωρυκ-* в Юго-Западной Малой Азии, либо созвучны анатолийским: город выше Дельф *Λυζάρεια*, ср. *Λυζία* — область в Малой Азии; *Λᾶδων* — поток в Беотии, отец Тельфусы, ср. лид. *lada* „γυνή“, далее дор. *Λατώ*, ион.-атт. *Λητώ* — мать Аполлона и Артемиды; *Κοῖσ(σ)α* — город в Фокиде, куда морем первоначально прибыл Аполлон (h. Н. II, 260), ср. *Χοῦση* — распространенный топоним в Малой Азии, в частности в Трое, где святилище Аполлона Сминтея (II. I, 37 и др.), к возможности отождествления на почве греческого языка последних двух лексем ср. *Κοῖσιη* = *Χρῶσις* — дочь жреца Аполлона Хриса, взятая в наложницы Агамемноном; опорной лексемой в разряде грекоанатолийских тождеств, фигурирующих в мифологии Аполлона, следует несомненно признать впервые предложенную Барнетом (Barnett, 1948) идентификацию эпитета Аполлона *Δελφίνιος* с „спящим“ богом плодородия у хеттов **Telipniš* (подробнее см. Гиндин, 1975a). 2. Маловероятно, чтобы название одной из величайших и наиболее почитаемых гор Греции по происхождению оказалось бы дериватом названия горного леса. 3. *βυσσός* скорее из **βυθ-σός*, подобно *βάσσος* из **βαθ-σος*, ср., E. Schwyzer RhM, 81, 203 (цит. по Frisk I, s. v.). В итоге представляется, что *Πάγνης*, *-ήθος* действительно могут быть связаны с *Παгнаσ(σ)ός*, но только как результат переразложения *Παгнаσσος* → *Παγνή-θος* (θ — догреч. суффикс) с Nom. sing. *Πάγνης*.

Еще более рельефно чреватая погрешностями произвольность формально-словообразовательной этимологии Ю. В. Откупщикова в пределах дошедшей в греческой традиции ономастики может быть проиллюстрирована на примере объяснения *Κιλικία* и *Κίλισσα* — названия обширной области в Малой Азии — в качестве непалатализованного и палатализованного варианта из *Κίλιξ* (там же). Если учесть раннехеттскую форму *Hilakkai*, обычно отождествляемую с *Κίλικες* (Heubeck, 1959 и др. авторы), то следует постулировать как раз обратный словообразовательный процесс: *Hilakkai* ≈ греческий эквивалент *Κίλικες* → результат переразложения Nom. sing. *Κίλιξ*, gen. *Κίλικος*, собст. „киликиец“ → *Κίλικα* > *Κίλισσα*, собств. „киликыйка“, „киликыйская“, обычно эпитет *γαῖα*; таким образом, *Κίλιξ* и *Κίλισσα* — чисто греческие образования, что и должно было ожидать.¹

12. *Costoboci* (Plin. VI, 19; Script. hist. Aug. (Marc. Aug.) IV, 22, 1 — I в. н. э.), *Costobocae* (Amm. Marc. XXII, 8, 42 — IV в. н. э.), *Κοστοβῶκοι* (Paus. X, 34, 5 — II в. н. э.), *Κόστοβοι* (Suid. s. v. *λησταί*), *Κοιστοβῶκοι* (Ptol. III, 5, 9; 8,

¹ Более специально см. Гиндин, 1979, 237 сл.

3 — II в. н. э.), ср. адъектив *Coisstobocensis* (CIL, VI, 1801), *Κοιστοβῶχο*, (Dio LXXI, 12, 1), *Castabocae* (CIL III, 14214, 12, Адамклиси в Добрудже¹, VI, 31856, между 176—180 г. н. э.); в латинских надписях фиксируется также форма с *o* в первом слоге, ср. CIL VIII, 14667, Африка, где в cognomen *Costobocijo* и этнониме *Cos[t]o[boc]* этот слог хорошо сохранился; кстати, последняя надпись содержит мотивацию данного фамильного имени: **[d] m. [Sall]justius C. f. Q. [Fortun]atianus Costobocijo quod inter Cos[t]o[boc] n[utritus] sit* (ср. Tomaschek I, 107; Кудрявцев, 40 сл.) — племя, обитавшее в районе Карпат (ниже его локализация будет уточнена; ср. Tomaschek I, 106; D., 256). Это племя дважды упомянуто Птолемеем — один раз при описании провинции Дакии, наряду с кельтскими племенами анартов и теврисков (Ptol. III, 8, 3): *κατέχουσι δὲ τὴν Δακίαν ἀρκτικώτατοι μὲν δυσμῶν Ἄναρτοι καὶ Τευρίσκοι καὶ Κοιστοβῶχοι* (*Κιστοβῶχοι*), — другой раз в описании Европейской Сарматии (Ptol. III, 5, 9): *τῶν δὲ εἰρημένων εἰσὶν ἀνατολικώτεροι ὑπὸ μὲν τοῖς Οἰενέδας πάλιν Γαλίπδοι καὶ Σουδινοὶ καὶ Στανανοὶ μέχρι τῶν Ἀλάων ὑφ' οὓς Ἰνυλλίωες, εἶτα Κοιστοβῶχοι* (*Κοιστάβωχοι: Κιστοβῶχοι: Κυστοβωχοί*) καὶ Τροισμοντανοὶ μέχρι τῶν Πευκινῶν ὄρεων.

Существует огромная литература относительно этих на первый взгляд взаимоисключающих друг друга сообщений Птолемея (костобоки перечисляются одновременно среди племен, населявших территорию по обе стороны Карпат, к тому же Певкинские горы точно не локализованы), как, впрочем, и вообще о месте обитания костобоков, оставивших заметный след в истории балканских провинций Рима,¹ их этнической принадлежности и соответственно происхождения данного этнонима (фракийская, сарматская, славянская, кельтская, фракийско-кельтская и, наконец, „алародическая“ теории). Не имея возможности углубляться в подробности во многом с точки зрения лингвистической поверхностной дискуссии, да в этом нет и необходимости, поскольку все доводы приверженцев различных гипотез тщательно рассмотрены Кудрявцевым в специальном обширном исследовании о костобоках (Кудрявцев; ср. Russu, 1959a с подробной литературой), укажем лишь следующее: лингвистический материал (сохранившиеся в надписи из Рима личные имена представителей царского рода костобоков) говорит в пользу чисто фракийской теории (ниже специально), что, во всяком случае, не противоречит большинству письменных источников, а с некоторыми находится в прямом согласии (например, цитированное сообщение Птолемея при описании Дакии). Костобоки были одним из самых северных окраинных дакийских племен, обитавших, как это убедительно показал Кудрявцев (там же, 28 сл.), по разные стороны Карпат, часть — у южных предгорий (Северо-Восточная Дакия), часть — у восточного края Карпат, на внешней стороне карпатской дуги, (ср. Premerstein RE XI, 2, 1505, ср. Russu, 1959a, 343 сл. с обзором различных мнений); филологический и реально-географический анализ свидетельств Птолемея произведен нами в другой работе по этнонимике Прикарпатья. В таком географическом положении костобоков содержится два интересных момента: во-первых, из Южного Прикарпатья, согласно историко-археологическим и некоторым лингвистическим данным — Tomaschek I, 7 сл.; Kretschmer Einl., 173 сл. и др. авторы, многочисленные фракийские племена начали

¹ Костобоки не только принимали участие в антиримском союзе варварских племен во время Германской и Сарматской войны 166—175 гг., но и прошли летом 170 г. сквоз все балканские провинции вплоть до Элевсина.

заселение Балканского полуострова; во-вторых, именно в районе к северо-востоку от Балкан, где мы постулируем преданатолийский ареал распространения хетто-лувийских племен (см. выше, с. 23 сл.), могли осуществляться наиболее интенсивные фрако-хетто-лувийские контакты древнейшей поры. В силу последнего обстоятельства предлагаемое здесь истолкование этнонима костобоков в свете фактов хетто-лувийских языков приобретает особую весомость.

Сам Кудрявцев, главным образом вслед за Нидерле (Niederle, 1904, 400—416) и др., откуда он заимствовал основные языковые аргументы, в указанной работе придерживается славянской гипотезы, которая нам не представляется приемлемой прежде всего с лингвистической стороны: столь привлекательное с точки зрения славянских языков разбиение подлежащего исследованию этнонима на **kosto-boki* (слав. *kostъ* + *bokъ*, пош. pl.), букв. „костяные бока“, по Кудрявцеву (там же, 50),¹ „крепкобокие“ в смысле „сильные“, по Niederle, 1904, 408), настораживая своей этимологической прозрачностью, не затемненной иноязычными передачами, противоречит — и это главное в нашей контраверзе — морфемно-словообразовательному членению в пределах фракийского языкового наследия, обусловленному комбинаторным анализом (см. ниже). Далее, помимо славянских топонимических и антропонимических созвучий (см. о них Niederle, 1904, 407 сл., Кудрявцев, 44 сл., 47 сл.), омофонические образования I части имеются и в других индоевропейских языках, ср. кельт. ЛИ *Castus*, *Castilla*, МН *Castulo(n)* и др. (Holder I, 836), ЛИ *Costiniacus* (Holder I, 1140), *Καστοβοίξ* — синоним *Ceto-briga* (Holder I, 1002), лат. ЛИ *Castenus*, *Casticus* (Schulze, 289); относительно II части *-βοχοι* в *Καστοβοχοι* и *Σαβοχοι* Томашек указывает на гаэльск. *boc(ot)-* „выпуклость“ и слав. *bokъ* „сторона“, „горный склон“ (Tomasek I, 107). Кроме того, славянская этническая атрибуция костобоков, кажется, плохо вяжется с археологическими и историческими данными о южных границах расселения славян, по крайней мере, в I—III в. н. э.

Из новых интерпретаций, базирующихся на расчленении *Costaboci* и пр., следует упомянуть этимологию Георгиева (Georgiev, 1965, 104 сл.): из герм. **kuasta-bok(i)ja-* < и.-е. **guosdo-bhag'(i)yo-* в качестве этникон-образования на *-(i)jo-* от незасвидетельствованного **kuasta-boka* < и.-е. **guosdo-bhag'o-* „Wald-buche“ или „Quast-buche“; безукоризненная с формальной стороны, эта гипотеза тем не менее представляет собой лишь одну из возможных чисто корневых умозрительных этимологий.

Излагаемое ниже этимологическое истолкование ЭН *Costoboci* и пр. целиком находится в рамках фракийской, герп. дакийской, принадлежности костобоков и базируется на данных комбинаторного анализа и сопоставимых целнолексемных фактах хетто-лувийских языков. За исконную принимается форма *Costoboci*, *Καστοβοχοι*. (с *o* в первом слоге) как самая древняя и наиболее распространенная, включая надписи.

Если проводить морфемно-словообразовательный анализ *Καστοβοχοι* etc. с конца, как того требует методика словообразовательно-этимологи-

¹ Данный этноним возник, согласно Кудрявцеву (там же), якобы из-за костяных панцирей, заимствованных костобоками у сарматов, хотя подобные боевые доспехи у славян не засвидетельствованы, а панцирь, хранившийся в храме Асклепия в Афинах и описанный Павсанием как сарматский за несколько лет до вторжения костобоков в Аттику, лишь с помощью весьма хитроумных конъектур может быть приписан последним.

ческого исследования, мы получим парадигматическое *-ko-*, наличествующее, кроме интересующего нас, еще в 4 несомненно фракийских этнонимах, дошедших в греческих передачах: *'Αρτα-κοι* — племя в районе Хэмуса (D., 28), *Δῆ-κοι* (< **ΔαFκοι*) — племя даков, известное с II в. до н. э. на территории к северу от Дуная до предгорий Карпат (D., 111), *Δόλου-κοι* — племя внутри Фракийского Херсонеса (D., 148), *Σαβδῶ-κοι* — дакийское племя (D., 406; подробнее см. ниже), и это не считая многочисленных антропонимических этник на *-κό-ς* с различным предшествующим гласным, например, *Μοσι-ακός*, *'Αρτακός* и т. д. (см. Vlahov, 1963, 138 сл.), в латинской передаче *-cus*, например, *Moesiacus*, *Thracus*, *Moesicus*, *Thraciscus* и т. д. (см. Vlahov, 1963, 364). Выявленное *-ko-* (*-cu-*) — регулярный фракийский рефлекс продуктивного в и.-е. языках деминутивно-пейоративного суффикса **-ko-*, повсеместно используемого в качестве этникон-словообразовательной морфемы (Schwyzer I, 496, сл.; Brugmann, Grundriss II, 238 сл.).

Вопреки общепринятому членению (D., 73; прочую литературу см. выше), за вычетом фрак. морфемы *-ko-* получается основа *Κοοτοβω-*, лат. передача *Costobo-/Castabo-*, целиком совпадающая с основой, хорошо представленной в позднешетто-лувийской ономастике, как то: название святого места в Лидии *Κασταβος*, город в Киликии *Κασταβαλ(λ)α*, кар. МН *Καστοβαλον* (S., 98), которые в свою очередь включены в ономастический малоазийский ряд, содержащий производную основу *Καστ(α)-*: кар. топоним и демотикон *Χασται*, *Κασταιος*, килик.-догреч. (анат.) *Κασταλία*, лид. МН *Καστωλλος*, кар. демотикон *Καστωλιος*, лик. демотикон *Κασταννευς* (S., 98).

Обе позднешетто-лувийские основы, производная и производная, четко соотносены с раннешеттскими лексическими единицами как на ономастическом, так и апеллативном уровне. Нам уже приходилось в другом месте (см. Гиндин, 1967, 148 сл.) подробно рассматривать в связи с догреч.-анат. тождественным названием *Κασταλία* морфемно-словообразовательные и семантические деривационные отношения перечисленных малоазийских имен собственных с ранне-анатолийской апеллативной и ономастической лексикой, так что здесь мы укажем лишь самые необходимые факты.

Хеттская клинопись сохранила и.-е. название кости (греч. *ὀστέον* „кость“, др.-инд. *ásthi* „нога“, „кость“, лат. *os*, *ossis* то же, алб. *asht*, *ashtë* „кость“ и т. д. — Рокорну, 783) в форме с четко фиксированным начальным ларингальным, отраженной хетт. *ḫastai* „кость“ → „сила, выносливость“; также „кости, в смысле останки“, лув. *ḫašša* „кость“ (Friedrich HW, 63; Laroche Dict., 43) и его производным с адъективным суффиксом *-(a)li-* (лув. *-alli-*, лид. *-li-* и пр., см. выше с. 33) **ḫastali-* „героический“, букв. „костистый“, восстановленным на базе хетт. *ḫastalijatar* „Heldenhaftigkeit“ и глагола *ḫaštales-* „heldenhaft (stark) werden“; данное значение **ḫastali-* подтверждается идеограммой UR. SAG (L., 336; Friedrich HW, 63; 299) и более косвенно наличием в староассирийских табличках хетт. ЛИ *Hastali-*; сюда же капп. ^{URU}*Ha-aš-tu-wa* [**Hast(a)-uwa*], определенно содержащее распространенный в раннешетто-лувийской топонимии элемент *-uwa*, ср. ^{URU}*Išharuwa* при *Išhara* (гора), *Hišarluwa* при *Hisarla* и др. (Laroche, 1958a, 267). Наличие имен собственных с интересующей нас основой в клинописных текстах начала II тыс. является важным показателем про-

дуктивности этой основы с древнейших времен. В совокупности с индоевропейским происхождением это обстоятельство с большой долей вероятности дает возможность предположить существование ономастического *Hašta* = п.-хетт.-лув. *Каста*- в хеттском языке доанатолийского периода.

Морфемно-derivационный элемент греко-римских передач фрак. этнонима: *-во- / -во-* (лат. *-bo-*) = м.-аз. *-во- / -ва-* также получает на хеттской почве вполне удовлетворительное истолкование, отражая наряду с позднеанатолийским элементом раннехетто-лувийский адъективный суффикс *-wa-*, продуктивный при образовании различных притяжательных конструкций, в том числе многих этника (и.-е. **-uo-* в **pāt̪r̪-uo-*: **pāt̪r̪-uo-*, ср. др.-инд. *pit̪r̪v-ya-*: греч. *πάτριος* < **pat̪r̪w-Fo-*ς и т. д.; первичное *-uo-* в **ek'uo-*, **dei-uo* — Brugmann. Grundriss II, 126). В малоазийской ономастике ему чаще всего сопутствует, как и в данном случае, адъективно-притяжательный суффикс **(a)l(l)-* см., кроме того, выше, с. 33 сл.; там же относительно варьирования *a:o* (:o) в греко-римских передачах малоазийских и фракийских лексем, распространяющегося, по нашему мнению, и на мену *a:o* в первом слоге фракийского этнонима. В этой связи кажется достаточно обоснованным восстановить протоформу фракийских и малоазийских лексем, включающих суффиксальный элемент *-ba- / -bo-*, в виде **Hasta-wa-*, ср. полно адекватные проявления последней в пределах Анатолии: цитированное выше капп. ^{URU}*Hašt̪uwa*, лид. *Каставо-ς*, диахронически совпадающие по основе с формой фрак. ЭН *Κόστοβοι* (реконструируется по гер. pl. *Κοστώβοι*), засвидетельствованной в словаре Свида и обычно считаемой искаженным повторением Павсания, но которая в указанных условиях может оказаться реальным синонимом, представляющим собой производное образование I порядка по отношению к прочим вариантам (*Κοστωβῶχοι* и т. д.) — производным II порядка; об отражении начального ларингала через *κ/γ/χ*, лат. *k/g/h* в фракийском и позднехетто-лувийских языках см. с. 41, 79, к словообразованию ср. анализируемый ниже (с. 119) этноним *Σχαιοί*, вар. *Σχαι-βῶ-αι*.

Итак, круг замкнулся, и мы вернулись к семантической интерпретации Нидерле: *Κοστωβῶχοι* и пр. „(племя) сильных, могучих людей“, однако на совершенно ином языковом материале, включаемом в иной историко-этнографический контекст.

Между тем мы далеки, как и во многих других подобных случаях, от мысли настаивать на непосредственном выведении рассмотренного фракийского этнонима из хетто-лувийских языков преданатолийского периода, когда их носители могли тесно контактировать с фракийскими племенами в пределах центральной Европы: фракийский, будучи языком ареально близким хетто-лувийскому (см. гл. II), мог обладать своим исконным апеллативом, равным хетт. *hašt̪ai* и т. д. Впрочем, некоторые моменты как будто говорят в пользу мысли о заимствовании. Во фракийском ономастике данный этноним отличает лексическая исключительность и очень большая вариативность форм греко-римских передач, что в совокупности вполне может корениться в его иноязычном происхождении — сам по себе факт, наблюдаемый в этнонимике весьма часто. Кстати, форма *Κοστωβῶχοι*, засвидетельствованная Птолемеем, с большим набором разночтений по различным спискам „Географии“: *Κοστώβωχοι*, *Κιστωβῶχοι*, *Κυστωβωχοί* и т. д. — пока остается необъясненной (см. список разночте-

ний и ряд соображений на этот счет: Кудрявцев, 74 сл.); на неслучайность формы с дифтонгом *oi* в первом слове указывает соответствующее написание в латинской надписи из Рима (*regis*) *Coisstobocensis* (CIL VI, 1801).

Омофонические этнониму дакийские личные имена или формы одного имени *Costas* (CIL VI 2495), *Castus* (CIL III, 7565; Добруджа), *Casta* f. (CIL III, 2737; X, 3409) либо проникли из латинского (*Costas* — искаженное *Costans* от причастия *constans*), либо возникло вторично в качестве *Kurznamen* от полной формы этнонима *Costobocae: Castabocae* (D., 255 сл.), ср. типологическую параллель *Ἀλέξανδρος* → *Ἀλεξᾶς* (Fick, Bechtel, 35; об этом типе ЛИ см. с. 97).

Вместе с тем, несмотря на возможно иноязычный (хетто-лувийский) генезис этнонима *Κοστωβῶχοι* и пр., о принадлежности к дакийской, resp. фракийской, племенной общности самого племени костобоксов недвусмысленно свидетельствуют личные имена в римской эпитафии CIL VI, 1801, составленной костобоксами; подлинность второй надписи из Рима, с именем *Sabituus*, названного в ней даком, царем костобокским, подвергается сомнению (см. Premerstein RE XI, 2, 1504); видимо, поэтому Дечев не включил ее в свой тезаурус, и мы ее рассматривать не намерены. В упомянутой определено костобокской надписи: *d. m. Ziai Tiati fil. Dacae uxori Piepori regis Coisstobocensis Natoporus et Drilgisa aviae cariss. b. m. fecit* „богам Манам; Зие, Тиата дочери, дакийке, супруге Пиепора, царя Койстобокского, Натапор и Дрилгиса бабке дражайшей очень достойной сделали“ — четыре антропонима имеют определено дакийско-фракийский облик, из них три этимологически прозрачны: *Zia* (D., 186; см. также выше, с. 47: ср. Tomaschek I, 40 — менее убедительно), *Pieporus* (D., 366), *Nato-porus* (D., 328; о исконно фракийском элементе *-porus* *-πορος* = *πορις* и пр. к и.-е. **per-*: *pr-* в лат. *pario* „рождать“ см. D., 374, также выше, с. 63), четвертое *Dri(l)gisa* (Tomaschek I, 35; ср. D., 157), ср. муж. ЛИ в двух балкано-латинских надписях *Drigis(s)a* (D., 157), пока без этимологии. Пятое ЛИ *Tiatus* (D., 503), вероятно, относится к разряду имен с основой **ṭiṭ-*, соотносенной выше (с. 49 сл.) с лув. *Tiṭ(-at-)*, будучи тематическим вариантом к атематическому фрак. ЛИ муж. р. *ṭiṭ-ṭa* при условии частого, но нерегулярного выпадения туземного *ṭ* между гласными и сохранения в позиции после гласного перед согласным (см. с. 31 сл.).

Надпись датируется 2 половиной II в. н. э.; о разногласиях по поводу датировки, в данном случае не существенных, см. Кудрявцев, 52 сл.

Наличие за пределами фракийского созвучных ономастических образований рассмотренным личным именам, в частности в славянских (см. о них Niederle, 1904, 410 сл.; Кудрявцев, 51 сл.) особой роли не играет, так как, помимо моментов культурно-исторического порядка, их отождествление противоречит одному из наиболее важных процедурных правил процесса этимологизации, к сожалению, нередко предаваемому забвению при истолковании ономастических лексем: не обращаться к иноязычным сопоставлениям, пока не использованы все возможности, содержащиеся в исконных языковых фактах.

13. *Saboces* — Script. hist. Aug. (Iul. Capitolinus) IV, 22, 1, где они упомянуты вместе с певкинами и костобоксами; *Σαβῶχοι* Ptol. III, 5, 8, видимо, дакийское племя (ср. D., 406), хотя прямых указаний на это пока не су-

ществует. Согласно довольно путанному описанию, в упомянутом месте Птолемей малых народов, населявших Европейскую Сарматию, сабоки локализируются где-то в западной Европейской Сарматии на северных склонах Карпатских гор, ср.: *Ἐλάττονα δὲ ἔθνη νέμεται τὴν Σαρματίαν, παρὰ μὲν τὸν Οὐϊστούλαν ποταμὸν ἔπὸς τοὺς Οὐενέδας... εἶτα Αἰταροὶ παρὰ τὴν κεφαλὴν τοῦ Οὐϊστούλα ποταμοῦ· ἔφ' οὗς Ὀμβρονεσ, εἶτα Ἀνατοφροάκτο, εἶτα Βουργίωρες, εἶτα Ἀρσῆται, εἶτα Σαβῶκοι, εἶτα Πιεργῆται καὶ Βίεσσοι παρὰ τὸν Καρπάτην τὸ ὄρος* (ср. Кудрявцев, 33 сл.).

Из-за омофонии следования *-βῶκοι* обычно объединяют с этнонимом *Κοσσοβῶκοι* и т. д. В аспекте фракийской комбинаторики членение на *Σαβῶκοι* не оправдано, поскольку основа *Σα-* в фракийских остатках не отмечена; относительно эфemerности основы *-βῶκοι* см. выше, с. 101, ср. Russu, 1959a, 348 — о корне **sab-*. Славянская этимология Нидерле, базирующаяся на традиционном членении, из **Zaboki* „живущие за горами, *v záboči hor*“, послужившего, по его мысли, прототипом через лат. *Transmontani* для транскрипции Птолемея *Τρανσμοντανοί* (Ptol. III, 5, 9), ср. *Zagóra* и пр., этникон *Zahorani*, *Zagorci* и пр. (Niederle, 1904, 392 сл.; 402; ср. 416) — малоубедительна уже по той причине, что в греко-римских источниках туземное [z] регулярно передается посредством ζ/z, но не σ/s. Ср. народно-этимологическое объяснение Шафарика „живущие по берегам (бокам) реки Сана“ (Šafařík, 240 сл.).

Осуществленное выше (с. 100 сл.) выделение фрак. этнонимической *-ko*-морфемы, а также отсутствие корневого элемента *Sa-* в фракийских языковых остатках побуждает принять (вопреки Tomaschek I, 107; D., 73; Georgiev, 1965, 105 и др. авторы) за единицу исследования нерасчлененную основу, в лат. передаче *Saua*, греч. *Σαβο-* из туземного **Saua-*; об отражении *a* через греч. *ω*, лат. *o* см. с. 35; относительно передачи фрак. *ι* посредством лат. *b*, греч. *β* см. с. 55.

Подобно этнонимическому морфемному комплексу *Κοσσοβο-* и пр., основа **Saua-*, скрытая в фракийском племенном названии *Σαβῶκοι*, имеет прямые формальные аналогии, допускающие и удовлетворительное семантическое обоснование, в позднеанатолийской ономастической и апеллативной лексике. В указанном же плане особенно важно лик. туземное ЛИ *Ssetwa* = билингв. *Σηο* (S., 192, ср. Zg., § 1413), одновременно показывающее, что в малоазийских греческих передачах интервокальное *ι* могло выпадать в соответствии с правилами ионийско-аттического диалекта и позднего литературного койнэ, хотя и не исключало окказиональных случаев передачи через *ov*, *v*, *β* (см. варианты приведенного ниже лкн. МН *Σοατρα*); затем „фриг.“-писид. *Σαους* (Zg., § 1343-2), несмотря на колебания Сундвала, лкн. МН *Σοατρα*, с вариантами *Σαουατρα*, *Σαυατρα*, *Σαβατρα*; возможно, исавр. ЛИ *Σα f*. (Zg., § 1343-1; „фриг.“-лик. ЛИ *Σαετας*, лид. МН *Σαίττα* (Zg., 1355). Данный ономастический малоазийский слой может быть соотнесен с апеллативной позднехеттской именной и глагольной основой **sau-*, хорошо представленной лидийской лексикой, см. *savēn-* „расти, урождаться“, возможно, „gut haben“; *savv*, употребленное в неясном контексте, которому приписывают вслед за Бранденштайном адъективное значение „хороший“ (Brandenstein, 1931, 30; ср. Gusmani Wb., s. v.); несмотря на сомнения Гусмани (Gusmani Wb., 191 сл.), необходимо считаться с реальностью сближения лид. префикса *sav-* „gut, wohl“ с упомянутыми лид. лексемами, предложенного Бранденштайном и приня-

того многими (Brandenstein, II, 41); ср. др.-инд. *su-* „хорошо, благо“, ст.-слав. съ- (съдръвъз и пр.) и т. д. ср. Шеворошкин, 260, с прим. 140).

Семантика позднехеттской апеллативно-ономастической основы **saṭ(a)*-разрешает истолковать, при условии весьма вероятного тождества, название дако-фракийского племени *Σαβῶχοι* как „многочисленные; процветающие; мощные“ или нечто в этом роде; ср. семантико-типологическую параллель в фрак. этнониме *Βι-θυχοι*, к и.-е. **lū* „быть сильным, мощным и пр.“, см. с. 65. Таким образом, генезис слога *-βω-* (*-bo-*) в *Κοσσο-βῶχοι* и *Σαβῶχοι* различен.

Далее, если в первом этнониме, стоящем внутри фракийского ономастикона особняком (см. с. 102), можно предположить заимствование из хетто-лувийских языков, то в случае с *Σαβῶχοι* такой вывод, видимо, неправилен, поскольку основа *Σαβω-*, *Sabo-* (<**Saṭa-*) наличествует в ряде топонимов и мифологических личных имен (возможно, теофорных) на о. Самофракии и единожды в антропониме континентальной Фракии. Это обстоятельство скорее говорит в пользу реконструкции соответствующей оригинальной фракийской апеллативной основы в значении, близком к лидийской.

В первую очередь имеется в виду название горы на Самофракии — *Σάος* с весьма симптоматичными разнохронологическими вариантами *Σάουος*, *Σάβος*, свидетельствующими об исконном интервокальном *ϰ*; также другое название о. Самос и приток Дуная в Паннонии (?) (Р.-В. II, 1340); сохранились, кроме того, синонимы самофракийской горы: *Σάον* (Р.-В. II, 1940), *Σαῶχη/-ης* (Р.-В. II, 1355) и самого о. *Σαμοθράχη*: *Σαόννησος* (Р.-В. II, 1340), *Σαῶχίς* (Р.-В. II, 1355); среди последних особенно характерны формы с этникон-суффиксом *-k-* — *Σαῶχη* и пр. из **Saṭa-ko-*, аналогично нашему этнониму *Σαβῶχοι*; далее *Σάων*, resp. *Σάος* — мифологический герой — сын Гермеса и Рены или Зевса и нимфы, первый житель и эпоним острова Самофракии (Самоса), в некоторых источниках именуемый *Σάμων*, видимо, по аналогии с названиями упомянутых островов (Р.-В. II, 1338), первооткрыватель культового места (святилища) с оракулом Трофония в беотийской Лебадии (одного из хтонических персонажей греческой мифологии, ср. *περὶ τῆς εἰς Τροφονίου καταβάσεως*) (Р.-В. II, 1355, 1340, 1558). Отсюда вытекает, что *Σάων* был мифологическим существом, наделенным атрибутами божества, к тому же основавшим, согласно Hemberg, 293, в купе с другим сыном Зевса *Ἰασιών* мистерии в честь кабиров на Самофракии.¹ Хемберг, объединивший значительную часть приведенных выше самофракийских, т. е. фракийских, имен собственных, в разделе о слове жрецов на Самофракии, игравшем в жизни острова огромную роль, идентифицировал теоним (в реконструкции) *Σάων* = *Σάος*, resp. название горы *Σάος*, *Σαῶχη* и пр., с одним жреческим титулом на Самофракии — *Sai*, *antistites*, *penatium*, которые по античной традиции будто бы занесли салические танцы в Италию (Schol. Dan. Verg. Aen. II, 325). Эти *Sai* (<**Saui* — Л. Г.) названы по имени своего божества (*Σάων* <**Saṭo-n/s* — Л. Г.), как *Σάβοι* по *Σάβος* (синоним *Σαβάζιος*), *Βάκχοι* — по *Βάκχος*, *Κυβεβοί* — по *Κυβεβε*, *χῶης* (<**χόFης*) — по *Κάβ(ε)ῖροι* (<**Καῦιρ-οί* — Л. Г.) (Hemberg, 118 сл.); о данной словообразовательной модели см. также

¹ С семантико-функциональной стороны и в плане реконструкции *ϰ* в *Σάος* и пр. интересна ссылка Хемберга на мнение Гралло о связи *Saos* с *Sabazios* (Hemberg, 120, прим. 3).

с. 55. Название божества $\Sigma\acute{\alpha}\omega\nu$ и пр. < **Saqa-* подобно этнониму, вполне укладывается в семантику апеллятивно-ономастической основы **sa(w(a)-* „благо, добро, произрастать, процветать“, засвидетельствованной в позднехеттских языках и реконструируемой нами для фракийского; см. семантическую параллель в *Πρίαιος* и пр., с. 56 сл., 60.

В континентальной Фракии ту же основу, согласно Дечеву, содержит, личное имя *Καμ-σαος* (D., 421, 225).

Итак, в свете изложенного рассмотренный прикарпатский этноним *Σαβῶχοι* < **Saqa-ko-* представляется нам исконно фракийским образованием.¹

14. *Ἰμβρασίδης* — патронимикон; засвидетельствован единожды в Илиаде но с четкой этнической атрибуцией, см. II. IV, 520: *βάλε δὲ Θρηκῶν ἀγὸς ἀνδρῶν, Πείρους Ἰμβρασίδης, ὃς ἄρ' Αἰνόθεν εἰληλούθει* (D., 215 сл.). Согласно списку ратей, сражавшихся на стороне троянцев, помещенном во II песне Илиады, Пейрос Имбрасид, наряду с Акамантом, был предводителем фракийцев *Ἵσσοος Ἐλλήσποντος ἀγαρῆρος ἐντὸς ἐέρχει*, букв. „сколь многих бурный Геллеспонт внутри запирает“ (II. II, 844—845). Надо полагать, здесь имеется в виду восточная часть эгейских фракийцев — одной из двух племенных групп, принимавшей участие в защите Илиона с самого начала, в отличие от группы царя Реса, прибывшей в Трою позже из более континентальных областей Фракии (долина Стримона, возможно, включая Зап. Родопы); см. об этом специально, с. 125 сл.

В рамках сохранившегося ономастикона материковой Фракии этот патронимикон лексических связей не имеет; фрак. *Ἰμβράδος* (Paus. I, 5, 2; 27, 4; 38, 3), почти определено из распространенной формы личного имени *Ἰσμάρος*, видимо, по ассимиляции (D., 216, 217).

В противоположность отмеченному обстоятельству, помимо цельнолексемного и функционального тождества данного фракийского патронимикона с лик. *Imbrasidas* (Verg. Aen. XII, 343; S., 82), ср. включенное Кречмером в ту же ономастическую группу туземн. лик. ЛИ *Ipresida* (Kretschmer Einl., 359, 306; сомнения Zg., § 480), основа греческих передач *Ἰμβρ-*, распространенная типичными суффиксами, широко представлена в ономастике позднехетто-лувийской Анатолии и близлежащих островов Эгейского моря. При этом следует специально отметить деривационную основу *Ἰμβρασ-*, зафиксированную в синонимичном названии острова *Σάμος*, населенном в догреческий, и какое-то время в паратреческий период фракийцами: *Ἰμβρασος*, по St. B., s. v.: *ἡ Σάμος, ἀπὸ τοῦ ποταμοῦ. τὸ ἐθνεῖον Ἰμβράσιος καὶ Ἰμβρασία; Ἰμβρασος* также река на собственном Самосе, ранее называвшаяся *Παρθένιος* и речное божество; затем имя Гермеса у карийцев, равное *Ἰμβρασιος; Ἰμβράσιος, -ία*, эп. *-ίη*, в частности, как эпитет Геры: *Ἰμβρασίς*, например, *γαῖα* и пр. (P.-V. I, 547), ср. кар. ЛИ *Ἰμβρασσις, Ἰμβρασις* (S., 82). В смысле этнической принадлежности интересующей нас основы важно название крупного эгейского острова — *Ἰμβρος*, лежащего рядом с Самофракией у входа в Геллеспонт, прямо толкуемого Стефаном Византийским как фракийский (s. v.): *νῆσός ἐστι Θράκης, ἰερά*

¹ Аналогично *Castaboci* и пр. (см. с. 100 сл.), Георгиев, противоречиво члена лат. передачу *Sa-boces* при греч. *Σαβ-ῶχοι*, выводит данный этноним из герм. **saua-bok-(i)ja* < и.-е. **souo-bhag'-(i)jo-* „Saftbuche, feuchte Buche“ (Georgiev, 1965, 105). Будучи корневой, эта этимология малоубедительна и с семантической стороны.

Καβείρων καὶ Ἐρμού, ὃν Ἰμβραμον λέγουσιν οἱ Κάρες. ἔστι καὶ πόλις, οἱ οἰκοῦντες Ἰμβροιοι; о наличии во фракийском пантеоне *Καβείροι* см. с. 53 сл.

Западно-малоазийские имена собственные с основой *Ἰμβρ(α)*, точнее *Ἰμβρ(α)*, были впервые собраны Кречмером (Einl., 358 сл.) и позже несколько дополнены и уточнены Сундвалем (S., 81 сл.), затем в наше время Згустой (Zg., § 469, 1—9; 332, 1—4). Указанную основу содержат, кроме упомянутых, следующие имена собственные: карийское название горы и кастелля *Ἰμβρος*, теоним — эпитет Гермеса в Кари *Ἰμβραμος* (см. вышеприведенную цитату из Стефана Византийского относительно *Ἰμβρος*), а также многочисленные личные имена: (в Кари) *Ἰμβρασις*, *Ἰμβρασις*, *Ἰμβρασις* (в Ликий) *Ἰμβρας*, *Ἰμβρης*, *Ἰμβρασιος* (ср. *Ἰμβράσιος*, имя троянца в Qu. Sm. X, 87), *Ἰμβραис*, *Ἰμβρανος*, *Εμβρομος* (также писид.), в TAM II, 3, 863 (Idebessos), это имя сопутствуется весьма интересным для хода наших рассуждений эпитетом — (*Εμβρομος*) *Μαγεδδῶνος*, в той же надписи встречается *Εβρομος*, ср. цитированное выше лик. *Ipresida*, что свидетельствует о слабом произношении носового в данной позиции — см. Zg., 162, прим. 29, далее *Ενβρομος* и эквивалентные двум последним формам лик. туземн. ЛИ *Hēprūta*, *Hīprāta* (ср. еще Houwink, 102); последний идентифицирует в дополнение к этому лик. *ḡpara-* с приводимыми уже *Ἰμβρας*, *-ης* (Houwink, 103), но Згуста не без основания сомневается, является ли в TAM I, 104 (*Limyra*) *ḡparahe* (gen.) личным именем (Zg., § 469, -9); лик. *Ἰμβραλος*, кар. *Ἰμβαρηλδος* и, наконец, интересное своей возможностью быть фракийским имя зятя Приама *Ἰμβροιος* (II. XIII, 171, 197); ср. безосновательное предположение Кречмера (Einl., 359) о его чисто поэтическом возникновении.

Наряду с географической дистрибуцией рассмотренных имен собственных с основой *Ἰμβρ(α)*- и в особенности ее деривата *Ἰμβρασ-* (отсутствие в материковой Фракии и наличие на Эгейских островах вблизи малоазийских берегов), исходные пункты этимологической интерпретации содержит группа приведенных выше теонимов; *Ἰμβρασιος* (Кария, собственно Самос), *Ἰμβραμος* (Кария), эпитет Геры *Ἰμβρασία* (также в отношении других богов).

Гетце, не вдаваясь в подробности идентификации, поясняя теофорную природу сохранившегося в таблетках из Алалаха лув. ЛИ *Immara-ziti* (Wiseman, 138), отождествлял лув. формы *im-ra-aš-ša* ^{DISKUR-un-ti}, *im-ma-ra-aš-ša-an* ^{DISKUR-ti}, кроме того, DINGIR. MES *im-ra-aš-ši-x* (по Laroche Dict., 51: dat. pl. (?), хетт. *im-ra-aš-ši-i[š]*) и в чисто теонимной функции ^D*Im-mar-ši-ja* — с кар. *Ἰμβρασις* и пр. при дальнейшей отсылке к цитированному месту из Kretschmer Einl., 358 сл. (Goetze, 1954, 75 сл., с прим. 37). Анатолийские факты более полно изложены Ларошем в его словаре под *immari-* „поле, равнина, сельская местность, степь“, gen. adj. *immarašši-*, dat. sing. *im(ma)rašša-* (Laroche Dict., 51), с которыми он связывает, помимо упомянутых эпитетов богов и теонима форму имени лувийского божества *Immarni-* „divinités de la campagne“, ср. хетт. ^D*Immarni*; там же топоним ^{URU}*Im-ra-al-la*: прил. *im(ma)ralli*, ср. к последнему позднеанатолийское словообразовательное соответствие указ. лик. *Ἰμβραλος*, кар. *Ἰμβαρηλδος* (об адекватности данных морфем см. Гиндин, 1967, 150); см. также Laroche, 1947, 82, где в KUB XXX, 57, 3, транскрибируется DINGIR. MES *Imrašši-*.

Таким образом с семантической и функциональной стороны нет препятствий к объединению фракийского патронимикона Ἰμβρασι-δης (лик. Imbrasi-das, деназализированный вариант *Ipresida*) и соответствующих имен собственных на Эгейских островах, некогда населенных фракийцами, с многочисленной греко-малоазийской ономастикой, содержащей основу Ἰμβρ(α)-, в частности ее дериват Ἰμβρ(α)(-) при последующем отождествлении с раннелувийским пластом ономастических (включая формы имени божества) и апеллативных единиц, возводимых к апеллативно-теонимической основе *im(ma)ra/i-* (о форме исхода см. Laroche Dict., 134) „равнина, поле, нива, степь“, resp. „божество поля, нивы, равнины, степи, resp. пастбищ, стад“. С этим туземным божеством *Immarsija*, *Immarni* одной из изначальных функций смыкался греч. Гермес в качестве бога, от которого зависел рост, в буквальном смысле размножение, стад коров, коз и овец (Hes. Theog. V, 444 сл.), а по гомеровским гимнам и некоторым иным источникам — многих других домашних животных, в том числе лошадей и мулов, данный архаический атрибут магической силы Гермеса нашел отражение в фаллическом культе классического периода в его честь, на что указывает воздвижение герм — столпов, символизирующих фаллос (Nilsson I, 505 сл.). Изофункциональность лувийского божества (бог степи, resp. стада и пр.) и греч. Гермеса подтверждается карийским названием последнего — Ἰμβρασος = Ἰμβρασιος, что в свою очередь служит критерием достоверности этимологической идентичности, рассматриваемой малоазийской, resp. фракийской, и раннелувийской лексики.

Формальный аспект идентификации также не вызывает каких-либо затруднений. Губной звук β греческих передач (= лик. туземн. *p*) возник, очевидно, в позднелувийских продолжениях сочетания носовой + плавный *-m(m)r-* в синкопированной форме типа *imrašši-*, *imra-* (Laroche Dict., 133, 51), аналогично греческому, развивавшему внутри такого консонантного следования переходный неэтимологический губной согласный β, например, ἄμβροτος „присущий бессмертным, божественный“ < *ἄμβροτος < и.-е. **m̥-mr̥tos*, ср. др.-инд. *am̐ta-* „жизнь; жизненная сила“ (Schwyzer I, 277, 237; Mayrhofer Wb. II, 674); типологически сходный процесс в латинском, где в группе носовой + плавный *-mr-* > *-br-*: *hibernus* „зимний“ < **gheibrinos* < **gheim-rinos*, ср. греч. *χειμερινός* (Тронский, 1960, 119; Walde, Hofmann I, 645 сл.). С другой стороны, позднегреческие передачи сочетания *-mr-* (см. ликийские туземные формы) имеют звонкий губной: Ἀνβλεῖτος = лат. *Ampliatius*, *Μάριος Σημβρόνις* = M. Sempronis (II в. до н. э.) и пр. — особенность, восходящая к древней тенденции озвончения глухого после носового в греческом (Schwyzer I, 210). В связи с предполагаемой трансформацией сочетания *-m(m)r-* в позднеанатолийский период, видимо, уместно напомнить о многократно наблюдаемом чередовании губного *w*: носового *m* в хеттской клинописи в самых различных условиях (Kronasser I, 81 сл. с литерат.).

Обращает на себя внимание полное формально-словообразовательное совпадение анатолийских теонимных лексем раннего периода с малоазийскими личными именами, разумеется с учетом фонетической специфики позднелувийских продолжений: *im(ma)raši/a* — кар. Ἰμβρασι(σ)ι-ς, лик. Ἰμβρασι-ος, *Imbrasi-das*, resp. фрак. Ἰμβρασι-δης, кар., фрак. теоним Ἰμβρασο-ς и т. д.; ^D*Immarsi-ja* ~ кар. Ἰμβρασι-ς; ^D*Immarni* ~ лик. Ἰμβραν-ος; *im(ma)ralli-*: ^{UKU}*Imralla* ~ кар. ЛИ Ἰμβραλος, Ἰμβραηλδος; это обстоятельство несомненно сви-

детельствует о теофорном происхождении данной группы позднелувийской антропонимики. Следует подчеркнуть именно ее лувийский характер, так как соответствующий лув. *im(ma)ra/i-*, хеттский апеллатив имел вид *kim(ma)ra-*, с гуттуральным в анлауте (Laroche Dict., 134; ср. Friedrich NW Erg. I, 38). Ликийские туземные формы ЛИ *Hñprāma-*, *Hēpruma*, видимо, имитация греческих передач кар. ЛИ типа *Εμβρομος*, *Ενβρομος* при их заимствовании из карийского (Houwink, 104; Шеворошкин, 254).

Лишь после всего изложенного мы вправе возвратиться к фрак. *Ἰμβρασί-δης*, чтобы сделать совершенно очевидный вывод о лувийском происхождении его основы; *-δης* — продуктивный патронимический чисто греческий суффикс, полученный в процессе адаптации туземной фракийской лексемы. Отсутствие и.-е. этимологии лув. *im(ma)ra-*: хетт. *kim(ma)-ra*¹ обуславливает, сверх того, предположение собственно анатолийского, т. е. сравнительно позднего, характера этого заимствования.

Таким образом, упомянутый в Илиаде *Πείροος* вариант *Πείροος*, был сыном фракийца или выходца из Малой Азии, носившего имя, аналогичное кар. *Ἰμβρασί-ς* ≈ лув. ^D*Immaršija* : *im(ma)rašši-*. Напомним в этой связи, что *Πείροος* предводительствовал фракийцами, обитавшими на территории непосредственно к северу от Геллеспонта (см. выше). Отец Пейроса мог быть и уроженцем о. *Ἰμβρασσός* = *Σάμος*, так как этникон от названия данного острова — *Ἰμβρασίος* (см. цитированное выше сообщение Стефана Византийского).

Позволительно прояснить также внутреннюю форму упомянутого топонима *Ἰμβρασσός*, resp. *Ἰμβρος*, и тождественного гидронима: первый в качестве „равнинный, степной остров, богатый возделанными полями и пастбищами“, второй — „равнинная, степная река“, ср. приведенное выше URU *Imralla*. Интересно в этой связи отметить, что представляя собой, подобно большинству островов Эгейды и всей Анатолии, высоко расположенные над уровнем моря нагорья, труднодоступные с моря, см. о том же Имбросе — *Ἰμβρος πικταλόεσσα*, видимо, „скалистый“ (II. VIII, 33, ср. *ἐξ ὄρεος κατεβήσατο πικταλόεντος* — II. XIII, 17, *Μίμος πικταλόεις* — h. H. I, 39), *Ἀήμινος ἀμυχθαλόεσσα*, видимо, здесь = *ἄμικτος* „негостеприимный, труднодоступный“ (II. XXIV, 753; h. H. I, 36; о значении данных эпитетов см. Liddell, Scott, s. v.), острова *Ἰμβρος*, *Σάμος* = *Ἰμβρασσός* отличаться, как известно, весьма благоприятными условиями обитания. Поэтому в перечне Эгейских островов, которые посетила Лето в гимне к Аполлону Делосскому, Имброс характеризуется эпитетом *εὐκτιμένη* „благоустроенный, плотно заселенный“, Самос = Имбрасос — *ὕδρηλή* „богатый водой“, см. еще *Χίος, ἢ νήσων λαπρωτάτη* „из островов тучнейший“ и пр., который в то же время, как и *Ρήνια*, назван *πετρήεσσα* „каменистый“ (см. соответственно h. H. I, 36, 41, 38, 44), а *Ἀήλος* вообще пространно описан как остров, плохо пригодный для проживания: *οὐδ' εὖβρον σε [Ἀήλος] ἔσσειται ὄϊομαι, οὐτ' εὐμῆλον, | οὐδὲ τρέφυη οἴσεις οὐτ' ἀρ φρυά μερία φρέεις* „я думаю [обращается Лето к Делосу], что ты не будешь богат ни быками, ни овцами, не принесешь урожай, не уродишь бесчисленных растений (h. H. I, 54—55), *ἐλεῖν κρηναίπεδός εἰμι* „поскольку [отвечает Делос] я почвокаменистый (h. H. I, 72).

Помимо всего прочего, приведенный материал содержит еще одну фрако-троянско-ликийскую изоглоссу, выразившуюся в адекватности основ

¹ Ср. V. Ivanov, 1965, 132: дериват с суффиксом *r* от того же и.-е. корня, что и **g'heim-*.

фрак. Ἰμβρασίδης — троянск. Ἰμβριος — лик. Ἰμβρας и пр. (лув. *im(ma)ra-*), *Imbrasidas*. Наряду с рассмотренными изоглоссами подобного типа см. фрак. ЛИ и МН Σαυληδών — лик.-троянск. ЛИ Σαυληδών; фрак. ТН и МН Πρία-πος и пр. — лик. *Prija-bu-*; троянск. *Πρία-μος* — лик. *Prija-ma*, а также трактуемыми ниже в гл. V; эти факты могут знаменовать какие-то особо тесные отношения между фракийцами (в частности в Троаде) и ликийцами (см. подробнее с. 167; о сепаратных связях ликийской ономастики с троянской см. Гиндин, 1967, 142; 1969а, 306).

15. *Πέργαμον* — согласно Ptol. III, 11, 7, город во владениях фракийского племени Ξάνθοι, Ξάνθοι (см. о нем ниже, с. 119 сл.), обитавшего вблизи Βιστονὸς λίμνη (Ptol. III, 11, 5); *Πέργαμος* — город в Пиерии, ср. Hdt. VII, 112... παραμείβετο τείχεα τὰ Πέργων, τῶν ἐν Φάργης ἐστὶ οἶνομα καὶ ἑτέρω Πέργαμος, области фракийского племени Πίερες, Pieres, к востоку от нижнего течения Стримона до горы Пангей (ср. Thuc. II, 99, 3 и др. авторы); позже Пиерия относилась к Македонии, ср. Strab. X, 3, 17: Πιερία γὰρ καὶ Ὀλυμπός καὶ Πίμλλα καὶ Λεῖβηθρον τὸ παλαιὸν ἦν Θράκη χωρία καὶ δεητῶν δὲ ἔχουσι Μακεδόνες, почему в большинстве античных памятников эта область упоминается как часть Македонии (D., 363, 396; Tomaschek II, 2, 17; P.-B. II, 1171, 1195).

Данные названия городов эгейской Фракии совпадают вплоть до полного тождества с рядом ономастико-апеллативных лексем, зафиксированных, начиная с Гомера, в других районах Эгеиды, причем за пределами континентальной Греции. Это в первую очередь — название цитадели в Трое ἢ Πέργαμος, τὸ Πέργαμον, τὰ Πέργαμα (Гомер, трагики и пр.); кроме того, *Πέργαμος* — город в Мизии, *Πέργαμον* — город на Крите, также в Мизии (= *Πέργαμος*); транскрипция критского топонима у Плиния (Plin. IV, 59) — *Pergamum*, у Плутарха (Plut. Lyc., 31) — *Περγαμία*, последняя форма у Пиндара (Pind. Isthm., 5 (6), 45) также цитадель в Трое; *Πέργαμα* (τά) — цитадель в Фивах (Aesch. Prom., 956, Soph. Phil., 347, 1334, Eur. Phoen., 1098, 1176 и схолии (P.-B. II, 1170—1171 s. v. v.). В послегомеровской литературе (трагедия, схолии, словари) иногда осмысливается и функционирует как апеллатив, ср. у Гесихия (*Πέργαμον*) ἢ ἀρόπολις τῆς Ἰλίου, но *πέργαμα* (Soph. Phil., 347); однако в отличие от P.-B. II, 1170 (s. v. *Πέργαμα*), где приведены *Πέργαμα Τροίας*, τὰπὶ Τροίᾳ *πέργαμα* (Soph. Phil., 353, 611; Eur. Andr. 293; Stesich., frg. 14 и пр.), словарь Лидделла — Скотта дает все употребления интересующего нас слова, в том числе приведенные сочетания только с прописной буквы, ссылаясь в первом случае на Стесихора (Stesich. frg. 32) и Филоктета Софокла (Soph. Phil., 353) (Liddell, Skott, II, 1365); ср. при этом цитирование Стесихора (frg. 28) в Fick, 1905, 16: *πέργαμα Τροίας*; то же самое Frisk II, 511, 630, у которого рассматривается только *Πέργαμος*, -ον, -α „die Burg, insbes. die von Troja“. Такое положение может быть объяснено единственно взаимодействием греками литературно-поэтических *Πέργαμος*, *Πέργαμα* (τά) в качестве имени собственного из языка населения Трои и его употреблением (крайне редким) на апеллативном уровне, где оно выступало синонимом *ἀρόπολις*, которое фиксировано, начиная с Одиссеи.

Однако столь простое решение вопроса не может быть распространено на реально засвидетельствованные объекты как фрак. *Πέργαμον*, *Πέργαμος* и крит. *Πέργαμον*, *Περγαμία*. К тому же, это не раскрывает кон-

кретных источников греко-тройяских названий. С другой стороны, если относительно критского топонима нет необходимости менять высказанную ранее гипотезу о его заимствовании из языка догреческо-анатолийского субстрата (Гиндин, 1967, 150 сл. с литерат.), то ввиду результатов, к которым мы пришли в V главе, анализируя специально фрако-тройяские (гомеровские) изоглоссы, приходится пересмотреть предположение о возможности непосредственного происхождения, по крайней мере, тройянского топонима, из анатолийских языков. В противном случае гом.-тройянк. *Πέργαμος, -ον, τὰ Πέργαμα* рискует оказаться чуть ли не единственным западно-малоазийским географическим названием периода Тройянской войны, проникшим непосредственно из хетто-лувийских языков анатолийской эпохи (см. с. 164 сл.). Культурно-этнографический контекст, вскрытый в упомянутой главе, свидетельствует о том, что здесь речь идет, по всей вероятности, о своего рода обратном заимствовании, так как подлежащее исследованию фрак. *Πέργαμον/-ος* (несомненно < и.-е. **bherg'h-* „высокий, возвышаться“; подробности ниже), послужившее вероятным источником для тройянского дублета, само должно было сохраниться под влиянием анатолийских имен собственных с тождественной формой основы, что не исключает возможности проникновения фракийской лексемы из хетто-лувийских языков доанатолийского периода.

В пользу данного предположения говорят следующие взаимосвязанные моменты.

1. Наличие в фракийской топонимии продолжений того же и.-е. **bherg'h-* с звонким губным в анлауте и обозначающих географические объекты, расположенные в сравнительном отдалении от побережья, некоторые же в глубине континента: *Βέργη* (Strab. VII, frg. 36; St. B., s. v.; Hierocl. 640, 6; надписи), *Βέργα* (Ptol. III, 12, 28) — селение на западном берегу *Πρασιὰς λίμνη*, в 200 стадиях от Амфиополя, в владениях племени *Βισάλλται*, обитавшего в верхней части нижнего течения Стримона (D., 51, сл.) с производными *Βεργαίος* (этнокон от *Βέργη*, см. St. B., s. v.) — бизантийский династ (400—350 до н. э.). ЛИ *Βεργίος, Βεργίς* (D., 52); *Βεργέπολις* — селение, согласно St. B. (s. v.), *Ἀβδηριτῶν τὸ ἐθνικὸν Βεργεπολίτης*; Георгиев (1962а, 26) помещает его в Юго-Западной Фракии в нижнем течении реки Неста; вопреки Дечеву (D., 52), считающего *Βεργέπολις* гибридным фрако-греческим названием, Георгиев (там же) без необходимости II часть *-πολις* выводит по диссимилиации *r-r > r-l* из фриг. *-πορι*, ср. фрак. **para* „речка, поток, река“; *Βέργισον* — кафель в верхнем течении реки Хэброс (Proc. ae. IV = H. 146, 17); *Βεργούλη* (Ptol. III, 11, 7), *Bergule* (ItA. 137, 6; 230, 5; 323, 2), *Virgolis* (ItH. 569, 6), этнокон *Vergule(n)sis* (CIL VI, 32, 570) — город, ныне Люле-Бургас в Турецкой Фракии, на реке Эргенс, древнее *Ἐργίνος*.

Сюда же два кафеля близ Бугарака (Бугарама), округ Софии, *Βεργε-δάβα* (Proc. ae. IV, 4 = H. 121, 33; D., 85), *Βόββεργα* (Proc. ae. IV, 4 = H. 121, 34; D., 75; ср. Krahe GN, 73: неправоммерно считается иллирийским) с несомненно ясным на почве фракийского метатезным слогом *qe*.¹ Метатеза

¹ Дечев (1952, 41) допускает метатезу *er > re, ar > ra*, но его примеры на *-re-* те же *Βεργε-δάβα* и Вор *-βοεργα* (< **bhe-reg'h-* с депалатализацией гуттурального), на *-ra* — *Τραλο=βιζύνη* при *Tarpo-dizos*, где метатеза, по нашему мнению, восходит к особым усло-

могла произойти либо в результате кельтского посредства, ср. многочисленную кельтскую топонимику, содержащую *Breg-*: *Brig-*, соотносимую с кельтской аппеллативной основой *brig-* (*breg-* < **brig*) „гора, холм, вершина“ и т. д., ср. др.-ирл. *bri*, gen. *breg*, первоначально **brix*, **brigos* (Holder I, 533), из и.-е. *bhr̥gʰ-* (Роконпу, 140, Льюис, Педерсен, 58), например, *Bregis*, *Brego-villicum* (Holder I, 516 сл.) и пр., *Brige*, *Brigetio*, ГН *Briga* (Holder I, 540, 542),¹ либо вследствие менее вероятного по экстралингвистическим соображениям славянского влияния со стороны географического термина в форме с метатезой, отраженной ст.-слав. *бръгъ*, н.-болг. *брегѣт* и т. д.; славяне начали массовое заселение, во всяком случае территории Болгарии, незадолго до времени деятельности Прокопия, т. е. на несколько веков позже появления кельтов в этих местах (см. выше с. 46).² Следует обратить внимание на типологический параллелизм *Βεργε-δάβα* (-*δαβα*, -*δαβα*, -*δεβα*, -*δαβα* и пр. в реконструкции дако-фракийский аппеллатив, обозначающий „город, селение“ — Tomaschek II, 1, 9; II, 2, 70; D., 121 сл.; Георгиев, 1958а, 90 сл.; 1958, 114 и др. работы) и приведенного выше *Βεργε-πολις*, что, во-первых, дает возможность предположить в последнем греческую полукальку, усиливая тем самым мнение Дечева (см. выше), во-вторых, косвенно подтверждает исконно фракийское, resp. дакийское, происхождение *Βεργε-δάβα*. И.-е. **bhergʰ-*: *bhr̥gʰ-* (с палатальным) постулируется для всех приведенных имен собственных в соответствии с гипотезой о включении фракийского языка по ряду изоглосс, в частности наличию кентумных рефлексов на фоне общей тенденции к сатемизации, в балкано-балтийскую древнеиндоевропейскую переходную зону, ср. праслав. **bergъ* (о чем см. гл. III).

2. Различие качества смычного начала продолжений и.-е. **bhergʰ-* не может найти единообразного объяснения в пределах фракийской фонетики; при этом глухой *p*, свойственный, строго говоря, единственной лексеме *Πέργαμον*, -*ος*, засвидетельствованной на территории древней Фракии противостоят достаточно мощному пласту ономастических форм с звонким коррелятом *b*. Поскольку в данном корне диссимилиция придыхательных имела диалектный характер и достоверно произошла из полно засвидетельствованных языков лишь в индо-иранских языках, в прочих — или осуществилось передвижение согласных (германский, армянский, по рефлексам которых и восстанавливается консонантный облик и.-е. корня), или придыхательные подверглись последовательной деаспирации (лексический материал по и.-е. диалектам см. Роконпу, 140), то для фракийской основы *Βεργ-* и пр. также допустимо реконструировать в качестве непосредственно предшествовавшей формы не диссимилированной и.-е. прототип **bhergʰ-*, претерпевший передвижение согласных, аналогичное германскому, приведшее к адекватным последствиям, ср. др.-в.-нем., англ.-сакс. *berg* „гора“ и пр. (относительно возможности „передвижения согласных“ в фракийском см. с. 31 сл.). В результате, фракийская топонимика,

влиям, возник^Ш им в результате заимствования этой ономастической основы из хетто-лувийских языков (см. выше, с. 94 сл.).

¹ Ср. Věševliev, 1966, 417 сл., где оба названия кастелей признаются чисто кельтскими; такое предположение не лишено, как явствует из изложенного, известных оснований; однако Томашек (II, 1, 17) считал их исконно фракийскими от и.-е. *bhr̥gʰ-*: *bhr̥gʰ-* „sich erheben, hoch sein“.

² Ср. неприемлемую мысль Георгиева о непосредственно славянском происхождении данных топонимов (Георгиев, 1958а, 78, 71 соответственно).

имеющая звонкий губной в начале, по своей форме сомкнулась с древней топонимикой Европы, включая Балканы и средиземноморские области европейской части, ср., например, возможно, макед. Βάργαλα (Hierocl. 641, 6; Const. Porph., them. II, 50, 2, оба указывают на ἐπιχώριον Μακεδονίας; ср. D., 42), иллир. *Bargulum* (Liv. XXIX, 12, 13), которое Краэ сближает с приведенным македонским топонимом, так как *Bargulum* упомянуто при заключении мира между Римом и Македонией (Krahe GN, 17; Mayer, 1957, 77), затем *Berginium* (Krahe GN, 17; Mayer, 1957, 84), кельт. МН: *Bergae* (галльск.) *Bergotum*, Βέρογαμον, *Bergusia* (Holder I, 403 сл., Pokorny, 140), другие кельтские топонимы помещены выше.

Иные причины, очевидно, вызвали происхождение глухого *p*- на месте и.-е. *bh-* в *Πέρογαμον*, -ος, засвидетельствованном на территории Эгейской Фракии: в любом случае объяснению простым чередованием $\beta:\pi$ в греческих передачах фракийских туземных имен собственных типа -αλα:-αβι или переходом $\beta > \pi$, подобно *Μηθύ-βεργα* : *Μηθύ-περγα* (см. подробнее с. 97 сл.), препятствует словообразовательный облик указанного *Πέρογαμον*, -ος, совершенно отличный от фракийской топонимики с основой *Βεργυ-*, среди которой нет ни одного деривата с суффиксом -(ι)ω- (и.-е. причастное *-то- — Brugmann. Grundriss II, 156 сл.). Условия возникновения данных лексем с глухим консонантным началом следует искать за пределами фракийского в языках, осуществивших диссимиляцию придыхательных (и.-е. **bherg'h-* > *berg'h-*) с последующим передвижением согласных (ср. Georgiev, 1937, 62, 68; Гиндин, 1967, 153 сл. с литерат.).

Полнолексемное и на уровне основ тождество фракийских топонимов *Πέρογαμον*, *Πέρογαμος* с многочисленными ономастическими единицами Малой Азии, восходящими к раннеанат. *parku-* „высокий“ и пр., вынуждает нас обратиться к хетто-лувийским языкам в качестве источника фракийских географических названий с глухим губным, в греч. передаче π-; см. выше о троянском дублете; ср. относительно аналогичного согласного балканских географических названий Kretschmer, 1934, 114. При этом, из 15 малоазийских ономастических рефлексов и.-е. **bherg'h-*: *bhg'h-* только 4 имеют В-, ср. МН: памф. *Περγη*, *Ποργη*, *Πορειας* < **Πορειας*; кар. *Παργαση*, *Βαργαση*, *Περγαση*, лид. *Προγασηα*, *Παργαλλα*, кар. *Βαργυλια*, исавр. *Πρακανα*; ЛИ: писид. *Περγη*, килик. *Βαργαμος*, килик.-исавр. *Περγαμη*, килик. *Βαργαδοης*, кар. *Παργιστας*. Фонетическая безупречность идентификации данного ономастического гнезда с хетт. *parku-* и пр. (греч. γ = неудвоенному хетт. k; о позднехеттском чередовании *e : a* из раннего *a* см. с. 33) вполне соответствует реальности семантической мотивировки: древние города и, естественно, акрополи строились на возвышенностях, ср. толкование *Πέρογαμον* у Свида (s. v.): *πέρογαμον τὴν πόλιν Ἰωνες λέγουσιν, οἱ δὲ πάντα τὰ ὑψηλά* и уже приводимое выражение: *τὰ πρὸς Τροίᾳ Πέρογαμι*, т. е. „*Πέρογαμι* (цитадель) над Троей“; относительно древнейшей части памфилийского города *Πέρογη* — его акрополя, построенного на высоком холме, см. Neumann, 1961, 43 с литерат. Подробности отнесения всего этого круга лексик к и.-е. **bherg'h(u)-*: *bherg'h* „высокий, возвышаться“ (Pokorny, 140) см. Гиндин, 1967, 153 сл., но с той существенной разницей, что здесь в связи с фракийскими формами мы настаиваем на палатальном в исходе, с условием поздней, диалектной вокализации γ в малоазийских вариантах.

Факт почти четырехкратного превышения частотности глухого начала по отношению к звонкому в греческих передачах позднеанатолийской

ономастики, соотносимой с хетт. *parku-* и пр., с большой долей вероятности свидетельствует о реально произносимом глухом в анлауте данной хеттской основы и ее производных на апеллативном уровне в раннехеттский период, из чего правомерно заключить о диссимилиации придыхательных в и.-е. прототипе и последующем передвижении, о чем уже говорилось в связи с типологически сходными обстоятельствами происхождения фрак. элемента *-po-* = греч.-м.-аз. (кар.?) *-po-*, лик. туземн. *-bu-* и пр. < и.-е. **bhu-* „расти, процветать“, „быть“ (см. с. 59 сл.).

Итак, рефлексы и.-е. **bherg'h-*, различающиеся в фракийской топонимии по звонкости: глухости начального согласного, а также словообразовательным типом и частотностью, достаточно строго разграничены географически: основа *Βεργυ-* и пр. имеет явно континентальную дистрибуцию и соответственно лексемные связи с топонимикой языков Европы. Здесь, видимо, уместно напомнить любопытное сообщение Страбона в 36 фрагменте VII главы, где он, указывая местоположение селения *Βεργη*, самого южного топонима, с звонким, начальным согласным, а именно в области бисальтов вверх по течению Стримона, в около 200 стадий от Амфиополя (*ἐν δὲ τοῖς Βισάλταις ἀνὰ ποταμὸν ἴστυ τὸν Στρυμόνα καὶ ἡ Βεργη ἴδρυται, κόμη ἀπέχουσι Ἀμφιπόλεως περὶ διακοσίους σταδίους*), предворяет это свидетельство весьма важным пояснением относительно происхождения населения прибрежного района и окрестностей богатейшего города *Δάτων* в долине Стримона: *ἔστι δ' ἡ χώρα ἢ πρὸς τὸ Στρυμόνος πέδον, ἢ μὲν ἐπὶ τῇ θαλάττῃ καὶ τοῖς περὶ Δάτων τόποις Ὀδόμεντες καὶ Ἦδωνοὶ καὶ Βισάλται, οἷτε αὐτόχθονες καὶ οἱ ἐκ Μακεδονίας διαβάντες, ἐν οἷς Ῥῆσος ἐβασίλευσεν*, т. е. часть этого населения, видимо, пришла из более континентальных областей, расположенных вверху долины Стримона (поздняя Македония), где правил Рес (о границах владений Реса см. с. 125). Не исключено, что наблюдаемое в данном случае расслоение фракийской топонимии, как и в некоторых других, связано с наличием двух племенных групп, упоминаемых в Илиаде (см. об этом с. 106, 125 сл.) и их пространственной и исторической дистрибуцией, могущей повлечь за собой и какие-то диалектные различия; об этом несколько подробнее см. ниже, с. 116.

В заключение, попутно отметим, что *Πύργος* „город, башня и пр.“ (< *brg'h-* < и.-е. **bherg'h-*), вошедшее в основное ядро греч. словаря, представляется значительно более древним заимствованием из догреческо-анатолийского слоя, нежели *Πέργαμον*, герср. *πέργαμον* (*τά πέργαμα*), „цитадель (главным образом в Трое)“, с которым греки, по всей вероятности, столкнулись впервые в Малой Азии во время Троянской войны (ср. иначе: Гиндин, 1967, 154).

16. *Ἰδη*, согласно Scyl. 67, город во фракийском Херсонесе, расположенный между городами *Καρδίи*, *Παιών*, *Ἀλωλεκόννησος*, *Ἰδακος* (Thuc. VIII, 104, 2) — место во фракийском Херсонесе на берегу Геллесπονта (D., 214).

Изоглосса топонима *Ἰδη*, ограниченная бассейном Эгейского моря, удивительным образом накладывается на рассмотренную выше изоглоссу *Πέργαμον*, -ος, объединяя, подобно последнему, Эгейскую Фракию, Трою, Мизию, Крит, см., кроме упомянутого фрак. города, *Ἰδη*, дор. *Ἰδα* — горная цепь на границе Мизии и Фригии, гора в Трое (Strab. X, 466: *ἐν... τοῖς περὶ τὴν Ἰδην τὴν Τρωικὴν τόποις*), горный массив в центре Крита.

В специальном этюде мы уже имели случай достаточно подробно обосновать этимологически догреческо-анатолийское происхождение апел-

латива ἰδη, дор. *ida* „лесистая гора (горный) лес, корабельный лес“ (и-е. **uidhu-a*; *i* греческой формы вторично), засвидетельствованного в указанных географических районах в качестве топонима (Гиндин, 1967, 132; см., кроме того, выше с. 94 сл.). Аналогично Πέγρασις, -ος, основа **Ida*- широко продуктивна в ономастическом пространстве Малой Азии, причем в подавляющем числе словоформ она функционирует как теофорная основа, указывая тем самым на первоначально религиозную сферу употребления данной апеллативно-ономастической основы, ср. греческую стереотипную синтагматическую модель: адъектив Ἰδαῖος, Ἰδαία + имя божества (например, Ζεὺς, вскормленный на одноименной крит. горе), т. е. „бог, обитающий на горе Ἰδα“ или просто „лесной бог“ или Ἰδαῖος + муж. ЛИ (например, Πάσις), т. е. „герой, причастный богам, обитающим на горе Ἰδα“ или „причастный к божеству по имени Ἰδα“. В отличие от собственно греческой традиции, где основа **Ida*- в составе сложных имен предположительно вскрывается только в топониме Ἰδομένη — две горные вершины в Акарнании, город в Македонии с вар. Ἰδομεναί, и ЛИ Ἰδομενεύς — царь на Крите, внук Миноса, чья мать звалась Ἰδα; сын Приама; ЛИ в Фокее, на Родосе, в Эфесе, Мизии (о в исходе основы, видимо, по аналогии с многочисленными греческими именами собственными на -ο-μένη и пр.), — малоазийская ономастика обладает широким набором антропонимических композит с **Ida*- (реже местных названий), хорошо толкуемых в пределах анатолийских языков в качестве теофорных образований, о чем специально в упомянутой работе автора с. 136 сл., в частности, топонимов Ἰδη, Ἰδακος, фиксированных также в Эгейской Фракии, как в случае с Πέγρασις, -ος, сохранение их туземного облика может объясняться близостью фрак. топонимов к ареалу данной м.-аз. основы. Относительно ортодоксальных фракийских форм, восходящих к и-е. основе **uidhu-a* см. ниже. Сюда же, возможно, фрак. МН *Idimum* (ItA 134, 2), *Idomum* (ItH. 565, 4) — станция вблизи житницы Марги (D., 214, с вероятным возведением к фрак. Ἰδη; Хольдер под вопросом включает в кельтские реликты — Holder II, 26), ср. еще либурн. МН Ἰδασσα (Scyl. 21; Krahe GN, 26).

Обращает на себя внимание то, что по сравнению с греческим, не имеющим, кроме стереотипных прилагательных, суффиксальных производных от основы **Ida*, в фракийском наличествуют таковые, причем все они имеют цельнолексемные совпадения в Западной Малой Азии, ср. к фрак. *Idimum* — кар. МН *Idvmos*, к фрак. Ἰδακος — кар. ЛИ *Idakos* и пр. (о чередовании *v:i* (лат. *i*) в греко-римских передачах см. с. 76).

Однако не этот, с самого начала почти очевидный, факт этимологической связи данных фракийских топонимов с анатолийским ономастическим массивом вынудил вновь вернуться к догреч.-анат. основе **Ida*-. Сплошное обследование фракийских языковых реликтов открывает другой важнейший момент, связанный с лингво-географическим разграничением эгейских и более северных племенных групп фракийцев (приблизительно границы совр. Болгарии), специально привлекающий наш интерес в двух предыдущих этюдах. Выше, с. 93 сл., в связи с этимологическим истолкованием II компонента МН *Трапо-βιζήη* и т. д., который наряду с Ἰδη, Ἰδακος из указанного и-е. **uidhu-a*, были рассмотрены варианты много-

численных греко-римских передач названия главного города фракийского племени Астов, обитавшего в районе горного массива Странджа в предгорьях Хэмуса, со стороны Черноморского побережья (см. о локализации этого племени Strab. VII, 6, 1; все прочие указания на источники в D., 32), а именно: *Βιζύη* (начиная с Страбона вплоть до Стефана Византийского и позже, т. е. с конца I в. до н. э. по VI в. н. э.), *Bizye* (Plin. IV, 47; I в. н. э.); затем *Βύζη*, *Bizzis*, *Bize*, визант. *Βιζόη* (все фиксации сравнительно поздние). Там же (с. 94) см. о родственных топонимах с тождественной основой *Βιζώνη* и *Βιδζώ*, расположенных еще севернее.

Различие в греческих передачах рефлексов одной и той же и.-е. праформы связано не с хронологическим промежутком, по крайней мере в 3 века, отделяющим фиксации фракийских топонимов в Эгеиды от первого засвидетельствования *Βιζύη* Страбоном, как мы склонны были считать ранее, хотя это и может оказаться небезразличным для формы греческих передач, а с диалектными различиями эгейских фракийцев и фракийцев, живущих в более северных областях континентальной части Балканского полуострова. Надо полагать, что в языке первых, аналогично греческому, билабиальный *υ* (греч. *F*) в абсолютном начале слова артикулировался слабо и поэтому не фиксировался греческими передачами (см. с. 31 сл.), в диалектах же вторых произносился напряженнее, подобно языкам, примыкавшим к лингвистическому пространству Балкан с севера, в данном случае германских: англ.-сакс. *widu* „лес, дрова, дерево“ и т. д., ср. балт. (лит.) *vidùs* „середина“ и пр. (Роконю, 1177) и с северо-востока, ср. греч. передачи скифских имен собственных. Уже само географическое положение эгейских фракийцев обуславливает неизбежность ареальных воздействий на их диалекты со стороны столь авторитетного языка, каким был греческий в Восточном Средиземноморье, особенно в европейской части Эгеиды (Херсонес и т. п.), и со стороны культурных центров Западной Малой Азии.

Что же касается троянских тождественных форм (название главного горного массива гомеровской Трои — *Ίδη* и пр.), то они, как *Πέριαιμον/-ος* и многие другие, рассмотрению которых посвящена вся V глава, были принесены в Западную Малую Азию фракийскими переселенцами.

фрако-малоазийские изоглоссы

*Πολλὰ δ' ὁμοθυμία
Θραξὶ καὶ Τροαίῳ*

(Strab. XIII, 1, 21)

Из многочисленного набора соответствий, с давних времен наблюдаемых между ономастикой древней Фракии и Малой Азии, дошедшей в греко-римских передачах (их небольшую часть см. выше, с. 23), в этом разделе специально рассматриваются только тождественные фрако-троянские названия, главным образом географические. Совокупность подлежащих анализу лексико-ономастических тождеств составляет четкую изоглоссу, объединяющую фракийское языковое, герм. диалектное, пространство с территорией гомеровской Трояды. Причем указанное единство было настолько велико, что в отдельных моментах касалось микропонимии самого города Трои. В ряде случаев к фрако-троянским ономастическим общностям подключаются ликийские цельнолексемные соответствия. В целом связь всех трех языковых компонентов представляет собой факт, несомненно детерминированный особой этнолингвистической ситуацией, характерной для этого района Эгеиды во второй половине II тыс., включаемой в общую картину массовых племенных передвижений с Балканского полуострова в Малую Азию. Ниже, в заключительной главе, будет особо заострено внимание на этнолингвистической стратификации изоглоссного материала, рассматриваемого в основных частях монографии. Тем не менее анализ конкретных фактов целесообразно предварить двумя замечаниями.

1. В отличие от этюдов предыдущей главы, где исследуются фрако-хетто-лувийские изоглоссы, прослеживаемые вплоть до раннеанатолийского апеллативного уровня (главная методологическая предпосылка), возникновение которых обусловлено либо ареальной близостью данных языковых массивов в различные хронологические периоды и в рамках существенно меняющихся адстратно-суперстратных пространственных этнолингвистических конфигураций (см. с. 29), либо прямым проникновением хетто-лувийской ономастической и постулируемой соответственно апеллативной лексики в лингвистическое пространство древней Фракии, фрако-троянские лексико-ономастические тождества предполагают с большой долей вероятности обратное направление лексической траектории идентифицируемых ономастических фактов, что вполне укладывается в культурно-этнографический контекст, вскрываемый исторически и археологически для дан-

ного географического района на протяжении всех негреческих слоев Гиссарлыка, начиная с Трои I и кончая Троей VII b 2, т. е. с 3000 по 1100 год, согласно Blegen, 1963, 174.

2. Нам представляется крайне важным и знаменательным, что Страбон, в описании Трояды (кн. XIII) и сопредельных областей Эгеиды исходивший из текста гомеровских поэм и считавший их автора, как и его предшественники — греческие ученые, основоположником географии (*καὶ πρῶτον ὅτι δοθῶς ὑπειλῆφμεν καὶ ἡμεῖς καὶ οἱ πρὸ ἡμῶν, ὃν ἔστι καὶ Ἰπλαρχος, ἀρχηγέτην εἶνα: τῆς γεωγραφικῆς ἐμπειρίας Ὀμηρον* — Strab. I, 1, 2), в связи с стихами Илиады (II, 835 сл.), где упомянута διὰ Ἀγίσβα в качестве резиденции Ἴσσιος Ὑρακίδης — союзника троянцев, специально констатировал с присущей ему ученой сухостью: *ἦν δὲ καὶ ἐν Λέσβῳ πόλις Ἀγίσβα, ἧς τὴν χώραν ἔχουσι Μηθυμναῖοι ἔστι δὲ καὶ ποταμὸς Ἀγίσβος ἐν Θράκῃ, ὡσπερ εἴρηται, καὶ τοῦτον πλησίον οἱ Κερρήνιοι Θραῖκες. Πολλὰ δ' ἑμιονεῖται Θραῖξι καὶ Τρωαῖσι, οἷον Σκαῖοι Θραῖκες τινες καὶ Σκαῖος ποταμὸς καὶ Σκαῖὸν τεῖχος καὶ ἐν Τροίᾳ Σκαῖαί πύλαι· Ξάνθιοι Θραῖκες, Ξάνθος ποταμὸς ἐν Τροίᾳ Ἀγίσβος δ' ἐμβάλλον εἰς τὸν Ἐβρον, Ἀγίσβη ἐν Τροίᾳ, Ῥῆσος ποταμὸς ἐν Τροίᾳ, Ῥῆσος δὲ καὶ ὁ βασιλεὺς τῶν Θρακῶν* (Strab. XIII, 1, 21). Этот вывод самого крупного из дошедших географических трудов древности заслуживает пристального внимания, так как Страбон в частях своей книги, относящихся к Эгеиде, по сути являющихся развернутым и скрупулезным комментарием к Гомеру, опирался на многовековую традицию в толковании гомеровской географии, в частности на Деметрия Скепсийского, Гегесианакса (Трояда и Золида), а также на Аполлодора и Артемидора. В дополнение к этому он склонен предпочесть Гомера, Гесиода и трагиков Геродоту, Ктесию, Гелланику и другим подобным писателям (Strab. I, 2, 35; ср. XI, 6, 3, где прямо говорится: *ῥᾶον δ' ἂν τις Πισόδαρον καὶ Ὀμήρον πιστεύσειεν ἠρωολογοῦσι καὶ τοῖς τραγικοῖς ποιηταῖς ἢ Κτησίᾳ τε καὶ Προδότῳ καὶ Ἑλληνικῶν καὶ ἄλλοις τοιοῖτοισι*), поскольку они сознательно, по его мнению, смешивают миф и историю, „заботясь лишь о том, чтобы читателю доставить удовольствие и удивление“ (*σοφοῦντες δὲ ἀπὸ μόνον τοῦτο ὃ τι ἀκρόασιν ἠδεῖαν ἔχει καὶ θαυμαστήν*).

Разумеется, список соответствий Страбона в настоящее время может быть значительно расширен. Однако начать его интерпретацию целесообразно именно с отмеченных Страбоном омофонических фрако-троянских имен собственных с той лишь разницей, что фрак. ΓΗ Ἀγίσβος и пр. будет рассмотрен в конце главы, так как в зависимости от результатов группового анализа совокупности фрако-троянских тождеств мы намерены пересмотреть некоторые лингво-географические детали происхождения данного географического названия и форм, созвучных ему в пределах Эгеиды. Естественно, предполагаемое направление миграции подлежащих исследованию в настоящей главе ономастических форм с исходным пунктом в фракийском ареале оставляет нас по необходимости, за редким исключением, в рамках чисто ономастических изысканий уже по той простой причине, что фракийская апеллативная лексика практически не сохранилась. В то же самое время отсутствие соотносимых хетто-лувийских апеллативов почти во всех случаях, когда фрако-троянские изоглоссы не подкреплены ликийскими или какими-либо другими позднехетто-лувийскими ономастическими фактами, могущими возникнуть в силу все той же ареальной фрако- (и шире балкано-) хетто-

лувийской ареальной близости, служит существенным критерием достоверности предлагаемой здесь гипотезы.

17. *Σκαίοι* — фракийское племя, местоположение которого в общих чертах с ссылкой на Гекатея определено Стефаном Византийским (s. v.): *ἔθνος μεταξὺ τῆς Τροάδος καὶ τῆς Θράκης ὡς Ἐκαταῖος ἐν Εὐρώπῃ (Υ Σκαί)*. В цитированном выше месте Страбон (XIII, 1, 21) совершенно определенно высказывается о фракийской принадлежности данного племени и приводит связанное с этим этнонимом название реки и города, окруженного укрепленной стеной: *Σκαίοι Θραῖκές τινες καὶ Σκαίος ποταμὸς καὶ Σκαίων τεῖχος* „какие-то фракийские скаи, река Скайос и Скайская стена (город, крепость — Л. Г.)“, добавив, *καὶ ἐν Τροίᾳ Σκαίαι πύλαι* „и в Трое Скайские ворота“¹, у Полиэна засвидетельствована синонимичная греческая передача, отражающая исконное интервокальное *ϰ* (греч. *F*) — *Σκαιβόαι* (Poliaen MV VII, 22, с характерным для греческого переписчика различием *Σ[ϰ]καιβόαι* ≈ *Σκαίαι πύλαι* (II, III, 145; VI, 307; IX, 354; Strab. XIII, 1, 21; XXII, 360 и др.) — главные ворота Трои; см. еще Etym. M., s. v. *Σκαίαι πύλαι*, дающую в одной из двух версий обычное народно-этимологическое объяснение на почве греческого языка (*Σκαίαι πύλαι αἱ τῆς Ἰλίου... ἢ ὅτι ἐν τοῖς σκαίοις μέρεσι τῆς πόλεως κείνται, ἤρουν ἐν τοῖς ἀριστεροῖς*); Scaeas portas (Verg. Aen. II, 612) (D., 453 сл.; там же ортодоксально корневая этимология фракийского этнонима: к и.-е. **(s)kai-* „hell, leuchtend“, ср. Pokorny, 916 сл., кроме возможной семантической мотивации, никакими другими аргументами не подтвержденная). Более примечательно морфемное строение фракийского этнонима — образование с этнико-притяжательным суффиксом *-ιου-* (греч. передача *-βο-*), явствующим из фиксации Полиэна *Σκαιβόαι* (туземное **Skaiuo-*) и объединяющим его с рассмотренным выше названием племени *Κοστοβόαι* с вариантом *Κόστοβοι* и пр. (с. 98 сл.; о суффиксе с. 102), обитавшим на самой северной периферии фракодакийского ареала, в то время как *Σκαίοι* занимали территорию на его южной оконечности, в непосредственной близости к Троаде, ср. цитированное сообщение Стефана Византийского. Такая строго окраинно латеральная географическая дистрибуция данных этнонимических образований с суффиксом **-ιου-*, содержащимся к тому же только в этих двух фрак. этнонимах, в статусе архаизма может оказаться вероятным свидетельством былых фрако-хетто-лувийских ареальных отношений в пределах Балкан и сопредельных областей к северо-востоку.

С другой стороны, наличие этнонима *Σκαίοι*, *Σκαιβόαι* и родственных ему географических названий на территории Фракии — речь несомненно идет о ее эгейской части — при единичности троянского тождественного коррелята *Σκαίαι πύλαι*, как и в ряде других случаев (о них см. ниже), полностью исключает мысль о туземно-малоазийском происхождении последнего, подтверждая гипотезу о фракийском генезисе этнического компонента в составе населения гомеровской Трои.

18. *Ξάνθοι* (Strab. XIII, 1, 21), *Ξάνθον* (St. B., s. v.), как и в случае с *Σκαίοι*, оба автора прямо указывают на фракийскую принадлежность племени:

¹ Вероятно, сюда же МН *Scaï-dava*, *Σκαδεβά* — поселок между Йатрус и Тримамниум, совр. Абланово (D., 453), согласно Tomaschek, II, 2, 82, „поселение скайев“.

первый называет его *Θοῦνης*, второй — *ἔθνος Θοῦνιον* с пометой *Ἐπιταῖος Ἐθρώπη* (ср. выше Стефан Византийский о *Σκαίῳ*); его местоположение предполагается вблизи *Βιστονίς λίμνη* (D., 333), т. е. в Эгейской Фракии. Эта вполне приемлемая конъектура, видимо опирается на название города *Ξάνθεια*, по своему морфемному облику явно производного от этнонима *Ξάνθιοι* и упомянутого единожды Страбоном при перечислении городов киконов, лежащих за Бистонским озером (см. Strab. VII, frg. 44: *μετὰ δὲ τῆρ ἀνὰ μέσον λίμνην [Βιστονίδα — Л.Г.] Ξάνθεια, Μαρόνεια καὶ Ἴσμαρος, αἱ τῶν Κικόνων πόλεις*). Справедливости ради необходимо отметить, что у Страбона имеется еще одно племя, носящее имя *Ξάνθιοι*, отмеченное им в качестве одного из основных этнических компонентов, наряду с *Ἀπαργοῖ* и *Πίσσουργοῖ*, скифского народа *Δῖαι*; так называлось, согласно Страбону, большинство скифов, начиная от Каспийского моря (к востоку — Л.Г.): *οἱ μὲν δὴ πλείους τῶν Σκυθῶν ἀπὸ τῆς Κασπίας θαλάττης ἀρξάμενοι* (Strab. XI, 8, 1). Надо полагать, эта омонимия возникла в результате нередко встречающегося у древних авторов выравнивания при транскрипционной адаптации туземных названий. Тем более, что скифское *Ξάνθιοι* отмечено, кажется, только Страбоном. ≈ *Ξάνθος* — другое синонимическое название реки *Σκάμανδρος* в Трое; под своим вторым названием, как и Скамандр, река Ксанф выступает в Илиаде персонафицировано, участвуя на стороне троянцев в битве богов в связи с кульминационными эпизодами подвигов Ахилла; как речной бог *Ξάνθος* встречается в надписях, а также в качестве эпитета Аполлона — в литературных памятниках (Р.-В. II, 1025). Для обоснования предлагаемой здесь гипотезы о причинах особой близости ряда фракийских и троянских ономастических единиц существенно важными представляются два наблюдения, вытекающие непосредственно из текста Илиады. Во-первых, Гомер специально отметил двойное название у главной реки Троицы, пояснив *Ἄντι δ' ἄρ' Ἐφραίστοιο μέγας ποταμὸς βαθυδίνης, ὅν Ξάνθιον καλέουσι θεοὶ δὲ Σκάμανδρος* (II. XX, 73—74); во-вторых, надо полагать, не случайно в том единственном отрывке, где речной поток-бог вселяет мужество в конкретное лицо — Астеропея, для единоборства с Ахиллом, он назван именно *Ξάνθος* (*μένος δὲ οἱ ἐν φρεσὶ θῆκε Ἐξάνθος* — II. XXI, 146), хотя на протяжении всего данного эпизода битвы богов (II. XXI, 124—384) оба гидронима, наряду с *Ποταμὸς*, чередуются без какой-либо функционально-семантической закономерности с избирательностью, обусловленной стилистико-метрическим требованием. Дело в том, что *Ἀστεροπαῖος*, сын Пелегона, внук *Ἀξιός ἐθροπέεθρος* (II. XXI, 141), большого речного потока на Балканах, впадающего в Эгейское море, сам прибыл с Балкан в Илион всего за 12 дней до поединка в качестве предводителя пеонов, что явствует из его ответа Ахиллу: *Εἴμ' ἐκ Παιονίης ἐριβόλον, τηλόθ' εἰούσης; Παιόνας ἄνδρας ἄγων δολιχεγχεάς· ἦδε δέ μοι νῦν ἠὲ ἕως ἵλιον εἰλήλουθα* (II. XXI, 154—155); собственно Ахилл сражается в этом отрывке с представителями балканского племени *Παίονες*,¹ которые бросились от него в бегство по берегу реки (*Ἄνταρ δ' βῆ ῥ' ἵεσθαι μετὰ Παίονις ἱπποκορυστάς, ὃς ῥ' ἔτι πῶρ ποταμὸν περφοβήατο δινήεντα* — XXI, 205—206); телами многих из них Ахилл заполнил Скамандр (II. XXI, 218), из-за

¹ Относительно узко этнической принадлежности пеонов нет единого мнения. Большинство считает их иллирийцами, см. Kretschmer Einl., 245 сл.; Tomachek I, 13; Jokl RV I, 88; Krahe PN, 84, 143; 1955, 73; из последней литературы см. Duridanov, 1970; Дечев с некоторыми основаниями склонен считать пеонов иллиризированными фракийцами (D., 353).

чего разгорелись дальнейшие события распри богов, столь живо, с известной долей юмора, рассказываемые в последующих стихах XXI песни.

В связи с изложенным представляется, что совпадение вплоть до тождества фракийского этнонима *Ἐάνθ(ι)οι* с троянским гидронимом *Ἐάνθος* закономерно и что оба указанных факта являются обычной гомеровской мифолого-поэтической реминисценцией на реальные героические события — в данном случае приход части населения Трои с Балканского полуострова.

Как и ряд других фракийско-троянских цельнолексемных соответствий, данная изоглосса имеет продолжение в ликийской ономастике, где *Ἐάνθος* в соответствии с нашим предположением о неисконности этой основы на территории Малой Азии является одним из двух, причем, согласно Страбону, более поздним названием самой большой реки Ликии, носящей в древности имя *Σίβρις*, ср. Strab. XIV, 3, 6: *Εἶθ' ὁ Ἐάνθος ποταμός, ὃν Σίβριν ἐκάλουν τὸ πρότερον* либо *Σίβριος* — форма, сообщаемая Стефаном Византийским со ссылкой на Панюасиса из Самоса или Галикарнаса, жившего в V в. до н. э. (см. St. B., s. v. *Τρεμίλη*). Опираясь на эпитет ликийской реки *ἀργύρεος* „серебристый“, употребленный Панюасисом в стихотворном отрывке, цитированном в упомянутом месте Стефаном Византийским (*Σίβριον ἐπ' ἀργυρέω ποταμῷ*), Кречмер, вслед за Бугге, справедливо сопоставляет гидроним *Σίβριος* с др.-инд. *śubhra-* „блестящий“, арм. *surb* „чистый, светлый“, фриг. *-σουβρα* в *Παγρυ-σουβρα* (Kretschmer, 1939, 257 сл.). Там же приводятся многочисленные гидронимы и топонимы, родственные *Σίβριος*, засвидетельствованные в бассейне Средиземного моря от Апеннинского полуострова до Крита, включая Илирикум и Грецию, что скорее говорит в пользу большой древности именно *Σίβριος* в качестве „эгейского“ географического названия. Впрочем для нас важен сам фактмены гидронимов *Σίβριος: Ἐάνθος*. В соответствии с этими данными античных географов дублетный гидроним *Σίβριος*, по всей вероятности, был исконным туземным названием (см. Georgiev, 1957, 160).¹ Однако Кречмер, на наш взгляд, с меньшей убедительностью толкует цитату из Панюасиса противоположным образом, считая, напротив, *Ἐάνθος* древнейшим чисто греческим географическим названием, в период после дорийского и „эгейского“ переселения замененным ономастическим фрако-фриго-армянским эквивалентом-переводом *Sibros = Sibris*, проникшим в ликийский из фригийского. Для обоснования своей гипотезы он привлекает, с одной стороны, два известных комментария к стиху II. XII, 313: (Scholia Townleyana) *ὁ δὲ Ἐάνθος Σίβρις νῦν καλεῖται* и (Eustathios 907, 30) [*Λύκιος Ἐάνθος*] *ὃς λέγεται μὲν ὑστερον Σίβρις κληθῆναι*, хотя обе схолии могли отражать лишь факт большей живучести туземной формы; с другой стороны, то что на реке *Ἐάνθος* был расположен одноименный город — самый большой в Ликии (Strab. XIV, 3, 6), о жителях которого Геродот свидетельствует явно неслучайную в аспекте сказанного подробность: *τῶν δὲ νῦν Λυκίων φαιμένων Ἐανθίων εἶναι οἱ πολλοὶ πλὴν θυρώματα ἰστίων εἰσὶ ἐπιήλυδες*, т. е. „ведь теперь из ксанфиев, которые считают себя ликийцами, большинство, кроме 80 семей, суть пришельцы (Hdt. I, 176).

¹ Не исключено, что лик. (?) *Σίβριος* (<**Surb-*, ср. приведенное выше фриг.-м.-аз. *-σουβρα*) имеет собственно анатолийское происхождение, так как в индоевропейских именно анатолийские языки трансформируют и.-е. **k'* в *ś* перед *i* (о возможности привлечения хетт. *šupri* „sauber, rituell rein, heilig“ см. Mayrhofer Wb., Lief. 22, 358 с литерат.).

Остается отметить последний момент, имеющий важное значение в системе наших доказательств о фракийском происхождении этнико-ономастической основы, содержащейся в рассмотренных именах собственных: фрак. *Ξάνθ(ι)οι* — троянск., лик. *Ξάνθος*, а именно то, что соотносимый с ней до полного совпадения греческий апеллатив *ξανθός* „золотисто-желтый; светловолосый, белокурый, рыжеватый и пр.“ не имеет этимологии (см. Schwyzer I, 329; Hofmann Wb., 221; Frisk II, 333; ср. Pokorny, 533). Это позволяет нам с некоторой долей вероятности предположить его догреческое происхождение; памятуя же о выдвинутой в свое время мысли относительно фракийской принадлежности „пеласгского“ догреческого слоя (Гиндин, 1972; см. также главу I, с. 15), мы возьмем на себя смелость в свете изложенных фактов возвести данную лексему к догреческо-фракийскому апеллативному слою, реконструируя идентичный, за исключением ударения, апеллатив в близком значении для собственно фракийского,¹ вопреки Дечеву, считающему появление начального *-ks-* в фрак. *Ξάνθ(ι)οι* следствием уподобления греч. *ξανθός* (D., 533 сл.), и Георгиеву, рассматривающему м.-аз. ГН *Ξάνθος* как чисто греческий, в противоположность действительно туземному *Σίβρος*, ввиду указанного греческого имени нарицательного (Georgiev, 1957, 160).

19. *Κεβρήνιοι*, по свидетельству Страбона, фракийское племя, обитающее вблизи реки *Ῥαίσιβος*; Полиэн упоминает их вместе с *Σκαίβροι*, синонимическим вариантом фрак. племенного названия *Σκαίοί* (Страбон, Гекатей у Стефана Византийского); соответствующие контексты и географическую локализацию обоих племен в Эгейской Фракии, в непосредственной близости к Троаде, см. с. 118, 133 сл.

Фракийскому этнониму, герр. племенному образованию, вскользь отмеченному Страбоном и случайно Полиэном, на Малоазийском полуострове, почти в центральной части Троады имеются 3 тождественных по основе топонима: *Κεβρηρία* — относительно обширная область, по большей части равнина, простирающаяся почти параллельно Дарданий к югу; ее отделяют от Илиона владения неандриев, которые, согласно Страбону, находились всего в 130 стадиях (около 24 км) от Илиона; главный город Кебрении был *Κεβρήν*, с вариантом *Κεβρήνη* (Strab. XIII, 1, 33; 51; 52; ср. Xen. Hell. III, 1, 17: *ἐν Κεβρήνι, μάλα ἰσχυρῶ χωρίῳ*; St. B., s. v. *Κεβρηρία*); расположен был этот город, видимо, на реке *Κεβρήν* (ср. St. B. в указ. месте), персонифицированной в греческой мифологии (Ard. III, 12, 5, 6; Parth. paragr. amat. IV, 1 и др. авторы). Жители этой значительной, упоминающейся наряду с Дарданией области, назывались *Κεβρηνοί* (Strab. XIII, 1, 33) или *Κεβρήνιοι* (Strab. XIII, 1, 51; Xen. Hell. III, 1, 18; Schol. Ptol. V, 2, 4; St. B. под *Κεβρηρία* дает обе формы в единственном числе: *ὁ οἰκίτωρ Κεβρηνός καὶ Κεβρενεὺς καὶ Κεβρήνιος*), ср. *Κεβρήνιοι ἄνδρες* (Hom. ep. 10); возница Гектора, побочный сын Приама, из-за трупа которого разгорелось целое сражение между ахейцами, возглавляемыми Патроком, и троянцами, предводительствуемыми Гектором, носил характерное имя *Κεβριδῆς* (Il. XVI, 727—782), по происхождению несомненный этникон в греческой

¹ См. также эпитеты троянского *Ξάνθος* = *Σκάμαχος*, в Илиаде: *ποταμὸς ἀργυροδίνης* (XXI, 130), *ποταμὸς βαθύροος ἀργυροδίνης* (XXI, 8), см. еще II, 877, V, 479, по отношению к лик. Ксанфу. Приведенные примеры подтверждают, кроме того, мысль о полной семантической эквивалентности *Ξάνθος* — *Σίβρος*.

адаптации (ср. Strab. XIII, 1, 33, где цитируется соответствующее место Илиады и говорится: *ὄν [Κεβρώνην] εἰκόσ εἶναι ἐπώνυμιον τῆς χώρας ἢ καὶ πόλεως, ὃ περ πιθανώτερον*). Опираясь на Ксенофонта (см. выше) и Плиния (Plin. V, 124), можно утверждать, что Кебрения, resp. г. Кебрэн, сохранили относительную самостоятельность вплоть до эллинистического периода; в трибунных листах имеется этникон *Κεβρώηιοι* 450—446 г. до н. э. — Meritt, Athen. trib. I, 304, 5—8. Таким образом, во времена Страбона воспоминания о *Κεβρενοί, Κεβρώηιοι* (Strab. XIII, 1, 33; 51 соотв.) как этноса в составе населения Трояды были еще живы, хотя о городе Кебрэн он пишет: *ἦν δὲ καὶ πόλις ποτὲ Κεβρώηη*. Надо полагать, поэтому, упоминая о балканском племени с омонимичным названием, Страбон специально это оговаривает, употребляя этноэпитет „фракийские“: *Κεβρώηιοι Θραῖκες* (Strab. XIII, 1, 21).¹ Поскольку существовал этникон *Ξάνθιος* (St. B., s. v. *Ξάνθος*), resp. *Ξάνθιοι* (P.-B. II, 1026), определено теми же причинами обусловлено только что упомянутое сочетание *Ξάνθιοι Θραῖκες* (Strab., там же).

Отсутствие каких-либо следов данной ономастической основы в туземной анатолийской лексике обоих периодов открывает в рамках культурно-исторического контекста, вскрываемого предшествующим лингво-филологическим анализом некоторых троянских имен собственных, определенные возможности для предположения о том, что рассмотренные выше географические названия Трояды обязаны своим возникновением появлению на этой территории фракийского племени *Κεβρώηιοι*, захваченному подобно *Σκαοί, Ξάνθιοι* и т. д. одной из первых переселенческих волн с Балкан в Малую Азию в эпоху, предшествующую Троянской войне, т. е. до т. наз. „великого переселения народов“ (XII в. до н. э.), хотя в Илиаде из разветвленной малоазийской ономастической лексики, родственной этнонимической основе **Kebrēn-*, представлено лишь имя побочного сына Приама.

Впрочем, в Илиаде собственно троянцы (туземное население Трояды) во массе их многочисленных союзников этнически не расчленены, если не считать, что иногда поэт выделяет среди местных защитников Трои *Δάρδαοι*, населявших самую обширную область Трояды, ср. поэтическую формулу II, III, 456, VII, 368: *Κέκλυτέ μεν, Τρῶες καὶ Δάρδαοι ἦδ' ἐλίκοιοι*; также XV, 425: *Τρῶες καὶ Λύκιοι καὶ Δάρδαοι ἀρχιμαχηταί*; *Δάρδαοι* выступают во II главе Илиады в перечне ратей, защищавших Илион, сразу же после троянцев, предводительствуемых Гектором: *Δαρδανίων σὲτ' ἦρχεν, εἰς πάς Ἀρχίσαιο, Αἰνεΐας* „затем дарданийцами предводительствовал доблестный сын Анхиса Эней“ (стх. 819 сл.).

Здесь не рассматривается специально м.-аз. ЭН *Δάρδαοι*: *Δαρδάνιοι*, топоним *Δαρδανία* — название области в Трояде по St. B. (s. v. *Τρωιάς*), наряду с *Τενκρίς* и *Ξάνθη*, равное *Τρωιάς, ἡ χώρα τοῦ Ἰλίου*, простиравшейся от Зелейи до Скеписиса, у Гомера подвластной Энею, поскольку тождественный по названию этнос на Балканах, населявший территорию в Верхней Мёзии, по верхнему течению Аксия, т. е. с античных времен причисляется к племенам иллирийской этнической принадлежности или выделяется внутри последних (см., например, Strab. VII, 5, 6; 7; 12: VII, fr. 4; App. Illug. II, 5 и т. д.); Кречмер описывает балканских дарданцев вместе с пеонцами

¹ Стратановский переводит неверно — „кебрэнские фракийцы“, однако несколькими строками ниже аналогичное сочетание *Ξάνθιοι Θραῖκες* случайно переведено правильно — „фракийские ксанфии“ (Страбон. География в 17 книгах. Перев. Г. А. Стратановского. М., 1964, с. 553).

как иллирийское племя, граничащее с фракийцами (Kretschmer Einl., 245 сл.). Еще раньше Томашек признал их иллирийским племенем с некоторой примесью фракийского элемента в пограничном районе ввиду явно фракийской основы *-παρα*, наличествующей в зафиксированном Прокопием Кесарийским названии кастеля в Дардании (*ἐπὶ Δαρδανίας*) — *Δαρδά-παρα* (Proc. ae. IV, 4 = Н. 120, 27, ср. Н. 123, 39); ономастическую основу *Darda-*, от которой образовались данные имена собственные, он сопоставил с алб. *dardhë* „грушевое дерево“ (Tomaschek I, 23 сл.; см. также Mayer I, 107 сл.; II, 33; ср. макед. ЛИ *Δέρδας*: *Δάρδας* (Hoffmann, 157 сл.; Krache PN, 41 сл., 34). Реально-историческая связь м.-аз. (троянск.) дарданцев и соответствующего ономастического слоя в Троаде с балканскими (иллирийскими) дарданцами несомненна. Между прочим в метрополии ко времени Страбона дарданцы вместе с двумя другими иллирийскими племенами „совершенно ослабели и прекратили существование“: *οἱ γὰρ πλείστον δυνάμενοι πρότερον τελῶς ἐταπεινώθησαν καὶ ἐξέλιπον... Ἰλλυρῶν δὲ Ἀντιῶται καὶ Ἀρδιαῖοι καὶ Δαρδάνιοι* (Strab. VI, 5, 6); аорист от *ἐκλείπω* допускает буквальный перевод „оставили (страну), ушли“. Пришедшие с Балкан дарданцы, напротив, в жизни гомеровской Трои действительно занимали значительное место, что отразилось в микропонимии Илиона, одни из ворот которого назывались *Δαρδάναι πύλαι*, ср. *Οὐδέποτε Τρῶες πρὸ πυλῶν Δαρδονιάων || Οἴχρυσον* „Никогда троянцы не делали вылазок за Дарданийские ворота“ (Il. V, 789 — 790; *οἴχρυσον* imperfectum iterativi к *οἴχρῳ*); ср. приведенное выше *ἐν Τροίᾳ Σκαίαι πύλαι*.

Очень сложная гипотеза Дечева о фракийской принадлежности дарданцев, балканских и, соответственно, троянских, основанная на указ. МН *Δαρδάπαρα* и позднем ЛИ в надписи на территории Фракии — *Dardisa*, не имеет под собой почвы и идет в разрез с свидетельствами древних авторов. По его мнению, дарданцы — фракийское племя с господствующей иллирийской прослойкой (ср. имена царей Longarus, Μονυπίος и т. д.) было инвазией иллирийцев вытеснено частично в Трою, частично на юг Италии (D., 118).

Факт якобы этнической и „политической“ однородности гомеровских троянцев отмечен Страбоном, который, специально комментируя это обстоятельство в начале книги XIII, на основании отдельных высказываний поэта „реконструирует“ 9 владений, бывших во время Троянской (Илионской) войны под властью Приама и называвшихся Троей, говоря *διηρημένην μὲν εἰς δυναστείας ἑννέα, ἐπὶ δὲ τῷ Πριάμῳ τεταγμένην κατὰ τὸν Ἰλιάδων πόλεμον καὶ λεγομένην Τροίαν* (Strab. XIII, 1, 7); кстати, Дардания вполне обоснованно не включена Страбоном во владения Приама (ср. выше упоминание дарданцев в перечне союзников троянцев в II песне Илиады и пр.).

Мысль о неавтохтонности в пределах территории Троады и фракийской принадлежности народностей *Κεβρηνοί* = *Κεβρήριοι* и, соответственно, троянской ономастики с родственной основой находит прямое подтверждение в топонимии древней Фракии, где в бассейне Дуная имеется гидроним с одноименным кастелем (*δρυῶμα*) *Κέβρος* (Dio II, 24, 1;¹ Proc. ae. IV, 6, 28 = Н. 129, 28), *Cebro* (castellum — ND or. 42, 5; ItA. 220, 1); *Κίαβρος* (*ποταμός* — Ptol. III, 9, 1; 10, 1), представляющий собой по форме производную основу (апеллатив на ономастическом уровне?), от которой

¹ В тексте описки: *πρὸς τῷ Κέδρω ποταμῷ*.

в качестве этника мог образоваться этноним *Κεβρηνοί*; относительно этникон-суффикса *-ην-* см. выше, с. 34.

20. *Ῥῆσος* — фракийский царь, одно из центральных действующих лиц X песни Илиады, предводитель второй группы фракийцев, которые прибыли под стены Илиона позже фракийцев Пейроса и Акаманта, упомянутых в Каталоге кораблей (II, II, 844—845).

Долон, отвечая Одиссею, следующим образом характеризует последних: *Θοῤῥῖκες οἳ δ' ἀπάνευθε νεήλυδες, ἔσχατοι ἄλλων* // *ἐν δέ σφιν Ῥῆσος βασιλεὺς, πάϊς Ἠϊωνῆος* (II, X, 434—435), т. е. называет их „вновь пришедшими (по очень удачному выражению Гнедича „новопришлые“), расположеннымися на ночлег в стороне, с краю от других“. Согласно наиболее распространенной мифологической традиции, Рес был сыном речного потока Стримона (Р.-В. II, 1307; D., 395 сл.); в трагедии Еврипида „Рес“ он появляется как приемный сын стримонской нимфы. После своей смерти Рес продолжал существование в качестве духа-прорицателя в дионисийской пещере на горе Пангей; стримонские битинцы чтили его как своего племенного героя; в мифе о городе *Ῥολυθός* (Халкидика) упоминаются три брата: *Βράγγας*, *Ῥῆσος* и *Ῥολυθός* (Сапоп. пагг. 4); эти данные позволили Томашеку считать Реса царем стримонских фракийцев, обожествленного после гибели под Троей (Томашчек II, 1, 53). Вместе с сообщением Гомера о нем как о сыне Эйонея — *πάϊς Ἠϊωνῆος* (II, X, 435), ср. *Ἠϊών* — город в устье Стримона в окрестностях Амфиополя (Р.-В. I, 454), эти историко-мифологические свидетельства отражают несомненно реальные обстоятельства того, что область обитания данной этнической фракийской группировки находилась в долине Стримона, см. свидетельство Полиэна: *Ῥῆσος ἐς Τροίαν ἔλεμψεν ἄνδρας, οἳ τὸ Ῥῆσος σῆμα νύκτωρ ἀνούζαντες ἀνείλοντο τὰ ὄσῃα καὶ καταθέντες τὰ ὄσῃα ἐς χλαμύδα πορφυρῶν κομίζουσι ἐπὶ τὸν Στρυμόνα* „... и положив кости (Реса) в порфирный плащ, увезли на берега Стримона“ (Ροῖυαεν, 6, 53); более того, область владений Реса, видимо, простиралась до Родоп или даже включала их западную часть, о чем можно судить по сообщению Филострата: *Ῥῆσος γάρ, ὃν ἐν Τροίᾳ Διομήδης ἀπέκτεινε, λέγεται οἰκεῖν τὴν Ῥοδόπην. . . λέγεται δ' ὁ ἦρως οὗτος καὶ λοιμοῦ ἐρύκειν τοῦ ὄρους, πολυανθρώποτάτη δ' ἡ Ῥοδόπη καὶ πολλὰ περὶ τὸ ἱερὸν αἱ κῶμαι* „Ведь Рес, которого в Трое убил Диомед, говорят (т. е. согласно легенде — Л. Г.) имел резиденцию (букв. жил в Родопах) . . . говорят этот герой и моровую язву (эпидемию) остановил в тех местах. Родопы же очень населены и множество деревень вокруг святилища.“ (Philostr. Her., 680). Употребление генитива *λοιμοῦ* при *ἐρύκειν* и аккумулятива *τοῦς ὄρους* не соответствует литературным требованиям и обусловлено вульгартой; по поводу этого схолиаст замечает: *ὀφθαίειν εἰπεῖν ἐρύκειν τὸν λοιμὸν τῶν ὄρων*. Подробную интерпретацию сообщений Филострата Лемносского о Ресе, наряду с малоазийской (битинской) версией Партения о любви Реса и Аргатоны, с дальнейшими весьма убедительными предположениями о Ресе как о Хэросе-Охотнике (*Héros Chasseur*), см. Seure. Кацаров с ссылками на Пердризе (*Cultes du Pangée*, 20) и Кассона склонен поддержать мысль о подобии Реса и Хэроса (Kazarow, 1938, 11). Со своей стороны мы можем добавить еще одно наблюдение: согласно карте, прилагаемой ко II тому указ. соч. Кацарова, область Родоп с прилегающими территориями к востоку является районом наибольшей плотности находок памятников с изображением Хэроса — фракийского конного бога, о котором специально см. выше, с. 81 сл. В этой связи напрашивается вывод, при условии прав-

доподобия, сформулированного (с. 82) предположения об идентичности культа (?) и названия Хэроса с хетт.-лув. богом *Perwa*, что *Ῥῆσος* и его культ исконно фракийское явление (об этимологии *Ῥῆσος* = лат. *rex* см. ниже). Позднейшее совмещение туземного и заимствованного культов придает вероятие остроумной гипотезе Сёра о том, что наиболее часто встречаемый эпитет Хэроса *κύριος* — греч. перевод фрак. туземн. **ῥῆσος* *Ἡρώς* (Seu-ге, 124 сл.). См. еще Strab. VII, frg. 37: *Ἵτι ὁ Στρυμόν ποταμὸς ἄρχεται ἐκ τῶν περὶ τὴν Ῥοδόπην Ἀγριάνων* (Erit.) „поскольку река Стримон начинается в области агрианов, живущих вокруг Родоп“ (о локализации владений Реса в нижнем течении Стримона в районе г. Эйон см.: Willamowitz-Moellendorff, 1884, 27, 413; 1920, 64; Migeaux, 1949, 310; Златковская, 1971, 202; ср. Димитров, 1931, 13). В богатейшей литературе по гомеровскому вопросу давно отмечен изолированный характер X песни внутри Илиады и по языку, и с точки зрения композиции (см. Mazon, 112, 182; Migeau, 1949, 307 сл.), особенно самого эпизода с Ресом, где описание его замечательных коней, колесницы, доспехов и прочего вооружения (X, 436 сл.) продиктовано скорее стилистико-поэтическими соображениями и противоречит, как и большая часть сведений гомеровских поэм подобного свойства о фракийцах, археологическим данным относительно уровня их материальной культуры в последней четверти II тыс. (ср. Wiesner, 33 сл., 54 сл.) и более соответствует уровню развития эгейских фракийцев в VII—VI вв. до н.э. (Velkov, 280, 282; Златковская, 1971, 199 — оба с ссылками на работы болгарского археолога Д. П. Димитрова), которые экономически и социально опередили жителей континентальной Фракии, обитавших на территории совр. Болгарии (Данов, 181 сл.).

Мало того, с античных времен X песнь („Долония“) квалифицирована как позднейшая интерполяция, произведенная в процессе кодификации при Писистрате и, возможно, по его настоянию, проявлявшем особый интерес к Эгейской Фракии с ее богатейшими рудниками драгоценных металлов (Пангей, Скаптесиле, Датос). В одной схолии к „Долонии“ (кодекс Townleyanus) прямо написано: *Φασὶ τὴν ξαφροδίαν ὑφ' Ὀμήρου ἰδίᾳ τετάχθαι καὶ μὴ εἶναι μέρος τῆς Ἰλιάδος, ἐπὶ δὲ Πεισιστράτου τετάχθαι εἰς τὴν ποιήσιν* „Говорят, что [эта] песнь была составлена Гомером особо и не была частью Илиады, а включена Писистратом в поэму“; в близких выражениях о том же свидетельствует Евстафий (Eust. 697, 41; цитируется по Mazon, 278, прим. 1). Многие ученые нового времени сходятся на том, что X песнь была сочинена чуть ли не в VI в. до н.э. и отражает в эпизоде с Ресом борьбу греков с фракийцами за города Абдери и Маронею, а также обстоятельства колонизации о. Фасос (Bethe, 64; Willamowitz-Moellendorff, 1920, 62 сл.). Об изолированном характере „Долонии“ и ее позднем включении в Илиаду см. еще Лосев, 54; Mazon, 182 сл., 277 сл.; Migeaux, 1949, 310 сл., где специально говорится об отмеченной выше исторической подоплеке данной интерпретации во время тирании Писистрата; J. A. Davidson в кн. Wace, 241; Златковская, 1971, 198 сл. с весьма интересными выводами о существовании царской власти у фракийцев в период составления „Долонии“ (VII—VI вв. до н.э.), в которой *Ῥῆσος* в отличие от других фракийских предводителей имеет эпитет *βασιλεύς* (II. X, 435). Что касается построений Златковской, то, по крайней мере, в одном существенном моменте нет возможности согласиться с ее выводами. Речь идет о стремлении представить гомеровского Реса реальной исторической личностью не эпохи Тро-

янской войны, а предводителем „юго-западного союза фракийских племен“ типа эдонского царя Геты (Златковская, 1971, 202; ср. одну из легенд на трех бесспорных монетах V в. до н. э.: *Γετα βασιλέως Ηδωναν* — D., 105; там же две другие легенды). Разумеется, эпитет *βασιλεύς* мог быть употреблен по отношению к Ресу под влиянием конкретных социальных условий Юго-Западной Эгейской Фракии в период составления, точнее сказать оформления „Долонии“ в качестве отдельной песни Илиады, ср. у Гиппонакса (frg. 41): *Ῥῆσος Αἰνίων πάλλυος*, т. е. „владыка, повелитель“. Но вряд ли правомерно утверждать, что в основе X песни вообще не могут лежать реальные события Троянской войны, трансформированные и модернизированные во время ее окончательной литературной обработки. В поэтической ткани песни достаточно реалий наряду с эолийско-ионическими чертами гомеровского диалекта, например, вооружение Диомеда и Одиссея, в частности, типичные для микенской эпохи шлемы — кожаный без *φάλος* и *λόφος* (*καταῖτις* — X, 258, см. Bechtel, 1914, 187 сл.; Frisk I, 800) у первого и с клыками кабана у другого (*κυνέη*) *ἔκτοσθε δὲ λευκοὶ ὀδόντες* // *ἀργύδοτος ὄδς θαμίεες ἔχον ἔνθα καὶ ἔνθα* — II. X, 263, см. Mazon, 183; J.A. Davidson в кн. Wace, 257, 253) и многое другое, чтобы не сомневаться в реальной подоплеке эпизода с Ресом, соотносимой с периодом Троянской войны; именно поэтому, надо полагать, с драматической смертью, погребением и происхождением Реса связано столько исторических и мифологических версий (см. выдержки из многочисленных источников в D., 395—397). Кстати, единственное в своем роде знаменитое свидетельство об этническом составе союзников троянцев содержится как раз в X песне Илиады (стх. 428—431), причем из 9 народностей по крайней мере 5: пеоны, кауконы, мизийцы, фригийцы и пеласги — происходят с Балканского полуострова.

Необходимо в этой связи указать на одно общее положение. С прогрессом науки — имеются в виду дешифровка крито-микенских памятников, новейшие исследования по древнейшей истории, географии и мифологии — все очевиднее становится достоверность большинства историко-культурных и этнических фактов, составляющих фактическую основу поэтического текста гомеровских поэм. Естественно, этот текст хронологически разнопланов, в отдельных частях несет печать модернизации и поэтому нуждается в стратиграфическом комментарии, но это в любом случае не дает права разделять все содержание отдельных песен и эпоху исторических событий, отраженных в Илиаде, по крайней мере промежуток в 5 веков и лишать их тем самым конкретно-исторического содержания, относящегося к периоду Троянской войны. По нашему глубокому убеждению, гомеровские поэмы, будучи в полном значении слова „литературной“ поэтической обработкой народного устного эпоса, в конечном счете являются отражением действительного хода событий и исторических условий (см. географию Трои).¹ Модернизация, наряду с сохранением некоторых очень архаических черт, например, похороны Патрокла, коснулась только отдельных деталей повествования; к их числу очевидно принадлежит и описание коней и вооружения Реса (см. выше), а также, возможно, термин *βασιλεύς*, употребленный по отношению к нему, если это не поэтическая

¹ Специально о соотношении мифологического, эпического и актуального (современно-поэту) уровней у Гомера см.: Л. А. Гинд и н. Ритуально-мифологический смысл десятой песни „Одиссеи“. — В: *Balkanica. Лингвистические исследования*. М., 1979, с. 190 сл.

фигура вообще, что требует специальной проверки эпитетов властителей на протяжении обеих поэм (см. также ниже об этимологической прозрачности имени *Ῥῆσος*). Но реальность соотнесения предводителя одной из этнических группировок фракийцев, носящего имя *Ῥῆσος*, с эпохой и событиями Троянской войны у нас сомнения не вызывает. Кроме соображений общего порядка, изложенных выше, в последнем убеждает и этимологический анализ данного личного историко-мифологического имени.

Существуют две этимологии имени фракийского властителя *Ῥῆσος*, *Ῥῆσος*, лат. перед. *Rhesus*; обе они восходят к Томашеку; в настоящее время общепринято истолкование *Ῥῆσος* в качестве сатемного рефлекса и. -е. **regʷ-* в лат. *rex* „царь“ = др.-инд. *raj-* (*rajan-*), др.-ирл. *ri*, род. п. *rig*, ср. галльское *Catu-rix*, *Dumno-rix* и т. д. (Tomasek II, 1, 53, ср. Boisacq, 1926: из **rego-s* в качестве сатемного рефлекса; вслед за ним Seuge, 106 сл. с прочей литературой, 110; D., 393). Таким образом, здесь чистый апеллатив в функции имени собственного, что само по себе свидетельствует о чрезвычайной древности этого ономастического образования. Следует, однако, учесть одну важную подробность, говорящую в свою очередь против выкладок Т. Д. Златковской (см. выше). Исследования природы царской власти в разных архаических традициях, в том числе индоевропейских, с полной очевидностью установили скорее жреческие, нежели административно-политические функции царя (Benveniste, 1969 (II), 9; с дополнительными аргументами на латинском и славянском материале см. Топоров, 1972а). Кстати, у Гесихия есть прямое указание на жреческие функции лица, обозначаемого термином *βασιλεύς*, ср. его глоссу (s. v.); *ἄρχων τις Ἀθήνησιν, μυστηρίων προνοῶν* „архонт в Афинах, заботящийся о мистериях“, ср. Benveniste, 1969 (II), 23 сл., где указанная глосса не использована. В указанной статье В. Н. Топоров достаточно убедительно показывает связь субстантивного **regʷ-* с глагольным корнем **regʷ-*, обозначающим действие, приводившее „к сакрализации данного пространства или временного отрезка независимо от того, прилагалось ли это действие к движению в горизонтальной плоскости или по вертикали“, ср. лат. *regere fines*—архаическая формула, обозначающая ритуальное действие проведения прямой линией границы определенного пространства (участка), *erigere aram* „воздвигать алтарь“ и пр., греч. *δρέγγυμι* „простирать“, собств. „вытягивать в прямую линию“ и т. д. (вслед за Benveniste, 1969 (II), 14; общие в неспецифическом смысле взаимоотношения данных субстантивного и глагольного корней отмечены давно — см. Рокорну, 854 сл.). В связи с этимологией фрак. *Ῥῆσος* < и. -е. **regʷ-* „царь — жрец“ весьма своеобразно подтверждается мысль о том, что древнее слово, обозначающее царя, сохранилось лишь на западной и восточной периферии индоевропейского лингвистического пространства. Засвидетельствованное Илиадой, прототекст которой восходит к эпохе Троянской войны (конец XIII в. до н. э.), а отдельные куски отражают еще более раннюю традицию, фрак. *Ῥῆσος* (туземная апеллативная основа может быть реконструирована в виде **res-*) указывает на возможность сохранения центрально-индоевропейскими диалектами в данный период рефлексов субстантивного **regʷ-*, утерянных ко времени их письменной фиксации, спустя несколько веков.¹ Фракийский, между тем, сохранил

¹ Более подробно см. тезисы нашего доклада „Данные фракийского языка и и. -е. архаическая лингвистика“. — В: Конференция „Ностратические языки и ностратическое языкознание. Тезисы докладов“. М., 1977, с. 13 сл.

личное имя *Ῥῆσος, Rhesus* и родственные ему образования (см. ниже) вплоть до Римской империи (см. соответствующие надписи в D., 397). Между прочим, Бенвенист (Benveniste, 1969 [II], 10) относит консерватизм лагинских, кельтских и др.-индийских языковых традиций за счет существования в итало-кельтских и индо-иранских социальных организациях мощных коллегий жрецов, ср. арвальские братья у римлян, друиды у кельтов, брахманы у индусов и пр. Соответственно из многочисленных источников известно, что на о. Самофракия огромную роль в общественной жизни играл слой жрецов *Sai, antistes penatium*, которые по традиции занесли в Италию саллические игры (подробно см. Hemborg, 118 сл.; см. также выше, с. 105). Именно наличию у фракийцев подобной жреческой прослойки и вообще интенсивной религиозной жизни, о которой косвенно может свидетельствовать заимствование греками многих религиозных культов и имен богов от фракийцев, по всей вероятности, обязана своим сохранением лексема *Ῥῆσος*. гесп. апеллатив **res-*, формально-семантически адекватная др.-инд. *rāj-*.

Второе этимологическое объяснение принадлежит Кречмеру и возникло из стремления в едином семантико-морфологическом аспекте интерпретировать фрак. гом. *Ῥῆσος*, тождественный ему гидроним в Трое, засвидетельствованный тоже начиная с Гомера, а также фрак. ЛИ *Ῥησκόβ-πορις* с его многочисленными вариантами греко-римских передач, ЛИ *Rescu-turme* (подробнее ниже), фрак. названием горы **Ῥησ-κν-νθ-ος*, рассматриваемые в качестве дериватов с суффиксом *-k-*. Эти *k-*образования Кречмер вслед за Томашеком объединяет с и.-е. основой, представленной в др.-в.-нем. *rasc*, ср.-в.-нем. *rasch* „lebhaft, reißend schnelltüchtig“ (Kretschmer, 1925 а, 103; ср. Tomaschek II, 2, 27 сл.), заметив, что подобное толкование хорошо подходит как к имени фракийского героя, знаменитого своими конями, так и к реке, вскрывая первоначальное значение „*gasch, reißend schnell*“.

Нам представляется значительно более правдоподобной и обоснованной функционально-семантически и морфологически¹ первая этимология, хотя в данном случае это не имеет принципиального значения, поскольку для нас здесь важен сам факт идентичности фрак. *Ῥῆσος* с троянск. ГН *Ῥῆσος*, признаваемый Кречмером; впрочем, ниже мы постараемся усилить наблюдениями типологического свойства аргументы в пользу этимологической интерпретации имени предводителя фракийцев из и.-е. **rēg-* „царь“.

Обратимся теперь к более детальному истолкованию малоазийской тождественной лексемы.

Ῥῆσος, Rhesus река в Трое; в Илиаде этот гидроним упомянут в XII песне, т. е. в середине повествования, в том замечательном по своей художественной силе месте, когда поэт после описания стены, воздвигнутой греками на суше для защиты своих кораблей (стх. 3—6), сообщает о чреватых трагическими последствиями обстоятельствах, сопутствующих ее

¹ Др.-в.-нем *rasc* и пр. происходит, согласно Томашеку (II, 2. 28), из **ra(ḥ)-sko-* от и.-е. **rē-* „abschätzen“, что предполагает необходимость переразложения с последующим опрошением основы при образовании фрак. *Ῥῆσος*; видимо, учитывая эти трудности, Томашек этимологически отделил *Ῥῆσος* от *Ῥησκόβπορις* и пр. К тому же современная этимологическая мысль возводит др.-в.-нем. *rasc* и пр. наряду с гот. **rafs* „leicht“ к и.-е. **ratskwo-* (Feist³, 394); от и.-е. *ret(h)-* (Pokorny, 866).

постройке (*οὐδὲ θεοῖσι δόσαν κλειτὰς ἑκατόμβας* — стх. 6) Забегая по меньшей мере на 10 лет вперед, Гомер повествует о разрушении этой стены, задуманном и осуществленном Посейдоном и Аполлоном, „приведшими в действие мощь рек“ (букв. „введшими“: *ποταμῶν μένος εἰσαγαγόντες* — стх. 18), „всех, которые изливаются с Иды, стремясь в море“ (*Ἄοσοι ἀπ' Ἰδαίου ὄρεων ἀλαθε προρέουσι* — стх. 19); „Феб Аполлон устья всех [рек] направил в одно место“ (*τῶν πάντων ὄμβσε στόματ' ἔτραψε Φοῖβος Ἀπόλλων* — стх. 24). Между этими двумя замечательно энергичными стихами Гомер перечисляет названия троянских рек, берущих начало на Иде: *Ῥῆσός θ' Ἐλλάτορος τε Κάρησός τε Ῥοδίου τε | Γρήνικός τε καὶ Αἰσηπὸς διὸς τε Σκάμανδρος καὶ Σιμόεις* (стх. 20—22). Для обоснования выдвинутой выше гипотезы данный перечень знаменателен тем, что кроме *Ῥῆσος*, из 8 гидронимов еще 5 имеют соответствия в ономастиконе древней Фракии, одно же из разряда последних (*Ἐλλάτορος*) выказывает полный типологический параллелизм с *Ῥῆσος* в соотношении личного имени, гесп. теонима и гидронима, и все это при отсутствии каких-либо сходных образований в ономастической и апеллативной лексике Анатолии.

Необходимо отметить, что формально-семантическая эквивалентность имени фракийского царя, гесп. теонима *Ῥῆσος*, и равнозвучающего троянского гидронима без особых натяжек укладывается в этимологическую взаимосвязь субстантивного **reg'*- и глагольного **reg-* с семантикой, характеризованной выше. При этом возникновение гидронима возможно на базе именно глагольной основы в значении „проводить линию, отграничивать, резать и пр.“, ср. лат. *regio flumini* „течение (букв. линия) реки“, англ.-сакс. *racu* „русло реки, течение“, особенно см. семантически параллельный гидроним, встречающийся во многих европейских языках, в том числе название большой реки на Балканах (притока Дуная): *Μάργος*, совр. болг., серб. *Μοραва* (**morgo*), ср. галльск. **Morga* (франц. *Morge*), нем. *Burg*, польск. *Mroga*, при лат. *margo, -inis* „край, граница“ (< **m,rg'-on* — Pokorny, 738); согласно О. Н. Трубачеву, вост.-слав. название реки в бассейне Тетерева — *Мурава* (Georgiev, 1969, 161; Трубачев, 1968, 51; Гиндин, 1973, 76; ср. Мауер, 1959, 74 сл.).

Следует указать на правомерность иного, возможно более экономного объяснения связи между ЛИ и ГН *Ῥῆσος*. В фракийском, как и в греческом, имеется большое число личных имен по природе своей, вероятно, теофорных, т. е. образованных от названий рек, одухотворившихся в древних религиозных традициях, см. приведенный ниже список рек—богов из Теогонии Гесиода, так ГН *Στρυμόν* соответствует ЛИ *Στρυμῶν* (2 случая), *Στρυμόνιος* (4 случая), *Στρυμόδορος*, *Στρυμογένης* (5 случаев); ГН *Μέστος* — ЛИ *Μεστός* (5 раз), *Μεστοῆς* и пр. (5 раз); *Μεστωμενθός* и пр. (8 раз); ГН *Ἐβρος* — ЛИ *Εβρός* (3 раза), *Εβροζελμς*, *Εβροζεμς* (4 раза) и многие другие (специально об этом с большей полнотой см. Vlahov, 1964; 1969 а, 196). Здесь уместно напомнить о происхождении царя Реса и мифологического героя от потока Стримон и указать на четкие тождества из разряда антропонимов еще к двум речным названиям из списка Гомера: *Ἐλλάτορος* — фрак. ЛИ *Ελλάτορις*, лат. *Heptaporis*, о чем уже писалось выше, и *Αἰσηπός* — троянск.-гом. ЛИ *Αισήπος*. Следовательно, на Балканах, подобно множеству гидронимов, с течением времени ГН *Ῥῆσος* мог быть попросту утерян.

Веским аргументом в пользу фракийского происхождения троян. ГН *Ῥῆσος* является полная его изолированность на территории Малой Азии

в противоположность распространенности ономастических дериватов основы имени *Ῥῆσος*, лат. перед. *R(h)es-us*, в фракийских языковых реликтах. Так, во множестве источников засвидетельствовано одно из самых излюбленных фрак. ЛИ *Ῥῆσκου-πολις* с вариантами *Ῥασκίπολις*, *Ῥεσκούπολις*, *Ῥασκουπολις*, *Ῥεσκουπολις*, *Ῥεσκηπολις*, *Ῥεσκουπολις*, *Rascupolis*, *Rhascupolis*, *R(h)escuporis* (D., 393 сл.), образованное с помощью продуктивного этникон-форманта *-κο-*, о котором выше писалось, с. 101 сл., ср. D., 393, что позволяет интерпретировать весь композит „сын Реса, *resp.* рожденный Ресом, и т. д.“; относительно *-πολις* см. с. 63; переход *r > l* вызван диссимиляцией с *r* в предшествующем компоненте, ср. *Κετρίπολις* и пр. (Kretschmer Einl., 184 сл.).

Та же основа с другим формативом в названии местности около Константинополя *Ῥήσιον*,¹ *Ῥήσιος τόπος* (Tomaschek II, 1, 53; D., 393).

Следующий в гомеровском „списке“ ГН *Ἐπτάπορος* абсолютно совпадает с фрак. ЛИ *Ἐπταπορις*, *Heptaporis* и пр. специально рассмотренным выше, с. 76 сл., 79, выказывая притом две общие черты с нашим *Ῥῆσος*: во-первых, здесь наблюдается то же соотношение между ЛИ и ГН, во-вторых, — общий компонент с производным ЛИ от *Ῥῆσος* в фракийском (*Ῥῆσκου-πολις* и пр.).

Ῥοδῖος, река, впадающая в море, по Strab. XIII, 1, 28, между мысом *Δαρδανίς* и городом *Δάρδανος*, в 70 стадиях от Абидоса (о балканском происхождении двух последних топонимов см. выше, с. 123, в связи с балкано-гроянским тождественным МН *Δαρδανία* и пр.). Данному гидрониму в пределах Фракии может соответствовать с некоторой долей вероятия первая основа названия реки, видимо, левого притока Неста, *Ῥοδῶπη* < фрак. туземн. **Rud-uphē* < и.-е. **rudh-upā* или *-upē* = лит. *Rudupė* „рудая, с красноватыми водами, река“, ср. слав. (русск.) ГН *Рудая*, *Руденка* и пр. (Топоров, Трубачев, 1962, 220), по которой назван краж в западной Фракии, ср. ион. город *Ῥοδόπη* — St. B., s. v. (подробно Georgiev, 1966, 83 сл.; более полно балтийские гидронимические соответствия: Duridanov, 1969, 59; ср. D., 399).

Γρήνικος, во многих литературных памятниках *Γράνικος* (см. Р.-В. I, 259 сл.), о его фракийском происхождении в качестве производного от фрак. **γρᾶν(ι)* или **γρην(ι)* = греч. *γρήνη*, дор. *γρᾶνα* „источник“ см. остроумные соображения Георгиева (Georgiev, 1957, 154 сл.).

Αἶσος — первой части соответствует фракийский топоним *Αἶσα* и *Αἰούμη* (*Οἰούμη*, *Oesuma*) — город на берегу Стримонского пролива; II компонент *-ητος* = *-ατα* из и.-е. **ab-* „вода, река“ либо **āp-* — то же, в *Záld-ατα* и т. д., необычайно продуктивен в фракийской гидронимии (см. D., 19); в то же время туземный малоазиатский апеллатив, соответствующий хетт. *ḫar(a)-* „река“ (Friedrich HW Erg., 2, 11; Иванов, 1963 а, 130), должен был дать в греческих ономастических передачах *-αβα* (см. Rosenkranz, 126 об идентичности основ м.-аз. собственных имен *Ἀβας*, *-υτος* и *Abana* с хетт. *ḫара-*) либо *-αβα* (относительно передачи начального ларингала см. выше, с. 49). Георгиев *Αἶσος* выводит из и.-е. **ois-aro-s* „стремительная, быстрая вода, *resp.* река“, к I части ср. др.-инд. *eṣā-* „eilend“ (Georgiev, 1957, 154).

Σκάμανδρος, Нонн и схолии к Илиаде приводит дублет *Κάμανδρος*; приняв

¹ Формальный и, вероятно, семантический эквивалент в лат. *Rēgium* | *Rēgion* — римские города = апеллативу *rēgium n.* „царское“.

последнюю форму за исходную, Георгиев сделал развернутую попытку обосновать балканское (фригийское, фракийское или даже иллирийское) происхождение данного гидронима, возведя его к и.-е. **kām̥-drowo-s* (или **kām̥ōn-drowo-s*), т. е. „Stein-fluß“; к I части ср. праслав. **kamy*, *-ene* и многочисленные гидронимы с этой основой; относительно II компонента см. ниже (с. 133). Известную убедительность этимологии Георгиева придает тот факт, что в нижнем течении Скамандр протекает через область, ныне называемую *Kayalidağ* „Stein-, Felsenberg“ (Georgiev, 155 сл.).

В заключение сравнительно-этимологической характеристики гомеровского списка рек Трояды укажем другие контексты специально интересующего нас ГН *Ῥῆσος*, содержащие весьма красноречивую информацию.

Наибольший интерес здесь определенно представляет обширный перечень (23 названия) персонифицированных речных потоков в Теогонии Гесиода (стх. 337—345), который включает 7 из 8 рек Трояды, упомянутых Гомером (пропущено лишь *Κάροσος*); несмотря на всю сложность проблемы взаимоотношений текста, поэтики и морально-этической стороны поэм Гомера и Гесиода (подробно см. об этом Migeaux, 1949, глава XVI „*Homère et Hésiode*“), не вызывает сомнения, что в данном случае Гесиод заимствовал троянские гидронимы, в том числе *Ῥῆσος*, из интерпретированных выше стихов Илиады (XII, 20—22; ср. Migeaux, 1949, 425). Комментируя гомеровский гидронимический „список“ в соответствии со своей теологической концепцией, отражающей традиционно-мифологические представления, Гесиод тем самым подтверждает его достоверность, упоминая троянские названия рек среди речных божеств, олицетворяющих крупные потоки Балканского полуострова и Северо-Западной и Понтийской Малой Азии (исключение составляет только Нил, возглавляющий „список“ Гесиода), ср. *Τηθύς δ' Ὀκεανῷ Ποταμὸς τέκε διμήντας, Νεῖλόν τ' Ἀλφειὸν τε καὶ Ἠριδανὸν βαθυδίνην, || Στρυμόνα, Μαίανδρόν τε καὶ Ἴστρον καλλιρόεθρον, || Φαῖσιν τε Ῥῆσόν τ', Ἀχελώϊόν τ' ἀργυροδίνην || Νέεσσον τε, Ῥοδίον θ' Ἀλάκμονά θ' Ἐλλάτορόν τε, Γρήγκον τε καὶ Αἴσηπον, θεῖον τε Σιμοῦντα,...* „Тетис родила Океану бурные Реки, Нил и Алфей и Эридан с глубокими водоворотами, Стримон и Меандр и Истр прекрасно текущий, и Фасис и Рес и Ахелой с серебрястыми водоворотами, и Несс и Родий и Галиакмон и Гептапор и Граник и Айсеп и божественный Симунт, ... (Hes. Theog. 337—342). В дополнение к балканской генетической ориентации гомеровских речных названий Трояды, проясняемой этимологически, в высшей степени примечательно, что ГН *Ῥῆσος* наряду с *Μαίανδρος*, помещен Гесиодом в один ряд с названиями больших потоков Балканского полуострова; из них два: *Στρυμόν* и *Ἴστρος* — крупнейшие реки Фракии (см. выше о связи в гомеровском эпосе, мифологии и в трагедии Еврипида фрак. царя, resp. мифологического персонажа *Ῥῆσος*, с речным потоком Стримоном); *Ἀχελώϊος* же (обычно *Ἀχελῷος*) — крупнейший речной поток на континентальной Греции, протекающий между Этолией и Акаранией, также, согласно Strab. VIII, 3, 11; X, 2, 1, река тождественного названия в Западной Ахайе, впадающая в море около г. Дима (= *Πεῖρος*), затем источник в Фригии (P.-V. I, 185) и т. д.; все они имеют убедительные и.-е. этимологии (см. Georgiev, 1969, 159 сл. и в других его работах: относительно *Ἀχελῷος* с подробной аргументацией — Georgiev, 1958 b, 12 сл.; о фракийских ГН — D., s.v.v.; Гиндин, 1973, 75). В рассматриваемом аспекте заслуживает внимания предлагаемая Георгиевым идентификация основы *-δρος* в *Μαίαν-δρος*

и в *Σκάμαν-δρος* — *Κάμαν-δρος* с балк. (иллир.) ГН *Dravos* < и.-е. **drōco-* = др.-инд. *dravá-* „Flüssigkeit, Saft“ и т. д. (Georgiev, 1957, 155 сл.; 158 сл., где трактовка первых частей сложения менее правдоподобна).

Затем у Партения ощущаемая связь между фрак. *Ῥήσος* и тождественным малоазиатским гидронимом получает обычное для древних прагматические объяснение народно-этимологического свойства: *Ῥήσος... ἦλθεν εἰς Τροίαν καὶ μαχόμενος ἐπὶ ποταμῷ τῷ νῦν ἀπ' ἐκείνου Ῥήσῳ καλουμένῳ πληγὴς ὑπὸ Διομήδους ἀποθνήσκει* „Рес... пришел в Трою и сражаясь, погиб, пораженный Диомедом на реке, называемой ныне, с того времени, Рес“ (Parth. narr. amat., 36; цитируется по D., 397; упоминание Страбона см. выше, с. 118).

Плиний дважды говорит о гидрониме *Rhesus*: первый раз, чтобы сухо отметить: *ceteri (amnes) Homero celebrati, Rhesus, Heptaporus, Caresus Rhodius, vestigia non habent*“ (Plin. V, 124), и второй — в связи с рекой *Rebas*, находящейся в районе Босфорского пролива (*a faucibus Bospori*): *quem aliqui Rhesum dixerunt* (Plin. VI, 4; ср. Solin 43, 1).

21. Из перечня Страбона фракийско-тройских ономастических омонимов нам осталось рассмотреть фрак. ГН *Ῥοισβος*, сопоставляемый с названием города в Трое *Ῥοισβη* (Strab. XIII, 1, 21). Этимология фракийского гидронима *Ῥοισβος*, точнее его II элемента и соотносимых с последним других фракийских ономастических лексем (см. ниже), вновь вовлекает нас, подобно Ресу и Хэросу, в круг реалий, суть которых в высоком развитии коневодства и связанных с ним культов у фракийцев с незапамятных времен и вплоть до римского владычества (Kazagow, 1916, 46 сл.). Здесь нет необходимости повторять осуществленную в специальном этюде (Гиндин, 1967, 143 сл.) этимологическую интерпретацию отождествления элемента *-ισβος*: *-ισβη* в фрак. *Ῥοισβος* и адекватной ему топониме *Ῥοισβη* в Трое, на Лесбосе и в Беотии с м.-аз. основой *-ισβα*: *ισβα* < **isswa* ≈ лув. иер. *ašūwa* „лошадь“ (и.-е. **ekʷo-*), засвидетельствованной в ряде ЛИ: памф. *Μαγασ-ιϕFας*, писид. *Μασσαν-ισβας*, исавр. *Λορι-ισβας*, килик. *Λορι:ισπας*.

Сделав одно существенное, но в данном случае ничего не меняющее уточнение, что лув. иер. *ašūwa* не древнеиндийское заимствование (вопреки Гиндин, 1967, 144), а исконно лувийский рефлекс и.-е. **kʷ* в позиции перед *и* (Гиндин, 1971, 49 с литерат.), мы сразу позволим себе перейти к лингво-географической характеристике фрак. (*Ῥοισβος*) в аспекте намеченных выше двух топонимических поясов, соответствующих двум этническим областям фракийцев, реминисценция о которых столь явно выступает в Илиаде.

Имеющиеся в нашем распоряжении античные свидетельства точно не указывают местоположения реки под названием *Ῥοισβος*.

Страбон в указанном месте констатирует: *Ῥοισβος ὁ ἐμβάλλον εἰς τὸν Ἐβρον*, т. е. *Ῥοισβος*, один из притоков Хэброса, ср. еще более общее замечание Стефана Византийского, s. v. *Ῥοισβη*: *ἔστι καὶ ποταμὸς Θρακῶν Ῥοισβος*. Но Хэброс, совр. Марица, одна из самых крупных рек Балканского полуострова с множеством притоков. К счастью, Страбон за несколько строк до приведенной цитаты случайно обронил одну фразу (XIII, 1, 21): *ἔστι δὲ καὶ ποταμὸς Ῥοισβος ἐν Θράκη... καὶ τοῦτον πλησίον οἱ Κεβρόνιοι Θράκες* „и есть река Арисб в Фракии... и вблизи нее фракийские кебронцы“, что, помимо дополнительного свидетельства в пользу гипотезы о единстве фракийской топонимики, особенно ее эгейской части, с топонимическим про-

странством Трояды, ср. *Κεβροῖν* — крупная река с одноименным городом в Трое, о чем ниже подробно, существенно облегчает более однозначную локализацию интересующей нас фракийской реки. Контаминируя данное уточнение Страбона с сообщением Полиэна (VII, 22): *Θράκια ἔθνη Κεβροῖται καὶ Σ(υ)καιοῖται (Σκαιοῖται MV) παρὰ τοῦτοις νόμιος τῆς Ἱέρως τοὺς ἱεροεῖς ἡγεμόνας ἔχειν* „Фракийские народы кебрении и скайбои, у них обычай — иметь правителями жрецов Геры“, можно с полной определенностью постулировать район обитания племени кебраниев, а, следовательно, и местоположение реки *Ἱέρως*, в непосредственном соседстве с скайбоями, носящими у Страбона название *Σκαιοί* и расположенными, согласно Стефану Византийскому с ссылкой на Гекатея, вблизи Трояды (см. выше, с. 122 сл. специально).

Этому несомненно южнофракийскому гидрониму с закрытым передним гласным в начале второго элемента *-ίως*, противостоит в более северных областях Фракии ряд ономастических образований с регулярным более открытым гласным *e* в тождественной в формальном и семантическом отношении основе (в одном случае имеется *a*).

Прежде всего необходимо указать на 3 засвидетельствованных в votивных надписях Болгарии эпитета Хэроса, где сам культурно-этнографический контекст позволяет однозначную реально-семантическую интерпретацию данных фракийских лексем. Упомянутые надписи обнаружены недалеко от Варны в непосредственной близости друг от друга, см.: [*Ἱέρω*]: *Βεττοπιώ...* (Петрич-калеси; Kazarow I, № 755; D., 56; *Ἱέρω* *Ὀβτετοπιώ...* (Марцианополь, совр. Девня; Kazarow I, № 755; D., 56); *Ἱέρω* *Ὀβτασιώ* (Аврен; Kazarow I, № 78; D., 349). II компонент данных эпитетов *-επιος*: *-ασιος* обладает полной этимологической ясностью, ср. авест. *aspa* „лошадь“, др.-инд. *ásva-* и пр. < и. -е. **ek'uo-s* (Pokorny, 301 сл.), относительно чередования *e*: *a* в фракийском см. с. 33,¹ группа **sv* (из **k'u*) в *sp* с последующим переходом в *zb* (греч. перед. ζβ) через ступень *sβ* (греч. перед. σβ);² примеры см. ниже. Менее очевидна интерпретация первых компонентов: *Βετ-* = *Ὀβτ-* (обычное варьирование греч. передач анлаутного *υ*) и *Ὀβτ-*. Впрочем, Дечев (1952, 20) предложил весьма удачное, на наш взгляд, истолкование эпитета *Ὀβτετοπιος* [*Ἱέρως*] как „конный верховой (Хэрос)“, „всадник = (Хэрос)“, семантико-типологически эквивалентное греч. *ἐπίπιος* „конный, сидящий на коне“, *ἐπίπιος* „покрывающий коня“, например, *ἐ. κασῶς* „чепрак“ и пр., где *Ὀβτ-* тождественно др.-инд. *ūt-* „auf, aus“, ср. авест. *us-*, *uz-* (из **ud-s*), греч. (кипр.) предлог и префикс в *ὄ τυχα* = *ἐπὶ τυχη*, *ὄ-χηρος* = *τὰ ἐπίχειρα* „(выдаваемая на руки) плата, вознаграждение, мзда“, гот. *ut* „hin-, heraus“ и пр. (Mayrhofer Wb. I, 101; Frisk II, 951; Pokorny, 1103 сл., под корнем *ūd-*); критерием достоверности данного толкования служит греческая калька *Ἐπίπιος* — эпитет Хэроса в перифрастическом выражении в надписи под его изображением: ... *Κοιρίω θεῷ ἐπίπιο* „... владыке — конному богу“, с *ἐπίπιο* вместо греч. *ἐπίπιω* в туземной фракийской адаптации, отраженной письменной фиксацией; кроме того, *κοιρίω* вместо *κυρίω* (Глава-Панега; Kazarow I, № 363; D., 167).

¹ Михайлов приводит пример перехода *e* > *a* в надписи из того же ареала *παριφρον* = греч. *παρίφρων* (Michailov, 1943, 13).

² На взрывной звонкий (*b*), а не билабиальный спирант (*μ*), переданный греч. буквой *β*, которая допускает в поздний период двоякую трактовку, указывает позиционное озвончение предшествующего *sv* *zb* (греч. перед. ζ); с другими аргументами к тому же выводу пришел Кречмер (Kretschmer, 1939, 257).

Сложнее обстоит дело с формой I элемента *Вет-* = *Οὔετ-*, хотя очень заманчиво вслед за Дечевым (1952, 20) признать в ней апофонический вариант, предпологающий и.-е. **ued-*, состоящее, по мысли Дечева, в отношении чередования с рассмотренным **ūd-*; к типу чередования ср. арм. *get* „река“, фриг. *βεδν* „вода“ < и.-е. **uedo[r]* (относительно исхода основы см. слав. *voda* < и.-е. **uódo(r):védro*) и пр. при греч. *ῥόδωρ, ῥδατος* (**ud-η-tos*) „вода“ и пр. (Рокорпу, 78 сл.; ср. Frisk II, 958). Однако настораживает, что реконструируемое в таком случае наречно-префиксальное **ued-* для объяснения фрак. *Οὔετ-* = *Вет-* ни в одном и.-е. языке не прослеживается (см. Рокорпу, 1103 сл.).

Имеется еще одна интерпретация данной формы, вполне удовлетворяющая формальным требованиям, но уступающая изложенной гипотезе в семантическом отношении. Кречмер предложил объяснять *Βετσοπιος*, наряду с трудом, допускающим подобное истолкование — *Οὔτασιος*, из алб. *vetë* „сам“ и фрак. *espo-, esbo-* „лошадь“, семантико-типологически эквивалентным греч. *ἄτιπλος*, ср. параллельное образование — греч. *Ἀντόλυκος*, иллир. *Ἀῦδολέων* (имя царя у пеонов), гречизированное *Ἀντολέων* (Kretschmer, 1925 a, 103, прим. 2; D., 56; о пеонско-иллир. ЛИ см. Kretschmer Einl., 247; Krahe PN, 13). Таким образом, изложенные гипотезы, ориентируясь на различные исходные формы, одинаково ограничены по отношению ко всем 3 эпитетам Хэроса. Реально-семантические соображения (изображения Хэроса всегда верхом на коне, наличие греч. кальки-эпитета *φίπλιος* и пр.) делают идею Дечева предпочтительнее.

Предположительно, исконно фракийский апеллатив, обозначающий лошадь, послужил производящей основой для нескольких личных имен, засвидетельствованных в греческих и римских надписях, обнаруженных в континентальной Фракии к северу от параллели Никополь на Несте: *Εζβενης* (Пауталия, Боровец, в районе Пауталии, Никополь на Несте, соответственно Mihailov IV, №№ 2104, 2229, 2338, 2343; ср. D., 165); *Εσβενης* (Каснаково, район Augusta Траяна, Mihailov III, 2, № 1714 вопреки Дечеву (указ. соч.), принимающему наличную форму *Εσβενεius* за номинатив, Михайлов справедливо считает последнюю формой генитивом); *Hezbenus*, *Hesbenus* (Гюмюрджина или Кавала), *Esbenus* (нижнее течение Алюта); контексты латинских надписей см. D., 165; звук *h* = греч. *spiritus asper* в анлауте *Hezbenus* и пр., видимо, вторичен, как и в греч. *ἵπλος* при *ἵκκος* (Et. M., 474, 12), тарент., эпидавр. ЛИ *Ἴκκος, Δεῖκπιπος*; причины его возникновения не ясны (Schwyzer I, 306; ср. Frisk I, 734; относительно фрак. формы с предположением *h* на месте фракийской преютации см. Дечев, 1952, 31, ср. *Ebrenus, Εβρενης: Hebrenis* — D., 2; звонкость свистящего в группе *-zb-<-sb-* развилась, о чем уже говорилось, под влиянием последнего звонкого губного, см. приведенные выше дублеты.

Данные формы греко-римских передач фракийского личного имени образованы посредством продуктивного в фракийской ономастике суффикса *-(e)n-* и включены в обширный разряд антропонимических *i*-основ, склоняемых по типу греч. тождественных основ (gen. *-εως* — Mihailov, 1943, 117 сл.), ср. *Αυλενης* (лат. *Aulenus* — D., 34) при *Αυλος* (D., 35) и т. д., *Εβρενης* (лат. *Hebrenis, Ebrenus, Abrenus* — D., 2) при *Ἀβρο-ζέλυης, Εβρο-ζέλυης* (D., 2 сл.), *Επτενης* (лат. *Eptenis* — D., 169) при *Επτα-πορις* (D., 162) и пр.; полный список фрак. ЛИ на *-(e)n-i-s* см. среди омографических по исходу ономастических образований в Vlahov, 1963, 350 сл. Семантико-

морфологическая параллель к фрак. *Εσβενς* и пр. в др.-прусск. *aswinan* = **equīnus*, лит. *ašvīenis* „жеребец“, ГН *Ašvinė, Ašvā*, др.-инд. *Aśvinau* „Ашвины“ (Tomaschek II, 2, 9: Pokorný, 301; Mayrhofer Wb. I, 63).

В связи с практически регулярным соответствием *i*-основам греческих передач латинских транскрипций, адаптирующих идентичные антропонимы мужского рода по типу основ на *o* (II склонение), женского рода по типу основ на *a* (I склонение), правомерно поставить вопрос об исконности фракийских основ с исходом на сонант *-i*, необычайно широко представленных греческими надписями Фракии и литературными памятниками. При этом необходимо учитывать известную рудиментарность данного класса основ в латинском именном склонении. Греческий, напротив, располагал весьма многочисленным разрядом именных основ на *i* в апеллативной и ономастической лексике (см. Hansen, 180—216, где масса номинативов на *is* от основ на зубной в патронимиконах) на фоне превалирующей продуктивности тематического типа *o*-основ. К приведенным выше морфологическим вариантам можно добавить *Επτεζενς*: *Eptezenus* (D., 169); *Βιθυνς*: *Bithyna* f. с греч. вариантом *Βιθυνη* (D., 63); *Αυλουζενς*: *Auluzenus*, с греч. вариантом *Αυλουζηνς*; *Αυλουζανς*: *Auluzanus* с греч. вариантами *Αυλοζανς*, *Αυλουζανος* (D., 35). Греческие дублеты по продуктивным словообразовательным типам, вместе с единственной обнаруженной нами лат. передачей *Eptenis* = греч. *Επτενς*, прочие, но также крайне редкие основы номинатива *i* в исходе, несомненно являющихся латинскими транскрипциями с греческих оригиналов, представляющих собой основы на зубной, ср. *Bithynis* (MH), восстановленное по Pomr. Mela 2, 98: *Thynias urbem habet, quam quia Bithyni incolunt, Bithynida adpellant* (D., 63), говорит в пользу нашей гипотезы об исконности класса *i*-основ в фракийском; относительно *u*-основ см. с. 39.

Чистая *i*-основа *-esbi-s* сохранилась в искаженной транскрипции Ливия имени фракийского царя — *Autlesbis: eo fama adfertur Autlesbis* (разночтения *Atlesbim, Autleshim, Atlesbium, Autlesbium*) *regulum Thracum et Corragum, Eumenis praefectum, in Cotyis fines impetum fecisse* (Liv. XLII, 67, 4). Томашек правит ошибочную фиксацию Ливия — судя по разночтениям, здесь возможен дефект в рукописи — на *Aut-esbis* с отсылкой к упомянутому бесскому ЛИ *Esbenus* (Tomaschek II, 2, 9); Дечев (Д., 39) идет дальше и предлагает чтение *Utesbius*, равное рассмотренному *Οὐταπιος*, поскольку во фракийском элемент *Αἶτ-* не засвидетельствован. Однако в такой обширной конъектуре, касающейся и начала, и середины слова, нет особой необходимости. Элемент *Aut-* мог возникнуть либо под влиянием греческого, либо иллирийского, см. выше о пеонск. *Αἰδωλέων*, грецизированное *Αἶτολέων*. Однако этимология I компонента в исследуемом композите не столь существенна. Важно другое: сохранение во всех латинских вариантах *i* в исходе основы, несомненно восходящего к туземному фракийскому прототипу.

Интересно отметить, по всей вероятности, неслучайное в свете специфических фрако-ликийских связей (см. с. 167) полное сходство фрак. *Εζβ(ε)-*: *Εσβ(ε)-*; лат. *Esb(e)-*: *-esbi*¹ и лик. *esbe-di* „mit der Reiterei, mit den Pferden“ (Meriggi, 1936, 278), с которым необходимо отождествить II компонент имени конного бога *Κακασβος* (<**kak(a)-asbe*, к I части ср.

¹ *-e* в исходе *Εζβς-* и пр., возможно, относится к суффиксальной части.

килик. *Κακο-μοας* < **kaka-miwa*, ср. Kretschmer Eipl., 351), засвидетельствованного в 6 посвященных надписях (*θεῶ Κακασβῶ*) под рельефами всадника в лик. городе *Τελμησσος* (Там II, 1, 7—10), причем Кречмер говорит о Reliefbild des thrakischen Reiters¹ и предполагает, опираясь на часть рассмотренного в данном этюде материала, заимствование лик. *esbe-* из фрако-фригийского (Kretschmer, 1939, 257; ср. о заимствовании ликийского слова из иранских: Kronasser, 1956, 230). Мысль о заимствовании лик. *esbe-* кажется нам излишней, поскольку элемент *-ισβα* из анатолийской основы, отраженной в лув. иер. *asūwa*, хорошо представлен в позднехеттской ономастике, ср., например, писид. *Μασαν-ισβα* „конный Масна, resp. конь Масны“ при анат. **mas(a)na* „бог“; подробнее см. выше в связи с фрак. **Αρ-ισβα*; о взаимоотношениях лик. *esbe-* и м.-аз. *-ισβα* см. Гиндин, 1967, 144 сл. Впрочем, трансформация консонантной группы *sq-* в *-sb-*, учитывая, что в ликийских туземных надписях звуку *ϰ* соответствует буква *F*, в пределах ликийских языковых реликтов не достаточно ясна; на потенциальную возможность такого перехода указывает судьба в известной мере аналогичной группы согласных (дентальный + *ϰ*), ср. лик. В *tbi*: *A cbi* из и.-е. **dui* „2“ (Neumann, 1961, 52).²

В связи с богато и хорошо представленными в реликтах „северобалканских“ языков рефлексов и.-е. **ekʷo-*, ср., кроме фракийских материалов, иллир. (паннонск.) ЛИ *Ессо*, *Еππο*, макед. ЛИ *Ἐπόκιλλος*, иллир. ЭН *Еπποί* (Krahe в Pokorny, 302; Hoffmann, 195), следует признать реальные основания для гипотезы Кречмера (Kretschmer, 1934, 120 сл.; ср. Frisk I, 734) о заимствовании из языков, расположенных к северу от Эллады греч. *ἔππος* (первоначальное *ἔπλος*, ср. упомянутое выше глоссовое *ἔκκος*, тарент., эпидавр. ЛИ **Ἰκκος*), не имеющего удовлетворительного объяснения на греческой почве (начальное *ϰ*, удвоенное *ππ*, чередующееся с *κκ*); относительно анлаутного *ι* см. фрако-м.-аз. *-ισβος*, в частности гидроним в районе Эгейского моря **Αρ-ισβος*, при возможном чередовании *ι:ε* во фракийском языке (Mihailov, 1943, 22; Дечев, 1952, 31).

22. *Περκότιη* — город между Абидосом и Лампсаком, на малоазийском берегу Геллеспонта (II, II, 835 сл.; Hdt. V, 117; Strab. XIII, 1, 20); *Percote* (Plin. V, 141); согласно комментарию Страбона к указанным стихам Илиады, эта местность была 6-м владением (*ἕκτη δ' αὐτῆ δυναστεία* — XIII, 1, 7) из 9-и, на которые было разделено побережье, находящееся во власти Приама во время Илионской войны и называемое Троей (*πᾶσαν τὴν παραλίαν ταύτην ὑπὸ τοῖς Τρωσὶ γερουμένοι, δηρημένην μὲν εἰς δυναστείας ἐννέα, ὑπὸ δὲ τῷ Πριάμῳ τεταυμένην κατὰ τὸν Ἰλιάδων πόλεμον καὶ λεγομένην Τροίαν* — XIII, 1, 7); Стефан Византийский (s. v.) считает *Περκότιη*, наряду с более поздним *Παλαπερκότιη* (ср. Strab. ibid. — *πάλαι Περκότιη πόλις Τρωάδος*). Соответственно этникон от данного топонима — *Περκόσιος* (*-τιο->-σιο-*; II, II, 831; VI, 30); исчезнувшая ко времени Страбона, Перкота еще существовала в эпоху Персидских войн, о чем свидетельствует Геродот (V, 117) и что подтверждается трибутными списками под 452—424 гг. до н. э., содержащими этникон *Περκόσιοι* (Meritt. Athen. trib. 1, 374—375).

¹ Об идентичности лик. *Κακασβος* с фрак. **Ηρωος* см. Kretschmer, 1927, 74 сл.

² Кстати, Нойман неправильно выводит м.-аз. **Αρ-ισβη* (Троя) из анат. *Aripša* (Neumann, 1961, 51); это невозможно в силу географического положения *Aripša* на северо-востоке Анатолии в стране *Azzi* — *Hajasa* на берегу Черного моря (см. Garstang, Gurney, 36 сл.; карта № 1).

В ряду рассмотренных фракийских географических названий на территории гомеровской Трои или Троады (см. также ниже) представляется не вызывающей сомнения деривационная связь топонима *Περκίωτη* с названием Фракии *Πέρκη*, отмеченным Аррианом у Стефана Византийского, из и.-е. **perkʷā-* „дубовая страна“, см. выше, с. 85 сл. специально (ср. Mayer, 1951, 89 сл., где отношения данных названий уже отмечены).

Таким образом, *Περκίωτη* допустимо интерпретировать в качестве топонима, обозначающего город, основанный выходцами из местности (страны), называемой *Πέρκη*, т. е. из Фракии.

Кроме *Περκίωτη*, судя по обратному словарю Влахова (Vlahov, 1963, 333), в фракийских языковых реликтах суффиксальное *-ωτη* не прослеживается в исходе географических названий.¹ Напротив, в греческом наблюдается большая продуктивность финального *-ωτας (-ωτης)* во вторично производной апеллативной лексике, начиная с Гомера, ср. *ἔδνωτης* „тесть“, букв. „дающий приданое“ при *ἔδνω* и *ἔδνωω*, *δεσμώτης* „узник, пленник“ при *δεσμός* и *δεσμώω*, *ιδιώτης* „частный (человек); особенный и пр.“ при *ἴδιος*, *πατριώτης* 1 „местный, туземный“; 2 „соотечественник, земляк“ при *πάτριος* и пр. и т. д., а также в именах собственных, представляющих собой главным образом этника от негреческих топонимов, ср. *Μαλλώτης* при *Μάλλα*, *Ἡρακλεῖ(ι)ώτης* при *Ἡράκλεια*, *Ἰταλιώτης* при *Ἰταλία* и т. д. (Chantraine, 1933, 311; Schwyzler I, 500; Hansen, 178 сл., ср. неправомерное утверждение Кречмера (Kretschmer Einl., 257) и вслед за ним Майера (Mayer, 1959, 244) о негреческом характере этникон-образований с суффиксом *-τω-*). Отсюда естественно предположение в случае с *Περκίωτη* о морфологической адаптации туземного фрако-малоазийского топонима по данной словообразовательной модели. Однако некоторые соображения дают как будто возможность реконструировать для туземного прототипа, отраженного гомеровской передачей *Περκίωτη*, адъективно-притяжательный суффикс *-τᾶ < и.-е. *-to-*. 1. Греки несомненно столкнулись с готовым названием, а не образовали его от этнонима, производного от *Πέρκη*, так как в греческой письменной традиции вообще крайне редки топонимы на *-ώτη* и под. (см. Hansen, 63 и др.); наоборот, в Илиаде и трибунных списках засвидетельствован чисто греческий этникон от *Περκίωτη* с типичным переходом *-τω->-σιω-*. 2. Фракийские реликты сохранили в греческих передачах несколько этникон-образований с финальным *-ωτης*, см., например, *Περίωτης*, наряду с *Περίτης* и полно адаптированным грецизированным *Περεῖς* от *Περίη/-α* (D., 366 сл.); *Πανταλιώτης*, *Πανταλειώτης* от *Πανταλία*, *Πανταλεία* (D., 360), ЛИ *Αρομηωτης* (D., 26) и некоторые другие, притом, что в целом суффиксальные комплексы, включающие *-τη-* (реже *-τα-*), *-τω-* очень распространены в фракийской ономастике (Vlahov, 1963, 347 сл.; 361 сл.). Столь же развитые потенции данных суффиксов в сфере этника и даже топонимии наблюдаются в примыкающем к фракийскому илирийском ареале (Krahe GN, 62 сл.; Krahe, 1955, 68 сл.; более подробно см. Mayer, 1959, 238 сл.). 3. *Περκίωτη* упомянута в Илиаде (II, 835—836) вместе с названиями городов — *Σησιός*, находящемся против Абидоса, на другом берегу Геллеспонта в Фракийском Херсонесе (включено Дечевым в число фракийских топонимов — D., 439) и *Ἀρισβη*, тождественном фракийскому гидрониму *Ἀρίσβος* (см. выше с. 133).

¹ ЛИ *Ζεχιδωτη* f. членится на *Ζεχα-* = *Ζαχα-* и *-δωτη* (Vlahov, 1963, 273).

В заключении этой главы рассмотрим в интересующем нас аспекте, т. е. с точки зрения фракийской принадлежности — проведенный выше анализ троянских географических названий дает достаточные основания для данного постулата — два наиболее важных во всех отношениях топонима из исследуемого географического ареала, засвидетельствованных в гомеровских поэмах, а именно *Τροία* и *Ἴλιος*.

23. Гом. *Τροία*, ион. *Τροίη* — 1. Территория, подвластная Приаму, Троада, область, лежащая, согласно античным источникам (схолии к Илиаде и Аполлонию Родосскому), между Лидией, Фригией и Эгейским морем, ср. Страбон (XIII, 1, 5, 7 и др.): пространство от мыса Лекта до мыса Зелии на побережье Пропонтиды. Более архаическая форма в ион. *Τρωίη*, откуда через сокращение *ο* *Τροίη*, с последующим дифтонгическим стяжением *Τροίη*, см. Et. M., 770, 14 сл.: *Ἔστιν οὖν τὸ Τροία ἢ πόλις, ὄνομα Βοιωτίων Τρώς, Τρωός, Τρωϊκός, Τρώϊος, ὡς Ὀλύμπιος· Τρωΐα· Ἰωνικῶς, Τρωίη· συστολῇ ποιητικῇ, Τρωίη· καὶ συναϊρέσει, Τροίη καὶ Τροία. Ἦ ἐκ τοῦ Τρωΐα Τροία, ὡς τὸ Ἀχελώϊος, Ἀχελώϊος λέγεται, ср. St. B. (s. v.): *Τροία, χώρα Ἀσίας, ἢ πρότερον Ἰδαία, εἶτα Τευκρίς, εἶτα Τροία ἀπὸ Τρωός κατὰ Βοιωτούς, ἢ μᾶλλον ὡς Βοιωτικόν, ὡς Ἡρωδιανός*, дор. *Тρωΐа* (см. цитату из Et. M.), *Трῶа* (Pind. Ol. 2, 81); также поэтическое *Τροία* или *Τροίη* см. Suid. (s. v.) *Τροίην, κατὰ, διάλυσιν, Τρωικῆν*. Синонимические названия этой области *Τρωιάς, -αδος*, стяженно *Τρωιάς, -αδος* [γῆ] (также без *ι* подписной), *Τρωικῆ* образованы по продуктивным греческим именным словообразовательным моделям и являются собственно стереотипными прилагательными от *Τρωίη*, *Трῶή*, ср. *Трῶϊος*, стяженно *Трῶος*, *Трῶος* „троянский“ и т. д. 2. Главный город Троады, называемый также *Ἴλιος* (см. ниже, № 24) и *Ἐάνθη* (см. выше, № 18); этникон *Трῶες*, *Тρῳαί*, *Тρῳάδες*, и т. д. „троянцы“ (ссылки на источники см. Р.—В. II, s. v. *Τροία* и под другими родственными лексемами) также имеют греческий словообразовательный тип.*

Согласно данным гомеровских поэм и другим более поздним античным источникам, греки вели десятилетнюю войну с Троей за овладение морским путем через Геллеспонт (Migeaux, 1948, 289; Дьяконов, 1968, 111 и т. д.; относительно дат Троянской войны см. ниже, с. 147 сл.). Приведенный фактический материал греческих передач позволяет констатировать, что первоначальный звуковой облик туземного названия данного города и области, подвластной его правителю (в понимании греков *πόλις*, ср. шумерскую идеограмму в хеттском KUR^{URU}, букв. „страна города“), включал непридыхательный глухой дентальный в начале, долгое *ο* в первом слоге, не составляющее дифтонг с последующим *ι*, т. е. в ступени, предшествовавшей гомеровской форме, основа интересующего нас малоазийского топонима имела вид: *Трῶι-* = греч. *Тρῶι-*. Зияние, образовавшееся на стыке нестяженного в дифтонг следования *ο* с сонантом *ι*, нехарактерное для греческого языка, определенно указывает на выпадение какого-то звука типа *ц* или *з* или, наконец, консонантной группы, состоящей из этих звуков. Более узко толкуемых указаний из греческих передач извлечь невозможно. Так, Швицер, опираясь лишь на греческие факты, предполагает в иноязычном *Трῶες* исконное *ω < δι* (Schwyzer I, 480).

Проблема реконструкции туземной формы, скрытой в греч. *Τρωία* и т. д. приобрела совершенно иной аспект в связи с гипотезой Э. Форрера (Forrer, 1924, 6 сл.) об идентичности данного топонима с хетт. KUR^{URU} *Ta-ru-i-ša* или дубликат [KUR^{URU} T] *a-ru-ú-i-š[a]*, единожды упомянутой в анналах хеттского царя Тудхалияса IV (около 1235 г. до н. э.), повествующих о его победе, видимо, в результате двух походов, над страной *Aššuwa*, представляющей собой, вероятно, союз 22 автономных владений; при этом в списке побежденных городов-государств *Taruiša* стоит на последнем 22 месте (Garstang, Gurney, 105, 121 сл.). Ассува, располагаясь к северу от Арцавы (Garstang, Gurney, 106), включала, по мысли того же Форрера, территории послехеттских Лидии, Мизии, Троады, Малой Фригии и Пропонтиды (Forrer, 1924, 6 сл., 16); позднее Форрер несколько расширил пределы Ассувы за счет Северной Кари и Южной Фригии (Forrer RAss. I, 227, s. v. *Aššuwa*), назвав весь ареал „Великой Лидией“ (Forrer, 1936, 712, прим. 1). Такое предположение о границах страны *Aššuwa* в значительной мере совпадает с представлением древних греков о территории *Ἄσσία*, чье название они первоначально распространяли только на собственно Малую Азию (см. Р.-В. I, 156, s. v. *Ἄσσία*, пункт 5; ср. Дьяконов, 1968, 113, прим. 93). Кроме формальных моментов омофонии, главным образом эти соображения, основанные на интерпретации в целом анналов Тудхалияса IV, обусловили идентификацию хетт. *Aššuwa* с греч. *Ἄσσία*, высказанную впервые Форрером вместе с рядом других отождествлений в его знаменитой статье о засвидетельствовании догомеровских греков в клинописных текстах из Багазкёя (Forrer, 1924, 6).¹ Несмотря на отрицательную реакцию со стороны таких авторитетных хеттологов, как Зоммер и Фридрих (Sommer, 1932; 1934; 1937; Friedrich, 1927 и др.; возражения Фридриху с точки зрения греческих звуковых законов см. Kretschmer, 1930), подвергнувших жестокой критике всю цепь аргументов Форрера, выразившихся в обосновании некоторого числа топонимических и антропонимических греко-хеттских тождеств, сгруппированных вокруг его гипотезы об Аххийяве как государстве ахейцев. Отправным пунктом для этой гипотезы послужила полная идентичность, по мнению Форрера, хетт. *Aḫḫijaḫwa* и греч. *Ἀχαιΐα*, resp. *Ἀχαιΐοί*, ср. еще *Aḫḫija* (Forrer, 1924, 9 сл. и другие его работы); независимо от Форрера возможное подобие *Aḫḫijaḫwa* — *Ἀχαιΐοί* было отмечено в том же году Гётце (Goetze, 1924, 26 с прим. 3: ^{ΜΑΤ} *Aḫ-ḫi-ia-wa*, ср. *Ἀχαιΐοί*?). Идеи Форрера были восприняты рядом специалистов филологов (прежде всего Кречмером в работах, цитируемых ниже, и Грозным (Грозный, 1929), проявившим, на наш взгляд, даже излишний оптимизм; из новой литературы см. Szemerényi, 1957; Andrews; Aitchison; Harmatta²) и историков (в первую очередь Шахер-

¹ Догадка Форрера нашла дополнительное подтверждение в линейных табличках Б, содержащих губной *y* перед *i* в двух ономастических лексемах: мужском личном имени *a-si-wi-jo* (PY Cn 285. 12; Eq 143. 11; KN Df 1469+1584) = *Ἀσιΐος* и особенно теонимическом эпитете в сочетании *po-ti-ni-ja a-si-wi-ja* (PY Fr 1206) [*Potniāi Aswiāi*] = *Ποτνιαῖ Ἀσΐαι* = греч. *Ποτνια Ἄσσια* (dat. sing.). Подробнейшим образом с исчерпывающей литературой относительно тождества хетт. *Aššuwa* с греч. *Ἄσσία* см. в монографии: Georgacas, в частности, гл. VI; ср. Neuback, 1961, 71 сл.

² Вяч. Вс. Иванов в ряде работ, поддерживающих реальность данной идентификации в частности, см.: Древние культурные и языковые связи южнославянского, эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов. — В: Балканский лингвистический сборник. М., 1977, с. 5 сл. (тоже не без лишней уверенности, ср. замечания — BE, XXI, 4, 1978, с. 55 сл.).

майр; из более новой литературы см. Page, целиком гл. I, также с. 106 и др.; Дьяконов, 1968, 107 сл.); практически полный список литературы по проблеме Аххийявы см. в работах: Schwyzer I, 79 сл.; Goetze, 1957, 183; Steiner; Saccopì; Борухович; Гиндин, 1967, 25 сл.

Не имея места, как впрочем и необходимости, вдаваться здесь в частности отдельных идентификаций греческих и хеттских имен собственных, обычно связываемых с кругом вопросов о могущественном военном партнере хеттского государства периода империи, называемом хеттскими письменными памятниками *Aḫḫijawa*, обратимся после нескольких общих замечаний сразу к интерпретации интересующих нас гомеровских топонимов, в свете формальной и культурно-исторической перспективы, открываемой вполне реальным предположением о тождестве объектов, обозначаемых в гомеровских поэмах как *Τρωΐα* и *Ἴλιος*, а в хеттских источниках как *T(a)ruiša* и *Wiluša*, resp. *Wilušiĵa*.

Замечания суть следующие. Предполагаемые сопоставления включают отождествления различной степени правдоподобия. Среди них наименьшие сомнения, хотя в каждом конкретном случае достаточно существенные, в настоящее время вызывают 3 антропонима и 3 топонима, засвидетельствованные текстами, либо упоминающими Аххийяву, либо в прямой форме сообщающими о взаимоотношениях с ней хеттского государства.¹ По нашему мнению, это: (антропонимы) греч. *Ἐτεοκλέης*, *Ἐτεοκλέες* (Eug. Phoen.) и пр. < **ἘτεΦοκλέΦης* — хетт. *Tawagalawaš*, полководец Аххийявы (Forrer, 1924, 9 сл., 14 и др. работы; Kretschmer, 1933, 245 и т. д.), ср. лин. *B e-te-wo-ke-re-we-i-jo* (PY An 654, Sn 64) [*Etewoklewēros*] (Chadwick, Vaumbach, 195; Szemerényi, 1957, 179): *Ἀνταρείς* — хетт. *Antarawaš*, правитель или жрец Аххийявы (LÚ^{URU} *Aḫḫijā*) и Ласпы = греч. *Λεσβος* (Forrer, 1924, 15; RAss. I, 55 и др. работы; Kretschmer, 1930, 162 и т. д.; ср. Sommer, 1932, 294, 435 — чтение ^{1D} *ta-ra-wa*); греч. *Ἀτρεΐς* — хетт. *Attariššijaš*, по-видимому, один из правителей Аххийявы (Forrer, 1924, 21 и т. д.; ср. Kretschmer, 1927с, 168; 1930, 162; с поправкой на Кречмера — Forrer, 1930, 294; специально о хетт. ЛИ *Attariššijaš* < **atr(a)s-ja-* при лид. *Atraša-lid-* — Goetze, 1928, 56; о лид. форме см. Gusmani Wb., 70); (топонимы) греч. *Ἀχαιοί* < **ἈχαιΦοί*, ср. мик. *a-ka-wi-ja-de* KN C 914, возм. *Akhaiwīān-de* „to Achaea“ (Chadwick, Vaumbach, 178; также Morpurgo, 8), *Ἀχαιῶα* и пр. < **ἈχαιΦα*, resp. **ἈχαιΦα*, ср. лат. *Achīvī* из **ἈχαιΦοί*, египет. *ḫwš* (*Akaiwaš* — Kretschmer, 1954, 5; ср. Frisk I, 198; Sommer, 1932, 360, прим. 1; подробнее с литерат. см. Page, 21 сл., прим. 1, а) — хетт. *Aḫḫijawā* (Forrer, 1924, 9 сл.; Kretschmer, 1930, 163 сл.; 1933, 225 сл.; также Goetze, 1924, 26; 1928, 54; Garstang, Gurney, 75 сл., 80 сл., и др.;

¹ См. издания текстов с переводами и комментариями: Forrer. *Forschungen*, I, 1, 2 (т. наз. письмо о Тавагалавасе и Милавата-письмо); Sommer, 1932: все тексты, относящиеся к Аххийяве, обнаруженные к этому времени; частичный перевод и интерпретация письма о Тавагалавасе см. Sava'gnac, 1947; Güterbock, 1936 (два вновь найденных отрывка); Sargatelli, 1950: „почти буквальный перевод“ текста, рассказывающего эпизод из жизни Мурсилса II (ок. 1353—1315 г. до н. э.; Garstang, Gurney, IX: 1339—1306 г. до н. э.) — привоз божеств Аххийявы и Ласпы во время его болезни; первый перевод сделан А. Сейсом, ср. Sommer, 1932, 275 сл.; Radoszek: транскрипция и новый перевод договора Тудхалияса IV (1250—1220, по Garstang, Gurney, IX) с Иштармувой, царем Амурру (KUB XXIII, 1), где хеттский царь перечисляет других „великих царей“, „равных“ ему, а именно царя Египта, царя Вавилона и царя Ассирии; четвертым назван царь Аххийявы (последнее затем стерто, отчего чтение затруднено).

ср. Page, 3 сл.;¹ греч. *Λέσβος*, название острова в Эгейском море вблизи берегов Анатолии — хетт. *Lazpas*, обозначение некой „страны“, связанной с Аххийявой какими-то отношениями, упомянутое в частности в тексте о болезни Мурсилы II, где „бог Аххийявы“ объединен с „богом Лацпаса“ (Forrer, 1924, 14 и т. д.; Kretschmer, 1930, 165 с указанием на фонетическую безупречность данного сопоставления и т. д.; Garstang, Gurney, 96); *Milvās*, *-ádos* старое название Ликии, позже — горная область на севере Ликии и юго-западе Писидии (Р.-В. II, 926) — хетт. *Millawanda/Milawata*, город или территория в стране Лукка; название засвидетельствовано и с детерминативом URU, и с детерминативом KUR (Forrer, 1924, 5); о фонетической строгости эволюции *Milawa(n)da* > *Milwada* = *Milvad-*, особенно в аспекте локализации Аххийявы вслед за Форрером в Памфилии, см. Laroche, 1961, 67 сл., но вопреки Sommer, 1932, 361 сл.; в рамках гипотезы о местоположении Аххийявы в континентальной Греции или на островах Эгейского бассейна возможна идентификация хеттского топонима с греч. *Μίλητος* (*Μιλλᾶτος* и пр.), большой и богатый город на ионийском берегу Малой Азии (Кария) (Р.-В. II, 925), предложенная Грозным (Hrozny, 1929, 329 сл.) и принятая большинством историков, см. из новой литературы Garstang, Gurney, 80 сл., Page, 18, 39, прим. 61; ср. Дьяконов, 1968, 112.

Окажись даже такое небольшое число приведенных сопоставлений реальными, уже этого достаточно, чтобы на фоне всего комплекса исторических свидетельств признать право на существование за гипотезой об Аххийяве как государстве ахейцев или скорее каком-то ахеизированном государственным образовании на островах, например, Родосе. Более того, мысль об ахеизации, геср. грецизации, какой-то части туземного населения, негреческого и нехеттоязычного, подтверждается отсутствием этимологической интерпретации как греческой, так и хеттской у большинства предлагаемых отождествлений в связи с существованием Аххийявы: лишь с значительной натяжкой греческому истолкованию поддается *Ἐτεφοκλέτης* — *Tawagalawaš*, особенно в первой части композита (ср. Frisk I, 580) при отсутствии других соответствий в пределах хеттского; напротив, *Ἄττεις* — *Attariššijaš* допускает истолкование на почве хеттских языков (см. выше) при полной неясности с точки зрения греческого. Такое положение создает условия для двух диаметрально противоположных предположений — либо перед нами греческие (ахейские) имена собственные в хеттских текстах (что предполагают в большей части имен Форрер, Кречмер и др.), либо это малоазийские, в том числе хеттоязычные, ономастические лексемы, отраженные гомеровскими поэмами; последняя мысль, вообще говоря, более предпочтительная, допускается и Зоммером (Sommer, 1932, 362 и др.; 1934, 56 сл., 58 и др.); негреческий вид сопоставленных личных имен вынуждает

¹ В нашу задачу совершенно не входит анализ многочисленных гипотез относительно местоположения царства Аххийявы, см. мнения на этот счет: Гиндин, 1967, 25; весьма полный обзор с литературой содержится в работе Steiner; для последующего изложения важно подчеркнуть, что меньше всего данных говорит в пользу ее локализации в Троаде; пожалуй, наибольшим вероятием обладает предположение о ее нахождении на Родосе или другом крупном острове Эгейды (Крит, Кипр), а также в Микенах (из новых работ см. Schachermeyr, 1958, 365 сл.; Page, 6 сл.; Дьяконов, 1968, 109; впрочем, ср. призыв Гётце к осторожности в данном вопросе, меньше возражающего против самого сопоставления *Ahhi-jawa/Ahhi-ja* с *ἌχαιFol*, чем против ее отождествления с ахейцами метрополии (Goetze, 1957, 183; ср. 1934, 177 сл.); новую литературу см. также выше, с. 140 сл.

Пейджа, вслед за Зоммером, отъестись к антропонимическим идентификациям Форрера — Кречмера весьма скептически (Page, 23, прим. 2); с другой стороны, ср. безоговорочное признание всех гомеровско-хеттских отождествлений А. И. Битти, автором главы „Эгейские языки в героический век“ в кн. Wace, 316, где *Tawagalawaš* назван сыном и наследником (?) *Antarawaš*. Следует также учитывать, что вне комплекса Аххийява-текстов греческие личные имена пока не обнаружены,¹ это несомненно свидетельствует об отсутствии непосредственных тесных контактов между хеттами и греками исторического периода.² В то же время в письме о Тавагалавасе упоминаются еще 3 антропонима: *Apaš*, *Avaianaš* — имена высоких должностных лиц Аххийявы, *Laḫurziš* — по тексту или брат Тавагалаваса (Sommer, 1932, 63 и пр., ср. Дьяконов, 1968, 109, прим. 78), или брат Пиямарадуса (Forrer. Forschungen I, 2, 131), для которых ни в греческом, ни в хеттском соответствии практически не прослеживаются (ср. Sommer, 1932, 372 сл.) и которые тем не менее имеют явно анатолийский облик (относительно ¹*Laḫurzis*—МН *La-ḫu-u-ra-ma-aš* см. Sommer, 1932, 373).

В свете изложенного несводимость некоторых деталей названий, предположительно одних и тех же географических объектов, отраженных древнейшим греческим памятником (гомеровские поэмы) и хеттской письменной традицией (тексты, группируемые вокруг проблемы Аххийявы), может оказаться результатом параллельных и независимых друг от друга транскрипций туземных топонимических единиц, чуждых как греческому, так и хеттскому; столь бросающаяся в глаза неадекватность отдельных элементов греческих и хеттских передач в ряде случаев несомненно вызвана различием алфавитного фонетического письма и слоговой клинописи, усугубляемые адаптационными закономерностями грамматически весьма далеких языков восприимчивиков.

В высказанной гипотезе нас особенно утвердили 2 подлежащие здесь специально рассмотрению топонимические параллели: греч. *Tρωία* и пр. — хетт. *Taruša* и греч. ²*Ἴλιος* — хетт. *wiluša*, resp. *Wilušija*.

Для хеттских топонимов существенно, что *Wiluša* только единожды упомянута в Аххийява-текстах, а именно в письме о Тавагалавасе и притом в сомнительном чтении из-за порчи текста (см. Forrer. Forschungen I, 2, 116: ^{URU}*vi-l[u-š]a*; Sommer, 1932, 16: ^{URU}*ui-l[u]??-[š]a?*, также Garstang, Gurney, 113, прим. 3; Page, 117, прим. 33); помимо того, данный контекст все равно свидетельствует о независимой, не исключая вассальных отно-

¹ О возможных следах влияния греческого языка Аххийявы на хеттский см. Иванов, 1977, 7 сл., где хетт. *dammara* — обозначение особых культовых служительниц (в одном случае служителя) сопоставлено с мик. *da-ma-te* „служитель“, гом. *δαμαο* „жена, супруга“, а хетт. *dammana-ššara-* „женщина-демон, богиня, женский дух“ — с греч. *δαίμων* „deus, dea“, ср. мик. *e-u-da-mo*, возм. *Ἐὐδαίμων* вслед за А. Морпурго, Х. Гютербоком, Р. Гусмани и др., но предполагающими противоположную направленность заимствования — из хеттского в греческий; см. в рамках анат. субстрата в греческом Gutschmidt, 1968, 86 сл.

² Впрочем, возможно, непосредственные контакты исторических греков метрополии (не Аххийявы) с хеттами, преимущественно военные, нашли отражение в мифологии как борьба греческих героев с амазонками, давно уже отождествляемыми с хеттами (Леон-Хад, Гарстанг, Гарни, Кавеньяк и т. д.), т. е. были фиксированы в коллективной памяти единственно возможным для того периода способом описания конкретно-исторических событий посредством мифологического кодирования, см. об этом: Л. А. Гиндин. Гом. *Κήτιος*. — В Античная балканистика, 3. Языковые данные и этнокультурный контекст Средиземноморья. Предварительные материалы. М., 1978, с. 11 сл.

шений, как от хеттов, так и от Аххийявы территории, поскольку они из-за нее враждовали, по словам хеттского царя, от лица которого составлено письмо (см. Тау. IV, 8 сл.).¹ Подобное упоминание, наряду с тем, что сохранился договор хеттского царя Муватталиса с царем Вилусы Алаксандусом, кроме приводимых ниже соображений, недвусмысленно свидетельствует об известной автономии данной области Анатолии.

Таким образом, обе греко-хеттские параллели, к анализу которых мы вновь обращаемся, должны по сути интерпретироваться вне комплекса проблем, связываемых с существованием государства Аххийява (хетт. KUR^{URU} *Aḫ-hi-ia-wa-a*); см. Sommer, 1932, 352, относительно гом. *Τροίη*. Возникновение этих параллелей соответственно не может быть в данном случае отнесено за счет взаимосвязи хеттской империи с Аххийявой, если даже сомнения относительно ахейской, т. е. раннегреческой, принадлежности последней будут окончательно устранены.

Здесь уместно упомянуть характерное наблюдение Кавеньяка по поводу текста указанного договора, что перечисляя державы, в войне с которыми Алаксандус должен дать военную помощь, Муватталис ни слова не говорит об Аххийяве („pas un mot des Ahhijava“) и что поразительно отсутствие в этом договоре „малейшего намека на трудности, вызываемые Аххийявой в Вилусе...“ (Cavaignac, 1933, 101 сл.).

Итак, в анналах Тудхалияса IV (около 1250—1220 гг.), как уже говорилось выше, упомянута *Taruīša*, стоящая на последнем, 22 месте в списке стран, образующих конфедерацию *Aššurwa* и завоеванных (не полностью) в правление этого царя. Здесь и ниже мы везде будем придерживаться общепринятой обобщенной транскрипции *T(a)ruīša* (см. Forrer, 1924, 6 и др. работы; Kretschmer, 1924, 213 и др. работы; Friedrich, 1927, 102; Garstang, Gurney и др. авторы), хотя клинописная запись KUR^{URU} *Ta-ru-i-ša*, дубл. [KUR^{URU} *Ta-ru-ù-i-š[a]*, по замечанию Зоммера, допускает 4 способа слогового чтения: *tar-ù-i-ša*, *ta-ru-i-ša*, *trui-ša*, *trui-ša* (Sommer, 1932, 363, ср. Friedrich, 1927, 102); Гётце признает единственно правильным чтение *Taruīša* в связи с образованием от него кл. ЛИ *Tar-ù-i-š-ši-ia-aš*, транскрибируемым только как *Taruīššias* (Goetze, 1928, 49; 1934, 182; Фридрих, указ. соч., также допускает чтение последней клинописной записи **Taruīša*; ср. Kretschmer, 1930, 167). Впрочем на будущее отметим, что поскольку хеттская клинопись в своем репертуаре не имела знака для *o*,² то допустимо чтение слогового комплекса *Ta-ru-i-ša*, наряду с *T(a)ruīša* и пр., также в качестве *T(a)roiša* (Friedrich, 1927, 102), а графического ду-

¹ По Зоммеру, этим царем мог быть как Хаттусилис III (ок. 1275—1250 гг.: Garstang Gurney, IX), так и один из его предшественников (Sommer, 1932, 36); Кавеньяк полагает, что если чтение (конъектура — Л. Г.) *Viluša* в испорченном месте правильна, то письмо определенно относится ко времени Муватталиса (ок. 1320—1295 гг.: Cavaignac, 1933, 58; по Garstang, Gurney, IX: 1306—1282 гг.); более основываясь на общих соображениях, мысль о возможности авторства Муватталиса выдвигает Раносек (Ranoszek, 1950, 242); Гютербок склоняется к предположению о Хаттусилисе (Güterbock, 1936, 327).

² В соответствии с принятой транслитерацией аккадского письма < трансли-

теруются как *u*, — как *ù* (в самом аккадском оба знака передавали *u*); об этой особенности хеттской клинописи, видимо, отражающей характер хеттской фонологической системы, где, возможно, *o* слилось с *a*, см. Krapasser, 1956, 32, 41; подробнее Krapasser I, 19; ср. Friedrich HE, § 7c, 9b с литератур.

блета *Ta-ru-ù-l-ša* в качестве *T(a)ro(u)-lša*, т. е. *Tro(u)iša* (Forrer, 1929, 262); все это, разумеется, при условии, если считать обе клинописных фиксации, согласно высказанному выше предположению, вариантами передач иноязычного топонима; во всяком случае в поздневавилонской клинописи греч. *ο* и *ω* соответствует знак для *u*, ср. кл. ¹*An-ti-'u-ku-us* ≈ ²*Ἀντιόχος*, ¹⁰*Ma-ak-ka-du-na-a-a* ≈ *Μακεδών* (Friedrich, 1927, 101). На 21, предпоследнем месте, обозначена *Wilušija*, которая может быть отождествлена или поставлена в связь со страной *Wiluša*, известной из двух других хеттских текстов (подробнее о последней форме см. ниже специально); к вариантности финальных морфем в хетт. топонимах ср. греко-м.-аз. ГН ¹*Ἄλως* — хетт. *Huwalluša: Huwallušija* (Garstang, Gurney, 105—106), другие примеры, в частности *Maraššanda: Maraššantija*, *Arzawa: Arzawija*, см. Sommer, 1932, 370, ср. Дьяконов, 1968, 113, прим. 92. Кречмер, локализуя Аххийяву в самый древний период на юге Малой Азии в районе Киликии, базируясь на интерпретации свидетельства Геродота (VII, 91), что *οὔτοι [Κίλικες] τὸ παλαιὸν Ὑπαχαοὶ ἐκαλέοντο*, т. е. народ, находящийся „под ахейцами“ в качестве этнического субстрата, смешанный с ахейцами и пр. (Kretschmer, 1933, 214 сл., 222 сл. и др.), предпочитает говорить в данном случае о словопроизводных отношениях лексем, обозначающих различные объекты: *Wilušija*, находящаяся на севере, близ области *T(a)ruiša*, основана колонистами, выходцами из страны *Wiluša* на юге Малоазийского полуострова (Kretschmer, 1933, 253). Однако нет необходимости в столь сложном объяснении, поскольку, во первых, все три рассматриваемых топонима по причинам, изложенным выше, следует исключить из сферы проблем, относящихся к Аххийяве, во-вторых, большинство современных ученых, несмотря на всю сложность вопроса, сходятся на том, что местоположение Вилусы, как одной из стран, периодами составляющих объединение автономных владений, называемое *Arzawa*, то дружественных хеттам (или покоренных хеттами), то враждебных им, следует искать на окраине этой территории, к северу от страны реки Сеха, поскольку государство Арцава (имеется в виду не собственно Арцава, возможно, позднехеттская Кария) само располагалось на западе Малоазийского полуострова, севернее страны *Lukka*. Эти выводы сделаны главным образом на основе сохранившегося клинописного текста договора Муватталиса (около 1306—1282 гг. до н. э.) с Алаксандусом из Вилусы (время заключения договора — около 1300 г.), где во Введении, повествующем об истории отношений хеттских царей с указанными территориями, начиная с Лабарнаса (ок. 1680—1650 гг. до н. э.), Вилуса упомянута наравне с Арцавой, характеризуясь в отличие от последней как страна, всегда сохраняющая лояльность по отношению к хеттскому царству, см. § 2 договора — Garstang, Gurney, 102; там же намеки на возможную многовековую вассальную зависимость Вилусы от хеттов: в § 17 договора Алаксандус прямо назван в числе 4 царей страны Арцава (там же); о локализации Вилусы в районе среднего и нижнего течения Сангария, с тем, что территория Вилусы протянулась „на неопределенное расстояние на запад, включая Трояду“, см. подробно Garstang, Gurney, 101 сл., особенно 104; Дьяконов, 1968, 106 сл., прим. 72 — в Трояде, с изложением иных мнений; Page, 116, прим. 33.

Таким образом, у нас нет веских причин сомневаться либо в идентичности объектов, обозначаемых хеттскими текстами как *Wiluša* и *Wilu-*

šija, либо в соотношении между этими топонимами типа *Τροία* „город Троя“ — *Τροιάς, ἄδος* „Троада“, т. е., в хеттском представлении, „страна города Трои“ (ср. Garstang, Gurney, 105 сл.). В таком случае особую важность приобретает свидетельство анналов Тудхалияса IV (правда, текст довольно сильно испорчен), перечисляющих, по всей вероятности, с юга на север вновь покоренные территории, входящие в конфедерацию, в этом договоре уже называемую *Aššuwā* ≈ греч. Ἰδία (см. выше): список начинается с названия (страна) *ukka*, обычно восстанавливаемого в качестве *Lukka*, ≈ греч. Λυκία (см. Page, 106; относительно хеттско-греческого соответствия специально — Гиндин, 1967, 100 сл.); однако ср. сомнения по поводу данной реконструкции: Garstang, Gurney, 106; затем в списке Тудхалияса IV на 8 месте стоит *Karakiša*, определенно клинописный вариант названия *Karkiša* = *Karkija* (Garstang, Gurney, 107; ср. Page, 106) ≈ позднеанат. греч. Κάρια, на 15 — *Kuruppija*, вероятно, идентичная *Kuruppi* из фрагмента Арнувандаса III (ок. 1220—1190), где она упомянута вместе с *Karkiša* и *Luša* — Garstang, Gurney, 106 (тип взаимосвязи *Wiluša* — *Wilušiija*) и на следующем 16, возможно, *Luša*, если это не окончание какого-то имени (Garstang, Gurney, 105, прим. 6). Соответственно, *Karkiša*, *Maša*, *Lukka* и *Warsijalla* (по-видимому, *Warsija* — 14-е название из перечня стран Ассувы в анналах Тудхалияса IV) указаны в § 14 договора Муватталиса с Алаксандусом о вассальной зависимости последнего в качестве возможных врагов хеттского царства, против которых Алаксандус должен выступить на стороне Муватталиса. Это говорит, если не о непосредственной близости данных территорий (особенно Лукки и Каркисы) к Вилусе, то во всяком случае о сравнительно быстрой досягаемости армией царя Вилусы (ср. Forrer, Forschungen I, 1, 77 сл.; Дьяконов, 1968, 110, прим. 82). В результате помещенные в самом конце перечня Тудхалияса *Wilušiija* (= *Wiluša*, в договоре Муватталиса с Алаксандусом) и *Taruiša* оказываются на северной окраине страны Асува, которая сама локализуется в северо-западном углу Анатолии, и поэтому в территориальном отношении с достаточным основанием могут быть совмещены с гомеровской Троадой, объединенной под властью Приама, ср. Garstang, Gurney, 107.

Соседство Велусии и Таруисы в списке Тудхалияса IV, усугубляющее сомнение некоторых хеттологов по поводу тождества хетт. *Taruiša* с греч. *Τροίη* и пр. (см. Дьяконов, 1968, 113, прим. 92), скорее говорит в пользу подлежащей исследованию идентификации, так как у Гомера свежи еще отголоски того времени, когда, по всей вероятности, земля Троя, в смысле Троада, и город Илион были автономными понятиями и, возможно, территориально не совмещались. У Гомера (и в других греческих памятниках) Илион — всегда только город, по хеттским понятиям, „страна города“, а Троя — первоначально лишь название целой области, у Гомера уже включавшей и Илион. Бете в свое время отметил, что *Τροίη* как обозначение города встречается в более новых кусках текста гомеровских поэм, в древних частях, напротив, отмечены только сочетания *Τροίη πόλις* и еще чаще *Τρώων πόλις* или *Τρώων πολίεθρον*, т. е. „город (укрепленный) троянцев“ (Bethe, 156; Kretschmer, 1933, 255). Позднее, может быть, к периоду составления и обработки поэм самим Гомером (VIII—VII вв. до н. э.) указанное соотношение было нарушено под влиянием греческих представлений о полисе-государстве. Тудхалияс IV, правивший ок.

1250-1220 гг. до н. э., вполне мог быть ранним или поздним или просто современником Приама и Нестора, предстающих в поэмах глубокими старцами,—Троянская же война с последующим разрушением Трои произошла, согласно археологическим данным, в конце слоя VII а, на что, по общему мнению, указывают следы пожара. Блеген датирует Трою VII а 1300—1260 гг. до н. э. — Blegen, 1963, 174, либо 1300—1250 — Blegen в кн.: Wace, 383, Акургал—около 1240 г.—Akurgal, 1961a, 2; традиционная дата, выведенная на основе генеалогий греческих правителей, хронологически несколько ниже: по мнению поздних греческих историков, Эратосфен (или Аполлодор), исходя из периодов правления царей Лакедемона, придерживался даты Троянской войны между 1193—1184 гг. до н. э.; впрочем, на основе геродотовых генеалогий получается \pm 1250 (см. Blegen в кн. Wace, 386 с предпочтением, естественно, последней даты, ср. Дьяконов, 1968, 112; более подробно с литерат.: Page, 95, прим. 155, 159; специально об античных хронологических выкладках: Forsdyke, гл. II с отнесением Троянской войны к рубежу XIII—XII вв. на основе хронологических, исторических и археологических данных (с. 68 сл.), см. еще Лосев, 64; ср. Bérard, 6 сл.¹ Несмотря на незначительные расхождения в хронологии Троянской войны, анналы Тудхалияса в любом случае отражают реальную автономию объектов, получивших в греческой традиции отражение в виде *Τρωία* и т. д. и *Ἰλιος/Ἰλιον*, и, возможно, объединенных в одно владение царем Приамом (ср. Strab. XIII, 1, 7, см. выше, с. 124). Не исключено, что после поражения, нанесенного Тудхалиясом IV конфедерации Ассува, *Wiluša* и *Taruša*, подобно стране *Wiluša* в правление Муватталиса, попали в вассальную зависимость от Хеттского царства. Может быть, именно этим обстоятельством объясняется участие хеттоязычных племен в Троянской войне в числе союзников Приама: меонийцев, ликийцев, карийцев и длегов, согласно Илиаде (II, 866, 867, 876; X, 428—431), поскольку, как известно, вассальная зависимость предполагала военную помощь и со стороны сюзерена. В данном культурно-историческом контексте, вероятно, находят объяснение и поставившие в тупик еще Страбона (XIII, 1, 69) „загадочные“ *Κήτειοι*, упомянутые в Одиссее среди союзников троянцев и убитых, по рассказу Одиссея, Неоптолемом, сыном Ахиллеса: (Od. XI, 519 сл.) *ἀλλ' οἷον τὸν Τηλεφῶδην κατενήρατο χαλκῶ, ἢ ἦρω Εὐρύπυλον, πολλοὶ δ' ἀμφ' αὐτὸν ἑταῖροι* // *Κήτειοι κτείνοντο γυναίων εἴνεκα δώρων* „и такого героя Эврипила, сына Телефа, умертвил медью, многие вокруг него спутники кетейцы были убиты из-за женских даров“.

Кречмеру принадлежит в формальном отношении четкая и развернутая идентификация ЭН *Κήτειοι* с анатолийской (дохеттской) основой, отраженной названием страны хеттов KUR URU *Hatti*, и сопоставление как с возможно родственными топонимами: *Κητίς* — местность в Киликии, *Κίτιον*, *Κέτιον*, *Κήτιον* — город на Кипре, созвучный библейскому названию Кипра *kittim*²; ввиду мизийского ГН *Κήτειος* (бассейн Кайка), с которым Страбон поставил в связь кетейцев Эврипила (Strab. XIII, 1, 70), а также надписи на монете из Пергама *ΚΗΤΕΙΟΣ*, следует отнести сочувственно к мысли Кречмера о метрическом растяжении *Κήτειοι* < **Κήτιος*, аналогично

¹ Относительно датировки Троянской войны см. еще Гордезиани, 1970, 293: после \pm 1265 г. и до 1230.

² О бывшей принадлежности о. Кипра (хетт. *Alašija*, ср. мик. ЛИ (?) *a-ra-si-jo* KN Fh 369 — Morpurgo, 33) к хеттскому царству см. Güterbock, 1967; Иванов, 1974, 6 сл.

λύκειος при *λύκιος* (Kretschmer, 1927d, 8 сл.; там же ссылки на предшествующую литературу). Относительно греч. передачи р.-хетт. *ḫ* через *κ* ср. хетт. *Hilakkai* — греч. *Κίλικες*, подробнее см. с. 41. Сюда же несомненно принадлежит ЭН *Κατάρες*, в Юго-Восточной Каппадокии, из **ΚατάΦορες* (анат. **Hatta-wana/i* букв. „житель страны Hatti“). При этом *Κατά(Φ)ορες* относится к более адаптированной по исконно греческой модели дублетной передаче *Κήτειοι*, как м.-аз. ЭН *Λυκά(Φ)ορες*, букв. „житель страны *Lukkā*“ к *Λύκιοι* „ликийцы“ (см. Heubeck, 1959, 63, прим. 22; 1961, 54; специально об анатолийских и догреческих производных от топонимической, resp. этнонимической, основы, отраженной в хетт. *Lukkā*, см. Гиндин, 1967, 99 сл.). В этом смысле весьма интересны эпитеты Аполлона, чье происхождение из Малой Азии несомненно, ср. в первую очередь хетт. *ap-pa-li-u-pa-aš* (начало испорчено, детерминатив не читается); сочувствие к гипотезе Форрера, предложившего отождествление данной клинописной фиксации с греч. **Ἀπελιών* = **Ἀπόλλων* (RHA I, 141 сл.), ср. кипр. *Apeilon*, дор. **Ἀπέλλων* (Kretschmer, 1936, 250), см. Laroche, 1947, 80; Heubeck, 1959, 19; Frisk I, 124; Nilsson I, 559 сл.¹ Имеются в виду Аполлон *Κατάων* (Strab. XII, 1, 5; P.-B. I, 636; Kretschmer, 1954, 3) < **ΚατάΦων*, -*ονος* к м.-аз. этнику **Kata-wana*, и Аполлон *Λυκάγγενης* = *Λύκειος*, *Λύκιος* (специально Гиндин, 1967, 100 с прим. 95; Nilsson I, 562); типологическая параллель к первому в имени царя Аркадии, сына Пеласага—*Λυκά(Φ)ων*, -*ονος* (Гиндин, 1967, 103).

Отождествление гом. *Κήτειοι* с раннеанатолийскими хеттами, жителями страны *Hatti*, находит недвусмысленное подтверждение в генеалогии предводителя кетейцев Эврипила, по античной традиции, мизийского царя, правящего областью в бассейне Кайка; между прочим в эпитоме Аполлодора (V, 12) Эврипил привел под Трою большое войско мизийцев. В его генеалогии данная реальная этногенетическая связь предстает в следующем трансформированном мифологическом виде: *Εὐρύπυλος* в цитированных стихах Одиссеи назван *Τηλεφίδην* т. е. сыном мифического героя *Τήλεφος* (тоже царя Мизии), отцом которого был Геракл и которого некогда ранил в ногу и исцелил Ахилл.² Личное имя *Τήλεφος* сопоставимо в формальном отношении с хетт. богом растительного мира ^D*Telepinuš*: ^D*Talipini*, в усеченной форме также ^D*Telipi* и т. д., заимствованным из хаттского (Kretschmer, 1927d, 13 сл.; ранее Hrozný, 1917, 3, прим. 2; кроме того, Laroche, 1947, 34); согласно Kretschmer, 1927d, 14, *Τήλεφος*, грецизированное имя анат. божества *Telepinus* и *Telipi*; по Стефану Византийскому и другим античным авторам, *Τήλεφος* — отец лид. героя *Τάρχων* (St. B., s. v.: *Ταρχώνων*, πόλις Τυρρηνίας, ἀπὸ Τηλέφου πατρὸς Τάρχωνος; P.-B. II, 1517), несомненно восходящего к хетт.-лув. богу грозы *Tarḫu* (Heubeck, 1959, 34 сл.; Laroche, 1947, 89; Гиндин, 1967, 126 сл. специально с литератур.; см. также выше, с. 36 сл.). Tzetzes у Lykophron 1249 сообщает, что у жены Телефа *Ἴερά*, кроме Тархонта, был сын *Τυρρηός*. Кстати, эта Гиера весьма самобытный мифологический персонаж: по Philostr. *Heroikos* II, 18, она сражалась как амазонка, во главе мизийцев на колеснице

¹ Более подробно с некоторыми новыми соображениями относительно отождествления греч. **Ἀπόλλων* — хетт. *Appaliunaš* см. Гиндин, 1975а, 57 сл.

² Как и весь рассмотренный отрывок, какую-то неясность вызывало у древних словоупотребление *Τηλεφίδην*, обусловившее необходимость в толковании Гесихия: *Τηλέφου υἱόν* (s. v.).

против греков и, согласно версии Tzetzes Antehom. 278 сл., была убита Ниреем. К сожалению, заманчивая этимология Кречмера (1927d, 9 сл.) греч. *Ἰερά* = хетт. богине *Ishara* вызвала резкое возражение Лароша (Laroche, 1947, 57), впрочем непоясненное.

У Стефана Византийского (s. v.) фиксированы также *Τηλέριος, δῆμος, καὶ Τηλέφου κρήνη, Λυκίας*, на ликийской монете сохранилось *Telebehihe*, а в надписи из Глоса *telebehi* (TAM I, 26, 21, ср. S., 200) — все эти формы лишнее свидетельство в пользу малоазийского, resp. анатолийского происхождения имени отца предводителя кетейцев *Τήλεφος* (Kretschmer, 1927d, 14). Недавно Топоров (1972b, 80) вновь привлек вслед за Барнетом имя мизийского царя Телефа в форме *Τέλεφως* (?), имя нимфы *Τελεφούσα* и т. д., как продолжение анат. ^D*Telepinuš*¹ в связи с индоевропейско-ностратическим комплексом **Tel-p-n*, **tal-p-n*, в кругу мифологических ассоциаций между пчелой и богом плодородия, с одной стороны, и вост.-слав. пчеловодческой лексикой *мелепень, мелепаться* и т. д., с другой.

Чтобы закончить описание необходимого культурно-исторического контекста интересующих нас гомерово-(трояно)-хеттских тождеств, отметим еще один момент.

В III песне Илиады (стх. 184—190) Приам вспоминает, что он уже приходил во Фригию (*Ἴδε καὶ Φρυγίην εἰσηλύθων*), будучи союзником (*ἐλίχουρος ἕων*) фригийцев, предводительствуемых Отреем и Мигдоном, в битве с амазонками на берегах Сангария (*παρ' ὄχθας Σαγγαρίου*) и „видел там многочисленнейших фригийцев, мужей быстроконных“ (*Ἐνθα ἶδον πλείστοις Φρύγας ἀνέρας αἰολοπύλους*). Гарстанг и Гарни, основываясь на этом эпизоде и ряде соображений, которые в деталях (время события — за 50 лет до Троянской войны, приход фригийцев под предводительством Акмона из Европы около 1270 г. до н. э.; в Илиаде Фригия локализуется в Малой Азии) не могут быть приняты без существенных оговорок, делают тем не менее интересным предположение о возможном отражении в данном эпизоде поэмы войны Тудхалияса IV с конфедерацией Ассува, могущей состоять, добавим от себя, из разноязычных и разноплеменных компонентов, включая фригийцев и фракийцев, переселившихся к этому времени с Балканского полуострова (Garstang, Gurney, 107; ср. Дьяконов, 1968, 114). В науке давно обратили внимание в этой связи на то, что, в свою очередь, в мифе об амазонках греки отразили свои представления о хеттах и их империи (ср. роль царицы у хеттов, например, по Тау. III, 58 сл.: „... в стране хатти семья царицы пользуется большим уважением“ — русск. перев. — Борухович, 1964, 100) и многое другое;² кстати, не может ли отмеченное обстоятельство пролить какой-то свет на приведенное выше загадочное выражение по поводу гибели кетейцев „из-за женских даров“?³ См. выше о жене Телефа, сражающейся как амазонка.

¹ См. также Гиндин, 1977, 60 сл.

² Об отождествлении амазонок с хеттами см. поразительное по полноте и глубине проникновения в мифологический материал исследование В. Леонхарда за 6 лет до первых расшифровок Ф. Грозного; И. М. Дьяконов (1968, 14), Вяч. Вс. Иванов. Древние культурные и языковые связи южнобалканского, эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов. — В: Балканский лингвистический сборник. М., 1977, с. 15, прим. 40.

³ Интерпретацию этого „загадочного“ формульного выражения в рамках отождествления амазонок с хеттами см.: Л. А. Гиндин. Гол. *Κήρυξι* В: Античная балканистика, 3. . . с. 13 сл. с уточнением перевода „из-за даров женщинам“ (Gen. objectivus).

Только теперь, убедившись с точки зрения плана реалий в потенциальной возможности отождествления гом. *Troia* — хетт. *Taruiša*, гом. *Ἴλιος/-ον* — хетт. *Wiluša*, resp. *Wilušija*, мы считаем для себя правомерным продолжить их интерпретацию с формальной стороны.

Итак, возвращаясь к первому из предполагаемых тождеств, попытаемся в аспекте перспективы, открываемой гипотезой Форрера, реконструировать качество согласного или сочетания согласных, падение которых образвало хиатус в ион. форме *Tρωϊη* и под. Фонетическую эволюцию хеттского топонима, приведшую к гом. *Troia*, Форрер представлял следующим образом: хетт. кл. *Ta-ru-(ū)-i-ša* = *T(a)ro(v)isa* > **Troosa* > *Troiha* > *Troia* (Forrer. Forschungen I, 2, 262, ср. 1924, 6 сл.). Нетрудно заметить, что здесь *σ* в греч. названии предположено ad hoc и обусловлено выдвигаемой гипотезой об идентичности греч. топонима с хетт. *T(a)ruīša*, хотя именно это и является в конечном счете целью исследования Форрера. Оставляя в стороне возражения Фридриха, основанные на законе, выведенном Зомером о неизбежности возникновения в анлауте придыхательного после выпадения интервокального *σ* (Sommer, 1905, 54 сл.), почему из **Troisa* через ступень *Troiha* должно было бы получиться **Θροία*¹ (Friedrich, 1927, 102), укажем на другую слабость реконструкции Форрера: она не объясняет хиатус между 1 и 2 слогами [*Tρωϊ-*], исходя, видимо, из якобы само собой разумеющегося выпадения *F* (см. Forrer, 1929, 262, относительно возможности контракции *ou* bzw. *oi*, произошедшей до перехода *s* > *h*, ср. Kretschmer, 1930, 167, где автор оперирует формой **Tροΐσα*). В то же время Кречмер, сразу присоединившийся к гипотезе Форрера о тождестве топонимов, признал невероятным падение *σ* в данной позиции через аспирацию (*Verhauchung*), так как подобное *σ* или *σσ* присутствует во многих топонимах и *Tρωϊά* выглядит в качестве деривата с *ā* от *Tρωϊες*; там же он выдвинул мысль о замене в данном случае м.-аз. суффикса *-sa* через греч. *-iā* (Kretschmer, 1924, 213); в Kretschmer, 1927c, 168, он предпочитает говорить о замене в греческом малоазийского окончания *-isa* через *-ισ(σ)α*, *-ισσος* по типу *Λάρισα*, *Ἴλι(σ)ός* и проч.

Несколько иным был ход рассуждений Боссерта по поводу суффиксального *-iša*. Он предположил гипотетическую хеттскую форму **Taruja*, коррелятивную *Taruiša*, аналогично *Karkija*: *Karkiša* (Bossert, 1946, 43, у Garstang, Gurney, 105, прим. 8).

Коль скоро речь идет о суффиксальной части, то Кречмер, пожалуй, прав, считая невозможным выпадение суффиксального *σ* на греческой почве. Однако вопрос о его суффиксальной природе не столь прост даже в пределах хеттского. Ларош, специально исследовавший анатолийские топонимы со словообразовательным элементом, содержащим удвоенное *ss* (главным образом *-ašša*), пришел к выводу, что они представляют собой в формально-семантическом отношении множественное число среднего

¹ Однако, имеется, во-первых, достаточно примеров, когда под действием аналогии указанная закономерность не проявляется, ср. gen. *tān* атт. *tōn* из **tāson* по *taiš* (Kretschmer, 1930, 167), *τρώω* < **trowoo* и пр. (Sommer, 1905, 78 сл.); во-вторых, поскольку согласно Зомеру, выпадение интервокального *s* обуславливалось аспирацией лишь только тогда, когда это происходило во втором непредударном слоге, Форрер резонно возразил Фридриху, что здесь речь может идти только о 3-м слоге, так как в хеттском не было дифтонга *oi* (Forrer, 1929, 262); в греческом, добавим от себя, первоначальная форма названия — *Tρωϊα* и пр., тоже не имеет дифтонга.

рода от относительных, resp. посессивных, прилагательных на *-ašša/-ašši-* функционирующих в лувийском в качестве родительного падежа существительных (т. наз. *genetivus adjectivus*); в хеттской парадигме склонения существительных ей соответствует апофонический генетив на *-aš* (Laroche, 1957, 1 сл.; 1960a, 156; Dict., 136; Heubeck, 1961, 50 с литерат. в прим. 96; Гиндин, 1967, 74). Иначе, по мнению Лароша, обстоит дело с топонимами на *-aša, -iša, -uša*, содержащими в финальной части простое, неудвоенное *s* и где должно принимать во внимание возможность гетерогенного происхождения; в частности, простое *s* при значительно меньшей частоте по сравнению с удвоенным *ss* нередко встречается в топонимах дохеттского происхождения, принадлежащих к вторично тематизируемой посредством гласного *a* основе нехеттского географического названия, ср., например, *Hattuša* из древнего хатт. *Hattuš*; *Tauriša* из хатт. **tauriš*, сирийск. *Pišaiša* — дериват хурр. *pišaiš* (Laroche, 1957, 2); два последних, особенно *Pišaiša*, по своему фоно-слоговому составу типологически сходны с нашим *Taruiša*. Чисто хеттские топонимические образования с неудвоенным *s* крайне редки: в двух работах Лароша (1957, 1961), анализирующих соответственно 69 и 1^o8 топонимов, имеется, кажется, лишь один случай такого географического названия с простым *s*, которое несомненно здесь принадлежит к аппеллативной основе, это название горы *Iškīša* от хетт. *iškiš(a)* „спина, хребет“ (Laroche, 1961, № 87) и, возможно, также название горы *Lawaša* при названии города *Lawanda*, что может указывать с большей долей вероятия на суффиксальное *-(a)ša* (Laroche, 1961, № 42). Морфологический тип *Kaškainariša* недостаточно ясен. Ларош членит его на *Gašga-inar(i)-ša* „de la déesse Inar des Gašga“ (Laroche, 1957, № 22), усматривая в нем параллельное образование к *Piggainarešša* из *Pigga-inari-šša* „de la déesse Inar(a) de Pigga“ (Laroche, 1957, № 47). Поскольку богиня *Inar(a)* заимствована из хаттского пантеона, правомерно предположить во втором топониме, с удвоенным *ss*, выравнивание по хетто-лувийской словообразовательной модели. В монографии Гарстанга—Гарни приведено сравнительно много топонимов с простым, неудвоенным *s*, по нашим подсчетам 12; при этом принимались во внимание только формы на *-ša* с предшествующим гласным (см. Garstang, Gurney, Index), среди них *Hattuša, Hajaša*, чье нехетто-лувийское происхождение несомненно; *Taruiša, Wiluša*, нехетто-лувийский генезис которых доказывается в настоящей работе; *Karkiša/Karkija* при возможном возведении к неиндоевропейскому дохеттскому слою (см. Гиндин, 1967, 114), *Maša* с *s*, относящимся к основе; прочие, кроме *Ališa* и *Lawaša*, неясны по составу. Интересно, что у Гарстанга—Гарни (там же), видимо, только в 2-х топонимах наблюдается мена простого *s* и удвоенного *ss*, см. *Zidakapišaš*: *Zitakapiššija*; впрочем, в этой лексеме не исключена принадлежность одного *s* к основе с дальнейшим выравниванием, аналогично *Šareššija* от *Šeris* при последующем переразложении и эволюции в *Šerišša* (Laroche, 1957, 2) и упомянутое *Šerišša* (у Garstang, Gurney, 117 — *Šarišša*): *Šerisa*, где *s* определенно относится к основе, см. капп⁴. *Šeris* (Laroche, 1957, 2). К ним позволительно добавить еще *Hattarašša* от *Hattarša* при глагольной основе *hattara-* „croiser?“ (Laroche, 1957, № 8) и *Apa(š)ša* в Арцаве (Laroche, 1957, № 3), пока единственно наблюдаемый чистый случай синхронно фонетической вариантности в суффиксальной

части. Совершенно иное положение наблюдается в греческой и догреческой топонимии с суффиксальным комплексом, включающим чередующиеся σ : $\sigma\sigma$. Нерелевантность фонетической и, видимо, графической мены в синхронном плане свидетельствуется двумя весьма показательными фактами: 1) догреческая топонимия, восходящая к анатолийскому слою с $-ss-$, имеет варианты с $\sigma\sigma$ и σ , например, догреч. Παρνασσ(σ)ός при анат. *Parnašša*, ср. греч.-м.-аз. передачу памф. Κολβασσ(σ)α при хетт. *Kiṣṣappašša* (Laroche, 1957, № 30) и пр.; 2) в чисто греческих географических названиях на $-όσσα$, $-οῖσσα$ < * $-ό-Fert-ka$ сплошь и рядом имеются варианты с неударенным σ , например, Ὑδροῖσσα < * $Ὑδρό-Fert-ka$ „богатая водой“ варьируется в греч. топонимии с Ὑδρόεσσα: Ὑδρουσα — название о. Тенос: Ὑδροῖσσα, старое название о. Кеос (Р.-В. II, I, 576); многочисленные нерелевантные варианты в догреческом слое на $-(σ)-$ см.: Гиндин, 1967, 60 сл.

Думается, у нас теперь есть достаточно оснований, дабы усомниться в суффиксальном характере неударенного s в топониме *T(a)ruiša*.

Помимо того, что это географическое название, как и, видимо, *Wiluša*, не имеет соответствий в раннехеттской ономастике, в пользу гипотезы о нехеттском происхождении обоих недвусмысленно свидетельствует отсутствие в северо-западной оконечности Анатолии, совпадающей по своей территории с гомеровской Троедой (тем более в тексте поэм), следов раннехеттской и в большей мере позднехеттской топонимии и, что особенно показательно, гидронимии. Вместе с тем это не исключает известного числа антропонимов, встречающихся у троянцев и их союзников, восходящих к ранне- и позднехетто-лувийским языкам, появившихся в результате этнических трояно-хетто-лувийских связей различного характера (подробнее ниже, с. 164, 166 сл.).

Продланное в этой главе обследование топонимии гомеровской Трои в плане ее фракийского и шире балканского происхождения, при отсутствии языковых связей у *T(a)ruiša* в пределах Анатолии, побуждают нас в поисках необходимого сравнительного материала для окончательного выяснения природы s в хеттской передаче топонима и hiatusа в греческой обратиться к древнебалканской негреческой ономастике, с более пристальным вниманием к фракийским реликтам.

Действительно, в ономастике континентальной части Балканского полуострова обнаруживается целый ряд омофонических лексем, содержащих инлаутное s в основе или в исходе основы перед финальным морфологическим комплексом (суффикс + флексия, либо голая флексия); необходимо учитывать также адаптационный момент в процессе грекоримских передач. Вл. Георгиев еще в своей первой работе о догреческом субстрате и его носителях, анализируя этноним *E-trūs-ci* и название области на Апеннинском полуострове *E-trur-ia* < **E-trūs-ia* как форму с протетическим гласным перед консонантной группой, отсутствующим в египетской транскрипции этнонима *Twrwš'* (возможное чтение *Trusa*), вывел указанный этноним из **trūs-es* и соответственно топоним из **trūs-jā* при диахроническом тождестве с гом. **Tṛā(σ es):**Tṛā(σ)ka* > **Tṛōia*. Для уточнения исходной формы данных ономастических лексем и их этнической атрибуции он привлек распространенные главным образом в западной части Балкан (Далмация, Истрия, Норик, область венетов, Македония) иллирийские личные имена *Trosius*, *Trosia*, ср. в Апулии *Trosantios* и мессап. *trohandes*, *traohandihī* с ссылкой на Krahe PN, 119, 118 и Kretsch-*

mer Einl., 260 (Georgiev, 1937, 183¹). Идеи о диахронической идентичности ЭН *Τρῶες* и ЭН *E-trus-ci*, с одной стороны, и итал. ЭН *Tu(r)s-ci*, наряду с греч. ион. *Τυρσηνοί* (при метатезе **turs < *trus- < *trōses*), с другой, Георгиев развивал во всех без исключения последующих работах.

Позже Георгиев (1958, 172) возвел всю переселенную группу слов, произошедших от этнонимической основы **Trōs-*, через монофтонгизацию дифтонга *au > o* к более первоначальной форме **Traus-*, сохраненной названием фракийского племени *Τραυσοί*, обитавшего в юго-западной части Родоп, согласно предположениям Томашека (Tomaschek I, 100) и Дечева (D., 521), основанным на показаниях античных литературных памятников (см. ниже); также Данов, 119, 104—105 (карта); Златковская, 1971, 28, карта 1.

Остановимся несколько подробнее на этом ключевом этнониме еще и потому, что он, по всей вероятности, отражен в позднее, видимо, образовавшемся, возможно не без влияния греческих передач, этнониме *Θραϊκες* и т. д., распространенном греками в качестве общего названия на все многочисленные родственные племена, жившие, грубо говоря, в восточной части Балканского полуострова по обе стороны Дуная, вокруг Хэмуса и т. д., от Карпат до побережья Эгейского моря. За исключением этнонима *Etrusci*, вопрос идентификации данных племенных названий имеет первостепенную важность в цепи аргументов в пользу гипотезы о значительности фракийского компонента в населении гомеровской Трои.

Травсы упоминаются наряду с гетами и племенами, жившими севернее крестонайев, как племена, отличающиеся своим нравом и обычаями от прочих фракийцев (Hdt. V, 3). Ливий мельком говорит о травсах (в его фиксации *Thrausi, gens et ipsa Thraecum*) в связи с движением Манлия в 188 г. до н. э. в направлении ущелья около Темпиры к западу от Хэброса, куда они пришли в надежде на добычу (Liv. XXXVIII, 41, 5). Свидетельство Ст. Византийского, возможно безнадежно испорченное в процессе многократных переписок: *Τραυσοί, πόλις κελτοῦς ἔθνος οὗς οἱ Ἑλληγες Ἀγαθίρσοις ὀνομάζουσι*², ставит перед фраколсгами, иранистами и даже исследователями кельтских реликтов на Балканах сложные и трудно разрешимые проблемы, во все подробности которых у нас сейчас нет возможности входить. Несогласованность по смыслу характеристики *πόλις Κελτοῦς* с прочими сообщениями древних о *Τραυσοί* (см. выше), непривычность у типичного с точки зрения формы этника *Τραυσοί* значения *πόλις* (см. Hansen, 76 сл.; впрочем, ср. у St. В. *Γελωνοί πόλις Σαοματίας*), тем более в византийский период, и обилие разночтений *Κελτῶν, Γετῶν* вызвало сомнение в аутентичности текста у многих исследователей письменных памятников, относящихся к Балканам. Гутшмид (по Tomaschek I, 99 и D., 4) предложил конъектуру *πλησίον Κελτοῖς*, сам Томашек (там же), кроме того, пишет о *blosse Dittorgafie: πόλις [καὶ ἔθνος, οὗς], ἔθνος, οὗς...*, Дечев, в случае правильности формы *Κελτῶν*, считает необходимым приписать спереди *καί* (D., 521), ср. Holder II, 1905 с пометой *thracisch?* Относительно второй половины фразы, что эллины считают травсы агафирсами и о происхождении этнонима *Ἀγαθίρσοι* также отсутствует единство мнений, вызванное, в первую очередь, разноречивыми свидетельствами

¹ Уже в этой работе (с. 183, прим. 2) учитывается хеттская форма *Ta-ru-i-ša [Truisā] < *Truisā < *Trōsja* с метатезой *is < sj*; подробно см. также Георгиев, 1958, 197—206.

² Извлечение из Геродиана (ср. Her. V, 3, 4).

древних авторов об агафирсах. Действительно, Геродот упоминает о них несколько раз при описании Скифии в IV кн., но нигде прямо не причисляет их к скифам, включая их в круг соседних племен, наряду с таврами, неврами, андрофагами, меланхленами, гелонами, будинами и савроматами (Hdt. IV, 102, ср. 100); правда, здесь даже *Σαυρομάται* (= *Σαομάται*) отделены от скифов, ср. еще St. B., s. v. v.: *Βουδινοί, ἔθνος Σκυθικόν; Γελανοί, πόλις Σαοματίας τῆς ἐν Εὐρώπῃ* (см. еще P.-B., s. v. v.) и т. д. Поздние авторы Птолемей и Плиний помещают агафирсов: первый — в Европейской Сарматии (к востоку от Карпат — Ptol. III, 5, 10), второй — в районе Борисфена (Plin. IV, 88). По хронологическим соображениям, а также из-за связи агафирсов с травсами, отмеченной Стефаном Византийским (см. выше), для нас предпочтительнее сообщения Геродота о том, что *ἐκ δὲ Ἀγαθήροων Μάρις ποταμὸς ῥέων συμμίσγεται τῷ Ἴστρω* „однако из области агафирсов река Марис [совр. Муреш] течет, впадая в Истр“; в предшествующем тексте говорится о притоках Истра, берущих начало в самой Скифии (Hdt. IV, 48) и что *τὰ δὲ ἄλλα νόμισα Θορήξει προσεχωρήσασιν* „остальные же обычаи [у агафирсов] были схожи с фракийскими“, кроме обычая носить золотые украшения и сообща иметь женщин, чтобы быть между собой братьями... (*ἐπίκοινων δὲ τῶν γυναικῶν τὴν μῆζιν ποιῶνται, ἵνα καθ' ἑαυτοῖς τε ἀλλήλων ἔωσι...*—Hdt. IV, 104); последнее — необычайно архаичская черта, указывающая на пережитки промискуитета. Таким образом, по Геродоту, в эпоху Персидских войн агафирсы обитали к юго-западу от Карпатского хребта, приблизительно в пределах совр. Баната и Семиградья (см. D., 3). Чтобы согласовать показания Геродота с высказыванием Стефана Византийского (s. v.): *Ἀγαθήροοι, ἔθνος ἐνδοτέρω τοῦ Αἴμου* „племя внутри Хемуса“, Томашек справедливо отметил, что это название горного края в древности „включало (ingeschlossen hat)“ также Карпаты (Tomasek I, 100; ср. D., 34). К такому заключению Томашек пришел на основании текста Геродота, продолжающего цитированную выше фразу о притоке Истра — реке Марис, текущей из области агафирсов, а именно (Hdt. IV, 48): *ἐκ δὲ τοῦ Αἴμου τῶν κορυφῶν τρεῖς ἄλλοι μεγάλοι ῥέοντες πρὸς βορρῆν ἄνεμον ἐσβάλλουσι ἐς αὐτόν, Ἄτλας καὶ Ἀβρας καὶ Τίβισις* „с вершин Хемуса три другие большие [реки] текут к северу, впадая в него [Истр], Атлас и Аврас и Тибисис“. К сожалению, все три гидронима суть *ἕπαξ λεγόμενα*, но *ῥέοντες πρὸς βορρῆν* следует переводить именно „текут (букв. протекая) к северу“. В пользу толкования Томашека могут быть приведены некоторые доводы реально-лингвистического порядка. ГН *Τίβισις* по основе тождествен названию реки *Τιβίσκος, Tibisia, Τιβήσας, Τιμήσης* — совр. Тимиш, засвидетельствованному многочисленными памятниками (D., 503); эта река, как и Марис, бесспорно локализуется в Прикарпатье, беря начало в Карпатских горах см. Rav. 204, 12: *per quas Dacorum patrias transeunt plurima flumina, inter cetera quae dicuntur: Tisia, Tibisia, Marisia*, ср. *municipium* на этой реке *Tibis* и пр. По всей вероятности, геродотово *Τίβισις* один из многочисленных вариантов гидронима *Τιβίσκος* и пр.; более того, в византийскую эпоху *Τίβισις* могло транскрибироваться в качестве упомянутого *Τιμήσης* < **Τιβήσης*. Относительно ГН *Ἄτλας* Дечев думает об употреблении вместо *Ἀλούτας* (D., 34). В дополнение к этому, как оказалось, теперешнее название Карпат вообще отсутствует у Геродота, Ст. Византийского и других древних авторов вплоть до Птолемея (см. P.-B., s. v. *Καρπάτης, Κάρπαθος*, ср. Kretschmer, 1936, 39).

¹ *Ἀγάθροοι* удовлетворительно трактуется на почве скифских реликтов: *Ага* = иран. *ага-* „плохой, злой“, к II части ср. имя скифского царя *Ἰδάρ-θύροος* (Р.-В. I, 534); сохранение в греческой традиции предположительно скифской формы *Ἀγά-θύροος* могло произойти под влиянием аналогии с греч. дионисийским *θύροος*, см. у St. В. (s. v.): *Ἀγάθροοι*.. *ὡς Πείσανδρος, ἀπὸ τῶν θύροων τοῦ Διονύσου*, ср. у Валерия Флакка *Thyrsagetae* вместо *Θυσοαγέται*. Базируясь на цитированном выше свидетельстве Ст. Византийского об отождествлении греками *Ἐρανοί* с *Ἀγάθροοι*, а также на возможностях объяснения последнего этнонима из скифского, Томашек сделал весьма правдоподобное заключение о скиф. *Ἀγάθροος* как об адаптационном эквиваленте, передающем исконно фрак. *Ἐρανοί* (Tomaschek I, 99 сл.). Более глубокие этимологические попытки истолкования *Ἀγάθροος* ≈ *Ἐρανοί*, принадлежащие Кречмеру и Фасмеру, восходят к изложенной гипотезе Томашека (Kretschmer, 1936, 39; Vasmer, 1923, 14); в то же время Кречмер (там же) резервирует возможность исторически совершенно различного происхождения обоих этнонимов при наличии звукового и, возможно, этимологического подобия между *-*θρανο-* и авест. *θραοδ* „zur Reife bringend“ (см. против без достаточных оснований D., 4 с пространным изложением всех мнений). Дечев, кажется, не учел, что упомянутые авторы не сомневаются в фракийском генезисе племени *Ἐρανοί*, при соприкосновении или смешении с скифами получившем иранское название *Ἀγάθροοι*, которое должно быть исключено, вопреки D., 3 сл., из фракийского ономастикона; о смешанном скифо-фракийском (skytisch-thrakischen Mischbevölkerung) писал Кречмер (1936, 37 сл.) вслед за Пачем, считавшим агафирсов фракийским племенем с скифским этническим суперстратом (Patsch, 69 сл.), ср. свидетельство Ст. Византийского и более прямолинейное утверждение Гесихия, пропущенное, между прочим, Дечевым (D., 521): *Ἐρανοί* (Hdt. V, 4) *ἔθνος Σκυθικόν*.

Итак, в свете изложенных данных *Ἐρανοί*, занимавшие один из районов в юго-западной части Родоп, действительно, оказываются осколком некогда могучего племенного образования, распространенного на обширной территории от Карпат, где сохранились *Ἐρανοί*—*Ἀγάθροοι*, до областей, включающих Родопы (Tomaschek I, 100; Kretschmer, 1936, 38 сл.). Схематично — это ареал собственно фракийских племен *Θραῖκες* и т. д. классического периода. Именно в данном культурно-историческом контексте идея Кречмера о диахронической идентичности греческих передач *Ἐρανοί* и *Θραῖκες* (*Θραῖκες*, *Θραῖκες*, *Θρηῖκες*, *Θρηῖκες*,¹ *Θρηῖκες*, *Θραῖκες*, лат. *Thraeces*, *Thracēs* и пр.) заслуживает самого серьезного внимания. По мысли Кречмера, *Θραῖκες*, видимо, в качестве этнонима, из **Ἐρανο-иakes* через ступень **ἘραFиakes* с выпадением консонантной группы *-цh-*, вызванной в соответствии с упомянутым правилом Зоммера аспирацию начального согласного; при этом предполагается, что греки восприняли это имя в период, когда действовал закон перехода интервокального *-σ-* в *-h-*, при последующем выпадении (Kretschmer, 1936, 39 сл.), ср. уже гомеровские формы *οἱ Θρηῖκες* (II. XXIV, 234), *Θρηῖκῶν* (II. IV, 519; III, 4) и т. д.; *Θρηῖκη* (II. XI, 222; III, 301) и т. д., напротив, форма *Ἐρανοί*, видимо, проникла в греческую языковую традицию еще до указанного перехода (Георгиев, 1958, 136 сл.) и в силу малой употребительности в греческом не изменила свой туземный

¹ У Дечева (D., 204) в реестровых формах с опечаткой без тремы.

вид; в фракийском интервокальное *s*, как правило, сохранялось, либо переходило в *z*, ср., например, ΓН *Ἰέρσος* (D., 102), ΜН *Γεομίζερα* при *Germisara* (D., 103), *Γεσηνός*—эпитет Хэроса (D., 103) и пр.; к эквивалентному следованию *-aus-* ср. ΜН *Δάυσαρα* (St. B., s. v. v.; D., 122) и пр. В таком случае этноним *Θραῖκες* (кстати говоря, эта форма реконструирована из *Θρήκες* и *Θραῖξ* — D., 204) и под., топоним *Θράκη* и т. д. могли появиться на территории Фракии лишь в качестве вторичного заимствования из греческого. Видимо, в связи с этим предположением следует поставить практически полное отсутствие этих форм в греческих надписях древней Фракии (пока можно указать, кажется, только одну очень позднюю — 149 г. н. э.: *Κλαυδιανόν, Θρηκῶν ἐν εἰσεβίῃ*, D., 204) и в противоположность этому многочисленность фиксаций латинскими надписями, что несомненно свидетельствует о его позднем, с периода римского владычества, распространении в пределах Фракии и у самих фракийцев.

Весьма вероятное предположение о том, что в догреческий, гесп. раннегреческий, период этноним *Τραυσοί* обозначал одно из наиболее многочисленных племен на территории древнейшей Фракии, в совокупности с рассмотренным в этой главе культурно-этнографическим контекстом, характеризующимся значительными размерами фракийского компонента в этническом составе гомеровской Трои, делает вполне реальным диахроническую идентификацию фрак. *Τραυσοί* с гом. *Τρωῶες* < **Τρωσες* и гом. *Τροίη*, более архаическое (ион.) *Τρωίη* и т. д., < **Τρωσῆα* (некоторые детали реконструкции см. ниже) в качестве стереотипного греческого названия области, образованного от этника, ср. пары ЭН *Λυκά(F)ορες* < **Lukka-wana/i*—греч.-м.-аз. *Λυκά(F)ορία, Κατά(F)ορες* < **Hatta-wana/i* → *Κατά(F)ορία* (см. выше, с. 148). В то же время представляется недостаточно корректным непосредственное отождествление формы *Τραυσοί* с формой **Τρω(σ)ες*, требующее неоправданного допущения монофтонгизации *ai* в *o*, либо в пределах фракийского (см. Георгиев, 1958, 137), либо на хетто-лувийской почве (см. Георгиев, 1958, 172; у Георгиева соседствуют оба постулата). Однако для фракийского такой эволюции дифтонга *ai* не отмечено, где он стягивался в *a* (Дечев, 1952, 37, особенно Mihailov, 1943, 42: *ἄπός* вместо *αὐτός*, *Ἀρηλίφ* ~ *Ἀρ[ο]ήλια* при лат. *Aurelia*, *Κλαδίον* и пр. при лат. *Claudio*); относительно хеттского см. ниже, с. 157. Поскольку в фракийском и.-е. *o* давало *a*, логичнее предположить, что в *Τραυσοί* дифтонг *ai* из *oi* (Дечев, 1952, 37) и что первоначальный облик данного этнонима нашел непосредственное отражение в гом. *Τρωῶες*, но воспринятом греками и адаптированным в процессе передачи иноязычного (фракийского) этнонима не из **Τρωσ(ε)ς*, а из более первоначального **Τροσ(ε)ς*, образованного от фрак. этнонимической основы **Trous-*; долгое *o* (греч. перед. *ω*) в м.-аз.-фрак. форме возникло, надо полагать, вследствие заместительного удлинения после выпадения интервокальной группы *-us-* (греч. *-Fσ-*), аналогично удлинению предшествующего гласного, сопровождающего обычное упрощение консонантного следования *σF* (*o* последнем см. Schwyzer I, 281 сл., например, гом. *τελήςεις*, послегом. *τέλειος*, ион., крит. *τέληος* и пр. „совершенный и пр.“, букв. „das Ende, das Ziel usw. betreffend, vollendet“ < **τελεισ-Fος*; ср. Frisk II, 871 сл.), ср. удлинение *a* в рассмотренной выше *Θραῖκες* = *Θρήκες* < **Θρασ(ε)ς*. Высказанная гипотеза хорошо укладывается и в хронологические рамки: гомеровская передача, основанная на многовековой устной традиции (не позднее времени Троянской войны, о дати-

ровке см. с. 147 сл.), фиксирует древнейшую фракийскую форму этнонима до осуществления перехода и.-е. *ou* в фрак. *au*, что отражено геродотовым *Τρωσοί*. Для подтверждения первоначального *-ou-* данной основы в собственно балканском ареале могут быть указаны приведенные выше иллир. ЛИ *Trosius*, *Trosia* и пр. (см. с. 152), хотя здесь ввиду мессап. *traohandithi* не исключено и $\bar{o} < au$, как в умбромском и древневерхненемецком, см. Mayer, 1959, 146.

Дечеву принадлежит удачная и.-е. этимология ЭН *Τρωσοί* < и.-е. **trēu-s-* „расти, процветать“ в авест. *θraoš-* „достигать зрелости, совершенства“ (Дечев, 1952, 7; ср. Рокопну, 1095). Поскольку же само фрак. *Τρωσοί* < **Trou-s-*, нашедшем непосредственное воплощение в гом. *Τρωῆες*, правомерно детализировать идею Дечева, квалифицировав данную прототипическую этнонимную основу, давшую в конечном счете название исторических фракийцев и троянцев, как и.-е. **treu-s-* в ступени *o*.

Оригинальная туземная форма, геср. основа этнонима или топонима, в греческой традиции трансформированная в *Τρωῆες*: *Τρωΐα* и пр., в аналах Тудхалияса IV, составленных, как уже писалось выше, незадолго до Троянской войны, сохранилась с более полным набором прототипических элементов, чем в гомеровских названиях. Существенны два момента. 1. Хетт. кл. *KUR^{URU} Ta-ru-i-ša*, дубл. [*KUR^{URU} T]a-ru-ū-i-ša* = *T(a)ruiša* или *T(a)ro(u)iša* в чтении Форрера (см. с. 144), содержит огубленный, могущий отражать дифтонг с сонантическим ζ до монофтонгизации дифтонгов; о возможности появления фрак. топонимов в Троаде в древнехеттский период см. ниже, с. 161 сл. Не исключено наличие \bar{a} в хеттской транскрипции, судя по дублетной клинописной фиксации. Следует учесть при этом, что в хеттском и.-е. *ou* не прослеживается, судьба и.-е. *au* не ясна, и только и.-е. *eu* четко проявляется как неапофоническое *u*, ср. *luk(k)-* „быть светлым и пр.“ при греч. *λευκός* „светлый, белый“ и т. д. (Kronasser, 1956, 44 сл.); кроме того, как уже отмечалось, вообще не ясен вопрос, различала ли хеттская клинопись *o* и *u*. 2. Хеттская передача включает \bar{s} , по всей вероятности, относящееся к основе (см. выше, с. 152). Правда, позиция этого \bar{s} в хеттском названии не соответствует оригиналу и вынуждает думать об адаптационном влиянии топонимов, геср. этнонимов, на *-(i)ša* (см. выше, с. 136 сл.), либо о метатезе в туземном прототипе. При этом необходимо учитывать и другое, что все детали механизма данной передачи установить невозможно: нам неизвестно, как в действительности был оформлен конец фракийских ономастических лексем, дошедших в греко-римской транскрипции. Очень распространенное *-i* в исходе основ греко-римских передач (см. Vlahov, 1963, 349—352; см. еще выше, с. 136 сл.) и даже в абсолютном конце, см. МН *Κουσιάβιρι* и пр. (с. 57) допускает и здесь предположение о туземной трояно-фракийской этно-топонимической основе типа **Trosi* в соответствующей хеттской клинописной передаче, претерпевшей метатезу с последующей тематизацией, подобно приведенному выше хетт. *Tauriša*, при хатт. **tauriš*.

В заключение наших изысканий по поводу гом. *Τρωῆες*, геср. *Τρωΐα* и пр., целесообразно подчеркнуть, что эти гомеровские названия и хетт. *Taruiša* несомненно являются независимыми и одновременными передачами одной и той же туземной (фракийской) ономастической основы.

Вифинский этникон *Τρωαῖοι* (D., 527) мог претерпеть аналогичные с гом. *Τρωΐα* < **TpoFsa* изменения, если это не позднее образование на

базе греческой передачи; относительно составного фрак. этникон-суффикса *-ληροι* см. с. 33 сл.

Малоазийские имена собственные: лик. ΜΗ Τροῦα (S., 216) = лик. туземн. **Trus* (реконструируется по аккузативу *Trushñ* — TAM I, 44b, 15; Houwink, 108), лик. ΛΙ Τροῦσαδας (Zg., § 1607), кар. ΛΙ Τροῦσης (Zg., § 1608), представляют собой дериваты основы **Trus-*, закономерно продолжающей раннехеттский эквивалент троянско-фракийского **Trous-* (ср. Шеворошкин, 261, 304). Милийск. наречное *trujeli*, толкуемое Шеворошкиным (там же) „по-труйски“ и связываемое им с греч. Τρωία, по нашему мнению, как и вариант *trujele*, из-за отсутствия следов *s* в исходе, является параллельным этникон-образованием от и.-е. **treu-* = хетт.-лув. **tru-*.

24. Из приведенных фактов реального и языкового порядка, касающихся культурно-исторической ситуации в районе гом. Трои, гесп. Троады, в эпоху Троянской войны и несколько ранее, с достаточной очевидностью явствует, что в этом плане нет значительных препятствий для идентификации гом. Ἴλιος / Ἴλιον и хетт. *Wiluša*, гесп. *Wilušiĵa*, которая в свою очередь взаимосвязана с обоснованным выше тождеством гом. Τροία (первоначальное Τρωία) и пр. — хетт. *Taruša* и, как мы надеемся доказать по мере изложения, с этнолингвистической точки зрения полностью ему адекватна.

Гом. Ἴλιος, реже Ἴλιον — главный город приамовой Трои — Троады, называемой в поэмах также Τροίη и пр. (см. с. 139; часто Ἰλίον πολίεθρον (II. IV, 33; XIII, 380; XXI, 433), Ἰλίον ἄστυ (II. XXI, 128); Ἰλήιον (πεδίον) „Илионская (равнина)“ — II. XXI, 558, по Гесихию (s. v.) τὸ Ἰλιακόν, ἀπὸ Ἴλιον τὸ τῆς Ἰλίου πεδίον; неожиданность корневого вокализма, однако, вынуждает думать о смешении здесь Ἰλήιον с Ἰδίιον (Р.-В. I, 544). У Гомера встречается также личное имя Ἰλιονεύς — троянец, сын Форбаса (II. XIV, 489), типичное этникон-образование по продуктивной греческой модели. Все прочие производные от данного топонима (Ἰλιακός, -ή, -όν; Ἰλιάς, -άδος; Ἰλιάδης, -ον; Ἰλιεύς и т. д.) в гомеровских поэмах не засвидетельствованы; в плане династических связей Приама с балканскими фракийцами обращает внимание встречавшийся у более поздних авторов антропонимический дериват Ἰλιόνη — имя старшей дочери Приама, жены фракийского царя Полиместора (Р.-В. II, 545). Следующие два гомеровских личных имени представляются производными от основы, отраженной в интересующем нас топониме. Речь идет о мифическом эпониме Илиона Ἴλιος, по генеалогии, рассказанной Гомером устами Энея, — сын Троса, правнук Дардана, дед Приама и двоюродный дед Энея (II. XX, 214), основатель, согласно преданию, Илиона (Strab. XIII, 1, 25; ср. Apd. III, 12, 2); о его могильном холме подле Илиона неоднократно говорится в Илиаде (см. Ἴλιον σῆμα (X, 415; XI, 166), τύμβος (XI, 372) и т. д., ср. Strab. XIII, 1, 25); возможно, не случайно по некоторым источникам Ἴλιος назван фригийцем (ὁ Φρύξ — Herdn. I, 11, 2; Paus. II, 22, 3); но в источниках классического периода Φρύξ обозначало также „троянец“ (Р.-В. II, 1651). Другое личное имя, по всей вероятности, единственное сохранившее графические следы первоначальной формы данной ономастической основы, имевшей *ц* в анлауте, о чем ниже подробнее, это гом. Ὀϊλεύς, -ῆος — 1) царь локров, отец Αἴας, -αντος (русская традиционная транскрипция Аякс по лат. *Aiax*) и Медона (II. XIII, 697; XV, 333; II, 727 и др.); 2) троянец,

колесничий Бианора (II. XI, 93); ту же форму анлаута имеет синоним генеалогического эпитета Аякса — *Ἰλιάδης* (II. XII, 365; XIII, 712; XIV, 446 и др.); в более поздней литературной традиции и в схолиях к Илиаде также *Ἰλεύς* (P.-В. II, 1040; I, 544), закономерное с точки зрения ионийско-аттического диалекта. Базируясь на вариантах, указанных Зенодотом, в II. XII, 365: *αὐτίκ' ἄρ' Ἰλιάδην* вместо *αὐτίκ' Ἰλιάδην*; в II. XIII, 203: *κόφην ἄρ' Ἰλιάδης* вместо *κόφην Ἰλιάδης*; в II. XV, 333 и 336: *ὁ Ἰλῆος* и *ὁ Ἰλεύς* вместо *Ὀϊλῆος* и *Ὀϊλεύς*, хотя в первых двух случаях наличие дигаммы не обязательно, а в двух других вообще ничто не указывает на начальное *F*, Шантрэн, подобно многим другим, с достаточной определенностью реконструирует первоначальную форму имени как *Ἰλεῦς*, resp. *Ἰλιάδης*; см. Schwyzler I, 224, где прямо говорится о графической замене *F* перед гласным через *o*, аналогично *Ἰασός* у Геродота при крит. *Ἰάξος*, *Ὀϊτύλος* у Гомера, при лак. *Βειτυλῆ*, совр. *Βίτουλα* и т. д.; затем P.-В. II, 1040 с указанием на прочие античные источники по поводу вариантов с начальным *I*; ср. в частности Et. M. 346, 41: *Ὀϊλεύς καὶ Ἰλεύς*.

Нетрудно понять, что для доказательства истинности предполагаемой идентификации гом. *Ἰλιος/-ον* — хетт. *Wiluša* проблема реконструкции начального *ϰ* (греч. *F*) в греко-м.-аз. топониме и родственном ему (или сопоставимых с ним) ономастических образованиях представляет основополагающее значение.

Однако этот вопрос осложнен тем известным обстоятельством, что гомеровские поэмы содержат множество случаев, когда в словах, заведомо начинающихся с *ϰ*, например, *ἔπος*, *εἰπεῖν*, где оно этимологическое, первоначальное существование *F* в тексте поэм отражается нерегулярно (см. Chantraine I, 116 сл.; специально о данном примере 133 сл.). При таких условиях даже единичное проявление *F* на фоне превалирующего бесследного исчезновения в каком-нибудь отдельном слове может толковаться в пользу ее исконного наличия. Именно так обстоит дело с ЛИ *Ἰλιος* < **Ἰίλος*: на *F*, по нашим соображениям, указывает только зияние в II. X, 415 (... *σῆματι Ἰλιον*), все прочие употребления данного имени либо в начале строки (II. XX, 232, 236; XI, 372), либо не имеют долгого гласного в предшествующем слове (II. XI, 166: *Οἱ δὲ παρ' Ἰλιον...* [— √ √ | — —]; XXIV, 349: ... *παρὲξ Ἰλιοιο...* [√ | — — — √] — предположение *F* не обязательно, так как *ε* в *παρὲξ* долгое перед двугласным; то же в Od. I, 259: *παρ' Ἰλιον...* [√ | — —] — о сыне Мермера). Совершенно иное положение с реконструкцией начального *ϰ* в топониме *Ἰλιος/-ον* < **Ἰίλος*, где проблема *F* решается почти однозначно: на ее присутствие, согласно Шантрэну, в 50 случаях текста поэм указывает хиатус и лишь в 15 случаях она исчезает бесследно, как в II. V, 204: *πρὸς ἔς Ἰλιον* [— √ √ | — √ √] (Chantraine I, 152, также Ebeling, s. v., *Ἰλιος*). В единожды встретившемся... *πεδίον Ἰλῆιον* [√ √ | — — | — √ √] (II. XXI, 558) исконность *F* проявляется в долготе слога, предшествующего географическому названию. Таким образом, довольно единодушное мнение о наличии первоначальной *F* в интересующем нас *Ἰλιος* (исключение составляет Лескин у Ebeling, указ. соч.) и соответственно реконструкция *ϰ* в анлауте туземного прототипа греческой передачи является вполне обоснованным.

Кречмер еще во „Введении“, доказывая тесное родство по культуре и языку троянцев и фригийцев, обратил внимание на негреческий вид топонима *Ἰλιος* f.: *Ἰλιον* n. (Kretschmer Einl., 183 сл.; 1933, 254 сл.: также

предполагается и возможность генетической близости с иллирийцами). Зоммер, со своей стороны, отметил непродуктивность *-ιος* в топонимии (Sommer, 1932, 370). Бете сделал интересное наблюдение, что *Ἰλιος* употребляется в женском роде вплоть до II. XV, 71 (*Ἰλιον αἰπί*), где оно среднего рода (Bethe, 145, прим. 35). Думается, нельзя согласиться со всеми примерами Кречмера (указ. соч.) типа названий фригийских городов *Μίδαϊον* при фриг. ЛИ *Μίδας*, *Δοκίμιον* при фриг. ЛИ *Δοκίμος* и др., в которых он видит производные от личных имен, включив в этот класс образований и наше *Ἰλιος* в качестве деривата от ЛИ *Ἰλος*, resp. *Ἰλέϊς*, и истолковав его „город Ила“ (ср. Pindar N. VII, 44: *Ἰλιον πόλιν*; см. еще St. V., s. v., *Ἰλιον, πόλις Τρωάδος, ἀπὸ Ἰλιου*). Среди них многие рискуют оказаться либо своего рода Kurznamen (см. об этом с. 97), либо независимыми образованиями как *Τίειον* и ЛИ *Τίος*; здесь *Τίειον* скорее просто один из обычных словообразовательных вариантов названия фриг. или виф., т. е. фрак. города, засвидетельствованного в формах: *Τίον, Τίος, Τίος, Τίειον, Τίος, Τίум* (см. D., 506, ср. выше, с. 50); кстати, Згуста вообще сомневается в аутентичности фриг. ЛИ *Τίος*, считая его фригийской адаптацией греч. ЛИ *Τίος* (Zg., § 1558—5); точно также нет веских оснований предполагать деривационную связь и для троянск. ΜΗ *Πάριον* и ЛИ *Πάρις* (якобы „город Париса“); оба эти имена собственные представляются связанными лишь на корневом уровне, восходя к хетто-лувийско-фракийской основе, отраженной хетт. *parijan*, см. выше, с. 63 сл.; там же ср. относительно топонима *Πάριον*, ион. (догреч.) *Παρίνη* ≈ хетт. URU *Parijana*. Цитируемое Кречмером из Пиндара перифрастическое сочетание *Ἰλιον πόλιν* вполне может быть поэтической фигурой народно-этимологического свойства, столь излюбленной греческими авторами, ср. еще *Ἰλιον κάμη*, *Ἰλιον ὄρος* в Лидии, около 300 г. до н. э. (S., 89), — видимо, греч. адаптационная передача географических названий, образованных от омофоничной туземной основы. Однако определенный словообразовательный параллелизм гом. *Ἰλιος* / *Ἰλιον* с балканскими, resp. малоазийскими, в частности фракийскими, топонимическими лексемами несомненен и весьма показателен, см., например, уже анализированное выше фрак. *Πέρογαμος* / *Πέρογαμον*, ср. соответствующие рифмованные сегменты в обратном словаре Влахова (Vlahov, 1963).

Более того, фракийский ономастикон сохранил полностью тождественный троянскому топоним *Ἰλιον* — город около *Βιζύη*, столицы племени *Ἄσται*, обитавших в районе горы Странджа (D., 215, 61, 32). Словарная статья Стефана Византийского (s. v. *Ἰλιον*), упоминающая, кроме троянского и фракийского, еще 3 Илиона, заслуживает того, чтобы быть процитированной в силу своей особой важности почти полностью: *Ἰλιον, πόλις Τρωάδος, ἀπὸ Ἰλιου, ἦν οἱ Τρῶες Ἰλιον ἐκάλουν, καὶ Ἰλιου λόφον. δύο ἐν τῇ Προποντιδί παρὰ Ῥυνδάκω ποταμῷ. τρίτη Μακεδονίας, Ἐλένου κτίσμα, τετάρτη Θεσσαλίας. πέμπτη Θράκης κατὰ Βιζύην*. Фессалийский Илион, надо полагать, как и македонский, основан греками в период после Троянской войны. Все три остальные находятся в достаточной близости друг к другу: в Троеде при входе в Геллеспонт, в Пропонтиде на река Рюндак и в собственно Фракии, в юго-восточной части Балканского полуострова, несколько севернее Пропонтиды (территория астов). В общем контексте фрако-троянских тождеств возникновение этих трех негреческих Илионов следует отнести за счет одного этноса, входящего в группу фракийских

племен, переселившегося из Фракии в северо-западную оконечность Малой Азии, в частности, см. выше относительно фрак. ЭН *Τραυσοί* — гом.-м.-аз. *Τρωες*.

Надо полагать, не случайно Стефан Византийский в цитированном месте пишет „который [город Илион] троянцы называли *Ἰλιον* и *Ἰλίου λόφος*“, говоря тем самым, что Илион более позднее название;¹ его свидетельство поддерживается многочисленными античными литературными памятниками (см. *Αρδ.* III, 12, 3; *Lykorph.* 23, схолии к Илиаде — полный перечень источников: Р.-В. I, 168, 545; ср. Гесихий: *Ἰλιόλοφος οὖτως τὸ Ἰλιον ἐκαλεῖτο πρῶτον* (*Diogen. prov.* III, 10). Во Фракии в одной надписи (*IG XII, 8, 276*) встречается также ЛИ *Ἰλῖς*, возможно родственное фрак. ΜΗ *Ἰλιον*, более первоначальное **Φίλιον*.²

В связи с идентификацией гом., гесп. фрак. *Ἰλιος* — хетт. *Wiluša*, к рассмотрению которой с формальной точки зрения мы сейчас переходим, в случае ее истинности открывается возможность если не абсолютной датировки, то установления нижней хронологической границы появления топонима *Ἰλιος* в пределах Трояды. Поскольку хетт. *KUR^{URU} Wiluša* несколько раз встречается в договоре хеттского царя Муватталиса (около 1306—1282 гг. до н. э., по *Garstang, Gurney*; 1325—1305 гг. до н. э., по *Götze*, согласно *Friedrich, 1930, 42*) с Алаксандусом из Вилусы, можно смело утверждать, что географическое название, отраженное гомеровской традицией в форме *(F)Ἰλῖος*, уже существовало на рубеже XIV и XIII вв., по крайней мере, за 100 лет до Троянской войны. Этого мало, данное клинописное название упомянуто во введении к договору (§ 2), где повествуется о лояльности страны Вилуса, в противоположность Арцаве, по отношению к хеттскому государству в правление Лабарнаса (около 1680—1650 гг. до н. э.) (см. *Friedrich, 1930, 50 сл.*; *Garstang, Gurney, 101 сл.*). Таким образом, у нас есть все основания отнести возникновение прототипа ΜΗ *Ἰλιος* в северо-западном углу Анатолии к первой четверти II тыс. или ко времени не позже начала Трои VI (1800—1300 гг. до н. э., по *Blegen, 1963, 174*) и, соответственно, считать указанную дату *terminus ante quem* прихода фракийцев в пределы гомеровской Трояды. Этот эвентуальный вывод, как и в целом фракийско- и (шире) балкано-анатолийские, гесп. малоазийские, лингво-этнические отношения удивительным образом включаются в общий контекст культурно-исторических взаимодействий главным образом восточной части континентальных областей Балканского полуострова и Северо-Западной Анатолии, вскрываемых археологически. Ниже мы постараемся несколько подробнее коснуться этого вопроса. Здесь же уместно сослаться на известную работу Виснера, в которой автор высказывает подобное же предположение относительно этнической атрибуции Трои VI, базируясь на археологическом материале. Ход его

¹ Ср. этимологию Георгиева: фрак. *Ἰλιος* <и.-е. **il(w)-io-*, ср. греч. *ἴλιος, -ίος* „ил, грязь, тина“, ст.-сл. *наъ* то же (Георгиев, 1967, 20; ср. *Рокоту, 499*), не принимающего в расчет начального *g*, обусловленного возможностью не случайной омофонии фракийского и троянского топонимов.

² Фрако-фригийское происхождение данного названия также не исключено, ср., например, теонимы: вифин. *Ἰλιος*, фриг. *Ἰλιος* (*D.*, 8; там же прочие фрак. ЛИ с той же основой; впрочем туземные малоазийские (позднешеттские) и заимствованные от фригийцев имена собственные, в большинстве антропонимы, входящие в класс т. наз. *Lallnamen*, разбросаны по всему Анатолийскому полуострову (см. *Kretschmer Einl.*, 349 сл.; s., 56); для раннехеттского периода ср. хетт. ЛИ *Atta*, (*L.* № 193), *Atakšu* (капп.; *L.* № 194) и т. д.

рассуждений и приводимые им факты весьма правдоподобны и заслуживают доверия. Так как поселение Троя VII б 2 в XII в. (возникшее несомненно спустя несколько десятилетий после Троянской войны, 1190—1100 гг. до н. э. — Blegen, 1963, 174) по археологическим данным определенно принадлежало фракийцам и родственным им племенам (из последних работ с исчерпывающей литературой см. специально Dimitrov, 1969), то нет каких-либо препятствий для признания факта, что фракийские родственные племена и их союзники были распространены в Западной Малой Азии и до разрушения Трои VI в 1240 г. (1300 г., по Blegen, 1963, 174;¹ ср. Дьяконов, 1968, 26). Это подтверждается четко прослеживаемыми связями балкано-дунайских археологических культур с II—V слоями Трои VI и т. д. (Wiesner, 56). Бете приходит к аналогичному выводу, еще более расширяя вглубь временные рамки пребывания фракийцев в Трое, вплоть до Трои II (2500—2200 гг., по указ. соч. Блегена; см. Bette, 15 сл.).

На фоне изложенного важность отождествления гом. *Ἰλιος* — хетт. *Wiluša* выглядит особенно внушительно, тем более, что археологические данные при их соотнесении с определенным этническим комплексом предоставляют исследователю значительно более широкую свободу выбора решений, нежели подобная интерпретация языковых фактов, особенно топонимических.

Обращаясь к формальной стороне данной идентификации, заранее оговоримся, что здесь речь идет, как и в случае с *Ἰωλία* — *Taruša*, не об отражении одного топонима другим — обычно имеется в виду только эта альтернатива, — а о параллельной и одновременной передаче средствами этих языков одного и того же туземного прототипа.

Интересующий нас хеттский топоним, по общепринятой обобщенной транскрипции, *Wiluša* фиксирован указанным договором в трех клинописных разновидностях: KUR^{URU} *Ú-i-lu-ša* (§ 2 В 7 и др.), *Ú-i-lu-ša* (§ 6 А 62') и *Ú-lu-ša* (§ 6 А 61'); см. Friedrich, 1930, 50 сл.). Как уже писалось выше, наличие данного географического названия в письме о Тавгагалавасе из-за испорченности текста вызывает известные сомнения, см. с. 143. В анналах Тудхалияса IV тот же самый географический объект засвидетельствован в производной форме KUR^{URU} *Ú-i-lu-ši-ja* = *Wilušija* (см. выше, с. 145 сл.).

За короткое время (с 1913 по 1924 г.) было предложено 3 интерпретации хетт. топонима в связи с более поздними греко-м.-аз. названиями. Дж. Гарстанг и Л. А. Майер (ссылки см. Kretschmer, 1924, 207) сопоставили хетт. *Wiluša* с *Ἰάλυος* — названием города на Родосе. Относительно этого Кречмер (указ. соч.) справедливо отметил трудность объяснения долгого *α* в греч. фиксации и то, что *Ἰάλυος* слишком далеко отстоит от Арцавы, к которой, по его мнению, принадлежала Вилуса; причем Арцаву он искал на южном побережье Малой Азии, а именно в Киликии. Помещение Вилусы в Троаде, принятое в настоящей работе, также локализует ее на равно далеком расстоянии от Родоса. Первым двум ученым принадлежит и другое сопоставление хетт. *Wiluša* с греко-м.-аз. *Ἐλαιόβουα* — остров с одноименным городом вблизи побережья Киликии (поддержанное

¹ См. еще Akurgal, 1961a, 2 сл.: „Троя VI несомненно город Приама и Гомера, который около 1275 г. пережил тяжелые землетрясения и затем около 1240 г. стал жертвой нападения ахейцев” и ниже „При этом наличие фракийских племен в Мизии также до разрушения Трои очень вероятно“.

позже Грозным — Hrozný, 1929, 332), относительно чего Кречмер (там же) веско возразил, указав на отсутствие начальной *F* в греч. *ἔλαιον*, *ἔλαιον*, в противоположность приведенной Гарстангом и Майером параллели *Wijanawanda* — *Oiwánda* (ср. греч. диал. *Φῆνος* „вино“ — Frisk II-364). Не спасает положения и остроумная гипотеза Форрера, принявшего единожды засвидетельствованную и уже поэтому вызывающую сомнения клинописную запись *U-lu-ša* за основную, соотвесь последнюю с апеллативом *u-lu* „масло“, сохранившимся в одном ассирийском глоссарии без указания на происхождение; *-ša* — суффикс принадлежности. Согласно Форреру, *ἔλαιον* оказывается греч. передачей-переводом хетт. *u'luša* „dem Öl (baum) eine (Insel)“ = „die Ölbaum (-Insel)“ (Forrer, 1924, 4; Forschungen I, 1, 78 сл. с подробной аргументацией); впрочем, Фридрих без категоричности указывает на возможность мены *çi* (*ui*, *ue*) и *u* в хеттском (Friedrich, 1930, 42, прим. 2).

Наиболее удачная идентификация, на которую ориентировано все предыдущее изложение, принадлежит Кречмеру, отождествившему *Ἴλιος* с *Wiluša* (Kretschmer, 1924, 207 сл.; 1933, 251 сл.; 1936a, 85 и др. работы); видимо, независимо от него на возможность связи *Ḫ-i lu-ša* с греч. *Ἴλιον*? *Ἰλεύς*? указал Гётце (Götze, 1924, 26, прим. 6; ср. Friedrich, 1930, 42, прим. 2). Однако и Кречмер исходит из предвзятой мысли, что исследованию подлежит греко-хеттское альтернативное тождество *Ἴλιος* — *Wiluša*, а не две параллельные и одновременные передачи некоего третьего туземного, по нашему убеждению, фракийского прототипа. Мало того, в случае с *Taruša*—*Tḡwā* он имел в виду, вслед за Форрером, греческую адаптацию малоазийского (хеттского) названия, в отношении же *Wiluša*—*Ἴλιος* как будто предполагается противоположное (см. соответственно Kretschmer, 1924, 213, 209). В своей самой первой работе по этому поводу Кречмер подошел к расхождению финальных частей греч. *Ἴλιος*—хетт. *Wil-uša* довольно просто, предположив, что по аналогии с другими названиями хеттских городов было добавлено *a* (судьба греч. инлаутного *i* при этом остается неясной), либо окончание *-ιος* было заменено „малоазийским“ *-oša* или *-uša* (Kretschmer, 1924, 207). Спустя 10 лет он углубил это отождествление, в общих чертах признанное большинством ученых (ср. даже Sommer, 1934, 54; см. еще 1937, 170 сл., в частности 176: „die sachliche Identität von *Vilušaš* mit *Ἴλιος*“), по линии прояснения внутренней формы, исправив свою ошибочную мысль о направлении идентификации и утверждая, что *Filios* является „дарданской“ адаптацией м.-аз. *Wilušaš* с заменой суффикса (Kretschmer, 1933, 254). В то же время, ссылаясь, с одной стороны, на хеттские географические названия, содержащие простое удвоенное *s*, в частности *Hajaša*, *Hattušaš* (Kretschmer, 1933, 254 сл.; 1933a, 94; 1936, 248 и др. работы), с другой стороны, на греческое традиционное мнение об *Ἴλιος*, как эпониме города *Ἴλιος*, Кречмер сделал параллельное умозаключение относительно имени собственного **Wilu-s*, якобы скрытого в хетт. *Wiluša*. Затем, дабы примирить данную реконструкцию с ЛИ *Ἴλιος* — эпонимом города *Ἴλιος* (Гомер, Пиндар и др., см. с. 158) Кречмер, вслед за Бете (Bethe, 143), принимая во внимание схолию к II. XXI, 558, где *πεδίον Ἰλίων* пояснено: *τὸ πρὸς τῷ τάφῳ τοῦ Ἴλιον*, заключил о близости форм *Ἴλιος* и *Ἰλεύς* = гомер. *Ἰλεύς*, с дальнейшим осторожным предположением по поводу старой *u*-основы в обоих личных именах;

к *Ἠλεός* : **Ilus* (т. е. **Fīl-u-s* = хетт. **Wilu-s*), ср. *Θησεύς*, *Τυδεύς* и пр., засвидетельствованные на древнеаттических вазах в более архаической форме — *Θησους*, *Τυδους* и пр.; *o*-основа *Ἰλος* возникла параллельно при адаптационной передаче хетт. **Wilu-s*, поскольку *u*-основы довольно редки в и.-е. языках (Kretschmer, 1933, 257; 1936a, 85; о сомнительной реальности этого построения см. Sommer, 1937, 171). Несмотря на всю заманчивую стройность гипотезы Кречмера, она базируется на недостаточно корректных предпосылках. Во-первых, гом. *Ἰλιος*/*Ἰλιον* непосредственно не соотносимо с хетт. *Wiluša* по культурно-историческим соображениям, изложенным выше, а также потому, что, как это ни странно, при более пристальном рассмотрении в пределах гомеровской Троиady нами не обнаружены географические названия, за исключением двух-трех, которые квалифицируются в качестве хеттских;¹ впрочем, к некоторым во фракийском ономастиконе можно подобрать сопоставимые лексемы, например, *Πήδαρος* — город лелегов в Троеде, греср. *Πήδαρον* (схолия к II. XIII, 172; Р.-В. II, 1190) ≈ хетт. *Petašša* от хетт. *peda-* „место“ (см. Гиндин, 1967, 153 с литерат.), ср. фрак. ЛИ *Πηδύζας* (D., 365) при кар. ЛИ *Πηδύσας* и пр. (S., 177). Во-вторых, установление эпонима, в данном случае, ровно ничего не доказывает, особенно в пределах греческого, где почти каждый город и область в мифологическо-литературной традиции были связаны с определенным личным именем или именами эпонимной связью, при этом сплошь и рядом как раз имя оказывалось в действительности этником, образованным от географического названия, ср. *Λυκά(F)ων* — мифический царь Ликии, отец Пандара, также царь Аркадии, сын Пеласга и пр. (из м.-аз. этника **Lukkā-wana* — Гиндин, 1967, 103), по традиции, эпоним области в Малой Азии *Λυκάονία* (см. Р.-В. II, 820). Исключение в греческом и хеттском представляют теонимы, чьи топонимические производные могут быть реально прослежены, ср. для хеттского *Tarḫuntašša* от имени хетто-лувийского бога грозы *Tarḫunt(a/i)-*, *Dattašša* от имени другого хеттского бога грозы *Datta* (Laroche, 1957, 6; ср. Kretschmer, 1933a, 94); однако на фоне чрезвычайного обилия имен богов и теофорных антропонимов в хетто-лувийском подобные топонимические случаи сравнительно редки. И, наконец, в-третьих, сомнительность вычленения в хетт. *Wiluša* на данном синхронном срезе форманта *-uša*, *-oša*, либо *-š*, тем более по аналогии с хетт. *Hattušaš* (специально о неправомерности последнего заключения см. Sommer, 1937, 171 сл.). Выше достаточно подробно нами рассмотрен разряд хеттских топонимов, включающих неуввоенное финальное *š*. Подобно *Tarušša*, *š* в *Wiluša* или принадлежит основе, или является флексией цельной лексемы, с последующей вторичной тематизацией посредством гласного *a*, как в *Hattuša(š)* (см. с. 151). Напомним, что подавляющее число географических названий с простым *s* дохеттского происхождения либо представляют собой адаптационные передачи нехеттских топонимов, содержащих финальное *s*, с которыми соприкасались хетты на протяжении своей истории. Надо полагать, к этому последнему разряду явлений следует отнести хетт. *Wiluša*, являющееся клинописной передачей нехеттского туземного топонима.

Выявленный в этой главе культурно-этнографический контекст в Троеде эпохи Троянской войны, по данным гомеровских поэм, в совокуп-

¹ Ср. Georgiev, 1973, 9.

ности с наличием топонима *Ἴλιον* во Фракии, с большой долей достоверности обуславливает вывод о фракийском прототипе хетт. *Wiluša*. Таким образом, единственно правильным в гипотезе Кречмера оказывается с самого начала совершенно очевидная реконструкция скрытого в хеттском топониме фонетического комплекса **Wilus*.¹ Ничего большего, кроме уточнения этнической атрибуции, в настоящее время сказать не представляется возможным (ср. Дьяконов, 1968, 110, прим. 82). Однако в типе исследований, подобных нашему, выводы этнического порядка, полученные на базе лингвистического и — шире — филологического анализа, сказываются наиболее существенными. Что же касается греческих форм *Ἴλιος* / *Ἴλιον*, то их следует рассматривать как варианты адаптационной передачи, независимой от хеттской фиксации фракийского топонима **Wilus*, полученной в результате обычного для греков переразложения туземной лексемы на основу и окончание с дальнейшим оформлением в соответствии с закономерностями своего языка.

Инлаутное *ī* в гом. **Fīlios* может быть инспирировано очень закрытым характером фрак. *ι*, т. е. *ii*, которое, как и в греческом ионийско-аттическом диалекте, могло переходить в *i* (Mihailov, 1943, 23; относительно греческого см.: Meyer, 153 сл.; Hoffmann II, 386; Brugmann Gr. Gr., 33, 84).

* * *

Рассмотренные в этой главе фрако-троянско-гомеровские тождества (целый ряд подобных соответствий остался за пределами настоящей работы, например, фрак. ΜΗ *Κελλαί, Κέλλη, Cellae, Cillae, Cillium* — троянск. *Κίλλη* — II, I, 38, 452 и др.) дают все основания сделать заключение о том, что фракийский этнический компонент был преобладающим в составе населения гомеровской Трои. Как установлено выше, *terminus ante quem* их появления в северо-западном углу Малой Азии может служить упоминание хетт. *Wiluša* ≈ гом. *Ἴλιος* в связи с правлением хеттского царя Лабарнаса (ок. 1680—1650 гг.). Для столь раннего периода, пожалуй, было бы справедливее говорить о фрако-фригийских племенах, поскольку в языковом и, видимо, этническом отношении они еще мало различались; реконструируемая фракийская и фригийская фонетика, а также сохранившаяся лексика имеют много общего (см. из новой литературы особенно Дьяконов, 1972, 7 сл.; Crossland, 1969, 230 сл. — в связи с поздним проникновением в языки балканского ареала тенденции к сатемизации; ср. Kretschmer Einl., 171 сл.). В Илиаде именно фригийцы выступают ближайшими союзниками троянцев, ср. выше о связях Приама с малоазиатскими фракийцами и эпониме Илиона — *Ἴλιος*, называемом некоторыми источниками *ὁ Φρύξ*; здесь уместно, кроме того, напомнить, что жена Приама, мать Гектора, Гекуба была родной сестрой фригийца Асия, жившего на берегах Сангария (II, XVI, 717—719), где некогда в качестве союзника фригийцев участвовал в битве с амазонками и сам Приам (II, III, 184 сл.). В II, X, 430 упомянута *Θύμβρα*, близ которой расположились

¹ Впрочем, ср. попытку Вл. Георгиева объяснить хетт. *Wilusa* греч. **Fίλισ(ο)*- в связи с хетт. *Wellu-* „луг, пастбище“ и.-е. **uel-nu* (Georgiev, 1973, 12); относительно данной и.-е. реконструкции хетт. слова см. J. Puhvel. KZ 83, 1, 1969, 66.

рати союзников троянцев, ликийцев, мизийцев, фригийцев и меонийцев; по более поздним источникам (Strab. XIII, 1, 35; Hes.; St. B.), это название поселения и равнины реки *Θύμβρις*, сюда же *Θύμβρις* — друг Дардана, в честь которого Дардан назвал город *Θύμβρις*, основанный последним в Троаде (St. B., s. v., и др.; P.-B. I, 522), ср. фриг. ГН *Τεμβριη* S., 211), вифин. ГН *Τεμβριος*, *Tymbriis* и пр., фриг. МН *Τεμβριον* (P.-B. II, 1506) и т. д.; еще Кречмер (Eibl., 193) предположил для этих названий чисто фригийское происхождение, включая родственные им топонимы в областях Малой Азии, заселенные позднететскими народностями (см. полный список названий: S., 211). С известной долей преувеличения аналогичная мысль о фрако-фригийском характере всей конфедерации Ассува, включающей, как мы убедились, Таруису — Трою и Вилусу — Илион, выдвигает И. М. Дьяконов (1968, 114, 118; ср. Garstang, Gurney, 107). Достаточно прямым свидетельством в пользу предположения о фракийском, гесп. балканском (но не хетто-лувийском, как иногда думают, см. Шеворошкин, 305; ср. Гиндин, 1967, 141 сл.; Келлерман, 94 сл.) характере населения гомеровской Трои, появившемся в этом районе задолго до Троянской войны, могут служить, по крайней мере, три факта.

1. После разрушения Илиона во время Троянской войны город слоя Троя VII b 2 был возрожден носителями т. наз. „выпуклой керамики“ (Buckelkeramik), давно и бесспорно идентифицированными с балканскими фракийцами. В дополнение к уже известным археологическим фактам, что этот тип керамики не встречается на Гиссарлыкском холме ранее указанного слоя и вообще не свойствен туземным археологическим культурам Анатолии, имея четкие в Средней и Юго-Восточной Европе, в частности в Дунайском ареале (Blegen, 1963, 169 сл.; 1958, 144 сл.; ср. Akurgal, 1961a, 3; Дьяконов, 1968, 117), в районе Казанлыка в 1956 г. в бронзовой культуре, принадлежащей фракийцам, была обнаружена типичная „выпуклая“ керамика, полностью совпадающая с троянской слоя VII b 2 и имеющая предысторию и дальнейшие эволюционные черты на территории древней Фракии и Македонии (Dimitrov, 63 сл.); см. также ниже, с. 184 сл., специально о возможной фракийской принадлежности Трои VI в свете археологических данных.

2. Другим важнейшим фактом нам представляется уже отмеченное выше почти полное отсутствие в топонимике гомеровской Троады лексем хетто-лувийского происхождения на фоне некоторого числа антропонимов, удовлетворительно трактуемых на почве хетто-лувийских языков, например, *Φάλκις* — имя троянца, дважды упомянутое в Илиаде (II. XIII, 791; XVI, 513) от хетт. *palh-* „широкий“, *Δάρις*, *-ητος* — имя жреца Гефеста в Трое (II. V, 9 и др.), возможно, сопоставимые с дериватами позднететской ономастической основы **dara-*: (м.-аз. ЛИ) лик. туземн. *Pike-dere*, псид. *Δαρων*, лик. *Δερεμис* и пр. (S., 64, 283: обе этимологии выдвинуты: Шеворошкин, 305); см. выше (с. 63) о хетто-лувийско-фракийской интерпретации ЛИ *Ποίλαμος* и *Πάρις*; затем, упоминавшееся *Ανκίανον* — сын Приама и *Λαοδίκη*, дочери царя делегов (II. III, 383; XX, 81 и др.), тождественно имени царя Аркадии (догреч.-анат. **Lukka-wana*, см. с. 164); *Βίας*, *-αυθας* — отец троянцев по имени *Λαόυρος* и *Δάρδαρος* (II. XX, 460), возможно, от хетт. *pijant-*; *Ἀντιφάρης* — имя троянца (II. XII, 191), возможно, из анат. **hantapada* (два последних истолкования предложены Келлерман, 95; там же другие менее достоверные предположения).

Отмеченная диспропорция может быть вызвана более ранним возникновением троянской топонимики, восходящей к фракийскому и — шире — балканскому этнолингвистическому слою, по отношению к хетто-лувийским антропонимам, обязанным своим происхождением обычным, в том числе политическим (вассальным, союзническим и пр.) контактам с хеттоязычными народами, о чем выше говорилось.

Более того, согласно Гомеру и другим античным авторам, в Трое были какие-то поселения ликийцев, например, *Zéleia* — город у подножья Иды на берегу реки Айсеп (II. II, 824; IV, 103, 121 и пр.), и киликийцев, например, *Ἐποπλακίη Θήβη* — город у подножья горы *Πλάκος*, в предгорьях Иды с восточной стороны, откуда происходила, т. е. была родом киликийка, жена Гектора Андромаха (II. VI, 379; ср. XXII, 479; относительно киликийцев в Трое см. Strab. XIII, 1, 7, 49, 51, 63). Ликийцы вообще в войне троянцев с греками за Илион играли очень большую роль, см. эпическую формулу *Τρόες καὶ Λύκιοι καὶ Δάρδανοι ἀρχιμαχηταί* (II. VIII, 173; XI, 286; XIII, 150; XV, 425, 486; XVII, 184), ср. также II. II, 876 сл. о союзнике троянцев Сарпедоне, который вместе с Главком „предводительствовал ликийцами вдали от Ликий, от Ксанфа бурлящего“, см. еще II. VI, 199 сл. и др.; относительно фрако-лик. ИС *Σασπηδών* см. выше, с. 72 сл. В этой связи обращает на себя внимание название главного города этой области Трояды (по схолиям *Λίκια ἢ μικρά, ἢ Τρωϊκή*) — *Zéleia*, чье фракийское происхождение вряд ли может быть оспорено ввиду фрак. глоссы *ζελάς, ζίλας, ζεϊλά, ζίλα:* „вино“ (D., 180) на фоне других фракийских топонимов в гомеровской Трое. Властителем этой ликийской Зелейи, которую следует отличать от одноименного кастеля в области мыса Кизик (P.-V. I, 440), был *Πάνδαρος Δυκάωνος* (II. II, 826 сл. и др.), букв. „ликиец“, покровительствуемый Аполлоном, носящим эпитет *Δυκήγενής*, букв. рожденный в Ликий (подробно Гиндин, 1967, 100 с прим. 95); в II. V, 105, относительно владений упомянутого героя сказано: *Δυκίηθεν* „из Ликий“, ср. еще II. V, 173: *ἐν Δυκίῃ*. В свете сказанного рассмотренные выше (см. с. 109) несколько фрако-ликийских эксклюзивных изоглосс представляются весьма показательными в смысле этнолингвистического подтекста. Надо полагать, в своем большинстве гомеровские фрако-ликийские тождества плод более позднего проникновения хеттоязычных племен в Трою. Именно этому обстоятельству обязана своим сохранением фрак. *Zéleia* в районе Трояды, заселенном ликийцами. Точно также обстоит дело и с троянскими киликийцами, хотя трансформированная память о них по причине особой авторитетности гомеровских поэм отражает противоположное направление движения этого позднехеттского народа: троянские киликийцы являются родоначальниками племен, заселивших Киликию, resp. Памфилию, классического периода после падения Трои (Strab. XIV, 5, 16, 21; ср. XIII, 1, 63; Hdt. VII, 91, где речь идет о памфилийцах).

3. Относительно позднее проникновение хеттоязычных племен на территорию Трояды находится в соответствии с историко-политической картиной, выявляемой хеттскими письменными памятниками древне- и новохеттского периода, а также археологически. Хеттское царство (KUR^{URU} *Hatti*) состояло, согласно древнейшему варианту хеттских законов (XVI в. до н. э.), из 3-х основных частей: собственно „страна хеттов“ (*Hattušaš (udne)*), располагавшаяся в более континентальных областях Анатолийского

полуострова к северо-востоку, Лувия, занимавшая юго-запад Анатолии, включая прибрежные области, и Пала на севере или востоке полуострова (Garstang, Gigney, карта № I; Дьяконов, 1968, 102—103 (карта), ср. 27 сл., Иванов, 1963, 9 и др. авторы). Таким образом, северо-западный угол Анатолийского полуострова оставался свободным от непосредственной власти хеттского царства и, естественно, заселения хеттоязычными племенами; ср. выше о войнах Тудхалияса IV с конфедерацией Ассува и автономии страны Вилуса, начиная, по крайней мере, с царя Лабарнаса. Судя по всему, в слоях Трои VI и VII вплоть до слоя VII b 2 хеттское влияние как будто вообще не прослеживается; ниже, с. 187, см. об этом специально.

Лингвистические результаты и экстралингвистические выводы

А.И. Сплошное этимологическое обследование фракийских реликтов (без особого выделения дакийского) в аспекте возможных ареальных связей с хетто-лувийскими языками с достаточной, хотя и неравномерной степенью истинности выявило целый пласт фрако-хетто-лувийских гетерогенных лексико-ономастических изоглосс, прослеживаемых не только на уровне греко-римских передач, но и в хетто-лувийских фактах ранне- и позднеанатолийского периода. При этом лишь соблюдение обоих указанных условий служит обязательной методологической предпосылкой дальнейшего более глубокого изучения каждого отдельного схождения.

При выполнении всех необходимых процедурных моментов в настоящей работе этимологическому анализу подвергнута приблизительно треть, т. е. около 20, подобных изоглосс из имеющихся в наличии и могущих быть исследованными в той же манере. Практически количество изученных в этом разделе фракийских лексико-ономастических единиц значительно превышает указанное число, так как включает все сохранившиеся реализации данных основ.

За двумя-тремя исключениями рассмотренные фракийские лексемы либо этимологизируются заново, либо не имеют этимологии вовсе.

Пласт фрако-хетто-лувийских соответствий неоднороден как в генетическом, так и хронологическом отношении, что можно было предвидеть, основываясь на известных фактах культурно-исторического порядка (традиционные тысячелетние взаимосвязи территории древней Фракии и Анатолии, вскрываемые археологически и античными письменными памятниками). Поразительным оказалось другое: подавляющее количество фрако-хетто-лувийских тождеств (приблизительно 12:4 из числа рассмотренных) имеет или допускает (последних намного меньше) индоевропейские этимологии, и это при массе неиндоевропейских слов во всех разрядах лексического состава хетто-лувийских языков. Такое положение вещей открывает реальные условия для предположения относительно потенциальной возможности контактов фракийского с хетто-лувийскими языками в преданатолийский период в Центральной Европе в ареале, сопряженном балканскому лингвистическому пространству с северо-востока.

Схематический перечень исследованных фрако-хетто-лувийских соответствий с указанием одних опорных лексем и опущением многих деталей отождествления выглядит следующим образом:

а. Тождества, интерпретируемые в рамках индоевропейской этимологии.

1. Ἀρμολήνη — эпikleза Геры ~ лид. ЛИ *Armāvlt-*, possessiv от лид. **Armau-*, к хетт.-лув. *Arma-* „бог луны“, на апеллативном уровне „луна“, в лув. иер. ЛИ **Arma-tuwa*, хетт., лув. иер. *Arma-pija* = лик. *Arma-pias* и во многих других; и.-е. **ar-mo* от и.-е. **or-* „двигаться“, ср. греч. *ὄροτο*, аог. мед. к *δρῦμι* „приводить в движение, побуждать и пр.“, др.-инд. *ārta*, аог. мед. к *ῥῶτι* то же.

2. ЛИ *Τορκος*, гесп. *Τορκους*, *Τορκων*, *Τορκουλας*, *Τορκου-παβης*, возможно, *Τορκουατος* (*Τορκατος*, *Τουορκουατος*), *Ρεττα-τερκος* ~ имя лид. героя *Τάροκω*/*Τάοκω*, лик. ЛИ *Τροκομιας*, *Τροκομιας* и т. д., килик. ЛИ *Ταρκωννις*, этеокрит. *Ταρκομω* [...] — р.-хетт.-лув. *Tarḫu-*: *Tarḫunt-* „бог грозы“, в многочисленных анат. ЛИ: капп. *Tarḫuni(a)*, лув. иер. *Tarhu(nda)-pija* = килик. *Ταρκωμβιος*, хетт., лув. иер. *Tarhu(nda)-ziti* и др., — апеллативный уровень: хетт. *tarḫ-* „быть сильным, побеждать“, *tarḫu-* „победоносный, мощный“ (отглагол. прилаг.), *tarḫu-ill-* „героический“, лув. *tatarḫ-* „разбивать и пр.“; и.-е. **tṛḥ-* от *ter-*: *tṛ* и т. д. „побеждать, захватывать и т. д.“ ср. др.-инд. *tārati*, *tīrāti* и пр. „setzt über“, „побеждать и т. д.“ и др.

3. ЛИ *Τια-μινς* — (относительно II компонента) продуктивная тео- и этнонимическая хетт.-лув. основа **Ma(w)-* в *Μήνοες* (*Μαίνοες*, *Μήνοες*) < анат. **Ma(wa-wana/i)*, *Μαν(σ)ωλ(λ)ος* и т. д. либо из анат. **Ma(w)-us(s)-ali-* „угодный богине“ **Ma(w)-*, либо из кар.(?) *Ma(w)-uss al(l)i-* „копыеносец, копейщик богини *Ma(w)-*“ при **uss-*, реконструируемое по позднегреч. *ὑσός* „дротик, метательное копье“; и.-е. происхождение *Ma(w)-* в качестве Lallwort не исключено, ср. греч. *μᾶ* = др.-инд. *mā* „мать“, также его производные *μᾶτα*, *μῆτηρ* то же, фрак. *Μα-*, *Μαι-*, *Με-*, *Μη-* и пр.; (относительно I компонента) фрак. *Τια-* < **Tiu-a-* (тематическая основа) — лув. *Tiw-at(a)-* „бог солнца“, где *-at(t)-* — суффикс абстрактных существительных; и.-е. **diu-a-* нулевая ступень от и.-е. **d(e)ǵ̑eu-*.

Сюда же фрак. ЛИ *Τιοντα*, *-η* < **Tiu-ta*, которое, будучи цельнолексемным соответствием упомянутому лув. *Tiwa^t(a)* (к синкопе срединного *a* или консонантного чтению слогового написания *wa* ср. лид. *Tivda*), не связано с фрак. ЛИ *Τοντα*, ГН *Τούτης* (и.-е. нулевая ступень **ta-ta* от **teu-tā*, ср. фрак. ЛИ *Tautomedes*).

Исконность *Τιοντα* подкрепляется фрак. МН *Tiu-tia-menus vicus* < **Tiu-tiца (menus)*, образованным тавтологическим повторением диахронически адекватных основ.

ЛИ *Sia-maus* является сибилантным коррелятом к *Τια-μαους*, вероятно, с идентичной внутренней формой; I компонент *Sia-* < **Siu-a* (тематическая основа) эквивалентен хетт. *šiu-*, *šiu(ni)-*, *šiwann(i)-* „бог“, *šiw-att-* „день“.

Критерием достоверности предположения о заимствовании данных фрак. имен собственных или их основ из хетто-лувийских языков может служить наличие около 100 исконно фракийских личных имен с основами *Deo-* (лат. *Deo-*), *Deu-*, *Διο-/α-*, *Διου-* (лат. *Diu*), *Δι-*, *Διοσ-* (лат. *Dios-*), реализующих как полную, так и нулевую ступень и.-е. **d(e)ǵ̑eu-* с различными фономорфологическими вариантами; апеллативный уровень *s-* основ представлен дак.

διέσερα ≈ возможно, болг. *дивизма*, с.-хорв. *divizma*.

4. ЛИ *Μα-γαυα*, об исконно фракийском элементе *Μα-* см. в № 3; членение и семантика I компонента подтверждается параллельным образова-

нием ЛИ *Μαδα-γανα*, где I часть сопоставима с осет. *madä* „мать“; Пкомпонент *-γανα*, греч. *-γανα* ~ лид. *kaveś* „жрец“, возможно, лув. иер. *kaṣai* „алтарь“, ср. греч. *κόης* „жрец кабировских мистерий“ (Hes.), др.-инд. *kavi-* „провидец, мудрец, поэт“; на ономастическом уровне (антропонимы) хетт. *Kawiija*, возможно, *Gawala*, миз. (м.-аз. МН) *Κανη*, писид. *Κενης*, лик. *kaṣari-*, лид. *Καουαρος*, троянск. (Δᾶο)-κόων < *(ΔαFo)κόFων „жрец-прорицатель народа“ и пр.; и.-е. **keu-*: **kou-* „провидеть и т.д.“. Таким образом ЛИ *Magana* толкуется „жрец (фракийской богини = матери) Ма“.

Компонент *-γανοι-*: *-καβοι* в МН *Κοίσ-γανοι* (район Марцианополя): *Κουσ-καβοι* (Родопы) < **kouc-kaṣ-r-i*: **kouc-kaṣi-r-i* при спорадическом переходе в фракийском *ou* > *au*, интервокального *u* > *b* ≈ упомянутая глосса Геси-хия *κόης* (*κοίης*) ἱερεὺς *Καβείρων*, ὁ καθάρων *φρῶς*, смысловой костяк которой *κόης* (*-ιερῆς*) *Καβείρων* реконструируется адекватным образом как **koṣa-s koṣ(e)i-r-ḡn*; данное отождествление типа клише чрезвычайно показательно.

О распространении во Фракии культа догреческо-фракийских парных божеств *Καβείροι*, *Κάβοροι* (обе формы равноправны с самой древности) свидетельствует, кроме пофонемного совпадения с рассмотренным фрак. *-καβοι:γανοι*, географическая дистрибуция данного культа с центром на о. Самофракия и Лемнос. Глубинная семантическая связь *Καβ(ε)ροι* в качестве детей бога огня Гефеста, также более всего связанного с Лемносом, гесп. *κόης* — жрецов кабировских таинств, в частности в ритуале очищения (огнем) от убийства, с лид. *kaveś* = др.-инд. *kaviḥ* проясняется смысловой формой некоторых вторичных производных от праслав. **kovati*, связанных с обозначением кузнечного искусства и искусства вообще, в том числе магического.

5. *-πο-*, встречается только в теонимах и теофорных именах.

Πρία-πος и пр. — 1) сын Диониса (культ последнего заимствован у фракийцев), бог неистощимой производящей силы, способствующий процветанию всего живого; 2) эпитет Диониса; 3) город на м.-аз. берегу Пропонтиды, *Πρια-τηνή* и пр. — название области данного города; 4) остров в Эгейском море; подвергнувшееся дальнейшей грецизации название месяца у вифинцев в честь Приапа — *Περίεπιος*, *Πριήπιος* и пр. ~ гибридное туземно-греческое или адаптированное в процессе передачи название карийского о. *Πρια-πο-(ν)ησος*, лик. ЛИ *Prija-bu-hama*. Двусосновной компонент фракийских и малоазийских имен собственных — *Πρια-πο-* = *Prija-bu-* хорошо толкуется на почве ранне- и позднететто-лувийских языков из **P(a)rija-bu-*; к I части ср. хетт. *parija(n)* „сверх и пр.“ от хетт.-лув. *para-* „рго“, слав. *per-* и пр.; элемент *pari-*: *parija-* весьма продуктивен и в раннететто-лувийской ономастике; *-bu-* < и.-е. **bhū-* первоначально „расти, урожайдаться, процветать“, ср. греч. аор. *ἔφυν* „я произшел, возрос и пр.“, *φύσις* „нарос“ = др.-инд. *bhūma* „земля, мир, сущее“ и т.д., сюда же лид. *bu(v)-*, отсюда буквальное значение *Πρια-πο-* и пр. „высшая степень животворной силы“.

С хетт.-лув. **p(a)ri(ja)* могут быть соотнесены также виф. (фрак.) *Πριετος*, *Ποιετος* бог войны; *Ποιέτος* *Ποιέτης* — месяц, названный в его честь; МН *Ποιέτος* (< **Prija-to-*), возможно, фрак. ЭН *Priantae* < **Prijant-*, ср. подобное же причастное образование, но с другим суффиксом — троянск. гом. *Πρίαμος*, лик. ЛИ *Prijama* < **Prija-ma* „первый, исключительный“, троянск. гом. ЛИ *Πάρις*, исконно фракийское происхождение которого допустимо.

Идентичная основа с тем же приблизительно кругом значений „животворная сила какого-то конкретного бога: *Ma(ω)*-, (*H*)*Épta* или вообще бога“ в фрак. ЛИ *Mai-rus*, *Επη-πος* и пр., *Θιουλλος*, *Deorus*.

б. *-δων*, *-δον*-; II компонент ряда балканских имен собственных, преимущественно топонимов; фрак. МН *Σαοπη-δών*, *-όνος*, *Σαοπεδοία* и пр. *Βοδοκε-δον*, *Τζυει-δών* и пр., *Σιγγι-δών* и пр.; в непосредственной близости к исторической Фракии: *Μακε-δονία* и *Μυ-γδονία* — „земля, страна“ (*γῆ*, *χώρη*, *χθών*) эдонского (т.е. фракийского) племени *Μυ-γδόνες*, также районы Мизии или Вифинии, или Фригии; догреч. *Δωμίζητῆ* (эол.), *Δαμιμάτῆ* (фесс.), *Δαμάτῆ* (дор., арк., беот.), *Δημίζητῆ* (ион.-атт.) и т. д.; ~ лик гом. ЛИ *Σαοπη-δών*, фриг.-м.-аз. теоним *Γδαν-μιά* (**Γδαν-μανα*), реконструированный на базе МН *χω-ρίον Γδανμαας* (ген.).

Фрак., макед. и т. д. элемент *-δων*, *-δον*-, мигдонск. (фриг.?) *-γδον*-, догреч. *Δω(μ)-* < и.-е. *ghdhōm* от и.-е. **dhg'hōm* посредством метатезы с последующим опрощением начала по отдельным языкам, ср. греч. *χθών* „земля“ и т. д. (самая первоначальная несинкопированная форма—и.-е. **dheg'h-hōm* пока обнаружена только в хетт. *tekan* „земля“); ток. *A tkam* < *dhg'hōm*; апофонический вариант **dhg'hām* реализован фриг. **γδαν* (реконструируется на базе *Γδαν-μια*), ср. греч. *χαμαλός* „низкий и пр.“, с опрощением начала догреч. *Δαμ-* (после метатезы), ср. греч. *χαμαί* „на земле“ (до метатезы).

Рассмотренный лексический элемент, вероятно, имеет исконно балканское происхождение.

Компонент *Σαοπα-* — в м.-аз.-фрак. МН и ЛИ *Σαοπηδών* и т. д. (ЛИ вторично) тождествен семантически и формально п.-хетт.-лув. наречию с пространственным значением **s(a)r-ra/i*, отраженном лик. *hrrpi* „daruf, dafür, über (?)“, лид. *šrf-a-štid* „oberer“, производным от ант. наречия, реализованного в хетт. *šer* = лув. *šarri* = лик. *hri-* „oben; darüber“ и т. д.; р.-хетт.-лув. наречная основа хорошо представлена греко-малоазиатской топонимикой и антропонимикой, см. кар. МН *Σ(α)ρανος* < **Sara-n(t)s*.

Компонент *Σιγγι-* в *Σιγγι-δών* ≈ *Σιγγι-δουνον* и пр. имеет хорошие соответствия в дак. МН *Σιγγι-δανα*, выказывающим полное семантическое и типологическое тождество анализируемому топониму, и в фрак. ЭН *Σίγγιοι* от МН *Σίγγος*. Памятуя о мене в греч. передачах фрак. *ω = ο*: *ον*, правомерно отнести *Σιγγιδών* „земля, resp. город, сингиев“ к исконно фракийскому ономастikonу; в форме *Σιγγιδουνον* влияние кельтской адаптации ввиду кельт. *dūnon* „укрепленный валом город, крепость“ не исключается.

7. **H₂ows* и пр. — фрак. конный бог, один из самых важных ~ капп. *Perua-* главное божество г. Канеса, хетт.-лув. ТН *Perwa*: *Pirwa*, чей культ был связан с почитанием лошади (ср. изображения *Perwa*, стоящим на коне (печати)), чрезвычайно распространено как теофорное ЛИ и в качестве теофорной антропонимической основы; на апеллативном уровне: *pir-wa-*, *peru-*, *peruna-* / *piruna-* „скала“. Цепь рассуждений более культурно-исторического порядка, нежели лингвистических, высказанных Топоровым, предложившим данное отождествление (атрибут громовержца для *Perwa* / *Pirwa*, реконструируется по рельефу в галерее Язылыккая, где главный бог, обозначенный хурритским теонимом и могущий быть поздней субституцией Пирвы, стоит на скале; идентификация начала фрак. и хетт.-лув. лексем в случае их общего происхождения обусловлена судьбой р- „во

фригийско-армянских диалектах“ и т. д.) поразительным образом замыкается в эпитете фрак. бога *Ἡρώς — Περκων* и *Περκωνς* из двух греческих надписей, обнаруженных в окрестностях Варны. Первый эпитет отождествлен нами в качестве самостоятельного образования с балт. богом грома **Perkūn-*; второй — с лат. *quercus* „дуб“ и т. д., восходящим к и. -е. **perk ʔu-* от и. -е. **per-* „ударять, поражать“.

Сюда же древнее название Фракии *Πέρκη[χώρη]* (и. -е. **perk ʔa*) = кельт. глоссовому *ĕrkos*, МН *Hercunia Silva* (и. -е. **perk ʔo-*).

8. МН *Tarpo-dizos, Tarpu-dizos, -dison, Trupu-dison*; *Τραπο-βιζύη, Τραβιζύη; Τάρπωρον, Τερπυλλος* (Мигдония); *Δαλά-ταρβα*; ЛИ *Τάρβος* — царь в Паннонии, в области, граничащей с Дакией, *Τέροβος* (Вифиния); ~ (относительно I компонента) кар. *Ταρβα-νη / Τρουβα-νη*, памф., лик. *Τρεβε-ννα*, ср. лик. туземн. *Trbbēni*, лик. *Δρελα-να*, лхн. *Δερεβη*, писид. *Ταρβα-σος* и т. д.; на апеллативном уровне: лув. кл. *tarpa / i-* „пятка“, лув. иер. *tarpa(i)-* „топтать“, „причинять ущерб“, *resp.* „овладевать“ и т. д.; и. -е. **trb-* от и. -е. *ter-* с лабиальным расширителем „reiben, drehend reiben и пр.“, к которому в конечном счете и обычно привлекаемое лит. *tárpas* „промежуток, расщелина“. Относительно реконструкции элемента *-βιζύη* см. № 12; *-dizos* и т. д. < и. -е. **dheigh'o-*, ср. авест. *uz-daēza-* „укрепление“, н. -перс. *diz, dēz* „крепость“, греч. *τείχος* и т. д.

9. ЭН *Costoboci, Costobocae, Κοστοβῶχοι, Κοιστοβῶχοι, Castabocae* и т. д.; данное название членится, вопреки общепринятому мнению, на *Κοιστοβῶχοι*, аналогично этнонимам типа *Ἄρταχοι* (этникон-суффикс *-ko-* = лат. *-ci-* из и. -е. деминутивно-пейоративного **-ko-*). ~ Фрак. основе *Κοιστοβω-*, лат. перед. *Costo-bo- / Casta-bo-* адекватны формы, хорошо представленные в позднехетто-лувийской ономастике, см. МН: лид. *Κασταβο-ς*, килик. *Κασταβα-λ(λ)α*, кар. *Κωστοβα-λον*, где в свою очередь выявляется производная м. -аз. основа *Καστ(α)-*, соответствующая хетт. апеллативу *ḫaštai* „кость; сила, выносливость“, ср. хетт. **ḫaštali-* „героический“, букв. „костистый“ = капп. ЛИ *Ḫaštali-* (начало II тыс.); словообразовательный элемент: фрак. *-βω- / -βο-* (лат. *-bo-*) = м. -аз. *-βo- / -βα-* — удовлетворительно толкуется также на хетт. -лув. почве, будучи проясненным с помощью раннехетт.-лув. адъективно-притяжательного суффикса *-wa* (и. -е. **-uō-*), формирующего много и этникон-образований. В итоге восстанавливается протооснова фрак. ЭН, аналогично ее „анат.“ соответствиям, в виде **Hasta-ua*, позволяющая приписать ее деривату в греко-римских отражениях (*Κοιστοβῶχοι* и пр.) значение „(племя) сильных, могучих“, и. -е. **Host(h)-*, в др. -инд. *āsthi* „нога, кость“, греч. *δοτέον* „кость“ и т. д. Возможно, иноязычный генезис ЭН *Κοιστοβῶχοι* и пр. не противоречит принадлежности самого племени к дак., *resp.* фрак., этнической общности, о чем свидетельствует анализ имен из эпиграфии CIL VI, 1801.

10. ЭН *Saboces, Σαβῶχοι*. В аспекте фракийской комбинаторики эфемерность общепризнанного членения очевидна. За единицу исследования принимается основа *Σαβω-*, лат. *Sabo-* из туземного **Saqa-*, распространенная фрак. этникон-суффиксом *-ko-* (см. № 9). Таким образом, следование *-βωχοι* в *Κοιστοβῶχοι* и *Σαβῶχοι* оказывается результатом немотивированной омофонии. ~ Фрак. основе **Saqa-* целиком соответствует лик. туземн. ЛИ *Ssetwa* = билингв. *Σηο*, см. далее: „фриг.“-писид. ЛИ *Σαους*, лхн. МН. *Σοατρα* с вариантами *Σαουατρα, Σαυατρα, Σαβατρα* и т. д.; на апеллативном уровне ср. глагольную и именную позднехетт. основу **sau-* в лид. *Saven*

„расти, урождаться“, возможно, „gut haben“, *savv* „хороший“, затем, вероятно, префикс *su-* „хорошо, благо“ = др.-инд. *su-*, ст.-слав. съ- (съдѣръвъ); и.-е. **sǵ-*. Отсюда интерпретация дако-фрак. ЭН *Σαβῶχοι* как „(племя) процветающих, многочисленных, гесп. мощных“, ср. фрак. ЭН *Βιθνοί* (к и.-е. **ih-* „быть сильным, мощным“).

Плотный слой ономастических образований от основы **Saua* на о. Самофракия говорит скорее в пользу исконно фрак. генезиса ЭН *Σαβῶχοι*: название горы *Σάος* с вариантами *Σάονος*, *Σάβος*, свидетельствующими об интервокальном *ϰ* и синонимами *Σάον*, *Σαώκη* / *-ης*, далее другие названия Самофракии — *Σαόννησος*, *Σαωκίς*; формы с суффиксом *-k-* из **Saua-k-* ≈ ЭН *Σαβῶχοι*; сюда же жреческий титул *Sai* < **Sauī* — *antistites penatium*; в континентальной Фракии см. ЛИ *Καμ-σαος*.

Подытоживая перечень индоевропейских фрако-хетто-лувийских изоглосс, необходимо отметить, что в нашем распоряжении нет критерия, позволившего бы выделить с полной достоверностью тождества, восходящие к преданатолийскому (европейскому) периоду хетто-лувийских языков. Речь идет лишь о потенциально возможном.

Своеобразие двух следующих фрако-хетто-лувийских изоглосс заключается именно в их достаточно однозначном истолковании в плане лингвогеографии и относительной хронологии, которое они допускают, будучи с точки зрения этимологии индоевропейскими: как и приводимые ниже фрако-хетто-лувийские неиндоевропейские общности, данные изоглоссы в своей фракийской части определено обязаны возникновением или сохранением первоначальной формы влиянию анатолийской хетто-лувийской ономастической лексики.

11. МН *Πέροραμον*, *Πέροραμος* (оба города на западе Эгейской Фракии) = *ἡ Πέροραμος*, *τὸ Πέροραμον*, *τὰ Πέροραμα*, цитадель в Трое, ~ миз. МН *Πέροραμος* *Πέροραμον*, ср. крит. МН *Πέροραμον*, *Περοραμία*, килик.-исавр. ЛИ *Πέροραμη*; та же основа, производная и с другими суффиксами, соотносимая с хетт. *parku-* „высокий“ и пр., чрезвычайно широко распространена в Западной Малой Азии; и.-е. **bherg'h-*: **bhrǵ'h(u)-* „высокий, возвышаться“.

Наличие в фракийской топонимике большого и кучно расположенного пласта производных от основы, восходящей к тому же и.-е. корню, но с звонким губным в анлауте, см. *Βέρογη* / *-α*, его дериват ЛИ *Βεροραμος*, *Βερογέπολις*, *Βερορισον*, *Βερορούλη* (*Bergule*, *Virgolis*), *Βορεε-δάβα*, *Βόρ-βορεα* (все в сравнительном отделении от побережья Эгейского моря), невозможность объяснить в пределах фракийского непротиворечивым образом на фоне указанных фактов глухой смычный в стоящей особняком фрак. лексеме *Πέροραμον* / *-ος*, а также близость западно-малоазийского ареала названий от родственной основы, содержащей начальный *p-*, где оно получается закономерно по передвижению согласных в и.-е. основе, претерпевшей диссимилиацию придыхательных (и.-е. **bherg'h-* > *berg'h-*) — вынуждает искать импульсы глухого начала в фрак. *Πέροραμον* / *-ος* в хетто-лувийской ономастической и апеллативной лексике Анатолии. Обращает на себя внимание и незафиксированность *то*-производных в ортодоксальных фракийских лексемах.

В свете изложенного и при относительно полном отсутствии хетто-лувийских проникновений в топонимике гомеровской Трои в совокупности с ее ярко выраженным фракийским и — шире — балканским характером (см. ниже раздел II) гом. -троянск. *Πέροραμον* / *-ος*, *Πέροραμα* (*τά*), тождествен-

ное специально изученным топонимам из Эгейской Фракии, предстает в качестве своего рода обратного заимствования.

12. МН *Ἰδη*, *Ἰδακος* (оба в Фракийском Херсонесе) ~ *Ἰδη*, дор. *Ἰδα* — гора в Трое, горная цепь на границе Мизии и Фригии, ср. тождественное название горного массива в центре Крита, ~ продуктивная, по большей части теофорная, ономастическая основа **Ida-* в ряде антропонимов, хорошо толкуемых на почве анатолийских языков: лик. *Ἰδα-ροη*, *Ἰδα-τυης*, кар. *Ἰδα-γυρος*, *Ἰδα-κ-ος*, а также топонимов: кар. *Ἰδυμα* и пр., *Ἰδαῖονη*; на апеллативном уровне — догреч.-анат. *ἰδη*, дор. *ἰδα* „лесистая гора, (горный) лес, корабельный лес“; и.-е. *uidhu-*а. Как и в случае с *Πέγραμον* / *-ος*, в континентальной Фракии имеются ортодоксальные фрак. формы, восходящие к той же и.-е. основе: (МН) *Βίζυε* (*Βύζη* и пр.), *Τροαλο-βυζύη*, *Βιζώνη* и т. д. Таким образом налицо полный изоглоссный изоморфизм рассмотренному в предыдущем пункте фрак. *Πέγραμον* / *-ος*, включая мысль о возможности обратного проникновения названия горного кряжа в Трое, гесп. Мизии — *Ἰδη* в топонимию северо-западного угла Малой Азии от фракийских племен, заселивших эти территории ко времени Троянской войны, о чем в разделе Б.1 см. подробнее.

В связи с материалом, изложенным в № № 11, 12, и некоторыми другими фактами (см. № № 15, 20 и т. д.) правомерно поставить вопрос о двух топонимических поясах, отличающихся определенным диалектным своеобразием, пространственно (в известном приближении) совпадающих с Эгейской Фракией, с одной стороны, и ареалом фракийских племен, населявших более северные области континентальной части Балканского полуострова, — с другой. Указанное разграничение соответствует и данным культурно-исторического порядка, например, наличию в Илиаде двух племенных групп фракийцев.

б. Тожества, интерпретируемые в рамках неиндоевропейской этимологии.

13. *Επτα-*, лат. (Н) *Epta-* — топонимическая, судя по комбинаторному анализу, основа около 40 теофорных антропонимов, по большей части двусложных: *Επτα-κενθος* *Epta-centus* и пр.; *Epta-per*; *Επτα-πορις*; *Hepta-poris*; *Επτη-πους*; *Epte-dius*; *Επτε-ζηνς*, *Epte-zenus* и т. д. Форма ЛИ *Hepta-poris* указывает на начальную аспирацию типа греческого придыхания, не фиксируемого, как правило, в греческих надписях за пределами Эллады; отсюда реконструкция первоначальной формы фрак. теофорной основы в греческих передачах *Ἐπτα* = лат. *Hepta* ~ имя позднеанатолийской (малоазийской) богини-матери (*Μητρί*) *Ἐπτα*: *Εἴπτα* (определенно в трех надписях, ср. еще ЛИ *Ἰπτας*), восходящее к имени анат. богини, жены бога грома *Teššup*, заимствованной из хурритского пантеона, фиксированного хетт. *Ḫe-pát* (обобщенная транскрипция), лув. иер. *He* / *Hi-pa-tu(s)*; см. также продуктивную основу теофорных антропонимических сложений: хетт. *Ḫé* / *Hi-pa-mu-(u)-wa-(aš)*, лув. иер. *Ḫe-pa-pi-a* и т. д. Нерегулярное отражение анат. *Ḫ* через греческое густое придыхание весьма правдоподобно объясняется сближением по народной этимологии иноязычного топонима с *ἵππος*.

14. МИ *Παγροῦ-στια*, к фрак. суффиксу *-st-* ср. МН *Orodista*, ЛИ *Αιζαστης* и т. д.; МН *Πέρονη*, *Μηθύ-περνα* / *-βερνα* и т. д.; ~ кар. МН *Περονη*, лик. ЛИ *Φερος*, капп. МН *Παγρασσος* = догреч. МН *Παγρασ(σ)ός* = хетт. (капп.) кл. *Parnašša*, лик. ЛИ *Παγρας*, исавр. *Περονας*, на апеллативном уровне: лув. кл. и иер. *parna-*, хетт. *parn-/pir* (ном. -асс. из **pēr-*), лид. *tira-*, лик. **prña-* „дом“, в религиозной сфере, видимо, „дом бога, храм“; возможно, это по проис-

хождение странствующий технический средиземноморский термин, ср. егип. *pr* „дом“, хурр. *purlī* то же.

15. *Ἰμβρασίδης* — патронимикон Пейроса, вождя фракийцев, живших в области, примыкавшей к Геллеспону, т. е. в Эгейской Фракии, засвидетельствованный единожды в II. IV, 520; интересующая нас основа *Ἰμβρασ-*, по всей вероятности, в *Ἰμβρασσος* — название о. Самос и реки, являющейся, по Ст. Византийскому, его эпонимом; непронизводная основа, без сибилантного расширителя, в названии фракийского острова близ Самофракии у входа в Геллеспонт — *Ἰμβρος* ~ лик. патронимикон *Imbrasidas*, ЛИ *Ipresida* с деназализацией, теоним-эпитет Гермеса в Кари *Ἰμβρασσος* = *Ἰμβρασιος*, многочисленные м.-аз. ЛИ: кар. *Ἰμβρασ(σ)ις*, *Ἰμβρασις*, лик. *Ἰμβρασιος* = троянско-гом. ЛИ *Ἰμβρασιος*, ср. эпитет Геры и реке других богов *Ἰμβρασία* и т. д., *Ἰμβρανος*, *Εἰμβρομος* (также писид.); лик. туземн. ЛИ *Ἠβρῦμα*, *Ἠβρῦματα* и пр.; название горы и кастеля в Кари *Ἰμβρος*, имя зятя Приама *Ἰμβριος*, видимо, фракийское по происхождению; лув. ^D*Immaršija*, DINGIR MĒŠ *imrašši[š]* = упомянутому кар. *Ἰμβρασ(σ)ις*, ^D*Immarni* — божество степи и пр., ЛИ *Immara-ziti* и т. д.; на апеллативном уровне: *im(ma)ra / i-*, геп. adj. *immarašši-* „поле, нива, равнина, степь“ — хетт. коррелят *kim(ma)ra-*. Следы туземного раннеанат. лув. божества поля, нивы, степи, гесп. пастбищ, стад *Immaršija* и пр. в эпитете кар. Гермеса *Ἰμβρασσος*. Ареал распространения основы *Ἰμβρασ-* (Эгеида) при отсутствии других ее реализаций на территории Фракии, кроме рассматриваемого *Ἰμβρασίδης*, наряду с указанными выше фактами ранне- и позднететто-лувийских языков, обуславливает весьма значительное правдоподобие предположения о заимствовании данной теофорной основы из Анатолии; по-видимому, неиндоевропейский характер лув. *im(ma)ra-* служит дополнительным аргументом в пользу собственно анатолийского источника отмеченной изоглоссы.

16. МН *Τάπαι*, *Tapaē* — (горный, с к а л и с т ы й) проход в Дакию вверх по Дунаю между Карпатами и Стара-Планиной, ср. другие балканские названия: иллир. МН *Tabia*, догреч. *Θῆβαι*, *Θήβη*, ~ (МН) *Ταβαι* (Лидия, Кария, Киликия), лид. *Ταβαλα*, *Ταβειρα*, кар. *Ταλασσος*, лкн. *Θηβιασ*, кар. *Θαβουσιου*, кар. -ион., ктн. *Θηβη* и т. д.; (ЛИ) исавр. *Ταβεις*, лкн. *Ταβις*, кар. ГН *Te-baites*; на апеллативном уровне: м.-аз. (возможно, кар.) глосса *τάβα* = *πέτρα*; раннеанат. ИС: хетт. название священной горы *Tabala* = лид. *Ταβαλα*, хетт. МН *Tapa-šawa*; весьма показательное в этимологическом смысле хетт. ЛИ *Dabala* — ^DU (идеограмма ^DU „бог грома“; связь с камнем, скалой — неперемный атрибут бога громовержца, ср. выше № 7), ЛИ *Tapaliziti*; *Tapala-zunauli*. Таким образом, первоначальное значение фрак. *Τάπαι*, *Tapaē* „скалы; камни“, что наиболее характерно для горного прохода, образованного рекой. Глоссовое *τάβα* и связанный с ним круг фрако-хетто-лувийской ономастики удовлетворительной индоевропейской этимологии не имеет и принадлежит к т. наз. „эгейским“ основам.

Сюда же МН *Δάβαρος* ≈ кар. МН *Ταβηρος*, ЛИ *Δαβεις* ≈ лкн. ЛИ *Ταβεις* и ГН *Δαβα-το-πειος*, представляющий дополнительные критерии достоверности нашей интерпретации; варьирование смычных, в том числе дентальных, свойственно как фракийскому, так и греко-римским передачам позднететтских имен собственных. Данный теоним хорошо толкуется в рамках хетто-лувийских языков: *πειος* ~ хетт.-лув. *pija-* и пр. от глагольной основы *pija-* „давать“ (греч. *-δοτος*, *-δορος*); *-το-*, раннеанат. аблатив / инструменталь на *-ta-* (греко-м.-аз. *-δα-* и пр.) в значении, указывающем на происхождение

(лик. *-adi-*, *-edi-*); отсюда весь композит интерпретируется „данный (божеством) *Daba*“, относительно религиозного смысла I части, ср. хетт. теофорное ЛИ *Dabala* ^{DU} и название священной горы *Tapala*.

А. II. Четко выделяемые среди многообразия фрако- (и шире, балкано-) малоазийских общностей фрако-троянские (гомеровские) тождества преимущественно из области топонимики, по сравнению с рассмотренными фрако-хетто-лувийскими изоглоссами, отличаются не только внутренней компактностью, но и достаточно однозначной лингво-этнической интерпретацией, в том смысле, что направленность их этимологической траектории с Балкан, точнее из ареала, заселенного многочисленными фракийскими племенами, в Анатолию, вряд ли может вызывать сомнение. Помимо прочего, более частного, этот вывод покоится на двух обстоятельствах: во-первых, на изолированности троянской топонимии Илиады в пределах Анатолии и, во-вторых, на соответствующем примыкании топонимических, герс. ономастических, единиц гомеровской Трояды к разветвленным фракийским ономастическим гнездам, включающим, по крайней мере в половине исследованных фактов, конкретные этнонимы, засвидетельствованные античными авторами.

Хронологическая определенность данных изоглосс, во всяком случае их нижней границы, обусловлена датой Троянской войны (рубеж XIII и XI вв.) — момент необычайной важности для целей выявления древнейшего слоя фракийской ономастики.

17. *Σκαίοί* — племя, обитавшее между Троядой и Фракией (Hesat. у St. V.), т. е., видимо, в Эгейской Фракии, по некоторым косвенным данным, наряду с кебренами (см. № 19), вблизи реки Арисбос; вариант с сохранением интервокального *υ* (греч. *F*) *Σκαίβοι* у Полиэна; ГН *Σκαίος ποταμός*, МН *Σκαίον τεῖχος*; ≈ *Σκαία πύλαι* — главные ворота Трои. Примечателен морфологический тип этнонима: *Σκαίοί* < *Σκαίβοι* (туземн. фрак. **Skai-uo-*), подобно *Κοστα-βῶ-χοι* (туземн. **Kosta-uo-*), образовано посредством этникон-притяжательного суффикса *-uo-*, равного анат. *-ua-*, и т. д.

18. *Ἐάνθισσι*, *Ἐάνθοι* — племя, предположительно обитавшее вблизи *Βιστονίς λίμνη*, т. е. опять же в Эгейской Фракии; данная локализация базируется на МН *Ἐάνθεια* — город киконов, совр. Ксанти; ≈ *Ἐάνθος* — другое название реки *Σκάμανδρος* в гомеровской Трояде; персонифицировано речное божество, сражающееся на стороне троянцев, в частности, вселяя мужество в Астеропея, внука балканского речного потока **Αξίός*, предводителя пеонцев, прибывшего в Илион за 12 дней до поединка с Ахиллом. Вторичность этого гидронима, возможно, явствует из текста Илиады, специально оговаривающего двойное название главной реки Трояды: „боги называют Ксантос, люди же Скамандр“ (II. XX, 74). Примечательно в аспекте наших этнографических построений, что сама Троя — Илион у поздних комментаторов Гомера (Hes., St. V.) имеет синоним *Ἐάνθη*.

Интерпретированная изоглосса прослеживается в лик. ономастике, где *Ἐάνθος* является одним из двух, причем, по Страбону, более поздним названием самой большой реки Ликии, именуемой также *Σίβρις*, ср. др.-инд. *sūbhra-* „блестящий“, арм. *surb* „чистый, светлый“ при эпитете лик. реки *ἀργυρέος* „серебристый“.

19. *Κεβρόνιοι* — племя, обитавшее вблизи реки **Αρισβος* (Эгейская Фракия, см. № 17), управляемое, как и *Σκαίβοι* (= *Σκαίοί*), жрецами Геры; ≈ троянск. ЛИ *Κεβρόνιος* — возница Гектора, побочный сын Приама; по происхождению несомненный этникон, ср. в Ном. ер., 10 *Κεβρόνιοι ἄνδρες*; у более

поздних авторов: ГН и ТН в Троеде *Κεβροῖς* с одноименным городом, имеющим вариант *Κεβροῖνη*, область этого города — *Κεβροῖνια* (в 130 стадиях от Или на), ее жители — *Κεβροῖοι* или *Κεβροῖνιοι*; показательно упоминание последнего этникона в Афинских трибуных листах (45С—456 гл. до н.э.).

Непроизводная первичная основа, вероятно, в фрак. ГН и МН *Κιβροῖς*, *Сеbrо*, *Κιβροῖς* (*πταριῖος*), в таком случае наше *Κεβροῖοι*, герр. *Κεβροῖοι*, типичное этникон-образование с суффиксом *-ην*.

20. ГН *Ἄρ-ισβος* (по косвенным данным река в Эгейской Фракии), МН *Ἄρ-ισβη* (Лесбос, Беотия), ≈ троянск.-гом. МН *Ἄρ-ισβη*; м.-аз. основа *-ισβα*: *-ισβ* < **issva* — лув. иер. *ašiva* „лошадь“ (и.-е. **ek'wo-*) в ЛИ: памф. *Μαυροισβος*, писид. *Μαυραν-ισβας*, исавр. *Λορμ-ισβας*, килик. *Λορμ-ισβας*.

В более северных (континентальных) областях Фракии элементу *-ισβος* противостоит ряд ономастических образований от тождественной основы, имеющий в анлауте более открытый гласный *e* (в одном случае *a*): эпитеты конного бога Хэроса (см. № 7) *Βετ-εσπιος*, *Οὔτ-εσπιος*, *Οὔτ-ασπιος*, букв. „верховой (сидящий) на коне“ (в надписях из района Варны); критерий достоверности данного толкования в кальке-эпитете *Ἐπίπιος* = греч. *ἐπίπιος*; элемент *οὔτ* и т. д. идентичен др.-инд. *ūt-* „на“, греч. (кипр.) *ὄ* в *ὄτῶνα* = *ἐπὶ τῶν* и пр.

Исконно фракийский апеллатив, в реконструкции **esbi-* / *-e-* = лик. *esbe-* „конь“, в группе ЛИ также в надписях из континентальной Фракии (к северу от параллели Никополь на Несте): *Εἰσβενς*, *Εσβενς*, *Ezbenus*, *Hezbenus*, *Hesberus* (*-zb-* < *-sb-* под влиянием последующего звонкого губного; формы с *H* в лат. передачах также вторичны, аналогично греч. *ἵππος* при *ἵκκας*); чистая апеллативная *i*-основа на уровне ономастики в ЛИ **Autesbi-s*. К характеристике двух ономастических поясов: Эгейская Фракия — более континентальные части Балкан см. №№ 11, 12, 15.

21. ЛИ и ТН *Ῥῆσος* — фракийский царь, предводитель фракийцев в Х песне Илиады, прибывших в Троию, по целому ряду историко-мифологических данных, из области, расположенной в долине Стримона, включая предгорья Родоп, позднее первой группы фракийцев Пейроса и Акаманта, населяющих район, примыкающий к Геллеспонту (см. № 15). В данной ситуации нашло конкретное отражение улавливаемое нами языковое и давно выявленное историко-археологически разграничение между континентальными и эгейскими фракийскими племенами. Согласно мифологической традиции, *Ῥῆσος* — герой, сын речного потока Стримона, почитаемый в Родопах, ≈ ГН *Ῥῆσος*, *Rhesus* — река в Трое; в пользу балканского, в частности фракийского происхождения этого гидронима свидетельствуют два красноречивых факта: 1) Гомер упоминает его в списке названий рек, стекающих с Иды, *Ῥῆσος*, *Ἐπτάπορος*, *Κάρησος*, *Ῥοδίος*, *Γρηῖκος*, *Αἰσητος*, *Σκάμανδρος*, *Σιμβείς*, слитых Посейдоном и Аполлоном воедино, чтобы уничтожить ахейскую стену (И. XII, 20—22), из которых только 2 — *Κάρησος* и *Σιμβείς*, не находят объяснения на фракийской или — шире — балканской почве; при этом *Ἐπτάπορος* (см. № 13) и *Αἰσητος* имеют совершенно безукоризненные фракийские этимологии; в дополнение к этому гомеровский список целиком повторен Гесиодом в Теогонии (стх. 337—345, с пропуском *Κάρησος*), где *Ῥῆσος*, наряду с *Μαλᾶνδος*, помещен в один ряд с названиями больших потоков-рек Балканского полуострова, из них 2 крупнейших реки Фракии — *Στορμιών* и *Ἰστρος*; 2) полной изолированности ГН *Ῥῆσος* на территории Анатолии противостоит распространенность производных от основы *Ῥῆσ(ος)*, лат. *R(h)*-

es(us) в ономастике древней Фракии, ср. одно из любимых фрак. ЛИ *Ῥησκού-πορις, Rhescu-ports* с многочисленными вариантами и МН *Ῥήσιον, Ῥήσιος τόπος*. Этимология ЛИ *Ῥήσιος* (из и.-е. **reg-* „царь-жрец“), связанного с глагольным корнем **reg-*, обозначавшим, в частности, ритуальное действие проведения границы (ср. лат. *regere fines*), может распространяться и на ГН *Ῥήσιος*, восходящий именно к глагольному *reg-*, ср. лат. *regio flumini* „течение (букв. линия) реки“; англ.-сакс. *racu* „русло реки“.

Правомерно и, возможно, более экономно несколько иное объяснение связи имени царя и мифологического героя *Ῥήσιος*, по традиции, сына потока Стримон, и ГН *Ῥήσιος*: в фракийском множество автропонимов, по природе явно теофорных, тождественны или выказывают деривационные отношения с названиями крупных потоков, ср. ЛИ = ГН *Στρυμόν, Μέστος, Ἐβρος* и т. д.; в гомеровском списке ГН *Ἐπίπλορος* — фрак. ЛИ *Ἐπιπλορις*, лат. *Heptaporis*; ГН *Αἰσηπιος* — троянск.-гом. ЛИ *Αἰσηπιος*.

22. Троянск.-гом. МН *Περκόωνη* — город между Абидосом и Лампсаком на малоазийском берегу Геллеспонта, лат. *Percote*, более позднее *Παλαίπερκόωνη* (St. В., Страбон дает раздельно); этникон *Περκόβσιος /-οι*. Деривационная связь с названием Фракии *Πέρκη* (см. № 7) несомненна, откуда реальное предположение об основании данного города выходцами из этой страны или области; при крайней редкости топонимов на *-ωνη-* в греческом (хотя в апеллативной лексике словообразовательный тип представлен широко, начиная с Гомера) можно думать об исконно фракийском адъективно-притяжательном суффиксе *-tā* < и.-е. **-to-*, греч. перед. *-τω-*, ср. фрак. этника *Περκόωνης*, наряду с *Περκότης* и полно адаптированным *Περκοίς* от *Περκόη /-α*, и т. д.

Соответственное отражение в двух древнейших письменных традициях — гомеровской (Илиада, Одиссея) и клинописной хеттской (Договор Муватталиса с Алаксандусом из Вилусы, Анналы Тудхалияса IV, возможно, письмо о Тавагалавасе), придает особую значимость интерпретации троянско-гомеровских топонимов *Τροία* и пр., *Ἴλιος* и пр., достойно завершающих наш ряд фрако-троянских изоглосс и открывающих перспективные возможности абсолютной датировки (разумеется, в известном приближении) появления всего рассмотренного слоя лексики в сев.-зап. углу Анатолии в результате его заселения балканскими, преимущественно фракийскими племенами.

23. Гом. *Τροία*, ион. *Τροίη* < *Τρωίη* (ион.) через сокращение *ο*, см. *Τρωίη*, с последующим дифтонгическим стяжением — 1) территория, подвластная Приаму, т. е. Троада, называемая *Τρωιάς, -άδος*, стяженно *Τρωάς, -άδος, Τρωική* (весь последний ряд форм несомненно произведен греками по стереотипным моделям); 2) главный город владений Приама = *Ἴλιος* (см. № 24), иногда именуемый *Ἐνάνθη* (см. № 18); этникон *Τρωῆες, Τρωαί, Τρωάδες*. Характерные черты приведенных греческих передал, непосредственно отражающие элементы фонетического состава оригинала — непридыхательный глухой дентальный вначале, *ο* долгое в первом слоге, не образующее дифтонг с последующим сонантом *i*. Зияние между 1 и 2 слогами (греч. *-ωϊ-*) указывает направление процесса реконструкции первоначальной формы: в соответствии с закономерностями греческого языка на месте выпадения могло быть либо *ι* (греч. *F*), либо *s*, либо, наконец, консонантное сочетание из этих звуков. Более узко толкуемую информацию на этот счет содержит хетт. *KUR^{URU} Ta-ru-i-ša* с вариантом *[KUR^{URU} T]a-ru-ú-i-ša* (общепринятая

обобщенная транскрипция *Taruiša*), помещенная в Анналах Тудхалияса IV (правление ок. 1250—1220 гг.) на 22 месте списка стран, входящих в конфедерацию Ассува и покоренных (неполностью) упомянутым царем; на 21 месте стоит *Wilušija*, см. № 21. Реальный историко-географический комментарий клинописного перечня позволяет совместить территориально хетт. *Taruiša* с гом. Троадой, а *Wilušija* = *Wiluša* (см. № 24) с гом. Илионом; при этом следует учесть, что у Гомера еще ощущаются следы первоначального положения, когда *Τρωίη* обозначало только область (позднейшая Троада), у Гомера уже включавшую *Ἴλιος* /-ον в качестве главного города с прилегающей территорией (греч. *polis*, хетт. KUR^{URU} — „страна города“). Таким образом в плане реалий хетт. *Taruiša* вполне удовлетворительно идентифицируется с гом. *Τρωίη* < *Τρωίη*, но с одним непременным условием: не пытаться искать в данной гомеровско-хеттской топонимической паре или греческой транскрипции хеттского названия, либо, наоборот, хеттскую фиксацию греческого, как это делали Форрер, Кречмер и вслед за ними многие другие. По нашему глубокому убеждению, покоящемуся на рассмотренных в главе V групповых свидетельствах, здесь налицо две независимые, разнохронологические (в случае с *Wiluša* разрыв возможен в несколько веков, см. № 24) передачи некоего третьего прототипа, истоки которого целесообразно искать по логике нашего исследования на Балканах, в частности в фракийских языковых реликтах. Отсюда определенная несводимость друг к другу гомеровской и хеттской транскрипций, обусловленная различными адаптационными тенденциями, усугубленными особенностями графики. Другой существенный момент заключается в том, что и *Taruiša* и *Wiluši* по данным хеттских источников должны быть исключены из круга проблем, связанных с Аххийявой, и поэтому лингво-этнический аспект этих двух важнейших географических названий не зависит от решения комплекса вопросов, касающихся Аххийявы.

На базе хетт. фиксации *Taruiša*, сохранившей более полный набор прототипических элементов, логично восстанавливается *s* на месте хиатуса в гом. *Τρωίη* < *Τρωίη* и пр., это *s*, судя по анализу раннехетт.-лув. географических названий, содержащих в финальной части удвоенное *s* (т. е. *ss*) и простое *s*, принадлежит к основе, аналогично многим гетерогенным, в отличие от первой группы, клинописным топонимам с простым *s*, из которых подавляющее число имеет дохеттское или хеттское происхождение. В таком случае мы вправе реконструировать основу исходной формы обеих передач в виде **Tros-*.

Обратившись к реликтовым языкам континентальной части Балканского полуострова, мы действительно обнаруживаем целое гнездо ономастических лексем с равнозвучной основой, ср. иллир. ЛИ *Trosius*, *Trosia* (Далмация, Истрия, Норик, область венетов, Македония), затем в Апулии *Trosanios* и мессап. *trohandes trohandihi*. Особого внимания заслуживает фрак. ЭН *Τρωσι* — племя, засвидетельствованное в юго-западной части Родоп, начиная с Геродота, и сохранившееся также в области, примыкающей к Карпатскому хребту с юго-запада, где оно было известно грекам под иранизированным названием *Ἀράθυσσι* (St. B., ср. Hes). ЭН *Τρωσοί* (и.-е. **treu-s-* „расти, процветать“ в авест. *θραοδ-*), допускает две одновременные (не исключен разрыв в несколько веков) диахронические модификации. С одной стороны, он может быть отождествлен с общим названием в греческой литературной традиции всех племен, населявших восточные обла-

сти Балканского полуострова, *Θραῖκες* (начиная с Ксенофонта) < *Θραῖκες'* которое в качестве этникона из **Травс-икес* и т. д.; с другой стороны, в своей более первоначальной форме, до перехода *ou* > *ai* в фракийском, этот этноним отразился в гом. *Τρωῆες*, адаптированным греками периода Троянской войны из **ТроФс(ес)*, образованным от фрак. этнонимической основы **Trous-*; долгое *o* (греч. *ω*) возникло, видимо, вследствие заместительного, удлинения после выпадения интервокальной группы *-υς* (греч. *-Fσ-*); гом. *Τροίη*, архаическое, *Τρωίη* < **ТроФση* в качестве стереотипного названия области, произведенного от этникона. Позицию *s* в хетт. *Taru ša*, не соответствующую оригиналу, следует отнести либо за счет адаптационного влияния топонимов, гесп. этнонимов, на *-(i)ša*, либо за счет метатезы в туземном прототипе.

24. Гом. *Ἴλιος*, реже *Ἴλιον* — главный город приамовой Трои-Троады, называемый также *Τροίη*, часто *Ἰλίου πολίεθρον*, *ἄστυ*; мифологическое ЛИ *Ἴλος* — эпоним и основатель Илиона, сын Троса, правнук Дардана, дед Приама и Энея, *Ἰλίδης*, по схолиям. *Ἰλείς* — имя троянца, а также царя локров, отца Аякса; троянск. ЛИ *Ἰλιονείς*, *Ἰλιόνη* (старшая дочь Приама, жена фракийского царя). Несмотря на обычную нерегулярность отражения в тексте поэм, начальный звук *ι* (греч. *F*) может быть реконструирован во всех приведенных именах собственных; в частности для опорной лексемы *Ἴλιος / -ον* на существование *F* в 50 случаях указывает хиатус и лишь в 15 она исчезает бесследно; в *Ἰλίδης* *o* — графическая замена перед гласным. Отмечаемый и ранее негреческий облик гом.-троянск. топонима *Ἴλιος*: *Ἴλιον* (Кречмер, Зоммер и др.) имеет определенный морфологический параллелизм в фрак. *Πέουριον*: *Πέουριος* (см. № 11 и т. д.). Более того, в достаточной близости от Троянского Илиона в фракийском засвидетельствован совершенно тождественный топоним *Ἴλιον* — город около *Βιζύη* (область горы Странджа, см. № 12), также в Пропонтиде на реке Рюндак.

В плане культурно-исторических реалий нет особых препятствий для географической идентификации гом. *Ἴλιος / -ον* в значении греческого полиса или древневосточного города с областью, называемой *Wiluša* (обобщенная общепринятая транскрипция) в договоре Муватталиса с Алаксандусом из Вилусы (ок. 1306—1282 гг. до н. э., по Гарстангу—Гарни, 1325—1305 гг. до н. э., по Гётце) и, возможно, в письме о Тавагалавасе, составленном или при Муватталисе, или при Хаттусилисе III, чье правление датируется 1275—1250 гг. до н. э., по Гарстангу — Гарни; предполагается с большой долей вероятности, что тот же самый географический объект засвидетельствован в Анналах Тудхалияса IV в производной форме *Wilušija*, где помещен на предпоследнем, 21 месте, списка завоеванных стран, перед *Taruša* (см. № 23). Как и *Taruša* по отношению к гом. *Τροίη*, так и *Wiluša* — *Wilušija* представляет собой независимую от гом. *Ἴλιος / -ον* < **Fилиος*, возможно, с разрывом в несколько веков передачу фракийского по происхождению топонима, занесенного в северозападный угол Анатолии одной из первых волн переселенцев с Балкан. Базируясь на обеих фиксации, допустимо реконструировать их прототип в виде фонетического комплекса **Wilus*, где *s* или относится к основе, или является флексией цельной лексемы, вторично тематизированного посредством гласного *a* в рамках хеттского. Почти определенно эпонимная связь *Ἴλιος / -ον* с ЛИ *Ἴλος*, гесп. *Ἰλείς* — народно-этимологическая, ср. поэтическую фигуру Пиндара *Ἰλιου πόλιον* и т. д., тем не менее именно ощущение

ние этой связи повлияло, вероятно, на образование в греческом адъективной формы с финальным *-ιος / -ιου*.

Для всей системы экстралингвистических выводов первостепенное значение имеют возможности абсолютной хронологизации появления рассмотренного топонима в Анатолии, открывающиеся сравнительно точно датированными хеттскими памятниками. Его многократная фиксация хеттской передачей *Wiluša* в договоре Муватталиса с Алаксандусом из Вилусы позволяет заключить о существовании прототипа гом. **Fίλιος* на грани XIV—XIII в. в. до н. э. (приблизительное время составления договора), упоминание же Вилусы в историческом введении к указанному договору в связи с правлением царя Лабарнаса (около 1680—1650 гг. до н. э.) дает основания с большой долей вероятности отнести возникновение исходной формы хеттской и гомеровской передач еще глубже, к I четверти II тыс. до н. э., т. е. к началу Трои VI (1800—1300 гг. до н. э., по Блегену) и соответственно считать эту дату *terminus ab quo* прихода фракийцев в пределы гомеровской Троиady.¹

А. III. Сравнение фракийского лексического материала с внешними фактами, в данном случае с хетто-лувийскими, подтвердило, как и предполагалось ранее, две важные черты фракийской исторической фонетики, вытекающие из принадлежности фракийского к древнеиндоевропейской балканской переходной зоне: наличие значительного числа кентумных рефлексов палатальных на фоне общей сатемности и варьирование смычных всех 3 рядов, обусловленное нерегулярностью проявления закона „передвижения согласных“. Более частные наблюдения касаются, во-первых, билабиального *Ϸ*, который произносился в фракийском по сравнению с греческим достаточно четко в анлауте (греко-римские передачи его за небольшим исключением сохраняют) и слабо, как и в греческом, артикулировался в интервокальной позиции, поэтому при греческих фиксациях он обычно выпадал, отражаясь иногда латинскими транскрипциями, ср. также дак. *diéœma* — южнослав. *divizma*, и, во-вторых, судьбы ларингала, передаваемого в ряде случаев, подобно греческим фиксациям позднихеттских лексем, через *κ / γ / χ*.

А. IV. К существенным наблюдениям над фракийской морфологией прежде всего следует отнести выявление характерных для индоевропейских языков основ с исходом на сонанты: *u*-основы, ср. ЛИ *Τοοκους* из „анат.“ ТН *Tarhu-*, ТН *Περκους* из и. -е. **perkʷū-* или **perkū* и т. д.; *i*-основы, ср. ЛИ *Εβενις* при лат. *Esbenus*, ЛИ *Επτενις* = лат. *Eptenis*, *-esbi-s* в ЛИ *Aut-esbis*, ЭН **Trosi-*; *s*-основы, ср. дак. фиточим *diéœmχ* (I компонент из и. -е. *diues-*), *Διόνυσος* < **Διόνυσος*, *Dios-cuius* и т. д. (I компонент из и. -е. *diuōs-* огласовка сигматического суффикса в пом.-асс. аналогично греч. *γένος* и пр.).

Выявленные преимущественно комбинаторным путем суффиксальные элементы: *-al-*, *-ul-*, *-el-*, *-ko-* (*-ako-*), *-an-*, *-en-*, *-en-*, *-bo-*, *-st-* и некоторые другие — нашли подтверждение с детализацией значений в проведенном этимологическом сравнении главным образом на уровне цельных лексем фракийских реликтов с групповыми свидетельствами внешних языковых фактов из ранне- и позднихетто-лувийских языков, ср. ТН *Ἄρμουλ-ἡνή* при лид. ЛИ *Armāu-li*, хетт.-лув. ТН *Arma-*, ЛИ *Τοοκ-ουλ-ας* при хетт.-лув. ТН

¹ Неоправданно заниженные даты появления фрако-фригийских племен в Анатолии („только после Троянской войны“) см. Гордезиани, 295, прим. 1.

Tarḫḫ-; ЛИ *Ept-al a*, *Ept-el-a*, *Ept-ul-a*, *Епт-ев-ис* (лат. *Ept-en-is*) при м. -аз. ТН ¹*Ἴπτα*: *Εἴπτι* из хетт.-лув. (< хурр.) ТН ²*Hepat* / *Hipat*; МН *Δαβ-αυ-ος* ≈ кар. МН *Τάβ-ην-ος* при м. -аз. глоссе *τάβλ*, хетт. *ἸἸ Tara-šawa*, ЛИ *Daba-la-ḫU*; *Εσβ-εν-ις* (лат. *Esb-en-us*) при лик. *esbe-*; *Κοσσο-βω-ο-ι* при кар. МН *Κοσσο-βα-λων*, лид. МН *Κασσα-βο-ς*, хетт. (капп.) ЛИ *Hasta-li* = **hast-li* и пр.; МН *Παροῦ-στ-α* при анат.-догреч. МН *Παροῦ(σ)ός* = хетт. (капп.) *Parna šša* и т. д. (членение морфемных отрезков достаточно условно вследствие морфологического переразложения и вторичной тематизации суффиксов).

Таким образом неоднократно ранее отмечаемая лакуна в морфологической характеристике фракийского (Абаев, 1954, 89, и др. авторы), хотя и в минимальной степени, постепенно заполняется.

Б.И. Обратившись к экстралингвистической стороне проблематики, правомерно подытожить отдельные наблюдения и сформулировать некоторые выводы этногенетического порядка, обусловленные различным характером пластов фрако-хетто-лувийских и фрако-малоазийских (точнее гомеровско-троянских) изоглосс, подвергнутых в настоящей работе как частному, так и совокупному этимологическому анализу.

Относительно первого разряда изоглосс могут быть высказаны соображения в известной степени общие, хотя и достаточно примечательные в плане пространственной и.-е. диалектографии: 1) возникновение фрако-хетто-лувийских тождеств, имеющих и.-е. этимологии (таких большинство), допустимо рассматривать в качестве результата этнолингвистических контактов фракийских племен с хетто-лувийцами преданатолийского периода — т. е. до начала II тыс. до н. э., в ареале, сопряженном Балканам с северо-востока; 2) фрако-хетто-лувийские тождества, не поддающиеся этимологии в пределах и.-е. языков, за исключением фрак. *Τάπαι-*, лид. *Τοβαί*, м. -аз. *τάβα* и пр. (основа „эгейская“), несомненно восходят к анатолийскому периоду хетто-лувийских языков, начинавшемуся на рубеже III и II тыс. до н. э.: часть из и.-е. фрако-хетто-лувийских изоглосс также должна быть отнесена к данной хронологической эпохе, однако отсутствие критериев затрудняет возможность высказаться определеннее и указать, какие именно и.-е. тождества появились уже в анатолийский период. Рассмотренный изоглоссный материал свидетельствует о непрерывающихся традиционных этнолингвистических связях фракийцев с хетто-лувийцами, начиная с III тыс. и до позднихеттского периода; практически это датирует верхнюю границу контактов временем, когда индоевропейцы оказываются доступны конкретному лингвистическому исследованию. Вместе с тем, если первая группа данного разряда тождеств (имеются в виду предположительно европейские преданатолийские изоглоссы) возникла в процессе ареального влияния, вызванного соседством генетически близких языков, то другая группа, соотносимая с до- или нехеттскими лексемами, переднеазиатскими по происхождению, бесспорно явилась результатом проникновения из хетто-лувийских языков Анатолии на территорию древней Фракии.

Как уже отмечалось в начале развернутого перечня фрако-троянских (гомеровских) изоглосс, этот разряд тождеств, в отличие от фрако-хетто-лувийских, отличает внутреннее единство и вполне однозначная этнолингвистическая и пространственная интерпретация, проистекающая из этимологической характеристики каждой изоглоссы в отдельности на фоне общих показа-

ний. Эти факты с достаточной убедительностью свидетельствуют, что источник распространения фрако-троянских изоглосс следует искать в этнолингвистическом пространстве древней Фракии, откуда тождественные основы (из рассмотренных половина соотносится с фракийскими этнонимами) были занесены фракийцами — переселенцами в сев.-зап. угол Анатолии в одной из первых миграционных волн с Балкан, составившими превалирующий этнический компонент населения гомеровской Трои. Анализ двух диахронически идентичных топонимов, содержащихся в гомеровских поэмах и хеттских клинописных памятниках, представляющих собой независимые разновременные передачи фракийского прототипа: хетт. *Taruša* (Анналы Тудхалияса IV) — гом. *Τροίη*, хетт. *Wiluša* (договор Муватталиса с Алаксандусом из Вилусы, также в Введении к этому договору в связи с хеттским царем Лабарнасом) — гом. **Ἴλιος / -ον* (см. № 24), позволяет определенно датировать наличие фракийцев, resp. вообще переселенцев с Балкан, в пределах гом. Трояды уже в конце XIV в. до н.э. и с большой степенью вероятности постулировать верхнюю хронологическую границу проникновения фракийцев в данный район в начале Трои VI.¹ Важно отметить, что район Трои, по данным гомеровских поэм, оказался фактически почти свободен от хеттоязычной топонимики.

Б.П. В заключение целесообразно в самом общем плане координировать полученные в итоге чисто лингвистического анализа результаты как языковые, так и частично этногенетические, с данными археологии из интересующего нас ареала. При этом необходимо сделать, по крайней мере, одно предварительное замечание. В процессе обработки языковых фактов мы намеренно абстрагировались от археологической стороны вопроса, полагая, что для решения экстралингвистических проблем и особенно вопросов этногенеза дописьменного периода, сопоставимы могут быть только конечные выводы лингвистики и археологии, достигаемые совершенно независимым путем. Лишь соблюдение указанного условия предоставляет каждой из этих наук дополнительные критерии истинности, обеспечивая исследованию необходимое отсутствие предвзятости.

Как и следовало ожидать, сопоставление фрако-хетто-лувийского пласта изоглосс, допускающего предположение о контактах в пределах Европы в преданатолийский хеттский период (III тыс. до н.э.) с синхронными этноархеологическими выводами, не способствует уменьшению амплитуды возможных пространственно-этнических характеристик рассматриваемого материала, поскольку археология этой эпохи может дать преимущественно общую, лишенную расчлененного этнолингвистического подтекста картину связей и миграций археологических культур. Положение

¹ Косвенным аргументом в пользу предложенной здесь датировки появления протофракийцев в сев.-зап. углу Анатолии могут служить крито-микенские таблички, где засвидетельствованы *ka-sa-to* KN C 912.8; PY An 39, 6; Jn 320, 5; MY Go 610.3 [муж. ЛИ *Xanthos*] = греч. *Ξάνθος* (Morpurgo, 133; Chadwick, Baumbach, 224); *to-ro-ja* PY Ep 705, 6 [возм., жен. ЛИ *Troja*] ср. гсм. *Troia*; *to-ro-o* PY An 519 [gen. муж. ЛИ, возм. *Troos*], ср. гом. *Τρός, Τρώος* (Morpurgo, 337; Chadwick, Baumbach, 251) и т. д.; *wi-ro* KN As 1516, 18 [муж. ЛИ *Wilos* или *Wiros*, ср. гом. **Ἴλος* или **Ἴδος* (Chadwick, Documents, 427, ср. Morpurgo, 364). Если принять более высокие даты Троянской войны, близкие к датировке Блегена (1260 г.), то правомерно думать о контактах ахейцев с фракийским населением Трои еще до Троянской войны, так как временные рамки табличек линейного Б ограничены XV—XII вв. включительно см. сходные выводы Акургала из того обстоятельства, что микенская керамика в Трое с XVI в. до конца XII в. не прерывалась и выявлена в значительном количестве (Акургал, 1961 а).

усугубляется еще и несводимостью границ распространения археологических культур, лингвистических ареалов и территорий, заселенных определенными этносами, согласно сведениям, содержащимся в исторических источниках. Но и эти в интересующем нас аспекте достаточно расплывчатые археологические свидетельства укрепляют в правильности избранного направления в попытках этнического и пространственного обоснования данного разряда изоглосс, тем более, что археологи нередко помещают область распространения лувийцев и хеттов в преданатолийский период к северо-востоку от Балканского полуострова, в Причерноморских степях либо в восточных областях Балкан, либо, наконец, прокладывают пути движения лувийцев в Анатолию через восточные районы континентальной части Балканского полуострова. Так Мелларт (Mellaart, 1960, 276) еще недавно связывал с лувийским нашествием в Западную Анатолию конец культуры Гумельницы и Караново V¹ (схематично область по обе стороны нижнего течения Дуная, ограниченная с севера Трансильванскими Альпами и с юга — средним течением Марицы, но без районов, примыкающих к дельте Дуная, занятых усатовской культурой — Mellaart, 1960, 271 : карта) при последующем разрушении Трои II, Бейджесултана XIII и пр.; предположительный исходный пункт движения — Причерноморские степи (ср. Mellaart, 1958, особенно с. 32); в настоящее время Мелларт отказался от установления коррелятивных отношений между Гумельницей и Троей I—II, полагая первую предшествующей слоям Трои (Mellaart, 1969, 128); относительно преданатолийского восточно-балканского ареала лувийцев см. Bosch-Gimpera, 1961, 88—89 (карта), 175 сл.; Gimbutas, 1956, 91 сл.; 1956 а, 540 сл., 544 (карта): о распространении в сторону Карпат носителей „курганной культуры“, связываемой с индоевропейцами, из обширной степной области к северу от Черного и Каспийского морей в начале II тыс. (возражения по поводу термина „Kurgan people“ и датировки см. Мерперт, 1965, 11 сл.); Gimbutas, 1965; 1966 и др. Впрочем, нет никаких гарантий, что в данном случае этническая атрибуция археологических культур не инспирирована пространственной картиной членения индоевропейской общности эпохи наименьшей близости ее диалектов, восстанавливаемой по данным лингвистики.

При включении результатов лингвистического анализа II пласта сравнимого лексического материала, состоящего из фрако-малоазийских, или уже, фрако-тройских (гомеровских) изоглосс в культурно-исторический контекст, воссоздаваемый по итогам археологических исследований, вся координационная ситуация в корне меняется, поскольку более точным этнолингвистическим выводам соответствует достаточная однозначность археологических данных с территорией древней Фракии и северо-западного угла Анатолии (гомеровская Трояда).

К этому же пласту изоглосс примыкают и фрако-хетто-лувийские тождества, не имеющие индоевропейских этимологий и проясняемые на собственно анатолийской почве.

В археологической картине указанных территорий для целей нашей работы существенны следующие моменты.

1. Интенсивно проводимые в послевоенные годы на территории Болгарии раскопки многослойных поселений, компактно расположенных на юго-

¹ По классификации Г. Георгиева и Мерперта — Караново VII; о весьма возможном наличии „Proto-Anatolian Indo-Europeans“ в ареале Караново VII — Эзеро см. Mellaart, 1969, 132.

востоке континентальной части Балканского полуострова: Эзеро — строительные горизонты 1—9, по последним данным 1—13, Михалич и т. д. (ранний бронзовый век, тип Караново VII; III тыс. до н. э.); Новозагорское поселение, Юнаците, Разкопаница и т. д. (средний и поздний бронзовый век; II тыс. до н. э.) — выявили непрерывность линии развития единой культуры в данном ареале исторической Фракии, показав неправомерность утверждения об иноземном происхождении раннебронзового века и отсутствии среднего, образовавших якобы hiatus (Георгиев, Мерперт, 1965, 130; Мерперт, 1970, 254; Катинчаров, 243, 247; Katinčarov, 53 сл.; вопреки Mellaart, 1960, 276).

2. Особую важность представляют памятники раннебронзового века, устанавливающие несомненные взаимосвязи материальной культуры областей Южной Фракии с Троей. В частности, на подобие культуры поселения Михалич с Троей I и на всю важность этого факта обратил внимание еще Чайлд (Childe, 45 сл.). Что же касается Эзеро, то комплексное сличение его девяти верхних строительных горизонтов (слой раннего бронзового века) с Троей I—IV, осуществленное Мерпертом и Г. Ил. Георгиевым, в течение многих лет ведущих раскопки этого городища, дало поразительную картину культурной идентичности по целому ряду основных показателей, таких как массовая керамика (ср. высказывание Мерперта: „Трудно назвать троянский вариант, двойник которого не был бы найден в Эзеро“ — Мерперт, 1966, 114, см. также 113 — таблица; 1970, 251), бытовые изделия из металла, кости, рога и камня, планировка городища, архитектура (Троя II) и, наконец, такое специфическое фортификационное устройство, каким является в Трое II „воротный вход“ (gateways). Возможно, по причинам объективного характера, например, разрушенность верхних горизонтов теля в Эзеро, наиболее четкие аналогии прослеживаются с концом Трои I и Троей II (Георгиев, Мерперт, 1965, 152 сл.; Мерперт, 1966, 115; 1970, 253; Мерперт, Черных, 1972, 501). Относительно других синхронизаций комплекса Эзеро см. Мерперт, 1970, 252.¹

3. При очевидной общности раннебронзовых культур Юго-Восточной Европы, открытых на территории современной Болгарии, Румынии, Югославии и Греции с Западной Анатолией и несмотря на особо тесную взаимосвязь района исторической Фракии с Северо-Западной Анатолией и в первую очередь с Троей, создавшую в известной мере единую культурную область (Мерперт, 1970, 237 сл.; ср. Goetze, 1957, 30 сл.; см. конфигурацию этого ареала, но без характеристики: „Bronzezeit anatolische Prägung“ и пр., на картах Виснера — Wiesner, 50—51), по мнению ряда археологов, нет оснований рассматривать культуру Михалич — Эзеро (Караново VII) в качестве деривата анатолийских культур, в частности Трои I, хотя до известной степени определяющее влияние последних достаточно ощутимо в раннебронзовых памятниках Юго-Восточной Болгарии (Childe, 46; Мерперт, 1966, 110, 115; 1970, 238; G. Georgiev, 1969, 34 вопреки Mellaart, 1960, 273; согласно Мерперт, Черных, 1972, 501, в Эзеро массовое анатолийское воздействие прослеживается лишь с 8-го горизонта из 13).

4. Более того, некоторые локальные черты раннебронзового века Болгарии, как и других балканских территорий (формы сосудов, шнуровой

¹ Детальную стратиграфию и синхронизацию слоев Эзеро и Трои см. в специальной монографии: Эзеро. Раннебронзового селище. Под ред. Г. Ил. Георгиев, Н. Я. Мерперт, Р. В. Катинчаров, Д. Г. Димитров. С., 1979.

орнамент, боевые топоры, тип захоронений) объединяют его с центрально-европейскими и юго-восточно-европейскими культурами и, прежде всего, с районами Подунавья и северного Причерноморья (Мерперт, 1965; 1970, 238; Мерперт, Черных, 1971, 553). Необходимо обратить внимание и на другое обстоятельство, что культуры Юго-Восточной Фракии включаются по ряду основных признаков в общую картину раннебронзового века на Балканском полуострове (G. Georgiev, 1969, 34).

5. Совершенно иная археологическая ситуация наблюдается в Троеде, по отношению к культурам прочей территории Анатолии, синхронным раннебронзовой культуре Трои, т. е. включая и ранний хетто-лувийский период. Ссылки (Мелларта на идентичность слоя Кумтепе I b, который он считает явным предшественником Трои I (= Кумтепе I c), с „зеленым“ периодом Полиохни (III) на о. Лемнос, закономерно развившимся из „голубого“ периода Полиохни (II), представляющих начальную фазу раннего бронзового века, (Mellaart, 1959, 120, 122), не меняет общей картины археологической обособленности Трои, resp. Северо-Западной Малой Азии на протяжении всех культурных слоев по сравнению с остальными областями Анатолии, заселенными приблизительно с конца III—начала II тыс. до н. э. хетто-лувийскими племенами, что было четко сформулировано Блегеном в его последней книге: „In any event, so far as is known to me, not one single Hittite import has been recognised from any stratified deposit at Troy, and conversely, characteristic Trojan objects have not been found in deposits at the principal Hittite centers“¹; в позднем бронзовом веке малые и опосредствованные контакты с центральной Анатолией остаются без изменений и все это при самых тесных связях с Эгейдой, особенно с Микенами (там же, 38); ср. Goetze, 1957, 19 сл.: об эгейскоостровном характере культуры Трои и близлежащих территорий (т. наз. Troja-Jortan-Kultur) с детальным обзором и исчерпывающей литературой. Распространение „сероминийской керамики“, наиболее ярко представленной, согласно Blegen, 1963, 41, в Трое VI, также ограничено северо-западным углом Анатолии. Более того, вне Трои этот тип керамики встречается в довольно узком пространстве к юго-востоку, по долине Меандра до совр. Бейджесултана и к югу до древней Смирны и Клазомен (Mellaart, 1958, 17, по материалам Блегена). Наконец, в дополнение к тому, что „сероминийская керамика“ вообще, кажется, не обладает выраженными этнологическими признаками на фоне бытовой посуды, вопрос об истоках „сероминийской“ техники весьма далек от ясности (см. об этом Гиндин, 1967, 31 сл., с литературой; ср. Blegen, 1963, 145 сл.).

Таковы вкратце результаты идентификации, стратиграфии и датировки археологических фактов раннебронзового века в районе Юго-Восточной исторической Фракии и Северо-Западной Анатолии, resp. гом. Троеды, с близлежащими, полосой примыкающими территориями, четко показывающими определенное единство этих смежных ареалов в период Трои I—IV, т. е. на протяжении всего III тыс., что составляет более половины Троянской стратификационной колонки. К сожалению, нам неизвестны попытки детального и комплексного сопоставления с дальнейшими периодами Трои культурных слоев средне- и позднебронзового века, органически продолжаю-

¹ „Во всяком случае, насколько мне известно, ни одного хеттского импорта не было обнаружено ни в одном из стратификационных слоев Трои и, соответственно, характерные троянские предметы не были обнаружены в основных хеттских центрах“ (Blegen, 1963, 37).

щих Эзеро; схематично линию преемственности представляют: Эзеро — Новоагорское поселение, включая Юнаците, — Разкопаница, хронологически это соответствует Трое I—VII (около 3000—1100 гг. до н.э.); за точку отсчета принимается датировка раннебронзового слоя Эзеро (Караново VII), обоснованная в цитированных выше работах. Однако, если учесть давно установленную балканскую, в более узком смысле фракийскую, этническую принадлежность предэллинистического города Трои VII b 2, построенного на руинах гом. Трои, а также этническую ситуацию на Балканах, реконструируемую на базе исторических, общелингвистических (ономастических) и археологических свидетельств, выразившуюся в массовой миграции в Анатолию балканских племен, главным образом фрако-фригийских, на протяжении всего II тыс. до н.э., то позволительно предположить, что близкая культурно-историческая общность юго-востока Балкан и северо-западного угла Анатолии никогда не прерывалась.

Теперь, наконец, мы вплотную подступили к весьма щепетильному вопросу об этнической атрибуции раннебронзовых поселений Болгарии (Эзеро и пр.), который может быть решен для столь древнего периода (начало III тыс. до н.э.) только с привлечением лингвистических данных. Сознывая всю шаткость этнолингвистических гипотез, относящихся к такой ранней эпохе европейской предыстории, мы тем не менее возьмем на себя смелость выдвинуть мысль о том, что носителями этих раннебронзовых культур должны были быть протофракийские племена. В составе некоторых индоевропейских народов, согласно положениям индоевропейской (этно-) диалектографии, выдвинутым преимущественно в последние годы, эти племена появились на рубеже IV—III тыс. к югу от Карпат в областях континентальной части Балканского полуострова, когда отдельные аспекты истории индоевропейских языков оказываются доступными более или менее достоверной реконструкции. Согласно существующей научной литературе, фракийская принадлежность средне- и позднебронзовых культур как будто сомнений не вызывает. Судя по целому комплексу лингвистических и археологических показателей, именно протофракийские по преимуществу этнические группы заселяли, начиная с указанной хронологической границы, восточные области Балканского полуострова, включая, по всей вероятности, отделенную узким проливом территорию гомеровской Трои.¹

Таким образом исследованный нами в V главе материал фрако-троянских (гомеровских) изоглосс, в совокупности с предполагаемой их этнической и хронологической интерпретацией, достаточно непротиворечиво вписывается в характеризованный культурно-исторический контекст.

¹ О соответствии этого конечного вывода нашей работы результатам археологических исследований в восточнобалканско-троянском регионе см.: Эзеро. Раннебронзового селище... с. 523.

Список использованной литературы

(с указанием принятых в тексте сокращений)

- Абаев=В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, I-III. М.—Л., 1958—1979.
- Абаев, 1954=В. И. Абаев. Рец. на кн.: Д. Дечев. Характеристика на тракийския език. С., 1952. — ВДИ, 1954, 2.
- Абаев, 1965=В. И. Абаев. Скифо-европейские изоглоссы. М., 1965.
- Абаев, 1972=В. И. Абаев. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов. — Древний Восток и античный мир. — В: Сборник статей, посвященный В. И. Авдиеву. М., 1972.
- БЕР=Български етимологичен речник. Съставили Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Заимсв, Ст. Илчев, св. I и сл. С., 1962 и сл.
- Бернштейн, 1961=С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.
- Бернштейн, 1973=С. Б. Бернштейн. Проблемы интерференции языков карпато-дунайского ареала в свете данных сравнительной диалектологии. — СЯ, 1973.
- Бернштейн, 1973а=С. Б. Бернштейн. Вопросы интерференции языков карпато-дунайского ареала. — СПКЯ, 1973.
- Бешевлиев, 1952=В. Бешевлиев. Эпиграфски приноси. С., 1952.
- Бешевлиев, 1965=В. Бешевлиев. Проучвания върху личните имена у траките. С., 1965.
- Борухович=В. Г. Борухович. Ахейцы в Малой Азии. — ВДИ, 1964, 3.
- Влахов=К. Влахов. Трако-славянски успоредици. — ГСУФ, LXIII, 1, 1969.
- Габинский=М. А. Габинский. Появление и утрата первичного албанского инфинитива (к проблеме инфинитива в балканских языках). Л., 1970.
- Гамкрелидзе, 1961=Т. В. Гамкрелидзе. Передвижение согласных в хеттском (неситском) языке. — В: Переднеазиатский сборник. М., 1961.
- Гамкрелидзе, Иванов, 1972=Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. Проблема определения первоначальной территории обитания и путей миграции носителей диалектов общиндоевропейского языка. — КСИГ, 1972, 19 сл.
- Гамкрелидзе, Иванов, 1972а=Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. Лингвистическая типология и реконструкция системы индоевропейских смычных. — КСИГ, 1972, 15 сл.
- Георгиев, 1958=В. И. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.
- Георгиев, 1958а=Вл. Георгиев. Въпроси на българската етимология. С., 1958.
- Георгиев, 1960=Вл. Георгиев. Българска етимология и ономастика. С., 1960.
- Георгиев, 1962а=Вл. Георгиев. Тракийската дума *para* и походът на Александър Македонски към Истрос. — ИИБЕ, IX, 1962.
- Георгиев, 1967=Вл. Георгиев. Значението на съвременната топонимия за обяснението на древните географски названия. — ИИБЕ, XIV, 1967.
- Георгиев, Мерперт, 1965=Г. Ил. Георгиев, Н. Я. Мерперт. Раскопки многослойного поселения у села Езеро близ г. Нова-Загора в 1963 г. — ИАИ, XVIII, 1965.
- Герасимов, 1971=Т. Герасимов. Келтските етнически наслоения в българските земи. — ЕКНБН, 1971.
- Геров, 1971=Б. Геров. Въпросът за романизацията на тракийското население в българските земи. — ЕКНБН, 1971.
- Герценберг, 1972=Л. Г. Герценберг. Морфологическая структура слова в древних индоиранских языках. Л., 1972.

- Гиндин, 1967 = Л. А. Гиндин. Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова. Фрагмент индоевропейской ономастики. М., 1967.
- Гиндин, 1967a = Л. А. Гиндин. К методике выявления и стратиграфии лингвоэтнических слоев на юге Балканского полуострова. — Этимология. 1967. М., 1970.
- Гиндин, 1969a = Л. А. Гиндин. (Выступление по докладу Вл. Георгиева). — ЕРВ, 306 сл.
- Гиндин, 1969b = Л. А. Гиндин. (Сообщение в связи с докладом Дж. Мелларта). — ЕРВ, 301.
- Гиндин, 1969c = Л. А. Гиндин. К вопросу о протогреческом ареале на Балканском полуострове. — IV конференция по классической филологии (секция греческого и латинского языков). Тезисы докладов. Тбилиси. 1969.
- Гиндин, 1971 = Л. А. Гиндин. К проблеме генетической принадлежности „пеласгского“ догреческого слоя. — ВЯ, 1971, 1.
- Гиндин, 1972 = Л. А. Гиндин. Некоторые ареальные характеристики хеттского, I. — Этимология. 1970. М., 1972.
- Гиндин, 1972a = Л. А. Гиндин. К вопросу о древнебалканской индоевропейской переходной зоне. — *Résumés des communications. XIe Congrès international des sciences onomastiques.* Sofia, 1972.
- Гиндин, 1973 = Л. А. Гиндин. Проблемы античной балканистики. Лингвистический аспект. — ВЯ, 1973, 1.
- Гиндин, 1973a = Л. А. Гиндин. Древнейшая ономастика Восточных Балкан (фрако-хетто-лувийские и фрако-малоазийские изоглоссы). Докт. дисс. М., 1973 (машинопись).
- Гиндин, 1973b = Л. А. Гиндин. Фрако-хетто-лувийские индоевропейские ареальные изоглоссы. — Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки. Тезисы докладов. М., 1973 (ротапринт).
- Гиндин, 1974 = Л. А. Гиндин. Автореферат Гиндин, 1973a. М., 1974 (ротапринт).
- Гиндин, 1975 = Л. А. Гиндин. Некоторые вопросы древнего балканского субстрата и адстрата. — В: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М., 1976.
- Гиндин, 1975a = Л. А. Гиндин. Отражение мифа о поединке в гомеровских гимнах. — Античная балканистика, 2. Предварительные материалы. М., 1975 (ротапринт).
- Гиндин, 1977 = Л. А. Гиндин. Миф о поединке и мифология Аполлона (на материале I—III гомеровских гимнов). — В: Славянское и балканское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика. М., 1977.
- Гиндин, 1979 = Л. А. Гиндин. Античная балканистика в СССР—БИ, 5, 1979.
- Гордезиани, 1970 = Р. В. Гордезиани. „Илиада“ и вопросы истории и этногенеза древнейшего населения Эгеиды. Тбилиси, 1970.
- Гълъбов, 1964 = И. Гълъбов. Тракийските имена на *-γρος*, *-αρος* и техните проблеми. — ИИБЕ, X, 1964.
- Данов = Х р. М. Данов. Древна Тракия. С., 1969.
- Дечев, 1952 = Д. Дечев. Характеристика на тракийския език. С., 1952.
- Джаукян, 1967 = Г. Б. Джаукян. Очерки по истории дописьменного периода армянского языка. Ереван, 1967.
- Димитров, 1931 = Д. П. Димитров. Исторически мотиви въ драмата „Резосъ“. — ИИДС, X (1930), 1931.
- Добруски, 1901 = В. Добруски. Материали по археологията на България. — СбНУ, XVIII, 1901.
- Дьяконов, 1968 = И. М. Дьяконов. Предыстория армянского народа. История Армянского нагорья с 1500 по 500 г. до н. э. Хурриты, лувийцы, протоармяне. Ереван, 1968.
- Дьяконов, 1972 = И. М. Дьяконов. Место фригийского среди индоевропейских языков. — СБЯ, 1972.
- Заимов, 1972 = Й. Заимов. Лингвистика на Втором конгресе балканистики (Афины, май 1970 г.). — БЕ, XVI, 1, 1972.
- Златковская, 1971 = Т. Д. Златковская. Возникновение государства у фракийцев (VII—V вв. до н. э.). М., 1971.
- Златковская, 1973 = Т. Д. Златковская. Некоторые особенности романизации земель между Балканами и Дунаем. — СПКЯ, 1973.
- Иванов, 1957 = В. В. Иванов. О значении хеттского языка для сравнительно-исторического исследования славянских языков. — ВСЯ, 1957, 2.

- Иванов, 1958 = В. В. Иванов. К этимологии балтийского и славянского названий бога грома. — ВСЯ, 1958, 3.
- Иванов, 1963 = В. В. Иванов. Хеттский язык. М., 1963.
- Иванов, 1963а = В. В. Иванов. Рец. на кн.: Benveniste, 1962. — ВЯ, 1963, 4.
- Иванов, 1965 = В. В. Иванов. Общениндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы (сравнительно-типологические очерки). М., 1965.
- Иванов, 1974 = В. В. Иванов. Древнейшие культурные и языковые связи южно-балканского и малоазийского ареалов. — Доклады и сообщения советской делегации. III Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы (Бухарест, 4—10 сентября 1974 г.). М., 1974 (ротапринт).
- Иванов, 1903 = И. Иванов. Культ Перуна у южных славян. — ИОРЯС, VIII, 4, 1903.
- Иванов, Топоров, 1965 = В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период). М., 1965.
- Иванов, Топоров, 1970 = В. В. Иванов, В. Н. Топоров. К семиотическому анализу мифа и ритуала (на белорусском материале). — Sign — Language — Culture. The Hague—Paris, 1970.
- Иванов, Топоров, 1973 = В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Этимологическое исследование семантически ограниченных групп лексики в связи с проблемой реконструкции праславянских текстов. — СЯ, 1973.
- Иванов, Топоров, 1973а = В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Карпаты в связи с проблемами расселения древних индоевропейских племен. — СПКЯ, 1973.
- Иванов, Топоров, 1974 = В. В. Иванов, В. Н. Топоров. Исследования в области славянских древностей. Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974.
- Иллич-Свитыч, 1971 = В. М. Иллич-Свитыч. Опыт сравнения ностратических языков (семитохамитский, картвельский, индоевропейский, уральский, дравидийский, алтайский). М., 1971.
- Касторский = М. Касторский. Начертания славянской мифологии. СПб., 1841.
- Катинчаров = Р. В. Катинчаров. Основные результаты раскопок первобытного поселения в г. Нова-Загора (Южная Болгария) в 1968 и 1970 гг. — СА, 1972, 1.
- Келлерман = Г. М. Келлерман. Население Гомеровской Трои по лингвистическим данным. — Всесоюзная сессия по древнему Востоку. Тезисы докладов. Тбилиси, 1971.
- Клепикова = Г. П. Клепикова. Из карпато-балканской терминологии высокогорного скотоводства. 2. vatra. — БЯ, 1973.
- Кудрявцев = Костебоки, их расселение и этническая принадлежность (из истории племен Европы во II в. н. э.). — В: О. В. Кудрявцев. Исследования по истории балкано-дунайских областей в период Римской империи и статьи по общим проблемам древней истории. М., 1957.
- Лосев = А. Ф. Лосев. Гомер. М., 1960.
- Льюис, Педерсен = Г. Льюис, Х. Педерсен. Краткая сравнительная грамматика кельтских языков (перев. с англ.). М., 1954.
- Мерперт, 1965 = Н. Я. Мерперт. О связях Северного Причерноморья и Балкан в раннем бронзовом веке. — КСИА, 1965.
- Мерперт, 1966 = Н. Я. Мерперт. К вопросу о связях Анатолии и Фракии в раннем бронзовом веке. — Sborník národního muzea v Praze, XX, 1—2, 1966, 109—115.
- Мерперт, 1970 = Н. Я. Мерперт. Ранний бронзовый век Южной Болгарии. — Actes Ier SIEB (II).
- Мерперт, Черных, 1971 = Н. Я. Мерперт, Е. Н. Черных. Болгаро-советская экспедиция. — Археологические открытия 1971 года. М., 1972.
- Мерперт, Черных, 1972 = Н. Я. Мерперт, Е. Н. Черных. Работы болгаро-советской экспедиции в 1972 г. — Археологические открытия 1972 года. М., 1973.
- Мирчев, 1951 = М. Мирчев. Гръцки епиграфски паметници от Черноморското крайбрежие и вътрешността. — ИВАД, VIII, 1951.
- Мирчев, 1960 = М. Мирчев. Нови епиграфски паметници от Черноморието. — ИВАД, XI, 1960.

- Михайлов, 1958 = Г. Михайлов. Към въпроса за тракийската лексика. — Сп. БАН, 1958, 3.
- Михайлов, 1971 = Г. Михайлов. Гръцко езиково и етно-културно влияние сред траките. — ЕКНБН, 1971.
- Михайлов, 1972 = Г. Михайлов. Траките. С., 1972.
- Нерознак = В. П. Нерознак. Фракийские реликты в балканских языках. — Балканская филология. Л., 1970.
- Откупщиков, 1969 = Ю. В. Откупщиков. О происхождении древнегреческих топонимов на *-(o)έσσα/|-οσσα*. — В: IV конференция по классической филологии (секция греческого и латинского языков). Тезисы докладов. Тбилиси. 1969.
- Откупщиков, 1973 = Ю. В. Откупщиков. Балкано-малоазийские топонимические изоглоссы. — БЯ, 1973.
- Порциг = В. Порциг. Членение индоевропейской языковой области (перев. с нем.). М., 1964.
- СГГЯ = Сравнительная грамматика германских языков. I—IV. М., 1962—1966.
- Симеонов = Б. Симеонов. Топонимията за южнославянската митология. — В: Славистични студии. С., 1963.
- Топоров, 1961 = В. Н. Топоров. Фрагмент славянской мифологии. — КСИС, 30, 1961.
- Топоров, 1962 = В. Н. Топоров. Из области теоретической топониматики. — ВЯ, 1962, 6.
- Топоров, 1964 = В. Н. Топоров. Несколько иллирийско-балтийских параллелей из области топониматики. — ПИЯ, 1964.
- Топоров, 1972 = В. Н. Топоров. К древним балкано-балтийским связям в области языка и культуры. — СБЯ, 1972.
- Топоров, 1972a = В. Н. Топоров. Славянские комментарии к нескольким латинским архаизмам. — Этимология. 1972. М., 1974.
- Топоров, 1972b = В. Н. Топоров. **Tel-p-n*, **tal-p-n* в свете ностратической перспективы. — КСИГ, 1972.
- Топоров, 1973 = В. Н. Топоров. К фракийско-балтийским языковым параллелям. — БЯ, 1973.
- Топоров, 1974 = В. Н. Топоров. К вопросу о древнебалканских связях в области языка и мифологии. — Доклады и сообщения советской делегации. III Международный съезд по изучению стран Юго-Восточной Европы (Бухарест, 4—10 сентября 1974 г.). М., 1974 (ротапринт).
- Топоров, Трубачев, 1962 = В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
- Тронский = И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М., 1960.
- Трубачев, 1968 = О. Н. Трубачев. Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М., 1968.
- Трубачев, 1968a = О. Н. Трубачев. Из опыта исследования гидронимов Украины. — *Baltistica*, IV (I), 1968.
- Трубачев ЭССЯ = Этимологический словарь славянских языков (праславянский лексический фонд). Под ред. О. Н. Трубачева, вып. 1—8, М., 1974—1981.
- Трубачев, 1975 = О. Н. Трубачев. *Temarundam matrem maris*. К вопросу о языке индоевропейского населения Приазовья. — Античная балканистика, 2. Предварительные материалы. М., 1975 (ротапринт).
- Фасмер I—IV = М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Перевод с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева, I—III. М., 1964—1973.
- Филиповић = М. С. Филиповић. Трагови Перунова култа код Јужних словена. — Гласник земаљског музеја у Сарајеву, Нова серија, св. III. Сарајево, 1948.
- Шантрэн = П. Шантрэн. Историческая морфология греческого языка (перев. с франц.). М., 1953.
- Шеворошкин = В. В. Шеворошкин. Исследования по дешифровке карийских надписей. М., 1965.
- Шеппинг = Д. м. Шеппинг. Мифы славянского язычества. М., 1849.
- Якобсон = Р. Якобсон. Роль лингвистических показаний в сравнительной мифологии. — XII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 3—10 августа, 1964. М., 1970.

- Aitchison = J. M. Aitchison. The Achaean Homeland: 'Αχαΐα or 'Αχαΐς? — Glotta, 42, 1—2, 1964.
- Akurgal, 1961 = E. Akurgal. Die Kunst der Hethiter. München, 1961.
- Akurgal, 1961a = E. Akurgal. Die Kunst Anatoliens von Homer bis Alexander. Berlin, 1961.
- Andrews = P. B. S. Andrews. The Mycenaean name of the Land of the Achaians. — RHA, XIII, 56, 1955.
- Barnett = R. D. Barnett. Ancient Oriental influences on Archaic Greece. — In: The Aegean and the Near East. Studies Presented to H. Goldman. New York, 1956.
- Bartholomae = Chr. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch. Straßburg, 1905.
- Bechtel = Fr. Bechtel. Die historischen Personennamen des Griechischen bis zur Kaiserzeit. Halle, 1917.
- Bechtel, 1914 = Fr. Bechtel. Lexilogus zu Homer. Halle, 1914.
- Benveniste, 1937 = É. Benveniste. Forme indo-européenne de gr. *χθών*. — Mélanges à Jacq. van Ginneken. Paris, 1937.
- Benveniste, 1962 = É. Benveniste. Hittite et indo-européen. Etudes comparatives. Paris, 1962.
- Benveniste, 1969 = É. Benveniste. Le vocabulaire des institutions indo-européennes, I—II. Paris, 1969.
- Bérard = J. Bérard. Recherches sur la chronologie de l'époque mycénienne. Paris, 1950.
- Berneker I = E. Berneker. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908, Bd. I.
- Beševliev, 1964 = V. Beševliev. Über manche ältere Theorien von der Romanisierung der Thraker. — Études balkaniques, I, Sofia, 1964.
- Beševliev, 1966 = V. Beševliev. Keltische Ortsnamen in den Kastellverzeichnissen bei Prokop. — Actes Ier CIEB.
- Bethe = E. Bethe. Die Sage vom troischen Kriege. Homer, Dichtung und Sage, III. Leipzig—Berlin, 1927.
- Blegen, 1958 = C. W. Blegen et al. Troy, VI₁. Princeton, 1958.
- Blegen, 1963 = C. W. Blegen. Troy and the Trojans. New York, 1963.
- Boisacq⁴ = É. Boisacq. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. 4-e éd. Heidelberg—Paris, 1950.
- Boisacq, 1926 = É. Boisacq. L'étymologie de gr. RHZOS. — REG, XXXIX, 1926.
- Bosch-Gimpera, 1961 = P. Bosch-Gimpera. Les indo-européens. Problèmes archéologiques. Paris, 1961.
- Bossert, 1946 = H. Th. Bossert. Asia. Istanbul, 1946.
- Bossert, 1952 = H. Th. Bossert. Zu dem Aufsatz von Otten: Pirva — der Gott auf dem Pferd. — JKF, II, 2, 1952.
- Böhtlingk = Sanskrit-Wörterbuch in kürzerer Fassung. Bearbeitet von O. Böhtlingk. St. Petersburg, 1879—1889.
- Brandenstein II = W. Brandenstein. Die lydische Sprache, II. — WZKM, 38, 1931.
- Brandenstein, 1937 = W. Brandenstein. Streifzüge. — Glotta, 25, 1—2, 1937.
- Brugmann. Grundriss = K. Brugmann. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, I. Strassburg, 1886—1900.
- Brugmann KVG = K. Brugmann. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1904.
- Brugmann Gr. Gr. = K. Brugmann. Griechische Grammatik. München, 1913.
- Carratelli = G. P. Carratelli. *Ahhijavā, Lazpa* et leurs divinités dans KUB V 6. — JKF, I, 2, 1950.
- Cavaignac, 1933 = E. Cavaignac. La lettre Tavagalava. — RHA, III, 10—11, 1933.
- Cavaignac, 1947 = E. Cavaignac. La question hittito-achéenne après les dernières publications. — BCH, LXX, 1947.
- Cavaignac, 1950 = E. Cavaignac. Hépat de Comana et les Amazones — JKF, I, 1950, H. I.
- Chadwick, Baumbach = J. Chadwick, L. Baumbach. The Mycenaean Greek Vocabulary. — Glotta, 41, 3/4, 1963.
- Chantraine, 1933 = P. Chantraine. La formation des noms en grec ancien. Paris, 1933.

- Chantraine I = P. Chantraine. Grammaire homérique, I, Paris, 1958.
 Chantraine Dict. (I—II). — P. Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Paris, 1968—1970.
- Childe = V. G. Childe. Anatolia and Thrace. Some Bronze Age relations. — *AST*, VI, 1956.
- Collinder = B. Collinder. Fenno-Ugric vocabulary. An etymological dictionary of the Uralic languages. Stockholm, 1955.
- Crossland = R. A. Crossland. The position in the Indo-European language-family of Thracian and Phrygian and their possible close cognates: Some general observations. — EPB.
- Danov, 1969a = Chr. M. Danov. Zu der Ethnogenese und den Lageverschiebungen der Volksstämme Althrakiens in der zweiten Hälfte des II. und der ersten Hälfte des I. Jahrtausends v. u. Z. — EPB.
- Debrunner = A. Debrunner. Griechen. Sprache. — *RV*, IV, 2.
- Dečev, 1936 = D. Dečev. Die Ethnika auf -ανος, -ηνος. — *KZ*, LXIII, 1936.
- D. = D. Detschew. Die thrakischen Sprachreste. Wien, 1957.
- Dimitrov = D. P. Dimitrov. Troia VII b 2 und die thrakischen und mösischen Stämme auf dem Balkan. — EPB.
- Dimitsas = Μαργαρίτης Γ. Δημιτσάς. Ἡ Μακεδονία ἐν λίθοις φθεγγόμενοις καὶ μνημείοις σφραγισμένοις... Ἐν Ἀθήναις, 1896.
- Dumézil = G. Dumézil. Religion romaine archaïque. Paris, 1966.
- Dumont, Homolle = Mélanges d'archéologie et d'épigraphie par A. Dumont, réunis par Th. Homolle. Paris, 1892.
- Duridanov, 1966 = I. Duridanov. Urslav. *Perun und seine Spuren in der Toponymie. — *Studia Slavica*, XII, 1—4, 1966.
- Duridanov, 1969 = I. Duridanov. Thrakisch-dakische Studien, I. Die thrakisch- und dakisch-baltischen Sprachbeziehungen. Sofia, 1969 (=BE, XIII, 2, 1969).
- Duridanov, 1970 = I. Duridanov. Die Stellung des Päonischen. — In: Actes du Xe Congrès international des linguistes. Bucarest, 1970.
- Duridanov, 1971 = I. Duridanov. Die Vorgeschichte Mygdoniens im Lichte der Sprache. — EPB.
- Duridanov, 1972 = I. Duridanov. Die Stellung des Thrakischen im Kreise der indogermanischen Sprachen. — *Thracia*, I. Primus congressus studiorum thracorum. Serdicae, 1972.
- Ebeling I—II = H. Ebeling. Lexicon Homericum, I—II. Lipsiae, 1880—1885.
- Eilers, Mayrhofer = W. Eilers, M. Mayrhofer. Namenkundliche Zeugnisse der indischen Wanderung? (Eine Nachprüfung). — *Die Sprache*, VI, 2, 1960.
- EPB = L'ethnogenèse des peuples balkaniques. Symposium international sur l'ethnogenèse des peuples balkaniques. Plovdiv, 23—28 avril, 1969. Sofia, 1971.
- Feist³ = S. Feist. Vergleichendes Wörterbuch der gotischen Sprache. 3. Aufl. Leiden, 1939.
- Fick, 1905 = A. Fick. Vorgriechische Ortsnamen. Göttingen, 1905.
- Fick, 1909 = A. Fick. Hattiden und Danubier in Griechenland. Göttingen, 1909.
- Fick, Bechtel = Die griechischen Personennamen, nach ihrer Bildung erklärt und systematisch geordnet von A. Fick. 2. Aufl. bearbeitet von Fr. Bechtel und A. Fick. Göttingen, 1894.
- Forrer, 1924 = E. Forrer. Vorhomerische Griechen in den Keilschrifttexten von Boghazköi. — *MDOG*, 63, 1924.
- Forrer. Forschungen I, 1—2 = E. Forrer. Forschungen I, H. 1—2. Berlin, 1926—1929.
- Forrer, 1929 = E. Forrer. Für die Griechen in den Boghazköi—Inschriften. — *KIF*, I, 2, 1929.
- Forrer, 1930 = E. Forrer. La découverte de la Grèce Mycénienne dans les textes cunéiformes. — *REG*, XL, 1930.
- Forrer, 1936 = E. Forrer. Eine Geschichte des Götterkönigtums aus dem Hattireiche. — *Mélanges Franz Cumont* (Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves, IV). Bruxelles, 1936.
- Forsdyke = J. Forsdyke. Greece before Homer. Ancient chronology and mythology. London, 1956.
- Fraenkel = E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch, I—II. Heidelberg — Göttingen, 1962—1965.
- Friedrich, 1927 = J. Friedrich. Werden in den hethitischen Keilschrifttexten die Griechen erwähnt? — *KIF*, I, 1, 1927.

- Friedrich, 1930 = J. Friedrich. Staatsverträge des Hatti-Reiches in hethitischer Sprache, II. — MVAg, 34, 1, 1930.
- Friedrich HW = J. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch. Kurzgefasste kritische Sammlung der Deutungen hethitischer Wörter. Heidelberg, 1952—1954.
- Friedrich HW Erg. I—III = J. Friedrich. Hethitisches Wörterbuch. Ergänzungshefte, I—III. Heidelberg, 1957—1966.
- Friedrich HE = J. Friedrich. Hethitisches Elementarbuch, 1. Kurzgefasste Grammatik. 2. Aufl. Heidelberg, 1960.
- Frisk → HJ. Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch, I—II. Heidelberg, 1960—1970.
- Gálábov = I. Gálábov. Die thrakischen *enos*-Bildungen. — BE, VI, 1963.
- Garstang, Gurney = J. Garstang, O. R. Gurney. The Geography of the Hittite Empire. London, 1959.
- Georgacas = D. J. Georgacas. The name "Asia" for the Continent; its History and Origin. — Names, 17, 1, 1969.
- Georgiev, 1937 = V. I. Georgiev. Die Träger der kretisch-mykenischen Kultur, ihre Herkunft und ihre Sprache. II. Teil. Urgriechen und Urillyrier (Thrakolylyrier). — ГСУ(И)Ф, XXXIII, 4, 1937.
- Georgiev, 1941 = V. I. Georgiev. Vorgriechische Sprachwissenschaft. Sofia, 1941.
- Georgiev, 1957 = V. I. Georgiev. Zur altkleinasiatischen Hydronymie. — BNF, 8, 1957.
- Georgiev, 1958b = V. I. Georgiev. Die altgriechischen Flussnamen. Sofia, 1958.
- Georgiev, 1958c = V. I. Georgiev. *Παλαιός, Πρωτοός, Πόδες, Priantae*. — BNF, 9, 1958.
- Georgiev, 1961 = V. I. Georgiev. La toponymie ancienne de la péninsule balkanique et la thèse méditerranéenne (= LB, III, 1). Sofia, 1961.
- Georgiev, 1962 = V. I. Georgiev. Hethitisch und Etruskisch. Die hethitische Herkunft der etruskischen Sprache (= LB, V, 1). Sofia, 1962.
- Georgiev, 1965 = V. I. Georgiev. Zum Dakischen. — ZfB, III, 1965, 101—105.
- Georgiev, 1966 = V. I. Georgiev. Zum Thrakischen. — AION-L, VII, 1966.
- Georgiev, 1968 = V. I. Georgiev. Le problème de l'union linguistique balkanique. — Actes Ier CIEB.
- Georgiev, 1969 = V. I. Georgiev. L'ethnogenèse de la péninsule balkanique d'après les données linguistiques. — EPB.
- Georgiev, 1971 = V. I. Georgiev. Das thrakische Suffix *-al-* und seine hethitisch-luwischen Entsprechungen. — Donum Indogermanicum. Festgabe für Anton Scherer zum 70. Geburtstag. Heidelberg, 1971.
- Georgiev, 1973 = V. I. Georgiev. Die ethnischen Verhältnisse im alten Nordwestkleinasien. — BE, XVI, 2, 1973.
- G. Georgiev, 1961 = G. I. Georgiev. Kulturgruppen der Jungstein- und der Kupferzeit in der Ebene von Thrazien (Südbulgarien). — L'Europe à la fin de l'âge de la pierre. Actes du Symposium consacré aux problèmes du Néolithique européen. Prague — Liblicí — Brno, 5—12 octobre 1959. Praha, 1961.
- G. Georgiev, 1969 = G. I. Georgiev. Die Entwicklung dre älteren prähistorischen Kulturen in Südbulgarien. — EPB.
- Gimbutas, 1956 = M. Gimbutas. The Prehistory of Eastern Europe. Cambridge — Massachusetts, 1956.
- Gimbutas, 1956a = M. Gimbutas. Culture Change in Europe at the Start of the Second Millennium B. C. A Contribution to the Indoeuropean Problem. — Men and Cultures. Selected Papers of the Fifth International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences. Philadelphia, September 1—9, 1956. Philadelphia, 1960.
- Gimbutas, 1965 = M. Gimbutas. The Relative Chronology of Neolithic and Chalcolithic Cultures in Eastern Europe North of the Balkan Peninsula and the Black Sea. — Chronologies in Old World Archaeology. Chicago, 1965.
- Gimbutas, 1966 = M. Gimbutas. Proto-Indo-European Culture: The Kurgan Culture during the Fifth, Fourth, and Third Millennia B. C. — Indo-European and Indo-Europeans. Philadelphia, 1970.
- Gindin, 1969 = L. A. Gindin. Le „pélasgique“ et le thrace. — EPB.
- Gindin, 1972b = L. A. Gindin. Kikkuli *yartanna* et le problème de l'origine indo-aryenne des aryens du Proche Orient. — Orbis, XXI, 1, 1972.

- Götze, 1924 = A. G ö t z e. Kleinasien zur Hethiterzeit. — Orient und Antike, I, 1924.
- Goetze, 1928 = A. G o e t z e. Madduwattaš. (MVAeG 32, 1). Leipzig, 1928.
- Goetze, 1934 = A. G o e t z e. Реѡ. на кн.: F. S o m m e r. Die Ahhijawā-Urkunden. — Gnomon, 10, 4, 1934.
- Goetze, 1954 = A. G o e t z e. The linguistic continuity of Anatolia as shown by its proper names. — JCS, VIII, 2, 1954.
- Goetze, 1954a = A. G o e t z e. Some groups of Ancient Anatolian proper names. — Language, 30, 3, 1954.
- Goetze, 1957 = A. G o e t z e. Kleinasien. 2. neubearb. Aufl. (Handbuch der Altertumswissenschaft; Kulturgeschichte des alten Orients, III, 1). München, 1957.
- Goetze, 1960 = A. G o e t z e. Suffixes in "Kanishite" proper names. — RHA, XVIII, 66, 1960.
- Goetze, 1962 = A. G o e t z e. Cilicians. — JCS, XVI, 2, 1962.
- Grassmann = H. G r a s s m a n n. Wörterbuch zum Rig-Veda. 4. unveränderte Aufl. Wiesbaden, 1964.
- Gusmani Wb. = R. G u s m a n i. Lydisches Wörterbuch. Mit grammatischer Skizze und Inschriften-sammlung. Heidelberg, 1964.
- Gusmani, 1958 = R. G u s m a n i. Monumenti frigi minori e onomastica. — RIL, 92, 1958.
- Gusmani, 1958a = R. G u s m a n i. Studi sull'antico frigio. — RIL, 92, 1958.
- Gusmani, 1968 = R. G u s m a n i. Il lessico ittito. Napoli, 1968.
- Güterbock, 1936 = H. G. G ü t e r b o c k. Neue Ahhijawā-Texte. — ZA, N.F. IX (43), 1936.
- Güterbock, 1967 = H. G. G ü t e r b o c k. The Hittite conquest of Cyprus reconsidered. — JNES, 26, 2, 1967.
- H. = Procopii Caesariensis opera omnia recognovit J. Haurly (ed. add. et corr. adiecit G. Wirth), I—IV. Lipsiae, 1963—1964.
- Haas = O. H a a s. Die phrygischen Sprachdenkmäler (=LB, X). Sofia, 1966.
- Hamp, 1968 = E. H a m p. The Name of Demeter. — Minos N. S., IX, 2, 1968.
- Hamp, 1969 = E. P. H a m p. Deux fantômes de l'ethnogenèse balkanique. — EPB. Hansen = B. H a n s e n. Rückläufiges Wörterbuch der griechischen Eigennamen. Berlin, 1957.
- Harmatta = J. H a r m a t t a. Zur Ahhijawā-Frage. — Studia Mycenaea (Proceedings of the Mycenaean Symposium. Brno, April 1966). Brno, 1968.
- Head HN² = B. V. H e a d. Historia numorum. Ed. 2. Oxford, 1912.
- Hemberg = B. H e m b e r g. Die Kabiren. Uppsala, 1950.
- Heubeck, 1958 = A. H e u b e c k. Zu den Pylischen Es-Tafeln. — Die Sprache, IV, 1, 1958.
- Heubeck, 1959 = A. H e u b e c k. Lydiaka. Untersuchungen zu Schrift, Sprache und Götternamen der Lyder (Erlanger Forschungen A : 9). Erlangen, 1959.
- Heubeck, 1959a = A. H e u b e c k. Poseidon. — IF, 64, 3, 1959.
- Heubeck, 1961 = A. H e u b e c k. Sprachliche Untersuchungen zum vorgriechisch-indogermanischen Substrat (Erlanger Forschungen A : 12). Erlangen, 1961.
- Heubeck, 1964 = A. H e u b e c k. Idg. *sēr- "oben"? — Orbis, XIII, 1, 1964.
- Hirt = H. H i r t. Die Urbeimat der Indogermanischen. — IF, 1892.
- Hoffmann I—III = O. H o f f m a n n. Die griechischen Dialekte, I—III. Göttingen, 1891—1898.
- Hoffmann = O. H o f f m a n n. Die Makedonen, ihre Sprache und ihr Volkstum. Göttingen, 1906.
- Hofmann Wb. = J. B. H o f m a n n. Etymologisches Wörterbuch des Griechischen. München, 1961.
- Holder I—III = A. H o l d e r. Alt-celtischer Sprachschatz, I—III. Graz, 1961—1962.
- Holub, Kopečný = J. H o l u b, F. K o p e č n y. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.
- Houwink = Ph. H. J. H o u w i n k ten Cate. The Luwian population groups of Lycia and Cilicia Aspera during the Hellenistic period (Documenta et monumenta Orientis antiqui 10). Leiden, 1961.
- Hrozný, 1917 = F. r. H r o z n ý. Die Sprache der Hethiter. — Boghazköi-Studien, 1—2. Leipzig, 1917.
- Hrozný, 1929 = B. H r o z n ý. Hethiter und Griechen. — AO, 1, 1929.
- HS = Pseudo-Apuleius Platonius. Herbarius. В кн.: Corpus medicorum Latinorum, IV, ed. E. Howald — H. Sigerist. Lipsiae, 1927.

- Jordan = I. I o r d a n. Toponimia românească. București, 1963.
- Ivanov, 1965 = V. I v a n o v. On the reflex of the Indo-European voiced palatal aspirate in Luwian. — Symbolae linguisticae in honorem G. Kurylowicz. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1965.
- Joki, 1970 = A. J. J o k i. Uralier und Indogermanen. Helsinki, 1970.
- Jokl RV XIII = N. J o k l. Thraker. Sprache. — RV, XIII, 1929.
- Jongkees, 1937 = J. H. J o n g k e e s. *Μαυλισηγον* eine lydische Glosse. — Acta orientalia, XVI, 1, 1937.
- Justi = F. J u s t i. Iranisches Namenbuch. Marburg, 1895.
- Kalima, 1936 = J. K a l i m a. Über die indoiranischen und baltischen Lehnwörter der ostseefinnischen Sprachen. — Festschrift für H. Hirt, II. Heidelberg, 1936.
- Kalinka = E. K a l i n k a. Antike Denkmäler in Bulgarien. Wien, 1906.
- Kammenhuber, 1961 = A. K a m m e n h u b e r. Zur Stellung des Hethitisch-Luwischen innerhalb der indogermanischen Gemeinsprache. — KZ, 77, 1—2, 1961.
- Kammenhuber, 1968 = A. K a m m e n h u b e r. Die Arier im Vorderen Orient. Heidelberg, 1968.
- Katičić = R. K a t i č i ć. Liburner, Pannonier und Illyrier. — Studien zur Sprachwissenschaft und Kulturkunde. Innsbruck, 1968.
- Kalinčarov = R. K a t i n č a r o v. Habitations de l'âge du bronze moyen du tell de Nova Zagora (Bulgarie du Sud). — Tracia, 1972.
- Kazarow, 1916 = G. K a z a r o w. Beiträge zur Kulturgeschichte der Thraker. Sarajevo, 1916.
- Kazarow, 1938 (I—II) = G. I. K a z a r o w. Denkmäler des thrakischen Reitergottes in Bulgarien. — Text- und Tafelband. — Dissertationes Pannonicae, ser. 2, fasc. 14. Budapest, 1938.
- Keil, Premmerstein = J. K e i l, A. v o n P r e m m e r s t e i n. Bericht über eine (zweite, dritte) Reise durch Lydien. — Denkschriften der philos. hist. Klasse der Akademie der Wissenschaften in Wien, 53, 1908; 54, 1911; 57, 1914.
- Kluge, Mitzka = F. K l u g e. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 20. Aufl. bearb. W. Mitzka. Berlin, 1967.
- Krahe GN = H. K r a h e. Die alten balkanillyrischen geographischen Namen. Heidelberg, 1925.
- Krahe PN = H. K r a h e. Lexicon altillyrischer Personennamen. Heidelberg, 1929.
- Krahe, 1935 = H. K r a h e. Beiträge zur Makedonenfrage. — Z(O)NF, XI, 1935.
- Krahe, 1955 = H. K r a h e. Die Sprache der Illyrier. Wiesbaden, 1955.
- Kretsch(mer) Einl. = P. K r e t s c h m e r. Einleitung in die Geschichte der griechischen Sprache. Göttingen, 1896.
- Kretschmer, 1902 = P. K r e t s c h m e r. Demeter. — Wiener Studien, XXIV, Wien, 1902.
- Kretschmer, 1909 = P. K r e t s c h m e r. Zur Geschichte der griechischen Dialekte. — Glotta, 1, 1909.
- Kretschmer, 1909a = P. K r e t s c h m e r. Literaturbericht für das Jahr 1907. Griechisch. — Glotta, 1, 1909.
- Kretschmer, 1924 = P. K r e t s c h m e r. Alakšanduš König von Viluša. — Glotta, 13, 1924.
- Kretschmer, 1925 = P. K r e t s c h m e r. Die protindogermanische Schicht. — Glotta, 14, 1925.
- Kretschmer, 1925a = P. K r e t s c h m e r. Das *nt*-Suffix. — Glotta, 14, 1925.
- Kretschmer, 1925b = P. K r e t s c h m e r. Literaturbericht für die Jahre 1922 u. 1923. Griechisch. — Glotta, 14, 1925.
- Kretschmer, 1926 = P. K r e t s c h m e r. Varuna und die Urgeschichte der Inder. — WZKM, XXXIII, 1—2, 1926.
- Kretschmer, 1927 = P. K r e t s c h m e r. Mythische Namen (17. *Hipta*). — Glotta, 15, 1927.
- Kretschmer, 1927a = P. K r e t s c h m e r. Das Femininum von *ἦρας*. — Glotta, 15, 1927.
- Kretschmer, 1927b = P. K r e t s c h m e r. Mythische Namen (16. *Kakasbos*). — Glotta, 15, 1927.
- Kretschmer, 1927c = P. K r e t s c h m e r. Literaturbericht für das Jahr 1924. Griechisch. — Glotta, 15, 1927.
- Kretschmer, 1927d = P. K r e t s c h m e r. Der Name der Lykier und andere kleinasiatische Völkernamen. — KIF, I, 1, 1927.

- Kretschmer, 1928 = P. Kretschmer. Zum Ursprung des Gottes Indra. — AnzAW 64, Jg. 1927, 1928.
- Kretschmer, 1928a = P. Kretschmer. Weiteres zur Urgeschichte der Inder. — KZ, 55, 1928.
- Kretschmer, 1929 = P. Kretschmer. (und P. Wahrmann). Literaturbericht für das Jahr 1926. Griechisch. — Glotta, 17, 1929.
- Kretschmer, 1930 = P. Kretschmer. Zur Frage der griechischen Namen in den hethitischen Texten. — Glotta, 18, 1930.
- Kretschmer, 1932 = P. Kretschmer. *Ἰνδῶν*. — Glotta, 20, 1932.
- Kretschmer, 1933 = P. Kretschmer. Die Hypachäer. — Glotta, 21, 1933.
- Kretschmer, 1933a = P. Kretschmer. Zur ältesten Sprachgeschichte Kleinasiens. — Glotta, 24, 1933.
- Kretschmer, 1934 = P. Kretschmer. Nordische Lehnwörter im Altgriechischen. — Glotta, 22, 1934.
- Kretschmer, 1936 = P. Kretschmer. Zum Balkan-Skythischen. — Glotta, 24, 1936.
- Kretschmer, 1936a = P. Kretschmer. Literaturbericht für das Jahr 1933. Griechisch. — Glotta, 24, 1936.
- Kretschmer, 1939 = P. Kretschmer. Die Stellung der lykischen Sprache. I. — Glotta, 27, 1939.
- Kretschmer, 1939a = P. Kretschmer. Literaturbericht für das Jahr 1935. Griechisch. — Glotta, 28, 1939.
- Kretschmer, 1940 = P. Kretschmer. Die Stellung der lykischen Sprache. — Glotta, 28, 1940.
- Kretschmer, 1940a = P. Kretschmer. Die vorgriechischen Sprach- und Volksschichten. — Glotta, 28, 1940.
- Kretschmer, 1944 = P. Kretschmer. Inder am Kuban. — AnzAW 80, Jg. 1943, I—XV, 1944.
- Kretschmer, 1950 = P. Kretschmer. Hethitische Relikte im kleinasiatischen Griechisch. — AnzAW 87, Jg. 1950, I—XXV, 1951.
- Kretschmer, 1954 = P. Kretschmer. Achäer in Kleinasien zur Hethiterzeit. — Glotta, 33, 1954.
- Kronasser, 1956 = H. Kronasser. Vergleichende Laut- und Formenlehre des Hethitischen. Heidelberg, 1956.
- Kronasser I—VI = H. Kronasser. Etymologie der hethitischen Sprache, Lief. 1—6. Wiesbaden, 1962—1966.
- L. (= Laroche, 1966) = E. Laroche. Les noms des hittites. Paris, 1966.
- Laroche Dict. = E. Laroche. Dictionnaire de la langue louvite. Paris, 1959.
- Laroche, 1947 = E. Laroche. Recherches sur les noms des dieux hittites. Paris, 1947.
- Laroche, 1948 = E. Laroche. *Teššub, Hebat* et leur cour. — JCS, II, 2, 1948.
- Laroche, 1949 = E. Laroche. Hittitica. — Revue de philologie, I, 1949.
- Laroche, 1952 = E. Laroche. Recueil d'onomastique hittite. Paris, 1952.
- Laroche, 1957 = E. Laroche. Notes de Toponymie Anatolienne. — GS P. Kretschmer, II, 1957.
- Laroche, 1958 = E. Laroche. Etudes de vocabulaire VII. — RHA, XVI, 63, 1958.
- Laroche, 1958a = E. Laroche. Etudes sur les hiéroglyphes hittites. II. — Syria, 35, 1958.
- Laroche, 1960 = E. Laroche. Les hiéroglyphes hittites, I. Paris, 1960.
- Laroche, 1960a = E. Laroche. Comparaison du louvite et du lycien (II). — BSL, 55, 1, 1960.
- Laroche, 1961 = E. Laroche. Etudes de toponymie anatolienne. — RHA, XIX, 69, 1961.
- Laroche, 1969 = E. Laroche. Les dieux de Jazilikaya. — RHA, XXVII, 84—85, 1969.
- Latschev = B. Latschev. Inscriptions antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae, I—IV. Petropoli, 1885 sqq.
- Leonhard = W. Leonhard. Hettiter und Amazonen. Die griechische Tradition die "Hatti" und ein Versuch zu ihrer historischen Verwertung. Leipzig—Berlin, 1911.
- Liddell, Scott = H. G. Liddell, R. Scott. A Greek-English Lexicon, a new edition by St. Jones and McKenzie. Oxford, 1948.
- Machek² = V. Machek. Etymologický slovník jazyka českého. Druhé, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968.

- Mareš = F. Mareš. Slovanské názvy rostlin u Dioskorida Anazarbského? — Vznik a počátky slovanů, III. Praha, 1960.
- Mateescu = G. G. Mateescu. I Traci nelle epigrafi di Roma. — Ephemeris Dacoromana, I. Roma, 1923.
- Mayer, 1951 = A. Mayer. Zwei Inselnamen in der Adria, I. Kerkyra. — KZ, 70, 1—2, 1951.
- Mayer, 1957 (I), 1959 (II) = A. Mayer. Die Sprache der alten Illyrier I—II. Wien, 1957, 1959.
- Mayrhofer Wb. = M. Mayrhofer. Kurzgefaßtes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. I—II, Lief. 19—23. Heidelberg, 1956—1972.
- Mayrhofer, 1964 = M. Mayrhofer. Hethitisch und Indogermanisch. — Die Sprache, X, 2, 1964.
- Mayrhofer, 1965 = M. Mayrhofer. Hethitisches und arisches Lexikon. — IF, 70, 3, 1965.
- Mayrhofer, 1969 = M. Mayrhofer. Zu den neuen Iranier-Namen aus Persepolis. — Studia classica et orientalia A. Pagliaro oblata, III. Roma, 1969.
- Mazon = P. Mazon. Introduction à l'Iliade. Paris, 1942.
- Mellaart, 1958 = J. Mellaart. The end of the Early Bronze Age in Anatolia and the Aegean. — AJA, 62, 1, 1958.
- Mellaart, 1960 = J. Mellaart. Anatolia and the Balkans. — Antiquity, XXXIV, 136, 1960.
- Mellaart, 1969 = J. Mellaart. Prehistory of Anatolia and its relations with the Balkans. — EPB.
- Meriggi, 1936 = P. Meriggi. Der Indogermanismus des Lykischen. — FS H. Hirt, II. Heidelberg, 1936.
- Meriggi, 1953 = P. Meriggi. Declinazione nominale dell'eteo geroglifica. — AGI, XXXVIII, 1, 1953.
- Meriggi, 1962 = P. Meriggi. Hieroglyphisch-hethitisches Glossar. Wiesbaden, 1962.
- Merlingen, 1957 = W. Merlingen. Idg. *F* und Verwandtes. — GS P. Kretschmer, II.
- Merlingen, 1963 = W. Merlingen. Eine ältere Lehnwörterschicht im Griechischen, I. Wien, 1963.
- Meyer = G. Meyer. Griechische Grammatik. Leipzig, 1896.
- Mihailov, 1943 = G. Mihailov. La langue des inscriptions grecques en Bulgarie. Phonétique et morphologie. Sofia, 1943.
- Mihailov, 1962 = G. Mihailov. Epigraphica. — ИАИ, XXV, 1962.
- Mihailov I²—IV = G. Mihailov. Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae, I²—IV. Serdicae, 1956—1961, 1970.
- Mireaux, 1948 = É. Mireaux. Les poèmes homériques et l'Histoire Grecque, I (Homère de Chios et les routes de l'étain). Paris, 1948.
- Mireaux, 1949 = É. Mireaux. Les poèmes homériques et l'Histoire Grecque, II (l'Iliade, l'Odyssee et les rivalités coloniales). Paris, 1949.
- Morgenstierne = G. Morgenstierne. Indo-Iranian frontier languages, II, Iranian Pamir languages. Oslo, 1938.
- Morpurgo = A. Morpurgo. Mycenaean graecitatis lexicon. Romae, 1963.
- Neumann, 1961 = G. Neumann. Untersuchungen zum Weiterleben hethitischen und luwischen Sprachgutes in hellenistischer und römischer Zeit. Wiesbaden, 1961.
- Neumann, 1969 = G. Neumann. Lykisch. В кн.: Handbuch der Orientalistik, II, Lief. 2: Alt kleinasiatische Sprachen.
- Niederle, 1904 = L. Niederle. Slovanské starožitnosti, I, 2. Praha, 1904.
- Niederle, 1906 = L. Niederle. Slovanské starožitnosti, II, 1. Praha, 1906.
- Nilsson I—II = M. P. Nilsson. Geschichte der griechischen Religion, I—II. München, 1941, 1950.
- Otten, 1950 = H. Otten. Die Gottheit Lelvani der Boğazköy-Texte. — JCS, IV, 2, 1950.
- Otten, 1951 = H. Otten. Pirya — der Gott auf dem Pferde. — JKF, II, 1951.
- Page = D. L. Page. History and the Homeric Iliad. Berkeley and Los Angeles, 1963.
- Palmer = L. R. Palmer. Mycenaean and Minoan. New York, 1962.
- P.-B. = W. Pape, G. Benseler. Wörterbuch der griechischen Eigennamen, I—II. Nachdruck der 3. Aufl. Graz, 1959.

- Patsch = C. P a t s c h. Die Völkerschaft der Agathyrsen. — AnzAW 50 (Jg. 1924), 1925.
- Pisani = V. P i s a n i. Notulae Graeco-Latinae. — IF, 53, 1, 1935.
- Poghirc = C. P o g h i r c. La valeur phonétique de l'oscillation graphique thrace *ale* à la lumière des données des langues balkaniques modernes. — Studii clasice, III, 1961.
- Pokorny = J. P o k o r n y. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch, I, Bern — München, 1959.
- Porzig = W. P o r z i g. Die Gliederung des indogermanischen Sprachgebiets. Heidelberg, 1954.
- Premmerstein RE XI, 2 = A. P r e m m e r s t e i n. Kostoboken. — RE, XI, 2.
- Ranoszek = R. R a n o s z e k. A propos de KUB XXIII, 1. — AO, XVIII, 4, 1950.
- RHSJ = Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, d. I. — Zagreb, 1880 sqq.
- Robert = L. R o b e r t. Noms indigènes dans l'Asie Mineure gréco-romaine. Ière partie (Bibliothèque archéologique et historique de l'Institut français d'archéologie d'Istanbul, XIII). Paris, 1963.
- Rosenkranz = B. R o s e n k r a n z. Fluss- und Gewässernamen in Anatolien. — BNF (N.F.), I, 2, 1966.
- Ruijgh, 1967 = C. J. R u i j g h. Sur le nom de Poséidon et sur les noms en *-a-Fov-*, *-i-Fov-*. — REG, 8, 1967.
- Ruijgh, 1968 = C. J. R u i j g h. Les noms en *-won-* (*-āwon-*, *-iwon-*), *-uon-* en grec alphabétique et en mycénien. — Minos N. S., IX, 1, 1968.
- Russu, 1959 = I. I. R u s s u. Limba traco-dacilor. București, 1959.
- Russu, 1959a = I. I. R u s s u. Les Costoboces. — Dacia, nouvelle série, III. Bucarest, 1959.
- Russu, 1969 = I. I. R u s s u. Die Sprache der Thrako-Daker. București, 1969.
- Sacconi = A. S a c c o n i. Gli achi in età micenea ed in Omero. — Ziva antika, 1969, 1.
- Schachermeyr, 1935 = F. S c h a c h e r m e y r. Hethiter und Achäer. — MDOG, 9, 1—2, 1935.
- Schachermeyr, 1958 = F. S c h a c h e r m e y r. Zur Frage der Lokalisierung von Achiawa. — Minoica. FS. J. Sundwall. Berlin, 1958.
- Schindler = J. S c h i n d l e r. Das indogermanische Wort für „Erde“ und die dentalen Spiranten. — Die Sprache, XIII, 2, 1967.
- Schulze ZGLE = W. S c h u l z e. Zur Geschichte lateinischer Eigennamen. — Abhandlungen der Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen, philol.-hist. Klasse. N. F. V, 5, Berlin, 1904.
- Schwyzler I = E. S c h w y z e r. Griechische Grammatik, I⁴. München, 1953.
- Seure = G. S e u r e. Le roi Rhésos et le Héros Chasseur. — Revue de Philologie, II, 1928.
- Sittig = E. S i t t i g. De Graecorum nominibus theophris. Halle, 1911.
- Stawski I = F. S ł a w s k i. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, t. 1, 1952—1956.
- Solmsen = F. S o l m s e n. Beiträge zur griechischen Wortforschung, 1, Straßburg, 1909.
- Solta = G. R. S o l t a. [Рец. на кн.:] D. D e č e v. Die Thrakischen Sprachreste. — IF, Bd. 66, 1961.
- Sommer, 1905 = F. S o m m e r. Griechische Lautstudien. Straßburg, 1905.
- Sommer, 1932 = F. S o m m e r. Die Ahhijavā-Urkunden. — AbhBAW. N.F., 6, 1932.
- Sommer, 1934 = F. S o m m e r. Ahhijavāfrage und Sprachwissenschaft. — AbhBAW. N. F., 9, 1934.
- Sommer, 1937 = F. S o m m e r. Ahhijavā und kein Ende? — IF, 55.
- Sommer, 1949 = F. S o m m e r. Altindisch *dhur*. — Die Sprache, I, 1949.
- Steiner = G. S t e i n e r. Die Ahhijawa-Frage heute. — Saeculum, 15, 4, 1964.
- S. = J. S u n d w a l l. Die einheimischen Namen der Lykier nebst einem Verzeichnisse kleinasiatischer Namenstämme. — Klio, 11. Beiheft. Leipzig, 1913.
- Sundwall. Nachtr. = J. S u n d w a l l. Kleinasiatische Nachträge (Studia orientalia edidit Societas orientalis Fennica XVI: 1). Helsinki, 1950.
- Sundwall, 1911 = J. S u n d w a l l. Zu den karischen Inschriften und den darin vorkommenden Namen. — Klio, 11, 4, 1911.
- Szemerényi, 1957 = O. S z e m e r é n y i. The Greek nouns in *-εύς*. — GS P. Kretschmer, II, 1957.
- Szemerényi, 1971 = O. S z e m e r é n y i. Рец. на кн.: Chantraine. Dict. I—II. — Gnomon, 43, 1971.

- Šafarik = P. J. Š a f a r i k. Sebrané spisy, I², 4. Praha, 1862.
 Tab. Peut. = Tabula Peutingeriana. — Germania antiqua (M. Hauptius, K. Müllenhoffius), B., 1873.
 TAM = Tituli Asiae Minoris: Tituli Lyciae lingua Lycia conscripti (TAM I, Wien, 1901); Tituli Lyciae linguis Graeca et Latina conscripti (TAM II: TAM I, I = Wien, 1920; II, II = Wien, 1930; II, III = Wien, 1944); Tituli Pisidiae linguis Graeca et Latina conscripti (TAM III, I = Wien, 1941).
 Toivonen = Y. H. T o i v o n e n. Suomen kielen etymologinen sanakirja, I. Helsinki, 1955.
 Tomaschek I; II, 1; II, 2 = W. T o m a s c h e k. Die alten Thraker I. Übersicht der Stämme. SBWA, CXXVIII, 4, Wien, 1893; II. Die Sprachreste, 1. Die Glossen. — SBWA, CXXX, 2, Wien, 1894; II, 2. Die Sprachreste, 2. Hälfte. Personen und Ortsnamen. — SBWA, CXXXI, 1, Wien, 1894.
 Van Brock = N. v a n B r o c k. Substitution rituelle. — RHA, XVII, 65, 1959.
 Van Windekens, 1952 = A. J. v a n W i n d e k e n s. Le pélasgique. Essai sur une langue indo-européenne préhellénique. Louvain, 1952.
 Van Windekens, 1966 = A. J. v a n W i n d e k e n s. Δημήτηρ, nom grec d'une déesse égéenne. — Die Sprache, XII, 1, 1966.
 Vasmer = M. V a s m e r. Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven. I: Die Iranier in Südrußland. Leipzig, 1923.
 Velkov = V. V e l k o v. Thraker und Phryger nach den Epen Homers. — EPB.
 Vlahov, 1963 (I—II) = K. V l a h o v. Nachträge und Berichtigungen zu den thrakischen Sprachresten und Rückwörterbuch. — ГСУФ, LVII, 2, 1963.
 Vlahov, 1964 = K. V l a h o v. Zur Frage des Personennamensystems der thrakischen Sprache (Personennamen, die von Flussnamen abgeleitet sind). — ГСУФ, LVIII, 2, 1964.
 Vlahov, 1968 = K. V l a h o v. Die *l*- und *k*-Suffixe in der thrakischen Personennamenbildung. — ГСУФ, LXII, 1, 1968.
 Vlahov, 1969a = K. V l a h o v. Areale und ethnogenetische Distribution der thrakischen Personennamen. — EPB.
 Vlahov, 1972 = K. V l a h o v. Der Grad des Einflusses der griechischen Sprache auf die Thrakische. — БЕ, XVI, 1, 1972.
 W. = Pedanii Dioscoridis Anazarbei. De materia medica libri V., ed. M. Wellmann, vol. I—III, Berolini, 1906—1907, 1914.
 Wace = A. J. B. W a c e, F. H. S t u b b i n g s. A companion to Homer. London, 1962.
 Walde, Hofmann = A. W a l d e. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 3., neubearb. Aufl. v o n J. B. H o f m a n n, I—II. Heidelberg, 1938—1954.
 Wiesner = J. W i e s n e r. Die Thraker. Studien zu einem versunkenen Volk des Balkanraumes. Stuttgart, 1963.
 Willamowitz-Moellendorff, 1884 = U. W i l l a m o w i t z - M o e l l e n d o r f f. Homerische Untersuchungen. — Philologische Untersuchungen, 7, Berlin, 1884.
 Willamowitz-Moellendorff, 1920 = U. W i l l a m o w i t z - M o e l l e n d o r f f. Die Ilias und Homer, 2. Aufl. Berlin, 1920.
 Wiseman = D. J. W i s e m a n. The Alalakh Tablets. London, 1953.
 Zaimov, 1963 = J. Z a i m o v. Quelques particularités des noms thraces en Bulgarie. — БЕ, VI, 1963.
 Zg. = L. Z g u s t a. Kleinasiatische Personennamen. Prag, 1964.
 Zgusta, 1955 = L. Z g u s t a. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Die ethnischen Verhältnisse, namentlich das Verhältnis der Skythen und Sarmaten, im Lichte der Namenforschung. Praha, 1955.

- БЕ = Балканско езикознание. С. (= LB).
 БИ = Балканские исследования. М.
 БЯ = Балканское языкознание. М., 1973.
 ВДИ = Вестник древней истории. М.
 ВСЯ = Вопросы славянского языкознания. М.
 ВЯ = Вопросы языкознания. М.
 ЕКНБН = Етногенезис и культурно наследство на българския народ. С., 1971.
 ГСУ(И)Ф = Годишник на Софийския университет, (ист.-) филол. фак-т. С.
 ИАИ = Известия на Археологическия институт БАН. С.

- ИВАД = Известия на Варненското археологическо дружество. Варна.
- ИИБЕ = Известия на Института за български език, БАН. С.
- ИИДС = Известия на историческото дружество в София. С.
- ИОРЯС = Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук. СПб.
- КСИА = Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
- КСИГ = Конференция по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. Предварительные материалы. М., 1972.
- КСИС = Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР.
- ПИЯ = Проблемы индоевропейского языкознания. Этюды по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. М., 1964.
- СА = Советская археология. М.
- СБНУ = Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. С.
- СБЯ = I симпозиум по балканскому языкознанию. Античная балканистика. Предварительные материалы (Тезисы докладов. Сообщения. Аннотации). М., 1972.
- СлБАН = Списание на Българската академия на науките. С.
- СПКЯ = Симпозиум по проблемам карпатского языкознания. Тезисы докладов и сообщений. М., 1973.
- СЯ = Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973.
- AGI = Archivio glottologico italiano. Torino.
- AbhBAW = Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. München.
- Actes Ier CIEB = Actes du I Congrès international des études balkaniques et sud-est européennes. VI — Linguistique. Sofia, 1968; II — Historique, Sofia, 1970.
- AION-L = Annali dell'Istituto Universitario Orientale di Napoli. Sezione linguistica. Napoli.
- AJA = American Journal of Archaeology. Baltimore.
- AnzAW = Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien, philos.-hist. Klasse. Wien.
- AO = Archiv orientální. Praha.
- AST = Anatolian Studies. London.
- AUMB = Aegyptische Urkunden aus den Museen zu Berlin. Berlin.
- BCH = Bulletin de Correspondance Hellénique. Paris.
- BNF = Beiträge zur Namenforschung. Heidelberg.
- BSA = Annual of the British School at Athens.
- BSL = Bulletin de la Société de linguistique de Paris. Paris.
- CIG = Corpus inscriptionum Graecarum. Berolini, 1825—1877.
- CIL = Corpus inscriptionum Latinarum. Berolini, 1863 sqq.
- GS P. Kretschmer = *ΜΝΗΜΗΣ ΧΑΡΙΝ*. Gedenkschrift für P. Kretschmer, I—II, Wien, 1956—1957.
- IF = Indogermanische Forschungen. Berlin.
- IG = Inscriptiones graecae. Berolini.
- IGR = Inscriptiones Graecae ad res Romanos pertinentes, ed. R. Cagnat, I sq. Paris, 1901 sqq.
- IIS = Inscriptiones Latinae selectae, ed. H. Dessau, I—V. Berolini, 1892—1916.
- ItA = Itinerarium Antonini Augusti. — B: K. Müller. Itineraria Romana. Stuttgart, 1916.
- ItH = Itinerarium Hierosolymitanum, ed. P. Geyer. — B: Corpus scriptorum ecclesiasticorum Latinorum, Bd. 39. Wien, 1898.
- IPE = Latyshev.
- JCS = Journal of Cuneiform Studies. New Haven.
- JKF = Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. Heidelberg.
- JNES = Journal of Near Eastern Studies. Chicago.
- KIF = Kleinasiatische Forschungen, 1—3, 1927, 1929, 1930.
- KUB = Keilschrifturkunden aus Boghazköi. Berlin, 1921.
- KZ = Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen. Berlin.
- LB = Linguistique balkanique. Sofia (= BE).
- MDOG = Mitteilungen der Deutschen orientalischen Gesellschaft. Berlin.
- MVAeG = Mitteilungen der Vorderasiatisch-Aegyptischen Gesellschaft. Berlin—Leipzig.
- RAL = Rendiconti della Reale Accademia dei Lincei. Roma.

- RAC = Ravennatis Anonymi Cosmographia. — Itineraria Romana, II, ed. J. Schnez. Leipzig, 1940.
- RAss I = Reallexikon der Assyriologie I. Berlin, 1928—1932.
- Rav. = RAC.
- RIL = Rendiconti dell'Istituto lombardo di scienze e lettere. Milano.
- RLM = Lexikon der griechisch-römischen Mythologie, hrsg. von W. H. Roscher, 1884—1937.
- RE = Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft, begr. von Pauly, neu hrsg. von G. Wissowa, W. Kroll u. a. Stuttgart, 1896 sqq.
- REG = Revue des études grecques. Paris.
- RHA = Revue hittite et asianique. Paris.
- RV = Reallexikon der Vorgeschichte hrsg. v. M. Ebert, I—XV. Berlin, 1924— 1932.
- SBWA = Sitzungsberichte der Akademie der Wissenschaften in Wien. Wien.
- Thracia = Thracia. Primus Congressus studiorum Thracicorum. Serdicae, 1972.
- WZKM = Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes. Wien.
- ZA (NF) = Zeitschrift für Assyriologie und verwandte Gebiete (Neue Folge). Leipzig.
- ZfB = Zeitschrift für Balkanologie. Wiesbaden.
- Z(O)NF = Zeitschrift für Ortsnamenforschung. Berlin.

Языки и диалекты

авест. = авестийский
аккад. = аккадский
алб. = албанский
анат. = анатолийский
англ.-сакс. = англо-саксонский
арк. = аркадский
арум. = арумьинский
атт. = аттический
балт. = балтийский
блр. = белорусский
беот. = беотийский
болг. = болгарский
вахан. = ваханский
вед. = ведийский
венет. = венетский
вифин. = вифинский
герм. = германский
гом(ер). = гомеровский
гот. = готский
греч. = греческий
дак. = дакийский
догреч. = догреческий
дор. = дорийский
др.-англ. = древнеанглийский
др.-в.-нем. = древневерхненемецкий
др.-инд. = древнеиндийский
др.-макед. = древнемакедонский
египет. = египетский
и.-е. = индоевропейский
нер. = иероглифический
иллир. = иллирийский
ион. = ионийский
иран. = иранский
исавр. = исаврский
капп. = каппадокийский
кар. = карийский
килик. = киликийский
кипр. = кипрский
кл. = клинописный
кн. = кносский
коринф. = коринфский
крит. = критский
ктн. = катаонский
лак. = лаконский
лангоб. = лангобардский
лат. = латинский
лесб. = лесбосский
лид. = лидийский
лик. = ликийский
лнк. = ликаонский
лит. = литовский
лтш. = латышский
лув. = лувийский
м.-аз. = малоазийский
макед. = македонский
мессап. = мессапский

мигдонск. = мигдонский
миз. = мизийский
милийск. = мильский
митанн. = митаннийский
морд. = мордовский
п.-греч. = новогреческий
нем. = немецкий
п.-перс. = новоперсидский
оск. = оскский
п. = поздний
памф. = памфилийский
пеласг. = пеласгский
пил. = пилосский
пис(ид). = писидийский
польск. = польский
праслав. = праславянский
р. = ранний
родос. = родосский
рум. = румынский
русск.-цслав. = русско-церковнославянский

сирийск. = сирийский
слав. = славянский
слвц. = словацкий
словен. = словенский
ст.-лтш. = старолатышский
ст.-слав. = старославянский
с.-хорв. = сербохорватский
тарент. = тарентский
троянск. = троянский
тур. = турецкий
укр. = украинский
фесс. = фессалийский
финск. = финский
фрак. = фракийский
фриг. = фригийский
хатт. = хаттский
хетт. = хеттский
хетт.-лув. = хетто-лувийский
хурр. = хурритский
чеш. = чешский
эл. = элевсинский
эол. = эолийский
эпидавр. = эпидаврский
эрз. = эрзянский
эст. = эстонский
этр. = этрусский
ГН = гидроним
демот. = демотикон
диал. = диалектный
ЛИ = личное имя
МН = местное название
СИ = собственное имя
ТН = теоним
ЭН = этноним

Указатель форм*

Греческий**

- *Αβα 24, 131
 *Αβας, -ντος 131
 *Αγάθωνοι 153—155, 180
 *Αγγεληῖα 43
 *Αἶα 65
 Αἰάπολις 65
 Αἴας 158
 Αἴσα 131
 Αἴσηπος 57, 130, 131, 178—179
 Αἰ|Οἰσύμη 131
 ἀκρόπολις 110
 *Αλέξανδρος 103
 *Αλεξᾶς 103
 *Αλιάκμων 15
 *Αλιμῆνη 34
 *Αλιούτας 154
 *Αλυσ 145
 *Αλωπεκόννησος 114
 ἄμβροτος 108
 ἄμε- 69
 ἄμμε 69
 *ἄμμοτος 108
 ἄμφι- 65
 *Αμφικράτης 65
 -αν- 21
 *Ανβλεᾶτος 108
 *Ανδρeύς 141
 -ανο-/-ηνο- 34
 *Αντιφάνης 166
 *Αντίοχος 145
 *Αξιός 15, 177
 -απ|βα - 21, 30, 113, 131
 *Απάδατα 17
 *Απαγοῖ 120
 *Απελιων 148
 *Απιδανός 24
 *Αποληγαῖος 74
 *Από|έλλων 148
 Απτεκεντος 76
 ἄπτω 43
 *Α|ἄργιλος 23, 30
 ἀργύρεος 177
 *Αρδιληνός 33
 Αρζανος 30
 *Αρηλιφ 156
 *Αρσίοβα| -ος/-η 23, 122, 133, 134, 137, 138, 177, 178
 *Αρχόνια (ᾄρη) 86
 Αρμαπιας 33, 170
 [Α]ρμασητας 33
 Αρμαста 96
 *Αρμουληνή 33—36, 39, 40, 50, 56, 64, 170, 182
 Αρμουναγис 33, 35
 Αρσιμηωτης 138
 *Αρπασα| -ος 62, 75
 *Αρσησός 62, 75
 Αρπουарма 62
 Αρσαδαπειμис 92
 *Αρσeна 34
 *Αρσιληνός 33
 *Αρτακοι| -ος 101
 *Αρτάνης 34
 *Ασβόλι(θ)ος 35
 ἄσβόλη 35
 Ασημα 40
 *Ασία 140, 146
 Ασiанός 34
 *ααμε 69
 -(α)σος 81
 *Аста 93, 160
 *Астропаῖος 120
 (ἔν) Астиβiа 23
 *Астибос 23
 *АсFиос 140
 *Атлас 154
 ἄтос 156
 *Атреус 141, 142
 *Ат(т)ис 161
 Αὐδ|τωλέων 135, 136
 Ауленгис 135
 Аулоδα 42
 Ауλος 135
 Αὐλαρχηνος 31
 Αὐλαρχηνος 31
 Ауло(υ)ζανης| -ος| -иs 136
 Аулоζενη| -иs 136
 Αὐ|ρημα 156
 Αὔτιπος 137
 Αὐτόλυκος 135
 αὐτός 156
 ἄφενος 79
 *Αχα|Fā 140, 141
 *Αχα|(F)οί 140, 142
 *Αχελώ(ι)ος 132

* Составлен И. А. Калужской и В. Э. Орлом.

** Помимо собственно греческого материала, включает формы, сохранившиеся в греческих передачах; атрибуция глосс огорена особо.

Βάχχοι-ος 105
Βαργαθός 113
Βαργαίος 113
Βάργαλι 23, 113
Βαργαίσα-η 59, 113
Βαργάλια 23, 59, 113
Βασίβοννον 60
βασιλείς 126—128
βάσσος 98
Βασσο(ν)ς 39
βανόια, мессап. 60
βέδν, φριг. 21, 135
Βεθ/ιμπης 57, 65
Β(ε)ιθνοί 65
Β(ε)ιθνίς 63, 65
Βεινίη 159
Βενδιζήτι 77
Βενδίς 47, 77
Βενζεις 47
Βέργα-η 30, 60, 111, 114, 174
Βεργαίος, 111, 174
Βεργαίον 113
Βεργέπολις 30, 60, 111, 112, 174
Βέργιον/-ιος 60, 111
Βέργισον 111, 174
Βεργούλη 111, 174
Βερόη 17
Βετεσπίος/-ιω 32, 134, 135, 178
Βηιοιάδης 62
Βίαις 166
Βιδαν 94
Βιδζώ 93, 116
Βιζύ/όη 32, 93, 94, 116, 160, 173, 181
Βιζώνη 32, 93, 116, 175
Βιθνίς 85, 136, 174
Βισάλται 111
Βισονίς (λίμνη) 110, 120
Βιτουλα 159
βιής/βίης, дак. 44
-βο- 101, 173
βοραΐδης 59
Βόββεγα 111, 174
Βουβας 23
Βοϋννος 60
-βοινον 60
Βουραειδης 59
Βουρδεπτω 76
-βο(ν)ρις 92
Βράγγας 125
Βράμκεδον 65, 72, 172
Βράτιστα 89
Βρεγδαβα 111, 112, 174
Βρειανικη (χώρη) 62
Βνβαι 23
Βυβασσος 23
Βυζάντιον 94
Βύζη 93, 116
Βύθ(ι)ος 98
Βύθιον, мессап. 60
Βυσσός 98
-βω- 101, 173
-βωκοι 100, 104, 173

Γάϊα 65
γά 68
γαλώο 82
γάλωος 82
Γδαβα 71
**γδαν, φριг.* 66, 67, 70—72
**Γδαν Μα* 66
Γδαγμα(α)ς 49, 66, 67, 70, 71, 172
Γδομοίσις 71
Γδασα 71
Γδάσιος 71
-γδον 66, 72, 172
-γδον 66, 70
έγένης 21, 77
γγος 42, 77
Γεομίζερα 156
-γεε - 51, 64
γή 68
Γιουλι 31
Γουδίλις 30, 51, 91
Γογκοις/-α 39
Γοή/άνικος 131, 178
Γύρης 41

δα 68
**δα, φρακ.* 69
Δάαι 120
Δάβανος 91, 176, 183
Δαβατοπειος 92, 176
Δαβειος 92, 176
δαηναι 69
δαίωμα 68
δαυρόν 68
Δάκοι 101
Δαλάταρα 93—95, 17
Δαί(ε)ις 38
Δαίλ τον 38
Δαιμ - 69, 70
Δαιμάτεροι 67
Δαιμ(ι)άτηρ 67—70, 172
Δαιμία 69
Δαιμθαλής 69
Δαιμιάτερι 49, 67, 172
**Δαιος - μάτηρ* 68
Δαρδανία 123, 131
Δάρδαν(ι)ρι 123
Δαρδανίς 131
Δάρδανος 131, 166
Δαρδάπαρα 124
Δάρης 166
Δαρων 166
**Δασ-* 68
Δασέα(ι) 71
**Δασματηρ* 68
Δάτον 114
-δαν 21, 32, 53
Δανσαρα 156
**ΔαΦκοι* 101
Δεαβίζος 42
Δεια/-ος 42, 47
Δειγημς 42
δειδω 47
Δελφίνιος 98

Ασπιδίται - 30
-δενθής 31
Αεονῶς 43
Αεόνυσος 42
Αεόσπονοις 42
Αέροβη 94, 173
Αέλιαδας 124
Αερεμης 166
δεσμός 138
δεσμούω 138
δεσμώντης 138
Αηλοπιτης 109
Αηλος 109
Αημήτηρ 49, 67—70, 172
Αημοζόων 52
Αἰδήμιος 97
δῖα 42
Αἰά(ς) 42, 47
Αιαξελμης 42
Αιαξενις 42, 77
Αιαοκενθός 47, 77
Αιβυθός|-ης 42, 65
Αιγηροί 42
διέσεμα, дак. 32, 42—46, 182
Αεις 42
Αηρος 42
Αιζαστης 96, 157
Αίκιη 38
Αίκτιννα 38
Αἰα - 76
Αινε|ι- 47
Αινζήτης 77
Αινικενθός 77
Αι(F)ο- 42
**Αι(F)ος -νυσος* 42, 61
Αιώβορος 42
Αιογένης 77
Αἶον 42, 47
Αιόν(γ)υσος 42, 61, 182
Αιονῶς 43
Αἰδῖος 42, 47, 160
Αῖος 42
Αουκειλής 42
Αἰ(ου)πορις 42, 47, 77
Αουτραλις 47
Αισορας 42, 47
ΑίΦιας 42
Αμία 69
Αοκίμιον 160
Αόκιμος 160
Αοίης 38
Αολίονες|-ιος 38
Αολίων 38
Αόλογοι 101
-δον- 65—66, 70, 72, 171, 172
Αοξοσι 97
Αομοβ|πιας 133, 178
-δοτος 92
Αουλη- 76
Αοῦναξ 76
-δουπον 76
δοῦπος 71
Αοεπαῖος 95

Αοεπατα 94—95, 173
Αυλι|ι- 76
δω, илл. 69
Αω- 69—70
Αωλις- 76
Αωμάτηρ 49, 67—70, 172
-δων 49, 65, 66, 70, 72, 75, 76, 171, 172
-δωυος 92
Αως 69
-δωιη 138
Εβροενις 135
Εβροζενις 130
Εβρος 17, 130, 179
Εβρουζελμης 130, 135
Εβροσσα 21
εδνώω 138
εδνα 138
εδνωτής 138
εθκεν 71
Εζ|οβενις 135, 136, 178, 182, 183
ειπέν 159
Ειπεροκωνις 84
Εἴπια 79, 80, 175, 183
εἰρήνη 34
εἰοίΦη 52
εἰμιον 163
Ελαυῶσσα 162, 163
Ελενθρο(ι)ος 80
Ελενθρος 80
Ελενθήρ 80
Ε(μ|ν)βρομος 107, 109, 176
Επειοι 137
επήκοος 84
Επαίπιος 134, 178
Επόζιλις 137
επος 159
Επιπο 137
Επια(ι)κενθός 76—79, 175
Επια(ι)ραλις 76
Επιακεντιος 76
Επιακινθιανος 76
Επιάπορις|-ος 76—79, 130- 131, 135, 175, 178, 179
Επιαπυς 57, 64
Επιεζενις 76—79, 136, 175
Επιειζενις 76
Επιε|ηκε(γ)θος 76—79
Επιενις|-ης 76, 135, 136, 182, 183
Επιεσκος 76
Επιτημενηκα 76
Επιτηπος 57, 64, 76, 77, 79, 171, 175
Επιτηπουρις 76, 77, 79
Επιτηπουχις 76
Επιτηραλις 76
Εροι 83
Εργήνος 111
ερεβινθος 55
ερί(γ)δουπος 71
ερκος, кельг. 86, 88, 173
Ερμαδαπ(ε)μης 92
Ερμαδατης 92
Ερμαδομεμης 92

ἔομα(ξ) 35
 Ἐοματίας 33
 Εοματοβορις 92
 *Εομάων 69
 *Εομάων 68
 *Εομέας 35
 Εομενηγίς 33
 *Εομήης 35
 Εομονηγός 35
 Εοπι -75
 Εοπίας 75
 Εοπιγής 75
 *Εοπιδασα|-ῆ 75
 Εοπιδεμονίς 75
 Εοπιδενηγίς 75
 Εορφαοί 83
 Εοβένειος 135
 Εταζέτα 77
 Εταικενθός 76
 *Ετα(F)οκλέ(F)ης 141, 142
 Εὔδοξος 97
 Εὔκοίης 52
 Εὔρύπυλος 148
 Εὔφνης 59
 ἐπί - π(ι)ος 134, 135, 178
 *Ἐχινοῦντος 13
 *Ἐχινοῦσ(ο) 13
 *ἔχινοΓενταλ ᾱ 13
 Εὔρουκόας 52
 Εὔρουκόων 52
 εὔω 43
 ἔφυν 59, 171

 Φάξος 159
 *Φιδ[F]α 94
 Φιλύς 159
 *Φιλ(ι)ος 159, 161, 163, 165, 181, 182
 Φοῖνος 163

 -ζαίας 63
 Ζάλδαπ|βα 24, 40, 131
 Ζαλδηνω 40
 ζειλά, φρακ. 167
 Ζ(ε)- 47
 Ζειραίλις 47
 Ζεκαδωτή 138
 ζελάς, φρακ. 167
 Ζέλδεπα 40
 ζεμικη|/-ω, φριγ. 66, 67, 71
 -ζενης 21
 -ζενθες 30
 Ζερχληνή 33
 Ζέρχων 33
 Ζεύς 42, 49 115
 ζήλιος, φρακ. 167
 Ζηρικετής 51
 -ζη|ετα 77
 Ζι(α)- 47
 ζίλαι, φρακ. 167
 Ζιοπορος 47
 Ζιπυρος 47
 Ζισυρος 47

Ζουπορος 47
 *Ηῦών 125
 -ην - 34
 ἦμε - 69
 *Ἡσα 35, 83
 *Ἡρακλέης|/-ήλης 83
 *Ἡράκλεια 138
 *Ἡρακλε(ι)ώτης 138
 *Ἡρος 33, 81
 *Ἡρυλλία 82
 ἦρος|/-ως 82—83
 *Ἡρωσ|/-ν 81, 82, 84, 86, 89, 137, 172, 173

Θαβουσιον 91, 176
 θαΓάσω 21
 Θεαθω 64
 Θεόγενης 64
 θεράπνη 71
 Θημάσα 91, 176
 Θῆβη|/-αι 91, 176
 Θησέως 164
 Θησους 164
 Θιαθιαθις 64
 Θιαθους 64
 Θιάπολις 65
 θιάσαι 64
 Θιογένεις 64
 θιός 64
 Θιουλι- 64, 65
 Θιουλιπος 33, 57, 64, 65, 171
 Θραΐκες 153—156, 181
 Θραΐκες 155, 181
 Θραΐξ 31
 Θραΐξ 31
 Θραΐξ 156
 Θραΐκες 155, 156
 Θραΐκες 155
 Θραΐτες 155, 156
 Θύμβρα|/-ις 165, 166
 Θυνοί 65
 θύρσος 155

ιαρός 148
 *Ἰάινσος 162
 Ιανγας 35
 *Ἰασίον 105
 Ιδαγγος 41, 175
 *Ἰδαίος|/-ια 115
 *Ἰδακος 32, 114, 115, 175
 *Ἰδάνθυρος 155
 *Ἰδασσα 115
 ἰδη|-α 94, 114, 175
 *Ἰδη|-α 23, 32, 94, 114, 116, 175
 *Ἰδήϊον 158
 ἰδιος 138
 ἰδιώτης 138
 *Ἰδομενέως 115
 *Ἰδομένη|-αί 115
 Ἰδυμος 115, 174
 *Ἰερά 148, 149
 *Ἰέραςος 156
 ἰερός 148

Λίγκος 135, 137, 178
Λιεύς 159, 160, 163, 164, 181
Λήϊον 158
Λιάδης 158
Λιακός 158
Λιάς 158
Λιεύς 158
Λιον 23, 146, 158—165, 181
Λιόνη 158, 181
Λιονεύς 147, 158, 181
Λιος 139, 141, 143, 147, 150, 158—163, 165,
 179—181, 184
Λιος 158—160, 163—165, 181, 184
Λιον κόμη 23, 160
λίγς 161
Ιμβροηλδος 107, 108
Ιμβρασις 106—108, 176
Ιμβραλος 107, 108
Ιμβραμος 106—108
Ιμβρανος 107, 108, 176
Ιμβρα(σ)- 106—108, 176
Ιμβρα(ε)σι/-ης 107, 110
Ιμβρασίδης 106—110, 176
Ιμβρασίσι/-ία 106—109, 176
Ιμβρασιος 106—109, 176
Ιμβρασι(σ)ις 106—109, 176
Ιμβρα(ι)ος 106—107, 109, 110, 176
Ιμμάραδος 106
Ιννα 21
Ιονδα 35
Ιππα 78
εππόπολοι 81
ίππος 135, 137, 178
Ιπτα(ς) 64, 78—80, 175, 183
ίρος 18
Ιρος 184
-ισβ/πα 133, 137
Ισμαρος 106
Ισσα 23
Ισός 23
Ιστρος 18, 53, 132, 178
Ιταλία 138
Ιταλιώτης 138
Ιλιχθύνόσσα 13
Ιχθυοφενίμα 13
-(ι)ων 38
Ιωνα 35

Καβαλ(ε)ς 54
Καβαρις 54
Καβασσος 23
Κάβ(ε)ροι 53—56, 105, 106, 171
Καβετζος 54
Κακασβος 136
Κακαμοας 136
Καλιταβοι 91
Καλλιτηβος 91
Κάμανδρος 131, 133
Καμμοας 106, 174
Κασαλη(ς) 56
Κωαρια 52
Καραβιζήη 93

Καρδία 114
Καρζας 40
Κάρησος 132, 178
Κάρια 156
Καρπαεύς 10
Κάρπαθος 9, 154
Καρπάτης (όρος) 9, 154
Καρρας/-ός 23, 40
κασᾶς 39
Κασιβόνων 39
Κασταβαλλ(λ)ια 101, 173
Κασταβος 101, 173, 183
Καστασιος 41, 101
Καστιλία 35, 41, 79, 98, 101
Κασταντιος 100
Καστοβριξ 100
Καστωλιος 35, 101
Καστωλλυς/-ος 35, 41, 101
Κασουτης 96
Κατά(F)σες 148, 156
Κατά(F)ων 148
Καναλη(ς) 52
καναλός 54
Καναση 51
Κανη 51, 170
Κανιλος 51
Καίνος 52
καύξ 13
Κεβρονοι 123
Κεβοήρ(η) 122, 123, 134, 178
Κεβοήρ(ε)ιοι/-ια 122, 125, 177, 178
Κεβοιόνης 122, 177
Κέβρος 124, 178
Κεδοήπολις 131
-κελην 33
Κέλλαι/-η 33, 165
-κενθος 31, 77
Κερεταπα 91
Κενεβορις 92
Κεοκληη 86
Κέ|όρκυρα 86
Κέορκυρες 86
Κεομλληγός 33
Κεορης 40
Κέ|ήμιον 147
Κετριπορις 131
Κέτιον 43
Κεναρος 51
Κενης 51, 170
Κήκειοι/-ιος 147, 148
Κηίς 147
Κηιτοί 13
Κιάβρος 124, 178
κίκλην, φριг. 28
Κίλικες 79, 98, 148
Κιλκία 98
Κιλιξ 99
Κίλοσα 98
Κίλλα 165
Κιναροα 41, 79
Κι|στοβᾶκοί 102
Κίτιον 43, 147
Κλαβιου 156

- Κοάλεμος 54
 κόαλοι 54
 Κόαστα 96
 κόβαλος 54
 κοέω 51
 Κοζας 97
 Κοξεικενθος 97
 Κοζιστης 96
 Κοθήλας 30, 91
 κοιᾶται 52
 κό(ι)ης 51, 55, 105
 κοιόλης 51
 κοῖον 51
 Κοιστάβωκοι 102
 Κο(ι)στοβῶκοι 44, 98, 102, 173, 183
 Κοιβασ(σ)α 152
 Κόσσο(υ)ς 39
 Κόστοβοι 98, 102, 119
 Κοστο(υ)βῶκοι 98—100, 102—104, 119, 173, 177
 Κοι(τ)ις|-vs|-ιων 38
 Κουρασιος 31
 Κουσανις 56
 Κουσεανος 56
 Κουσους|-ιας|-ιων 57
 Κούσινες 56
 Κουσαβίρι 53, 56, 157, 171
 Κούσκανρι 53, 56, 171
 Κούσκουλι(ς) 56
 Κουτίλας|-ης 30, 51, 91
 *κόφης 51
 κρᾶνα 131
 Κράπαθος 9
 Κρελληνος 33
 κρήνη 131
 Κρήσσα|-ω 23, 98
 Κρισίτη|-ιος 21, 98
 Κριστένα|-ος 66
 κύανος 34
 κύριος 126
 Κυρμιληνος 33
 Κοιρύκιον (άντιον) 98
 Κώρυκος 98
 Κοιστοβαλον 101, 173, 183

 λαβύρινθος 13, 55
 Λαῶων 98
 Λαλακαον 52
 Λαόγονος 166
 Λαοθήη 166
 Λαοκόων 52, 170
 Λαοκόωσα 52
 Λάρισσα 13, 150
 Λαητώ 98
 λαFός 52
 λάυρα 55
 Λέσβος 141, 142
 Λεύκιππος 135
 λευκός 157
 -λην- 33, 158
 Λόκοζος 21
 λόφος 127
 Λυκά(F)ονες 148, 156

 Λυκαονία 156, 164
 Λυκά(F)ων 148, 164, 166
 Λύκαστος 96
 Αλλόκειος 148
 Λυκήγενης 148, 167
 Λυκία 98, 146
 Λυκίσι|-ιος 148
 Λυκώρεια 98

 Mā 48, 52, 67
 Mā Τιανή 49
 ΜαγαφFας 133, 178
 Μαδαγανα 51—52, 171
 Ματα 67, 170
 Μαλανδρος 132
 Μαιδοί 88
 Μαιονες 49
 Μακεδονία 66, 70, 172
 Μακεδών 66, 72, 145
 Μακεντης 77
 Μάλλα 138
 Μαλιώτης 138
 Μαμαστα 96
 Μαραθών 94
 Μάργος 18
 Μάχιος Σημβρόνις 108
 Μασαναισβα(ς) 133, 137, 178
 Μανα 67
 μαῦλις, лид. 49, 67
 μανλιστήριον, лид. 67
 Μανσοιλος 49
 Μανσός 49
 Μάυ(σ)ωλ(λ)ος 49, 170
 ΜαχάFων 68
 Μεγαλοφνής 59
 Μελας 35
 M|Βενδισ 77
 Μεστικενθος 130
 Μεστοης 130
 Μέστος 130, 179
 Μηκύβερα 30, 60, 96, 113, 175
 *Μηκύπερα 30, 60, 96, 113, 175
 Μηκυπ|βεραῖοι 96
 Μην Τιαιμον 49
 Μήγονες 49, 170
 Μήτηρ 67, 80, 170
 μητριά 82
 μήτρωος 82
 Μίδαλον 160
 Μίδας 160
 Μίλητος 142
 Μίλλατος 142
 Μιλνός 142
 Μινδαιον 43
 Μοαγετης 64
 Μοκκο(υ)σι|-ας 39
 Μοσιτηνος 34
 Μουκαπουις 57
 Μυγδονία|-η 66, 172
 Μυγδόνις|-ες 66, 172
 Μυγδών 66, 72
 Μυσαικός 101

- Μυθονία* 66
Μωγετης 51
- Ναισούπολις* 32
Ναϊσός 32
νησος 61
Νοης 32
νυός 42
Νῆσαι 42
- Ξάνθ(ι)οι* 110, 119—123, 177
Ξανθός 122
Ξάνθος 120—122, 177, 184
- ΎΟαξός* 159
όδός 94
οΐαξ 26
οιήιον 26
ΎΟιλεύς 158, 159, 163, 181
ΎΟιλιάδης 159
ΎΟινόανδα 163
Οετλος 159
ΎΟλυνθος 125
δμπνη 78
ΎΟμπνια 78
δρέγγνμι 128
δροβος 55
όστέον 101, 173
οὐδός 94
Οὐτεσιπιος/-ίω 32, 134, 178
Οδηρζελιηός 33
-ουλ- 34, 64
Οδιτσιπιος/-ίω 32, 134—136, 178
- Παίονες* 120
Παιρισαδης 62, 63
Παιρισαλο(ν)ς 39, 63
Παῖς 65
Παισουληνός 33
Παιών 114
Πακτύη(ς) 23
Παλαιπερκώτη 137, 179
Πάναξ 18
Πάνυος 13, 18
Παρ(α)υσοωλδος 73
Παργαση 59, 113
Παργιστας 113
Παρεισάδης 63
παρειφρων 134
Παρθένιος 106
Παριγετης 64
Πάριον 160
Πάρης 21, 63, 73, 115, 160, 166, 171
Παρισάδα 62
Παρκαλλα 41, 59, 113
Παρνας 97, 175
Παρνήη(σ)ός 13, 96—98, 152, 175, 183
Παρνήθιος 97
Πάρνης/-ος 95, 97
Παρνοῦστα 95, 96, 175, 183
Παρτισουβρα 121
Παρυσσαις 63
- Πάσσα* 23
Πασσανδα 23
πάτιος 138
πατριώτης 138
πάτρωος 102
**πατρωΦος* 102
παῦς 65
Παντα(ε)ία 138
Πανταει|ιώτης 138
πέδον 83
Πε(ι)ρινθος 87—89
πέρω 63
Πεῖρος 132
Πείρωος/-οος 109
Πελοπία 61
Πελοπόννησος 61
Πέλοπος (νήσος) 61
**Πελοπος-νησος* 61
Πέλου 61
Πέρογμα 110, 111, 174
Περγάμη 59, 110, 113, 174
Περγαμηνός 34
Περγαμία 110, 174
Π|πέρογαμον/-ος 23, 41, 60, 110—116, 160, 174, 175
Περγασα 59, 113
Περγη 41, 59, 113
περ(ί) 62
Περίέ|όπιος 57, 171
περιφρων 134
Περκο(ν)ς 84—86, 88, 90, 173
Πέρκη 85, 86, 138, 173, 179
Περκωνς 90
Περκω 84—86
Περκων 85, 88
Περκώσιος 137, 179
Περκώτη 137, 138, 179
Περγας 97, 175
Πέρη 96, 175
Περπεροῦνα, н.-греч. 87
Περσεφόνη 86
πέτρα 92, 176
πειρήσσα 109
Πήδαιον 164
Πήδασος 164
Πηδι|σας 164
Πίρες 110
Πιρής 138, 179
Πιρή|-ία 138, 179
Πιριτης 138, 179
Πιριώτης 138, 179
Πιναιος 38
Πίσσουροι 120
Πιτακός 31
Πλάκος 167
Πο[γ]αμοας 59
-πορι 111
Πορις 63
-πορο(ς) 102
-πο-ς 56—60, 64, 65, 171
Ποσειδαν 68
Ποσειδά|έων 68, 69
Ποσειδών 68

Ποσειδάωνες 68
 Ποταμός 120
 ΠοιΈδαν 68
 Ποσειδά(ο)ν(ι) 68
 *Πότι Δᾶς 68
 *Ποτ(ε)δάων 68
 *Ποτις-δας 68
 Πραίνετος 58, 61
 Πραϊσός 62
 Πρακανα 113
 Πρασιᾶς (λίμνη) 111
 Πρεγή 41, 113
 Πρεϊτί(ε)λος 58, 61, 171
 Πρεμιας 113
 Πρίαμος 61, 63, 110, 166, 171
 Πριαγοβας 59
 *Πριᾶνσα 62
 *Πριάν-σχο- 62
 Πρίανσον/-ος 62, 73
 *Πριαντ-ια -/-ιο - 62
 Πριαπύς 57
 Πριαπηνή/-ός 57, 171
 Πριαλίνη 60
 Πριαπίς/-όν 58
 Πριαπον(ν)ησος 58, 60, 61, 171
 Πρία|ηπος 56—58, 77, 105, 110, 171
 Πρίασος 58
 Πρίετος 58, 61, 171
 Πρήγη 62, 73, 160
 Πρηπαῖος 60
 Πρηπηναῖος 57
 Πρήπιος 57, 171
 Πρηπίς (πόλις) 57, 58, 61
 Πρίνετος 61
 Πρίόλιος 58
 Προγασια 41, 113
 προδία|ορα, дак.44
 Πυθίας 94
 Πύθων 94
 πῦρ 83
 Πύργος 114
 *Ραισκηπορις 131
 *Ρα(ι)σκ(ο)νπορις 131
 *Ραισκηληρός 33
 *Ρασκούπολις 131
 Ρεπιατρικος 36, 40, 170
 Ρεσκουπορις 131
 βεώ 18
 *Ρήγαια 109
 *Ρήσιος 131, 179
 *Ρήσιον 131, 179
 *Ρησκούπορις 129, 131, 179
 *Ρησκινθος 129
 *Ρήσ(ο)ς 125—133, 178, 179
 *Ροδῖος 131, 178
 *Ροδόπη 131
 ρομφαία, фрак., н-греч. 10
 Ρωνδερεβemis 94
 Σα 104
 Σαβαδία/-ιος 80
 Σα(β)άζιος 80, 105

Σαβιτρα 104, 173
 Σάβος/-οι 80, 105, 174
 Σαβῶκοι 100, 101, 103, 105, 173, 174
 σαγήνη 34
 -σαδής 63
 Σαστας 104
 Σαίται 104
 Σαλα 63
 -σαλα/-ος 63
 Σαλαμαρα 63
 Σαλαμος 63
 Σαλδηρός 33, 35
 Σαλδοκλιηνος 33
 Σαλ(λ)ιας 63
 Σαμοθράκη 105
 Σάμος/-ων 105, 106, 109
 Σάων 105, 106, 174
 Σαόννησος 80, 105, 174
 Σα(ο)νάζιος 80
 Σα(ο)νατρα 104, 173
 Σά(ου)ος 105, 174
 Σάους 80, 104, 173
 Σ(α)ρανσος 62, 73, 172
 Σαρσουνηγη 73
 Σαραπάροι 87
 Σαρδιανός 34
 Σαριχα 73
 Σαρκη/-οις 39
 Σαρπαδων 73—74
 Σαρπηδονίη/-ια/-ίον 72, 172
 Σαρπηδών 23 65, 72—75, 110, 166, 172
 Σαρπηδων(ι)ος 72, 73
 Σαρν(ο)ωλ(ι)ος 73
 -σαις 63, 77
 Σάναδα(ι) 80
 σαῦδα, др.-макед. 82
 Σαναδία 80
 Σαῦος 18
 Σα(ν)θ(ο)μάται 154
 Σάωκη(ς) 105, 174
 Σαωκίς 105, 174
 σέβα, дак. 44
 Σεβάζιος 80
 Σεκη/-ους 39
 σελάν(ν)α 70
 *σελασα 70
 Σέλια 70
 σελήγη 70
 ΣελύFυως 43
 Σεμέλη 66, 71
 σεγοί 24
 Σερωδων 66
 Σερωδιδς 73
 Σευθης 63, 88
 Σηο 104, 173
 Σησιός 138
 -σητας 77
 Σιαλίται 48
 Σίβρος 121, 122, 177
 Σιργαῖος 76
 Σιγγηδών 65, 172
 Σιγγιοι 76, 172
 Σίγγος 76, 172

Σι(ε)γγιδών 65, 172
 Σικυών 94
 Σινίδανα 76, 172
 Σι(ν)γίδουον 66, 75, 172
 Σίνγιοι 76
 Σίνδα/-ος 23
 Σινδία 23
 Σίριβις 121
 Σιτάλκης 48
 -ουας 77
 Σκαυβόαι 102, 119, 122, 177
 Σκαίοι 102, 119, 122, 123, 134, 177
 Σκάμανδρος 120, 131, 133, 177, 178
 Σκαδεβά 119
 Σοατρα 104
 -σουβρα 121
 Σουητουληνός 33
 Σουιτουληνός 33
 Σ(ο)κα(ν)ς 39
 Στρονφυληνός 33
 Στρομογιένης 130
 Στρομύδαρος 130
 Στρομομοί 130
 Στρομών 14, 18, 130, 132, 178, 179
 Συργαστής 96
 Σφειτοί 13
 σφήξ 13

τάβα, м.-аз. (καρ.?) 90—92, 176, 183
 Τάβαι/-ος/-ος 90—92, 176, 183
 Ταβαλα 91, 176
 Ταβειρα 91, 176
 Ταβηνος 91, 183
 Τάπας|-αι 90, 92, 176, 183
 Ταπασιδαι 91
 Ταπασσος 91, 176
 Ταρβανη 94, 173
 Ταρβασσος 94, 173
 Ταρβος 93—95, 173
 Ταρ(ι)γυηνος 37
 Ταρκωνις 38
 Ταρκομν[. . .] 37, 170
 Ταρκονδημος 38
 Ταρκαρισ 37, 40
 Ταρκυννις 37, 40, 170
 Τάρκ|χων 36, 38, 148, 170
 Ταρκωνις 37
 Τάρπωρον 93, 173
 Ταρσας 64
 Ταταηνος 34
 Ταδγετον/-ος 64
 ταύσ(ας) 65
 Τεβεις 91
 τέλε|ηος 156
 τελέηεις 156
 Τελφοῦσα 149
 Τέμβρη|-ιος 166
 τέραμνα 71
 Τεραβημασις 94
 Τεραβημις 94
 Τέρος 93—95, 173
 Τερασσον 41

Τερακνδας 37
 Τερακωνδος 37
 Τέραυλλος 93, 173
 Τέροπωνος 93
 Τευκρός 123
 Τζοῦδης|-ος 65
 Τζευιδων 65, 72, 172
 Τζοῦδα 65
 τηλε 97
 Τηλεφίδην 148
 Τήλεφος 148, 149
 Τηλοκράτης 97
 Τήλως 97
 Τιαμανος 31, 32, 41, 48, 49, 51, 57, 64, 170
 Τι[ι]αμος 49
 Τίβσις 154
 Τιβίσκος 154
 Τίειον 50, 160
 Τιμήσης 154
 Τιomas 49
 Τιον/-ος 50, 160
 Τιοντα|-η 50, 64, 103, 170
 Τιταρησσος 74
 Τιταρισσος 74
 Τιπο|υρμος 48
 Τιφήσας 154
 Τλουηνος 34, 38, 51
 Τλως 34, 38
 Τορκων 36, 38, 170
 Τορκο(ν)- 40
 Τορκο(ν)ατος 36, 40, 170
 Τορκουλις 33, 36, 40, 64, 170, 182
 Τορκομπαιβης 36, 39—40, 170
 Τορκο(ν)ς 31, 36, 39—41, 50, 85, 170
 Τουτα|-ης 50, 170
 Τραβ|βαλα 94—95
 Τρα(πο)βιζύη 93, 111, 115, 173, 175
 *Τραναικες 155, 181
 Τρανσοί 153, 155—157, 160, 180
 *Τραφ|ηικες 155
 Τρεβεις 94
 Τρεβενδαι 94
 Τρεβεννα 94, 173
 Τρεβημι|-ος 94
 τρέω 150
 τρέβων 38
 Τροβημις 94
 Τροδα|-η 139, 144, 146, 150, 152, 156, 157,
 162, 179—181, 184
 Τροδα|-η 139, 179
 Τροταληνοι 157
 Τροκοαρις 37, 40
 Τροκομμιας 37, 170
 Τροκονδας 38
 Τροκονις 37, 170
 Τροουσαδας 158
 Τρουβανη 94, 173
 Τρουσα|-ης 158
 Τρωάδες 139, 179
 Τρωαί 139, 179
 Τρώες 139, 150, 153, 156, 157, 160, 179, 181
 Τρόφα 139
 Τρω(ι)άς 139, 146, 179

Τροίη/-α 139—141, 143, 146—147, 150
 156—158, 163, 179—181
Τρωική 139, 179
Τρώος 184
Τρώος 139
Τρώος 184
 **Τρω(σ)ες* 152
Τυδ(ε)ύς 164
Τύλισσος 13
Τυρρηός/-οί 148, 153

ὕδρηλή 109
Ἰδρόεσσα 152
Ἰδρῶσ(σ)α 152
ἕδωρ 135
ἕι 18
 -υλ- 34

φαινός 70
Φάλκης 166
φάλος 127
φᾶνός 70
Φερνις 96, 175
 **Φερρουννα* 87
Φερσεφόνα 86
Φιτακος 17
Φόρρουννα 31
φῆμα 59, 171
φύομαι 59
φύσις 59

χαμαί 67, 70—71, 172
Χασται 41
χειμερινός 108
χέλυνα 82
χέλυς 82
χελώνη 82
χθαμαλός 66, 70, 71, 172
χθών 66—67, 69—72, 76, 172
Χθών Mā 66
Χρυση(ίς) 98
ὠδός 94
ὄρτο 36, 170

Линейный Б

a-ka-wi-ja-de 141
a-si-wi-jo 140
di-ka-ta- 38
e-na-a₂ 69
e-ra 83
e-te-wo-ke-re-we-i-jo 141
ka-da-si-jo 71
ka-sa-to 184
ku-wa-no 34
pi-ri-ja-me-ja 63

*** Включает формы латыни и других италийских языков, а также формы, сохранившиеся в латинских передачах; агрибуция глосс оговорена особо.

po-se-da-o 68, 69
po-si-da-i-jo 68
to-ro-ja 184
to-ro-o 184
wi-da-jo 94
wi-ro 184

Латинский**

Abana 131
 **abnis* 24
Abos 24
Abrenus 135
Achivū 141
Aesepus 57
Aiax 158
amnis 24
Ampliatius 108
Apollinarius 74
Aptassa 76
Arsia 24
Arsus 30
Arzos 30
Asamus 40
Assoparis 63
ater 10
Augusta Trajana 17
Aulenus 135
Auluzalenus 136
Aurelia 156
 **Autesbis* 136, 178, 182
Aullesbis 136

Bargulum 113
Beospor 77
Bergae 113
Berginium 113
Bergonium 113
Bergule 111, 174
Bergusia 113
Bithyna 136
Bithynis 136
Bize 93, 94
Bizone 93
Bizye 93, 174
Bizzis 93, 94
Bregis 112
Bregovillicum 112
 -*bria* 14
Brietus 61
Briga 112
Brigetio 112
Buni 60
Burdipta 76

Casta, -*us* 100, 103
Castabocae 35, 99, 103, 173
Castenus 100
Casticus 100
Castilla 100
Castulo(n) 100
Caturix 128

caveo 51
-centhus 31
Cellae 165
Cercelius 86
Cercinium 86
Cetobriga 100
Cillael-ium 165
Cintugnātus 77
Coissibocensis 99, 103
C/constans 103
Costas 103
Costiniacus 100
Costolabocae 35, 98, 103, 173
Dalion 38
Dardisa 124
-dava 14, 32, 53, 112
dea 42
deivai, ock. 41
-dentes 31
Deopus 42, 57, 65, 77, 172
Deospor 42
Deusara 42
**deyo-* 65
deus 41, 65
-deva 14, 32, 53
Diascinthus 47, 77
Diasdinus 47
Diazenus 42
Diensis 42
diesapter. ѓак. 43
diessachel, ѓак. 43
diessathel. ѓак. 43
Digerrī 42
Dimastos 96
Dinax 76
Dinitralis 47
Dinomagus 47
Dinomogeti/-mārus 47
Dinuus 47
Diobessi 42
Dioscudus 42, 182
Dioscuthes 42
Dium 42
D/dius 42
Diuzenes/-us 42, 77
Divóduron 42
Divogenos 42
Divos 42
Donuca 76
Dravos 18, 133
Drigis(s)a 103
Druentia 18
Dumnorix 128

Ebrenus 135
Ecco 137
Eftalecentus 76
Eftepir 76
Eisa 24
Eptacen(tu)s 76, 79, 175
Eptala 76, 79, 183
Eptaper 76, 175
Eptatralis 76

Epteccn(tu)s 76, 79
Eptedius 76, 77, 175
Eptela 76, 79, 183
Eptenis 76, 135, 136, 182, 183
Eptetras 76
Eptezenus 76, 79, 136, 175
Eptiporis 76, 77
Eptula 76, 183
ervum 55
Esbenus 135, 136, 178, 182, 183
Eticens 76
Etrūria 152
Etrūsci 152, 153
Ettela 76
Ezbenus 178

genus 42
Germisara 156
glos 82
Gudila 91

**Hastava-* 102
Hebrenis 135
hemo 71
(H)Epta- 77—79, 175
Heptaporis 76—79, 130, 131, 175, 179
Hercynia (silva). кельт. 86, 173
(H)Eron 81
Heros 81, 82
Hezbenus 135, 178
hibernus 108
Histros 18
humilis 66
humus 71

Iamphorynna 88
-iāni 38
Idilomum 115
Imbrasidas 106, 108, 110, 176
Ipresida 106—108, 176
Iptacens 76
Isara 18, 24
Iūveis Iūvrets 81
Iuppiter 49
-ko- 173
**kouās kou(e)irōn* 56, 171
**kou(i)r-* 53
**kouš-kou(i)ri* 56, 171
**kouš-kou-lī* 56
Kybeboi/-e 105

Liberi (Iovis) 81
Maedi 88
Magava 51, 52, 170, 171
Mamers 87
margō 18, 130
Marmar 87
Maupus 48, 57, 64, 77, 172
Mecyberna 96
Megyberna(eus) 96
Moesi(a)cus 101
**Morga* 18, 130
Mucapuis 57

Mucapus 57
Naissos 32
Natoporus 103
Navissum/-us 32
Novas 32
Nusatīta 42

Oesyra 131
optimus 78
opus 78
Oro/udista 89, 96, 175
Orudīsza 96
os, ossis 101

Palae 137
Palma 137
palus 31
Pannysis 18
-para 14, 111
pario 63, 64, 77, 103
Pari(s) 63
patruus 82
peperi 63
Percernes 86
Percote 137, 179
Perinthus 87
**Perkūn-* 84, 85, 88, 89
pern- 96
**Perunto-* 88
Phorynna 87
Pieporus 103
Pieres 138
Poris 63
-porus 103
**povi* 57
Prianlae 62, 171
Priantīcus 62
pridie 74
Priapos 57
pro 59
Propertius 63, 77
Proserpina 86
Pulpudeva 17

Quarquēni 86
quattuor 90
Quercēns 86
quercorum 86
quercus 85, 86, 88, 173
Querquēnsia 86

Rascupolis 131
Rescuturme 129
rex 128
Rhascypolys 131
R(h)escuporis 131, 178
Rhesus 128, 129, 131, 133, 178, 179
romŕea, φρακ. 10
romphaea, φρακ. 10
rumpia. φρακ. 10

Sadruadius 80, 105
Sabatium/-ion 80

Sabituus 103
Saboces 103, 106, 173
Sai 105
-sala 63
Sarama 73
**Sāya* 80, 104—106, 173
**Savadijos* 80
Savusa 18, 80
Scaidava 119
M. Sempronis 108
-senes 21
servāre 83
Siamaus 41, 48, 51, 170
Siburrenus 48
Sicu 39
Singiduno/-um 66, 75
Singitunum 66
**Siŕ(a)-* 51
Surgasteus 96

Tabia 176
Tabusus 90, 91
Tapae 90—92, 176
Tarc-/qu- 37
Tarpa 95
Tal(er)po- 93
Tarpeius/-eia 95
Tarpodizos 93, 95, 111, 173
Tarus 41
Tarusi 90
Taroi(ac)us 93
Tautius 50
Tauto-50
Tauto-medes 50, 170
Teuta 50
Thabusion 91
T(h)arsal-us 64
Thebaites 91
Thracicus 101
Thracus 101
Thra(c)ces 156
Thrax 31
Tiatius 103
Tibisia 154
Timachus 14
**Tiŕ-* 51, 103
Tius/-ium 50, 160
Tiutiamenus (vicus) 32, 48, 50, 170
**Tiŕ-tiŕa-* 50, 170
Torko-ol- 40
Torquatus 40
Transmontani 104
Trax 31
Trimontium 17
Trosantios 152, 180
Trosius/-ia 152, 157, 180
Trupudison 93, 173
Tu(r)s-ci 153
**Tūta* 50
Tutia/-us 50
Tymbris 165

ūrō 43
Utesbius 136

Vergule(n)sis 111
Vergulis 111
Vithopus 57, 65
Vitupaus 57, 65
Volluparis 63

-zala 63
-zenus 21
Zia 47, 103
Ziadinnius 47

Реконструированные раннеанатолийские и малоазийские (позднеанатолийские) формы

*Arma-muwa 33, 170
*Arma-nani 33, 35
*Arnav-l- 35
*Arza-wana 34
*-ast(i) 73, 96
*atr(a)lja- 141
*-bu 59, 64, 171
*dara- 166
*hanta-pada 166
*hapina 79
*haslati- 35, 41, 101, 173, 183
*Hastawa 102
*Hattā-wanal/i 148, 156
*iṣṣwa 133, 178
*Kak(a)-asbe 136
*Kaka-muwa 136
*Kata-wana 148
*kaṣ- 54
*Kaw(a)- 51
*Kawa-r- 56
*Kaw(a)-s- 56
*Kaw-n- 52
*Kawa-wani 52
*kebe/*kaba 54
*kuwasta 96
*Lal(l)a- 52
*mas(a)na 137
*Maub(h)u- 64
*Maw- 48, 67, 170
*Mawa-wanal/i 49, 170
*P/p(a)ri(j)a- 60—62, 73, 74, 171
*parku- 113, 114
*Peru-n- 81
*pija- 92
*Prija-ma 61, 63, 110
*Prija-nt- 62
*Prija-to- 61
*sara 62
*Saran(t)s 62, 73
*s(a)r-pal/i 62, 73, 172
*Sarpa-ss(os) 62
*Sarpi- 74
*say- 104
*taba 92
*Tarh(u)-iāni 38
*Tarhu-(u)mna 37
*Tarhu-va-l- 40

*Tarhu-wani 38
*Tarhu-(w)na 38
*Talorkov- 40
*tarpa 94
*iija-ma 49
*iiy- 49, 103
*Tiya- 32, 49, 64
*Tiya-maṣu- 49
*Torko-yl- 64
*Trōi 139
*Trōsja 153
*Trūsā 153
*-uman- 34, 37
*-umna- 37, 39
*-wa- 94, 173
*-wanal/i 34, 37, 39
*Wilus 165

Анатолийские языки раннего периода (хеттский, лувийский, иероглифический лувийский, палайский, каппадокийский)

Aḥḥijawa 140—144
-al(l)i- 33
Antarawaš 141, 143
-anza 62
Apaš(š)a 13, 151
Appaliunaš 148
arḥa 75
Arinna 82
Aripša 137
Arma- 33—36, 170, 182
Arma-datta 33
Arma-pija 33, 170
Arma-zii 33
Armatana 34
Armati 34
arnum(m)i 36
Aršania 24
aršaršura 24
Arza(u)wa 34, 145
Arzawija 145
Aššuwa 140, 144, 146
ašuwa 133, 137, 178
Ataḥšu, kann. 161
Atpaš 143
Atta 161
Attariššijaš 141, 142
Avaianaš 143

Dabala-DU 91, 92, 176, 177
daššu- 62, 75
daššuwana 62
Datta(šša) 164
Delepimiš 92
duwa- 73

Gawala 51

URU *Ha-aš-tu-wa*, kann. 101

Hajaša 151, 163

Halpa-wana 37

hana 92

hap(a)- 24, 131

happinant 79

Hapurijata 24

haša 101

Hašta- 101

hašiai 101, 102, 173

haštaleš- 101

Haštali- 35, 41, 79, 101, 183

haštaliatar 101

É *haštijaš* 41

hattara- 151

Hattar(aš)ša 151

KUR URU *Hatti* 147, 148, 167

Hebalet 64, 175, 183

ⁱ*He/Hi-pa-mu-(u)-wa-(aš)* 79, 175

ⁱ*He-pa-pi-a* 79, 175

He/Hi-pa-tu(a) 79, 175

Helipit 79, 82

É *hešta* 37, 41

Hilakkai 79, 98, 148

Hinnaruwa- 41, 79

Hi-pa+r-wa-ni-n 79

Hišarla 101

Hišaruwa 101

hiša- 24—28

Hiššašhapa 24

hubha- 41

Huh(h)ašarpaš 74

Huwalluš(ij)a 145

im(ma)rali- 108—110, 176

im(ma)ralli 107, 108

Immaraziti 107, 176

immari- 108—110

D *Immarni* 107, 108, 176

D *Immaršija* 107—109, 176

URU *Im-ra-al-la* 107, 109

im-ra-aš-ša(-an) 107

im-ra-aš-ši-i[š] 107, 108, 176

im-ra-aš-ši-x 107

Išhara 101, 149

URU *Išharuwa* 101

iškiš(a) 151

Išputa 92

Kar(a)kiša 146, 150, 151

karawar 24

Karkija 146, 150, 151

Kaškainariša 151

k/gatte 51, 64

kawai 51, 171

Kawija 51, 171

kim(ma)ra- 109, 176

kuen- 82

Kunkunnuzzi 82

Kuruppi(ja) 146

kuwapi 74

Kuwappašša 152

Lahurziš 143

La-hu-ur-ra-ma-aš 143

Lawanda 151

Lawaša 151

Lazpaš 142

luk(k)- 157

Lukkā 145, 146, 148

Luša 146

Mala 35

Maraššand(ij)a 145

Maša 146, 151

Mawaški 49

Millawa(n)da 142

Millawata 142

nana/i- 74

palh- 166

par(a) 59, 62, 171

pari- 59, 62

parija(n) 59, 62, 160, 171

Pariziti 59, 63

Parijamuwa 59

Parijawatra 59

parn- 97, 175

parna- 97, 175

Parnašša 97, 152, 175, 183

* *Parrijan(a)ziti* 59

peda 164

peru- 81, 172

Perua, kann. 81

peruna 81, 82, 85, 88, 172

Perutaššu, kann. 81

Peruta- 92

Peru(w)a, kann. 81

Per(u)waššu, kann. 81

Petašša 164

pija, pai- 92, 166, 176

Pimenani 92

Pilerwa 81—85, 89, 126, 172

pir 60, 97, 175

Pirui 81

Pirwannu 81

Piggainare/išša 151

šar(r)a 62, 73

Šareššija 151

Sarija 73, 74

GIŠ *Šarpa* 74

Šarraduwa 73

šarri 73, 172

šer 73, 172

Šeriš(š)a 151

šiu- 51, 170

šiun(i)- 51, 170

Šiw- 51, 170

Šiwanala, kann. 51

šiwann(i)- 51, 170

šiwatt- 49, 51, 170
šurna 24

takami- 70

D Talipini 148
Tapala 91, 92, 176
Tapalazunauli 91, 176
Ta-pa-li-LŪ 91
Tapaliziti 91, 176
Tapašawa 91, 176, 183
tapašša- 24, 91
tarh- 31, 37, 41, 170
Tarhuni(a). kann. 37, 170
Tarhu(nt) 37—41, 82, 85, 148, 164, 170, 182, 183

Tarhu(nda)pija 37, 170

Tarhu(nda)ziti 37, 170

Tarhunu, kann. 37

*Tarhuwassu 37

tarpali 94, 95, 173

tarpalli 94

tarpanalli 94

tarpašša 94

Tarušša=Ta-ru-(-ú)-i-ša 140—153, 157—164, 179—181, 184

Taruššiaš=Tar-u-iš-ši-ia-aš 144

Tawagalawaš 141—143

tekan 67, 70, 172

D Telepinuš 98, 148, 149

D Telipi 148

D Telipinuš 98

Teššup 64, 78, 175

Tiw(a)- 49, 51

Tiwatt(a)- 31, 32, 49, 50, 103, 170

tijammi 49

Tiwa(n)dlt 49

Tiwatamuwa 49

*Tiwataura 49

Tiwataziti 49

turija 24, 26

-wana 37

warša- 24

Waršija(lla) 146

Wawara 24

wellu- 165

Wijanawanda 163

Wiluša=Ū-i-lu-ša =Ūi-lu-ša=U-lu-sa
141—152, 158—165, 180—184

Wilušija=KUR^{URU}Ū-i-lu-ši-ja- 141—147,
150, 158, 162, 180, 181

Zidakapiš- 151

ziti/a- 74, 77, 91

Анатолийские языки позднего периода

-a/edi. лик. 177

aḥamāsi, лик. 59

-(ā)ḥna, лик. 34

Armāvli-, лид. 33—36, 39, 170, 182

Ašbluwa, лид. 35

Atraša-lid-, лид. 141

Bakivali, лид. 35

Bētov(li)-, лид. 35, 39

bira, лид. 60, 97, 175

-bu-, лик. 59, 60, 114

bu(k)-, лид. 59, 171

civa, лид. 47

civs, лид. 47

ddawahāma, лик. 59

-(e)ḥni, лик. 34

er(i), лик. 75

Ertmenēni, лик. 33

esbe-di, лик. 136, 137, 178, 183

-(e)wḥni, лик. 34

Hēprūma, лик. 107, 108, 176

Hḥprāma, лик. 107, 109, 176

hri, лик. 73, 172

hrppi(-dube), лик. 62, 73—75, 172

kaveš, лид. 51, 52, 55, 56, 171

Kawari, лик. 51, 171

Kawia, лик. 51

kḥtabā'u, лик. 59

k|χuga, лик. 41

lada, лид. 98

-li-, лид. 33

*tav-lis, лид. 49

*Mavš, лид. 67

Mēlali, лид. 35

ḥpara(he), лик. 107

*parḥna, лик. 96

Pike-dere, лик. 166

Pilleḥni, лик. 34, 38

Prijabu(-hama), лик. 58—60, 110, 171

Prijāma, лик. 61, 63, 73, 171

prije, лик. 59

Prije(-nuba), лик. 59

prḥna(wate), лик. 97, 175

prḥnezi-, лик. 60, 97

Pupatuwe, лик. 59

savēn, лид. 104, 173

šrfašti(d), лид. 62, 73, 74, 172

Ssewa, лик. 104, 173

tarbla, лид. 94, 95

tarχu, лид.-этр. 37

tavša, лид. 65

Telebehi(he), лик. 149

Tivda, лид. 49, 50, 170

Tlāḥna, лик. 34, 38, 49

Tlawā, лик. 34

*Tralewani, лик. 34

Tralije, лик. 34

trbb(i), лик. 94

trbbēnemi, лик. 94

trbbēni, лик. 94, 173

Trelewḥne, лик. 34

trijatrbbaḥi, лик. 95

trqq-, лик. 37

trujeli, мил. 158

Truṣṣi, лик. 158

*Tupewani, лик. 34

Tupewḥni, лик. 34

χῆνα, лик. 92
zi-, мил. 47
Zrre-di-, малоаз. 73
Zrri-de(i-ne), малоаз. 73

Албанский

asht(ë) 101
bun(ë) 60
dardhë 124
dhe 69, 70, 72
ethe 43
karpë 9, 10
parë 63
Perëndi 87
Perperona 87
për 62
rrufe 10
shī 18
vetë 135

Армянский

*air 10
get 135
het 82
hur 82
otn 82
surb 121, 177
tiv 42

Балтийские

Abava, лит. 24
Abista, лит. 24
*aisōla 26
ape, др.-прусс. 21, 24
Arse, вост.-прусс. 24
*Arsia 24
Ašvā, лит. 136
ašvienis, лит. 136
Ašvinē, лит. 136
ašwinan, др.-прусс. 136
Ginulle, лит. 31
ielek(s)i, лит. 26
ielek(s)tis, лит. 27
kārve, лит. 24, 67
kuīpti, лит. 31
Kurpul-ēs (kāimas), лит. 31
kurvis, др.-прусс. 67
raļas, raļi, лит. 31
Palā, лит. 31
Palé(j)a, лит. 31
pālios, лит. 31
Palmajos (kāimas), лит. 31
Palminīs, лит. 31
rapnean, др.-прусс. 18
Pērkons, лит. 84, 86
*Perkūn-, 84, 86, 89, 172
Perkūnas, лит. 84—86

Rudūpė, лит. 131
sirna, ст.-лит. 24, 67
sirwis, др.-прусс. 67
tarpā, лит. 93
tārpas, лит. 93, 95, 173
tāuta, лит. 50
vidūs, лит. 116
žēte, лит. 71

Венетский

-parah 63

Германские

*afnija 78
araweiz, д.-в.-н. 55
ārtali, др.-исл. 36
bei-, с.-в.-н. 65
berg, англ.-сакс., д.-в.-н. 112
bī-, be-, англ.-сакс., д.-в.-н. 65
būr, д.-в.-н. 60
dot, нем. 97
dūn, англ.-сакс. 76
eþna, др.-исл. 78
eþni, др.-исл. 78
fairgyni, гот. 86
þani, гот. 18
þereha, лангоб. 85
þirgen, др.-англ. 86
þirgunnea, д.-в.-н. 86
þorha, д.-в.-н. 85
þriðian, англ.-сакс. 58
þriðu, д.-в.-н. 58
Frija, д.-в.-н. 58
þrijōnds, гот. 62
hausjan, гот. 56
*kūasta-bōka 100
*kūasta-bōk(i)ja 100
Murg, нем. 18, 130
oefnan, англ.-сакс. 78
rasi, англ.-сакс. 130, 179
rasc, д.-в.-н. 129
rasch, с.-в.-н. 129
*raFs, гот. 129
*ra(F)sko- 129
*saþa-bōk(i)ja 106
séaw, англ.-сакс. 18
sou, д.-в.-н. 18
stark, нем. 36
strōm, д.-в.-н. 18
Fiuta, гот. 50
ut, гот. 134
viðr, др.-исл. 93
Virgund, с.-в.-н. 86
wīdu, англ.-сакс. 93, 116

Древнеиндийский

amṛta- 108
āna- 27

ap- 21
 ápas- 78
 ārta 36, 170
 ásthi 101, 173
 áśva- 134
 Aśvinau 136
 átharvā- 10
 Bartaśya, *переднеаз.* 56
 Biridaśya, *переднеаз.* 56
 *bhṛta-áśva 56
 dīnam 47, 77
 divasá- 43
 divā 42
 divá- 42
 dravá- 133
 Dravanti 18
 drāvati 18
 dhur 24
 eśá- 131
 *Hiṣā 27
 īśá 24, 26, 27
 iṣirá 18
 kaví- 51, 52, 55, 56, 171
 kṛṣṇa 21
 kṣāṅ 67, 70
 kūb/vera- 55
 pañka- 18
 pára- 59, 63
 pári- 59, 62
 Parjanya 87, 88
 párvata- 81, 88
 pitár- 71
 pítrvya- 102
 prá 59
 *prīta-áśva 56
 priyá- 62
 rāj(an)- 128, 129
 rátha- 27
 sap- 78
 sápti 78
 savá- 18
 sávanam 18
 sīram 28
 srāvati 18
 su- 104, 174
 śubhra- 121, 177
 tápas- 24
 táraṭi 41, 170
 lavás- 65
 taviti 65
 út- 134, 178
 vār(i) 24
 varṣá- 24

Иранские

aēša- *ав.* 26
 *aiša 26
 aya- 155
 aspa, *ав.* 134
 ātar-, *ав.* 10

don, *осет.* 24
 haurvat, *ав.* 83
 iš, *камали* 26
 madā, *осет.* 52, 171
 pariū, *др.-перс.* 62
 pairi, *ав.* 62
 sæŕ-xəppar, *осет.* 87
 śāta-/i-, *ав.* 63
 šiyāti-, *др.-перс.* 63
 ús-, *уз-, ав.* 134
 vāŕ, *ав.* 24
 xēš, *н.-перс.* 26
 yišak, *вахан.* 26
 zā, *ав.* 67
 ōraoš, *ав.* 155, 157, 180

Кельтские

àith, *ирл.* 10
 boss(ot)-, *гаэльск.* 100
 bri-, *др.-ирл.* 112
 breg-112
 *brig- 112
 *brigos 112
 *brix 112
 cēt-, *др.-ирл.* 77
 cun(t), *кимр.* 77
 dū, *др.-ирл.* 71
 dūnon, 75, 172
 fid, *др.-ирл.* 93
 kenta, *брет.* 77
 ri, *др.-ирл.* 128
 trebaid, *ср.-ирл.* 95

Мессапский

damatira 72
 damatras 72
 trohanðihī 152, 180
 trohanðes 152, 180

Романские

Cūrzola, *итал.* 86
 Morge, *франц.* 18, 130
 patru, *рум.* 90
 Percunisti, *рум.* 89
 Pirpirună, *рум.* 87
 sarafura, *арум.* 87
 Vaire, *франц.* 24

Славянские

бара, *болг.* 14
 белизна, *русск.* 45
 *bergъ 112
 bělizna, *чеш.* 45
 bielizna, *польск.* 45
 *boкъ 100

Боруй, болг. 17
 Бранище, болг. 96
 брегът, болг. 112
БРЪГЪ, ст.-слав. 112
 devin, словен. 45
 devina, слов. 45
 девина, русск. 45
 dvozna, чеш. 45
 *div- 45
 дивена, русск. 45
 *dives(ъ)та 44, 45
 дивина, с.-хорв. 45
 дивйзма, с.-хорв. 44, 45, 170
 дивйзма, болг. 44, 45, 170
 *divizma 32, 45, 46, 182
 дивйзна, болг. 45
 *divizna 45
 divizna, слов. 45
 дивный, русск. 45
ДНЕВЪНЪ, ст.-слав. 45
 дивенна, укр. 45
 Drava, с.-хорв. 18
ДЪНЪ, ст.-слав. 47, 77
 дывна, укр. 45
 дзиванна, блр. 45
 dzi(e)wanna, польск. 45
 dziewina, польск. 45
 dziwizna, в.-луж. 45
 Ибър, болг. 17
ИСТЪВЪНТИ, цсл. 95
 *izterbiti 95
 *katy 132
 карпа, болг. 9, 10
КОВАРЪНЪ, ст.-слав. 53
 корпать, русск. 31
 *korva 67
 *kostь 100
 kouzlo, чеш. 55
 *kovati 55
 *krpati 31
 кузло, русск. 55
КЪЗЪНЪ, ст.-слав. 55
 Мокро, болг. 17
 Морава, с.-хорв. 18, 130
 Морава, болг. 18, 130
 Мурава, вост.-слав. 18, 130
 Mroga, польск. 18, 130
ОВАТЪНТИ СЪ, русск.-цсл. 10
ОВАЩЕННИ, русск.-цсл. 10
 оище, болг. 26
 oj(e), польск. 26
 оје, словен., с.-хорв. 26
 *ojes- 26
 Панега, болг. 18
 Паруновац, болг. 87
 Пепереда, болг. 87
 Перени, болг. 87
 *pergubni 88
 *pergunja 88
 Перин, болг. 87—89
 Перинград, болг. 87

Перкуниста 89
 Перун, с.-хорв. 87
 Перуна гора, болг. 87
 Перуна Дубрава, с.-хорв. 87
 Перуника, с.-хорв. 87
 Перунин Дуб, болг. 87
 Перуница, с.-хорв. 87
 Перуиновац, с.-хорв. 87
 *Perunъ 86—89
 Перунья Вес., с.-хорв. 87
 Перуньи Врх, с.-хорв. 87
 Перуньо, болг. 87
 Перунице, болг. 87
 Перынь, вост.-слав. 88
 *Perunъ 88
 Пловдив, болг. 17
 П(р)еперуга, болг. 87
 П(р)еперуда, болг. 87
 П(р)еперуна, болг. 87
 *priatelj 62
 Пропоруше, с.-хорв. 87
 Прпац, с.-хорв. 87
ПЪРЪГЫНИ, ст.-слав. 88
 рофея, болг. 10
 Рудая, русск. 131
 Руденка, русск. 131
 руфя, болг. 10
 Sava, с.-хорв. 18
 *strujiti 18
 Струма, болг. 18
СЪ ст.-слав. 104, 174
 *sъrna 67
 телепаться, русск. 149
 телепень, русск. 149
 теребить, русск. 95
ТУВЪНТИ, русск.-цсл. 95
 *(v)atra 10
 ватра, болг. 10
 ватра, укр. 10
 vatra, слов. 10
 vatrisko слов. 10
 ватрѣште, с.-хорв. 10
 ватрушка, русск. 10
 *vedro 135
 вѣя, укр. 26
 *voda 135
 воѣ, русск. 26
 воище, блр. 26
 woja, польск. 26
 вује, полесск. 26
 *Zaboki 104
ЗЕМЛЯ, ст.-слав. 71
ЗЪЛЪБА, цсл. 82
ЖЕЛЫ, русск.-цсл., 82
 *zeli- 82

Тохарские

ri, А 14
 riye, В 14

ikaŋ, A 67, 70, 71, 172
war, B 24
wār, A 24

Индоевропейские реконструированные формы

*ab- 24, 30, 131
*āp- 21, 30, 131
*apa- 13, 57
*apa-danu- 24
*arg'os 30
*āter 10
*bher(e)g'h- 111—114, 174
*bhergh- 30
*bhrg'h- 41, 59, 112, 113, 174
*bheu- 59, 60
*bhū- 59, 60, 114, 171
*budh(i)- 94
*dā(i)- 68
*de(i)- 47, 68, 77
*d(e)ǰeu- 41, 46, 47, 49, 51, 52, 87, 170
*deiyo- 41, 52, 94, 102
*das- 68
*dasós 68
*dhē- 32
*dh(e)g'hōm 70
*dhēy- : *dhəy- 21
*dhēyā 14, 32
*dhg'hōm 66, 70—72, 172
*dī- 47, 48, 77
*dīē-, *dī- 43
*dies-eusmŋ- 43
*dīn- 47, 77
*diy(o)- 41—43, 170, 182
*dŋs-, *dens- 69
*droyo- 18, 133
*ek'yo- 102, 133, 134, 137, 178
*ep- 78
*er-/*or- 24
*erey- 55
*eys-ō 43
*g'ent(i)- 31
*g'heim-inos 108
*g'hel-d- 33
*g'en- 21, 77
*ghdhōm, (g'dhōm) 66, 69, 70, 72, 172
*g^hhen- 82
*gyosdo-bhāg'(i)ō- 100
*His- 27, 28
*Hoīs- 26, 28
*is(ə)ro- 18
*kām(ō)ŋ-droyos 132
*kāyākīo- 13
*ken- 77
*kento- 77
*keu-/*kou- 51, 52, 55, 56, 171
*kerayo- 94
*krs-, *kres- 21
*Mau-bhū- 64
*m_erg'-on- 18, 130

*m-mrtos 108
*-mo- 36, 113
*morgo- 18, 130
*oies- 27
*ois-āpos 131
*op-/*ap- 58, 78
*ópnijom 78
*or- 36, 170
*pen- : *pon- 18
*per- : *por- : *pr- 63, 77, 84, 87, 103, 173
*pēr- 84
*per(i) 62
*perk^hā,-os 85, 86, 138, 173
*perk^huniā 86
*perk^hu-s 85, 86, 173, 182
*pēr^h- 85, 86, 88
*peryŋto- 81, 88
*pātēr 71
*pātēr^o- 102
*potis das 68
*prei-, *pri- 58
*prāi, *prī- 58
*priānt-s 62
*prk^hā 85
*ratskyo- 129
*rē- 129
*rēg'- 128—130, 179
*ret(h)- 129
*rudh-upāē 131
*sep- 78
*sēr- 74
*seu- 18
*(s)kai- 119
*snusus 42
*sreu- 18
*storg- 36
*(s)torgu-/-o- 36
*sū- 18, 174
*sūnus 42
*syobodh(i)os 80
*telalp-n- 149
*ter- 41, 95, 170, 173
*terab-no- 71
*terp- 93
*teu- 50
*teutiā 50, 170
*-to- 138
*tok^hoī 90
*tŋb- 95, 173
*treu- 158
*trēu-s- 157, 180
*tŋH- 41, 170
*tū-, *tēu- 65, 105, 174
*udŋtos 135
*yed- : *ud- 32, 135
*yedo(r) 135
*yel-nu- 165
*yer- : *yor- 24
*yidhūā 32, 93, 94, 116, 174

*-mo- 119
*moō(r) 135

Неиндоевропейские

aís, эст. 26
aisa, фин. 26
An-ti-'u-ku-us, вавил. 145
ažja, морд. 26
Eregl, тур. 87
Fekete-körös, венг. 21
φερσσιρнай/-ει, этр. 86
Helipa, митанн. 78
D**IŠKUR** шумер. 82
Ḳayalidağ, тур. 132
Kirkkilise, тур. 93
kittim, др.-евр. 147
Κούρας, тур. 93

LÚ *Ma-ak-ka-du-na-a-a*, савил. 145
oja(s), фин. 27
pišaiš, хурр. 151
Pišaiša, сур. 151
pr, егип. 97, 176
purli, хурр. 97, 176
Sarruma, хурр. 82
Szegedin, ст.-венг. 76
Tārū, хамт. 82
Tarχ-, этр. 36, 37
tauriš, хамт. 157
Tin(ia), этр. 77
Twrwš', егип. 152
u-lu, асс. 163
Vizzé, тур. 93, 94
Zegediensis, ст.-венг. 76
Zegedinum, ст.-венг. 76
Ḳwš, егип. 141

La plus ancienne onomastique des Balkans orientaux (isoglosses thraco-hittito-louvites et isoglosses thraces et micrasiatiques)

L. A. Gindin

Résumé

La présente monographie est consacrée aux problèmes traitant la reconstruction de la langue thrace et, par conséquent, à la recreation de quelques fragments de la préhistoire ethnique des Thraces du IIIe et IIe millénaires av. n. ère.

Ce travail, s'inscrivant dans le cadre méthodologique de l'étymologie contemporaine, présente donc un caractère exclusivement étymologique. En accord complet avec le principe de base de cette méthodologie, qui a pour but le choix de correspondances lexico-onomastiques du point de vue indiqué dans le sous-titre, nous avons choisi des unités représentatives de l'onomastique grâce à une analyse étymologique et une analyse combinatoire préalables.

La monographie elle-même présente plus de 100 lexèmes thraces, conçus selon la méthode précitée et regroupés en 24 études séparées, d'isoglosses thraco-anatoliennes. Pour quelques exceptions, les lexèmes thraces sont soit interprétés à neuf, soit l'on constate qu'ils n'ont pas d'étymologie du tout.*

Dans le I^e chapitre „Problèmes de la linguistique balkanique antique“ sont présentées les particularités et le degré de connaissance des sources, une caractéristique générale de l'état de la linguistique dans le domaine qui nous intéresse, l'objet et les traits généraux de la méthodologie d'analyse, les liens entre l'objet de la méthode d'analyse en rapport avec les autres problèmes posés par la linguistique balkanique antique.

La plus grande partie du IIe chapitre traite de la „Reconstruction de la langue thrace dans un aspect d'aire“ où on expose, par une argumentation linguistique poussée, l'hypothèse de proximité d'aire entre la langue thrace et les langues hittito-louvites pour la période préanatolienne. La zone de contact des langues mentionnées englobe les territoires comprenant les régions nord-est de la péninsule Balkanique. C'est durant cette période qu'on peut déceler

* Le présent travail, ayant été terminé en 1974, l'on n'a pas pu procéder à des corrections importantes, d'où certains résultats publiés plus tard n'ont pas pu être inclus comme, par exemple, les œuvres de V. Georgiev. Die ethnischen Verhältnisse im alten Nordwestkleinasien. — LB, XVI, 2, p. 5 et Die Thrakischen Götternamen. Ein Beitrag zur der alten Thraker. — LB, XVII, p. 5, qui se rapportent directement à l'étude entreprise.

des isoglosses thraco-hittito-louvites des nombres ayant une étymologie indo-européenne et qui seront plus spécialement examinées dans le IVe chapitre.

Le IIIe chapitre (pas très grand) „Les traits caractéristiques de la zone de passage indo-européenne et balkanique ancienne dans la phonétique de la langue thrace“ contient des corrections se rapportant à deux caractéristiques fondamentales — la présence des lois satem et ce que l'on appelle „Lautverschiebung“. Leur essence est la suivante : la langue thrace, pareillement aux autres langues de la zone de passage indo-européenne balkanique (resp. balte — en ce qui concerne les isoglosses satem), ne réalise pas d'une façon tout à fait établie les deux lois, plus spécialement le „Lautverschiebung“.

Dans les deux chapitres suivants de la partie fondamentale ensemble avec toutes les procédures nécessaires de l'analyse étymologique, incluant le travail philologique du matériel de base, sont interprétés des faits lexicaux et des faits d'isoglosses.

Le IVe chapitre „Isoglosses thraco-hittito-louvites“ présente une couche importante de correspondances thraco-hittito-louvites lexico-onomastiques qui se manifestent non seulement au niveau des translittérations gréco-romaines mais obligatoirement dans les faits hittito-louvites de la période anatolienne ancienne et tardive. Il faut souligner le fait que le plus grand nombre de correspondances analysées (presque 12:4) ont ou, rarement, sont supposées avoir une étymologie indo-européenne.

Ceci nous donne des conditions pour croire aux contacts probablement possibles de la langue thrace avec les langues hittito-louvites de la période préanatolienne dans l'aire qui confine à l'espace linguistique balkanique du nord-est.

Dans le IVe chapitre on analyse des correspondances thraco-anatoliennes suivantes :

A. Correspondances, interprétées dans le cadre de l'étymologie indo-européenne.

1. Ἄρμουληνή : épiclese d'Héra ~ lyd. *Armāuli*, possessif du lyd. **Arman-*, au hitt. *Arma-* „Dieu de la Lune ; la Lune“, dans le louv. hiér. *Arma-pija* = lyc. *Arma-pias* et beaucoup d'autres ; i.-e. **ar-mo-* de l'i.-e. **or-* „se mouvoir“, cf. le gr. ὄρτο, sanscrite *ārta* (aor. med.) „mettre en mouvement, pousser“ (Goetze).

2. Le nom de personne *Τορκος*, resp. *Τορκους*, etc. ~ nom du héros lydien *Τάρκων/Τάρχων*, le nom de personne lyc. *Τορομμιας*, etc., hitt.-louv. anc. *Tarhu-* : *Tarhunt-* „Dieu de l'orage“ qui est contenu dans nombre de noms de personne anat. cf. louv. hiér. *Tarhu(nda)-pija* = cilic. *Tarhumbios*, au niveau appellatif : hitt. *tarh-* „être fort, vaincre“, *tarhu-* „victorieux, puissant“, etc. ; i.-e. **trH-* de *ter-* : *tṛ-*, etc. „vaincre, envahir, etc.“, cf. v. ind. *tārati*, *tirati*, etc. „setze über, vaincre, etc.“ ; on suppose qu'en thrace la laryngale ait été transmise par le gr. *κ/γ/χ*, ainsi que dans les langues d'Asie Mineure, en tout cas dans les lexèmes adoptés (cf. No 9).

3. Le nom de personne *Τια-μαους* (en ce qui concerne la IIe composante) ; le thème théonymique et ethnonymique dérivatif hitt.-louv. **Ma(w)*, conservé dans *Μήρες* < anat. **Mawa-wana/i*, *Μανσ(σ)ωλ(λ)ος*, etc., provenant de l'anat. (car. ?) **Ma(w)-uss-al(i)* „porteur de la lance de la déesse *Ma(w)*“ ; origine i.-e. de *Ma(w)* - comme Lallwort n'est pas exclue, cf. le gr. *μᾶ*, v. ind. *mā*, thr. *Ma*, etc. „Mère“. Thr. *Tia* < **Tiu-a-*, forme thématique (en ce qui concerne la I^e composante) ~ louv. *Tiw-at(a)-* „Dieu du Soleil“ où *-at(t)-* est un

suffixe des substantifs abstraits; i.-e. **diu-a*-, niveau zéro de l'i.-e **d(e) iǰu-*.

De la même racine est l'anthroponyme thrace *Τιοντα* < **Tiu-ta* ≈ louv. *Tiwat(a)* (quant à la syncope du *a* médian ou la lecture consonantique *-wa-*, cf. lyd. *Tivda*) et le nom de lieu thrace *Tiu-tia-menus vicus* < **tiu-tiua* (*menus*).

L'anthroponyme *Sia-maus* est une corrélation sibilante de *Tia-μαους*, avec une forme intérieure identique; la composante *Sia-* < **Siu-a* (forme thématique) = hitt. *šiu*, etc. „Dieu“.

La présence de plus de 100 noms propres thraces avec des racines *Δεο-* (lat. *Deo-*), *Δευ-*, etc. et l'appellatif dace *διέσημα* (s-thème) ≈ peut-être bulg. serbo-cr. *divizma* peut servir de critère pour croire aux suppositions d'emprunt des noms thraces ou de leurs thèmes aux langues hittito-louvites.

4. L'anthroponyme *Ma-gava*: quant à la composition et la sémantique de la 1e composante cf. la formation parallèle du nom de personne *Μαδα-γανα*, où la 1e partie est comparée avec l'osset. *mada* „mère“ (de *Ma-* cf. No 3); 2e composante *-gava*, *-γανα* ~ lyd. *kaveš* „prêtre des mystères cabiriennes“ (Hes.), v. ind. *kavi-* „clairvoyant, sage, poète“; l'anthroponyme hitt. (capp.) *Kawia*, etc., le toponyme mys. (d'Asie Mineure) *Κανη*, l'anthroponyme lyc. *Kawari*, etc.; l'i.-e. **keu-*: **kou-* „prévoir“. De là l'interprétation du nom de personne *Ma-gava* „prêtre de *Ma* (déesse-mère thrace)“.

La composante *-καυρι*: *-καβρι*, identique au *-γανα* mais avec une consonne initiale, qui n'était pas touchée par „Lautverschiebung“, et un *r*-élargissement, dans le nom de lieu *Κούσ-καυρι*: *Κουσ-κάβρι* < **kous-kau-ri*; lors du passage sporadique dans la langue thrace *ou > au*, *u > b* intervocalique, elle peut être comparée et même pleinement équivalente comme cliché avec la glose déjà nommée de Hes. *κόης· ἱερεὺς Καβείρων, ὁ καθάρων φονέα*, dont l'infrastructure sémantique *κόης καβείρων* se reconstruit comme **koua-s kou-(e)i-r-on*. La diffusion en Thrace des pairs divines, des enfants du dieu du Feu Héphaïstos, ayant pour centre du culte l'île de Samothrace et de Lemnos, est hors de doute.

5. *-πο-ς* se rencontre uniquement dans les théonymes et les théophores. *Πρία-πος*, etc.: 1. fils de Dionysos, le dieu de la force productrice inépuisable, favorisant l'épanouissement de toute chose vivante; 2. épithète de Dionysos; 3. ville d'Asie Mineure sur la rive de Propontide; 4. île en mer Egéenne, etc. ~ le nom de l'île car. *Πρια-πο(ν)νησος*, nom hybride grecque-indigène ou adapté dans le processus du transfert, l'anthroponyme lyc. *Prija-bu-hama*. La composante thrace et micrasiatique à deux thèmes *Πρια-πο-* = *Prija-bu* > **p(a)rija-bu-*, quant à la 1e partie cf. le hitt. *parija(n)* „au-dessus“, etc.; *-bu-* < l'i.-e. **bhu-*, premièrement „grandir, naître, s'épanouir“, cf. le gr. (aor.) *ἔφην* „je suis venu, etc.“, d'où le sens mot à mot *Πρια-πο-* „degré supérieur de la force vivifiante“. Dans les translittérations grecques des noms propres thraces et micrasiatique *o* reflète souvent *u*; en même temps dans les réflexes gréco-asiatiques les variantes *b:p* de l'i.-e. **bh* sont connus, particulièrement au début ou lors de la jonction des morphèmes. Il faut reconnaître (*Κασι*) *βοννον*, nom de lieu, comme un réflexe inné.

Le thème identique et les mêmes sens on trouve dans les anthroponymes thraces suivants: *Μαυ-ρυσ*, *Επιτη-πους*, *Θιονιλ-πος*, *Δεορυσ*.

6. *-δων*, *-δον*: 1a 2e composante de nombre des noms de personne balkaniques, en particulier des toponymes: les noms de lieu thraces *Σαση-δών*, *-όνος*, *Σαση-δον-ία*, etc., *Βραρχε-δον*, *Τζυει-δών*, etc., *Σιγγι-δών*, etc.; à proxi-

mité de la Thrace historique: *Μακε-δον-ία*, *Μυ-γδον-ία* „terre (γῆ, χώρα, χθών) de la tribu édonienne (c.-à-d. thrace) *Μυ-γδόν-ες*“, de même que la région de la Mysie, ou la Bithynie ou la Phrygie; *Δωμάτιο* (éol.), *Δαμιάτιο* (thess.), *Δημίτιο*, etc. préhell. ~ l'anthroponyme lyc. homér. *Σαρπη-δών*, le théonyme phryg. d'Asie Mineure *Γδαν-μύα* (**Γδαν-μυα*), reconstruit selon le nom de lieu *χω-ρίον Γδανμυας* (gen.).

L'élément thrace, macédonien, etc. *-δων*, *-δον-*, mygdonien (phryg.?) *-γδον-*, préhell. *Δω(μ)-* < **ghdhōm* de l'i.-e. **dhg'hōm* (de l'i.-e. **dheg'hōm*, cf. hitt. *tekan*) au moyen d'une métathèse avec la chute de l'initiale aux différentes langues, cf. gr. *χθών* „pays, région, ville“, variante apophonique **dhg'hām* est réalisée en phryg. **γδαν*, cf. gr. *χθαιαλός* „bas, etc.“, avec la chute de l'initiale en préhell. *Δαμ-* (après la métathèse), cf. gr. *χαμαί* „sur la terre“ (av. la métathèse). Le thrace *-δων*, *-δον-* est probablement d'origine balkanique.

La composante *Σαρπα-* du nom de lieu et nom de personne secondaire *Σαρπη-δων*, etc. en Thrace et en Asie Mineure est identique d'une manière sémantique et formelle au hitt.-louv. tard.: adverbe de lieu **s(a)r-pa/i*, reflété en lyc. *hrppi* „darauf, über?“, *lyd. śrfa-štīd* „oberer“. La composante *Σιγγι-* en *Σιγγι-δων* ≈ *Σιγγί-δουνον*, etc. a une bonne correspondance avec le nom de lieu dac. *Σινγί-δανα*, etc. Ayant en vue le changement dans les translittérations grecques du thr. *ω-ο:ου* et d'autres raisons encore, on propose attribuer *Σιγγι-δών* „terre (resp. ville) de la tribu des Singies“ (cf. l'ethnonyme thrace *Σίγγιοι*) à l'onomastique thrace; sous la forme de *Σιγγί-δουνον* il n'est pas exclu de voir une influence d'adaptation celte (cf. celte *dūnon* „ville fortifiée, forteresse“).

7. (sous le No 8 dans le livre; les études sont doublement numérotées ci-dessous) **Ηρωσ*, etc.: dieu équestre avec des caractéristiques de dieu de la foudre, l'un des plus vénérés par les Thraces ~ capp. *Perwa*, dieu patron de la ville de Kaneš, le théonyme hitt.-louv. *Perwa: Pirwa*; l'anthroponyme théophorique extraordinairement répandu et la racine anthroponymique; son culte se caractérisait par la vénération du cheval; au niveau appellatif: *pir-wa-*, *peru-*, *peruna-/piruna-* „rocher“. La caractéristique du dieu de la foudre anatolien est reconstruite à partir du relief de la galerie de Jazilikaya. L'identification de l'initiale du thrace **Ηρωσ* (< **herwo*) et de l'anat. *Perwa*, exigée par la transformation phonétique est analogique à l'arm. *h* < *p*. La correspondance diachronique proposée est liée au plan historique réel par les épithètes du dieu **Ηρωσ*, notamment *Περκωνις* et *Περκονος*, sur deux inscriptions aux alentours de Varna (No 283 bis, d'après Mihailov, l²) **Ηρωει Περκωνει* / *Μένανδρος Ἀμύντορος* et (No 283) **Αρτεμίδωρος και Πολέμαρχος οἱ Θεοξένου Περκω* **Ηρωει ἐπιγρόφ*. Nous avons identifié *Περκωνις* comme une formation indépendante du dieu balte de la foudre **Perkūn*, et *Περκονος* peut être lié au lat. *quercus*, etc. On trouve la même racine dans l'ancien nom de la Thrace *Πέρκη* [χώρα] (i.-e. **perkūa* = glose celt. *ērkos*, le toponyme *Hercunia Silva* (i.-e. **perkūo-*).

Les toponymes issus de la même racine i.-e. sans élargissement guttural se rapportent à la couche thrace: *Φόροννα* (rég. *Pherūn-*) < **Perūn* = *Перунъ* slave d'est et *Πέρωνθος* < **Perunto-* = v. ind. *pārvata-* „montagne“ ou **Perun(th)-* = *Perunъ* slave. Toutes les autres formations toponymiques et mythologiques sur le territoire des Balkans liées au culte du dieu de la foudre, sont apparues à la suite de la slavisation de la péninsule Balkanique. Le nom

de lieu *Perkunisti* (village en Valachie) fait exception, et pourrait provenir directement du toponyme thrace **Perkūn-isti*.

8 (:10). Le nom de lieu *Tarpo-dizos*, etc.; *Τραπο-βιζύη*, etc.; *Δαλά-ταρβα*; l'anthroponyme *Τάρβος*, roi de Pannonie; *Τέρβος* (Bithynie)~(en ce qui concerne la 1e composante) car. *Ταρβανη/Τουβα-νη*, pamph., lyc. *Τρεβε-ννα*, cf. le lyc. indigène *Trbbēni*, le pisid. *Ταρβα-σσος*, etc.; au niveau appellatif: le louv. cun. *tarpa/i-* „talon“; le louv. hiér. *tarpa(i)-* „piétiner, endommager“ (resp. „s'emparer“), etc.; l'i.-e. **trb-* de l'i.-e. **ter-* est trouvé en gr. *τρίβω* „écraser, frotter, s'occuper de, etc.“. La véracité de cette comparaison est diminuée sensiblement par la présence de bons parallèles en lit. (cf. lit. *tarpa* „croissance, épanouissement“, etc.). De l'élément *-βιζύη* cf. No 12; *-dizos*, etc. < i.-e. **dheigho-*, cf. l'av. *uz-dāeza* „forteresse“, etc.

9 (:12). L'ethnonyme *Costoboci*, *Κοστοβῶκοι*, *Castabocae*, etc., tribu dace (resp. thrace) habitant aux côtés divers des Carpates. Malgré l'opinion communément requise sa structure est *Κοστο-βῶ-και*, cf. **Αρπα-κοι* (-κο- est un suffixe ethnicon du diminutif-péjoratif *-ko-). ~ lyd. *Καστα-βο-ς*; cilic. *Καστα-βα-λλ(λ)α*; car. *Κωστο-βα-λον*; on trouve le même thème dans l'appellatif hittite *ḫastai* „os; force“, cf. le hitt. **ḫastali* „héroïque“, mot à mot „osseux“, l'anthroponyme capp. *Ḫastali-* (début du IIe mill.); l'i.-e. **Horst(h)-* en grec *ὄστειον* „os“, etc.; le thrace *-βω/-βο-* = *-βο/-βα-* d'Asie Mineure < suffixe possessif hitt.-louv. *-wa-* (i.-e. **uo-*) produisant beaucoup de formations ethnicon. Donc *Κοστοβῶκοι*, etc. (< *Hasta-ua*) peut être interprété comme „tribu des forts, puissants“; le changement *a:o* (:ω) est caractéristique des translittérations gréco-romaines des noms propres thraces et micrasiatiques; à propos du reflet de la laryngale cf. No 2.

10 (:13). L'ethnonyme *Saboces*, *Σαβῶκοι*: tribu localisée sur les versants septentrionaux des Carpates. Malgré l'opinion commune nous nous fondons sur le thème *Σαβω-*, lat. *Sabo-* < *Saua-* indigène élargie en thrace par le suffixe *-ko-* (cf. No 9). ~ le thème thrace **Saua-* correspond entièrement au nom de personne lyc. *Saewa* = *Σηο* de bilingue, cf. encore l'anthroponyme „phryg.“-pisid. *Σαωνς*, le nom de lieu lycaon. *Σοαιτρα*, etc.; au niveau appellatif cf. le thème verbal et nominal du hitt. tard. **sau-*, lyd. *saven* „croître, venir au monde“, etc. D'où l'interprétation du dac.-thr. *Σαβῶκοι* comme „tribu des épanouissants, nombreux (resp. „puissants“)“, cf. l'ethnonyme thrace *Βι-θνοι* lié à l'i.-e. **tu-* „être puissant“. Une grande couche de l'onomastique du thème *Saua-* à l'île Samothrace penche en faveur de la genèse thrace de l'ethnonyme *Σαβῶκοι*.

11 (:15). *Πέργαμον*, *Πέργαμος* (toutes deux, villes à l'ouest de la Thrace Egéenne) = *ἡ Πέργαμον*, *τὸ Πέργαμον*, *τὰ Πέργαμα*, citadelle à Troie ~ le nom de lieu mys. *Πέργαμος*, *Πέργαμον*, cf. le crétois *Πέργαμον*, le nom de personne lyc. -issaur. *Πέργαμη*; ce thème non-dérivatif accompagné d'autres suffixes est largement diffusé dans l'onomastique de l'Asie Mineure occidentale (par exemple le toponyme *Περγη*, *Πρηγη*, le nom de personne pisid. *Περγη*, etc.); au niveau appellatif il correspond à l'hitt. *parku-*, etc., ethnicon louv.-hiér. *pargawana*, l'i.-e. **bherg'h-*: **bhrgh(u)-* „haut, s'élever“.

Aux régions de la Thrace Egéenne, relativement éloignées du bord de la mer, nous sommes en présence d'une couche toponymique compacte de dérivés provenant de la même racine i.-e., mais avec une labiale sonore initiale: *Βεργη/-α*, *Βεργαμος*, *Βεργέ-πολις*, *Βέργισον*, *Βεργούλη*, *Βεργε-δαβα*, *Βορ-βεργα*. Ce qui vient d'être signalé, d'autant plus que nous ne disposons pas

de possibilité dans le cadre de la langue thrace d'expliquer l'explosive sourde dans le mot thrace isolé Πέργαμον/-ος, nous incite à chercher la raison d'assourdissement thrace et troyen dans l'aire limitrophe de l'Anatolie occidentale, où le *p* initial est obtenu selon la loi de „Lautverschiebung“ dans le thème i.-e. où il y a une dissimilation des sons aspirés (l'i.-e. **bherg'h-* > **berg'h-*).

12 (:16). Les toponymes **Ιδη*, **Ιδακος* (tous les deux en Chersonesse thrace) = **Ιδη*, dor. **Ιδα*, montagne à Troie, en Crète, etc. ~ thème théophorique onomastique productif **Ιδα-* dans nombre d'anthroponymes parfaitement analysés à la base des langues anatoliennes: lyc. *Ιδα-ροη*, *Ιδα-της*, car. *Ιδα-γγος*, etc.; au niveau appellatif préhell.-anat. *ιδη*, dor. *ιδα* „montagne boisée“, „bois à la montagne“, i.-e. **uidhu-a*. Comme dans le cas de Πέργαμον/-ος, en Thrace continentale il y a des formes orthodoxales remontant au même thème i.-e.: le nom de lieu *Bizye* (*Βύζη*, etc., *Τραπο-βύζη*, etc.).

En rapport avec le matériel exposé dans les No 11, 12 et quelques autres faits (cf. No 15, 20, etc.) on a le droit de poser la question concernant les aires toponymiques délimitant, d'une certaine approximation, la Thrace Egéenne et la Thrace continentale.

B. Correspondances interprétées dans le cadre de l'étymologie non-indoeuropéenne.

13 (:7). *Επτα*, lat. (H)*Epta-*, d'après l'analyse combinatoire, est le thème théonimique de près de 40 anthroponymes théophoriques: *Επτα-γενθος*, etc.; *Επτα-περ*; *Επτα-πορις*, *Hepta-poris*, *Επτη-πους*, *Επτε-διος*; *Επτε-ζεις*, etc. La forme du nom de personne *Hepta-poris* montre l'aspiration initiale du type grec, c.-à-d. le thème **Hepta-*, ~ le nom de la Déesse-Mère anat. tard. resp. micrasiatique (*Μητη*) **Ιπτα: Εἴπτα* (bien certain sur trois inscriptions, cf. encore le nom de personne **Ιπτας*) que l'on peut rapporter à la déesse anatolienne d'origine hurrite trouvée en hitt. ^D*He-pât* (transcription généralisée), louv.-hiér. *He/Hi-pa-tu(s)*; comme un thème théophorique ce nom est toujours productif dans l'anthroponymique anatolienne, cf. le hitt. ^H*Hé/Hi-pa-mu(u)-wa* (*aš*), le louv.-hiér. ^H*He-pa-pi-a*, etc.

14 (:11). Le nom de lieu *Περγου-στα*, à rapporter au suffixe thrace *-st-* cf. le nom de lieu *Orodista*, le nom de personne *Λιζαστης*, etc.; le nom de lieu *Πέργη*, *Μηκύ-περγα/-βεργα*, etc.; le changement intervenu dans les langues hitt. tardives *a:e* est aussi caractéristique du thrace, ~ le nom de lieu car. *Παργη*, le nom de personne lyc. *Φεργις*, le nom de lieu capp. *Παργασσος* = le nom de lieu gr. *Παργασ(σ)ός*, hitt. (capp.) cun. *Parnašša*, le nom de personne lyc. *Παρνας*, le nom de personne issaur. *Περγας*; au niveau appellatif: louv. cun. et hiér. *parna-*, hitt. *parn-: pir*, lyd. *bira*, lyc. **pr̃nna-* „maison“, dans le domaine religieux „maison de Dieu, temple“.

15 (:14). **Ιμβρασιδης*: patronyme de Peiros, chef de la tribu des Thraces d'une région près de l'Hellespont, c.-à-d. en Thrace au bord de l'Egée (Il. IV, 520), **Ιμβρασ-ος*, nom de l'île de Samos et de sa rivière **Ιμβρος*, île thrace près de Samothrace, à l'embouchure de l'Hellespont ~ patronyme *Imbrasidas*, le nom de personne *Ipresida* avec une dénasalisation, théonyme-épithète d'Hermès en Carie **Ιμβρασας* = **Ιμβραμος*, les noms de personne d'Asie Mineure: car. *Ιμβρασ(σ)ις*, lyc. -troyen-hom. **Ιμβράσιος*, etc.; le nom de personne lyc. *Hēpruma*, *Hm̃prama*, etc.; le nom de lieu car. *Ιμβρος*, nom du gendre de Priam, évidemment d'origine thrace; louv. ^D *Immarsija*, DINGIR^{MÉS}

imrašši(š) = le car. *Ιμβρασ(σ)ις* mentionné, ^D*Immarni* „dieu des champs et des vallées“, le nom de personne *Immara-ziti*, etc.; au niveau appellatif: *im(ma)ra/i*, gen. adj. *immarašši-* „champ, vallée, plaine“; analogue hitt. *kim(ma)ra-*. L'aire où existe le thème d'*Ιμβρασ* (région de la mer Egéenne), considérant *Ιμβρασιδης* unique sur le territoire même de la Thrace, conditionne la supposition d'emprunt de ce thème de l'Anatolie; *-δης* est un suffixe patronymique grec, obtenu dans le processus d'adaptation.

16 (:9). Le nom de lieu *Ταπαι, Tapae*, passage montagneux, rocheux en Dacie en amont du Danube; entre les Carpates et les Balkans, cf. les autres noms balkaniques: le nom de lieu illyrien *Tabia*, prehél. *Θήβαι, Θήβη* ~ le nom de lieu d'Asie Mineure *Ταβαι* (Lydie, Carie, Cilicie), lyd. *Ταβαλα*, car. *Ταπασσας*, etc.; au niveau appellatif: la glose *τάβα-πέτρα* d'Asie Mineure (possiblement car.), noms anat. anc.: montagne hitt. sacrée *Tabala*, le nom de lieu hitt. *Tapa-sawa*, le nom de personne hitt. *Dabala* = ^DU (^DU „dieu de l'orage“; le rapport avec les pierres, le rocher est un accessoire obligatoire du dieu de l'orage, etc. Ainsi donc le *Ταπαι* thrace est interprété dans le sens de „rochers, pierres“, ce qui est caractéristique pour un passage montagneux, fait par une rivière.

Le nom de lieu thrace *Λαβανος* est de la même source (≈ le nom de lieu car. *Τάβηνος*), ainsi que le nom de personne *Λαβεις* (≈ le nom de personne licaon. *Ταβεις* et théonyme *Δαβα-το-πειος*). Ce dernier peut être très bien interprété justement dans le cadre des langues hitt. -louv.: -louv. *pija-*, etc., *-το-* < ablatif/instrumental anat. anc. *-ta-* (gréco-micrasiatique *-δα*, etc.) signifiant l'origine (lyc. *-adi-*, *-edi-*); d'où tout ceci soit interprété comme „donné par Daba (divin)“; quant au sens religieux contenu dans la 1e partie, cf. les anthroponymes hitt. *Dabala* = ^DU et le nom de la montagne sacrée Tapala.

Le Ve chapitre „Isoglosses thraco-micrasiatiques“ contient des données provenant plus spécialement du domaine toponymique, données caractérisées non seulement par l'unité interne mais encore par des interprétations linguo-ethniques non-ambigües: l'orientation de la trajectoire étymologique de ces isoglosses des Balkans, peuplés par les tribus nombreuses des Thraces, vers l'Anatolie ne fait aucune doute. En dehors des particularités, ces conclusions sont fondées sur deux circonstances: l'isolement des toponymes troyens de l'Iliade en Anatolie, et le rapprochement des unités onomastiques de la Troade homérique aux groupes onomastiques thraces ramifiés, qui s'insèrent dans une moitié des correspondances des ethnonymes thraces. La chronologie des isoglosses et en tout cas leur terminus post quem sont établis par la période de la guerre de Troie (XIIIe — XIIe s. av. n. ère).

17. *Σκαιοί*: tribu qui habitait les régions entre la Troade et la Thrace (Thrace Egéenne), avec les *Κεβροήνιοι* à proximité du fleuve *Ἰλίουσφος* (cf. No 20). *Σκαυβόαι*: variante qui a gardé le *u* intervocalique, l'hydronyme *Σκαυῖος ποταμός*, le toponyme *Σκαυῖον τεῖχος* ~ *Σκαιοὶ πύλαι*, porte principale de Troie. Le type morphologique d'ethnonyme est bien remarquable: *Σκαιοί* < *Σκαυβόαι* < **skai-u-*, de même que *Κοσσοβῶ-κοι* < **kosta-u-*, formé à l'aide du suffixe ethnicon possessif *-u-* = *-ua-* anat.

18. *Ξάνθιοι, Ξάνθοι*: tribu qui habitait en Thrace Egéenne cf. le toponyme *Ξάνθηα*, ville des *Κίκονες*, actuellement Xanti ~ *Ξάνθος*: synonyme du fleuve *Σκάμανδρος* en Troade homérique, divinité du fleuve personnifié qui a intervenu au cours des combats en faveur des Troyens.

19. *Κεβρόγνιοι*: tribu qui habitait près de la rivière *Ἰσθμὸς* (en Thrace Egéenne, cf. No 20), et qui a été gouverné de même que *Σκαιοὶ* (= *Σκαιοί*) par les prêtres d'Héra; ~ le nom de personne troyen *Κεβρόνιος*, cocher d'Hector, fils naturel de Priam, ethnicon avec suffixe *-ην-*, cf. Hom. ep. 10 *Κεβρόγνιοι ἄνδρες*, chez les auteurs plus tardifs l'hydronyme et le théonyme *Κεβρόην*, dans la Troade, avec la ville du même nom. Cette dernière a la variante *Κεβρόηνη*, région de la ville *Κεβρόνεια*, ses habitants *Κεβρόνοι* ou *Κεβρόγνιοι*.

Le thème non-dérivatif se rencontrait dans l'hydronyme et toponyme thrace *Κέβρος*, *Κεβρο*, *Κίαβρος*(ποταμός).

20 (:21). L'hydronyme *Ἰσθμὸς* (selon les données indirectes c'est une rivière en Thrace Egéenne), le toponyme *Ἰσθμὸς* (à Lesbos, en Béotie) = toponyme troyen hom. *Ἰσθμὸς*; le thème de l'Asie Mineure *-ισθα*: *-ισθα* < **issua*, louv.-hiér. *ásuwa* „cheval“ (i.-e. **ek'uo-*), cf. pamphylien *ΜαγασίψΦας*, pisidien *Μασσαν-ισβας*, etc.

Dans les régions continentales de la Thrace l'élément *-ισθος* s'oppose à une formation avec une voyelle plus ouverte: les épithètes du dieu à cheval Heros *Βετ-εσπιος*, *Οὐτ-εσπιος*, *Οὐτ-ασπιος*, littéralement „de cheval, à cheval“, cf. la calque-épithète *Ἐπιπιος* = au grec *ἐπίπιος*; élément *οὐτ-*, etc. = *út-* en sanscrite „sur“, etc. L'appellatif thrace **esbi-je-* = *esbe-* „cheval“ en lyc., du groupe de noms de personnes dans les inscriptions: *Εζβενις*, *Εσβενις*, *Εσβενις*, etc.; on trouve *i*-thème purement appellatif dans le nom de personne **Autesbi-s* (transcription corrigée d'*Autlesbis*, que nous trouvons chez Livius).

21 (:20). L'hydronyme et le théonyme *Ῥῆσος*: roi des Thraces qui les a amenés en Troie (Il, X, 434 sq.) de la région située dans la vallée du Strymon, du pied des Rhodopes, après les groupes de Peiros et d'Acamante, habitant la région attenante à l'Hellespont (cf. No 15). Cette situation nous montre clairement la divergence linguistique entre les tribus thraces continentales et celles de Thrace Egéenne, confirme la divergence historique et archéologique notée et relevée il y a longtemps. Selon la tradition mythologique *Ῥῆσος* est un héros divin, adoré dans les Rhodopes, fils de la rivière Strymon ~ *Rhesus*, hydronyme, *Ῥῆσος*, rivière à Troie. Deux faits témoignent en faveur de la provenance balkanique (en particulier thrace) de cet hydronyme: 1. Homère le cite dans la liste des rivières descendant du mont Ida: cf. *Ῥῆσος*, *Ἐπτάπορος*, *Κάρησος*, *Ῥοδῖος*, *Γρήνικος*, *Αἴσηπος*, *Σκάμανδρος*, *Σιμόεις*, dont deux seulement, *Κάρησος* et *Σιμόεις* ne peuvent pas être certifiées comme mots thraces ou balkaniques, alors que *Ἐπτάπορος* (cf. No 13) et *Αἴσηπος* possèdent une indiscutable étymologie thrace; la liste homérique a été reprise par Hésiode (Theog., 337—345), à l'exception de *Κάρησος* et avec deux des plus grandes rivières en Thrace, *Στρυμών* et *Ἰσθμὸς*. 2. A l'isolement absolu de l'hydronyme *Ῥῆσος* sur le territoire d'Anatolie s'opposent les dérivées du thème *R(h)es-* dans l'onomastique de Thrace ancienne, cf. le nom de personne thrace *Ῥησκούποις* avec de nombreuses variantes et le toponyme *Ῥήσσιος τόπος*. L'étymologie du nom de personne *Ῥῆσος* < i.-e. **reg-* „roi-prêtre“ qui est en rapport avec le **reg-* verbal signifiant en particulier l'acte rituel de tracer droites les frontières (cf. latin *regere fines*) peut être conforme à l'hydronyme *Ῥῆσος* remontant au **reg* verbal, cf. latin *regio flumini* „courant d'un fleuve“ (au sens propre „ligne“), anglo-saxon *racu* „lit du fleuve“. On trouve un parallèle sémantique et typologique dans l'hydronyme thrace *Μάργος*, bul-

gare contemporain, serbe *Mopasa* < **morgo*, etc., à côté du latin **margo* -*inis* „limite, frontière“.

22. Le toponyme troyen et homérique *Περγωνη*: ville en Asie Mineure sur la rive de l'Hellespont, latin *Percote*; plus tardif *Παλαι-περγωνη*; ethnicon *Περγάσιος/-αι*. Le rapport dérivatif avec le nom de Thrace *Πέροκη* est évident, en considération de quoi nous pouvons supposer que la ville soit fondée par les originaires de Thrace (cf. No 7).

23. Homér. *Τροία*, ionien *Τροίη* < *Τρωτήη* (ionien), formé par abrègement (cf. *Τροίη*), suivi par une contraction de diphtongue. 1. Ce toponyme signifiait le territoire soumis à Priam, ainsi nommé selon les modèles stéréotypes de formation de noms grecs *Τρωῆες*, *Τρωαί*, *Τρωάδες*; 2. la ville principale des dominations de Priam = *Ἴλιος* (cf. No 24), nommée parfois *Ξάνθη* (cf. No 18); ethnicon *Τρωῆες*, *Τρωαί*, *Τρωάδες*.

Les traits caractéristiques des transcriptions grecques citées reflètent immédiatement la constitution phonétique de l'original: la dentale initiale non-aspirée, le *o* long à la première syllabe ne formant pas de diphtongue avec la sonante *i* qui le suit. L'hiatus entre la première et la deuxième syllabe (en grec -*ωι*) montre la direction du processus de la reconstruction de la forme primaire: en correspondance avec les lois de la langue grecque à la place de la chute pouvait être *u* (la *F* grecque) ou *s* ou, à la fin, la combinaison consonantique de ces deux sons. L'information plus précise sous cet aspect comporte en hittite *KUR^{URU}Ta-ru-i-sa* avec la variante *|KUR^{URU}T|a-ru-i-sa* (la transcription courante généralisante *Taruīsa*) que nous trouvons à la 22e place de la liste des pays, conquis par Tudhalijas IV (mais pas entièrement) et faisant partie de la confédération d'Assuwa (cf. les Annales de Tudhalijas IV); *Wilusija* est à la 21e place de la liste, cf. No 24. Le commentaire réel historique et géographique de la liste cunéiforme, en particulier, commence possiblement avec le pays *L/ukka* ≈ *Λυκία* en grec; à la 8e place se trouve *Karakiša* = *Karkiša*/*Karkija* = *Κάρια* en grec; aussi est-il évident que les pays conquis sont cités du sud au nord; ce qui permet d'identifier territorialement la *Taruīša* hittite à la Troade homérique, et *Wilušija* = *Wiluša* (cf. No 24) avec l'Illion homérique. De la sorte la *Taruīša* hittite s'identifie d'une manière satisfaisante à la *Τροίη* hom. < *Τρωία*, cependant à une condition: ne pas tenter de chercher à cette paire toponymique homérique et hittite la transcription grecque du nom hittite ou bien, au contraire, la fixation hittite du nom grec, comme l'ont fait Kretschmer et Forrer et après eux beaucoup d'autres. Selon notre profonde conviction, se fondant sur les témoignages du Ve chapitre, nous sommes en présence de deux transcriptions indépendantes et différemment datées d'un troisième prototype certain, dont il est logique de chercher les origines dans la péninsule Balkanique, en particulier parmi les reliques de la langue thrace (dans le cas de *Wiluša* plusieurs siècles ont pu s'écouler jusqu'à l'apparition de la transcription grecque, cf. No 24), il en résulte que la transcription hittite et homérique ne coïncident pas complètement et diffèrent en détails; tout cela s'explique par les diverses tendances d'adoption et par les particularités de la graphie. Autre moment important: l'exclusion de *Taruīša* et *Wiluša*, selon les données hittites du corps des problèmes liés à *Aḫḫijava*, c'est pour cette raison que l'aspect linguistique de ces deux noms géographiques d'importance particulière ne dépend aucunement de la résolution des problèmes de *Aḫḫijava*.

Sur la base de la fixation hittite *Taruīša* qui conserve plus ou moins

bien l'assortiment des éléments prototypiques, on reconstruit logiquement le *s* à la place de hiatus dans l'hom. *Tροίη* < *Tρωῖα*, etc.; en fondant sur l'analyse des toponymes en préhitt.-louv. qui comportent un *s* redoublé (c.-à-d. *ss*) et *s* non-redoublé, appartenant au thème, de même que nombre d'hétéronymes qui se distinguent du premier groupe des toponymes cunéiformes d'un *s* simple et dont la majeure partie est d'origine préhitt. ou non-hitt. Dans ce cas nous avons le droit de reconstruire le thème primaire des deux transmissions sous la forme **Tros-*.

En abordant les langues reliques de la partie continentale de la péninsule Balkanique nous relevons toute une famille de lexèmes onomastiques au thème omonymique, cf. les noms de personne: illyriens *Trosius*, *Trosia* (Dalmatie, Istrie, Norique, la région des Vénètes, Macédoine), ensuite *Trosantios* en Apoulie et en messapien *trohandes*, *troahandihî*.

L'ethnonyme thrace *Tρωσοί* attire particulièrement notre attention, il signifiait la tribu, déjà attestée chez Hérodote dans la partie sud-ouest des Rhodopes, aussi trouvait-on cette tribu au sud-ouest dans la région contiguë à la crête des Carpates, où les Grecs la connaissaient sous le nom iranisé *Ἀγάθροσσοι* (St. B., cf. Hes.). L'ethnonyme *Tρωσοί* (i.-e. **treu-s-* „croître, pousser“, en avestique *θραος-*) admet deux modifications différemment datées (ne pas excepter la différence possible en plusieurs siècles). D'une part il peut être identifié avec le nom commun (de la tradition grecque littéraire) propre à toutes les tribus peuplant les régions orientales de la péninsule Balkanique — *Θροῦρες* (on le trouve déjà chez Xenophon), provenant de *Θροῦρες* qui se fonde comme ethnonim sur **Tρωσο-ιες*, provenant de la forme intermédiaire **TρωFh-ιες*, grâce à la chute du groupe *-ιh-*, provoquant l'aspiration de la dentale initiale et l'allongement du *a* (tout cela est au niveau des transcriptions grecques; Kretschmer); d'autre part, cet ethnonyme s'est reflété dans sa forme originelle, avant la transmission *ou* < *au* en thrace, cet ethnonyme se retrouve dans *Tρωῶες* hom., adapté par les Grecs pendant la période de la guerre de Troie de **TρωFσ(ες)*, qui de son côté provient du thème ethnonymique **Trous-*; le *σ* (gr. *ω*) serait apparu à la suite d'allongement après la chute du groupe intervocalique *-us-* (gr. *-Fσ-*); hom. *Tροίη*, arch. *Tρωῖη* < **TρωFωα*, comme un nom stéréotype de la région, dérivé de l'ethnonim (Georgiev qui a proposé l'identification de *Tρωσοί* thrace avec *Tρωῶς* hom. *-E-trus-ci*, etc., partait d'une monophthongaison *au* > *o*, on ne le trouve plus ni en thrace ni en hittite). En revenant à la transmission hittite du prototype thraco-troyen *Taruīša*, notons que le signe (ou les signes) de la graphie cunéiforme hittite désignant le *u* pouvaient refléter les sons labialisés: en dehors de *u*, *o* ils pouvaient aussi désigner les combinaisons diphtonguées contenant le *u* sonantique; en ce qui concerne ce dernier point, la seule chose dont nous pouvons être sûrs c'est qu'en hittite le *eu* i.-e. se manifestait comme le *u* non-apophonique. La position du *s* en hitt. *Taruīša* ne correspondant pas à l'originale, on peut l'attribuer à l'influence d'adaptation des toponymes (resp. ethnonymes) en — (*i*)*ša*, où bien l'attribuer à la métathèse qui a eu lieu dans le prototype indigène. Dans le nom de personne illyrien *Trosius*, etc. le *σ* long a pu provenir et de *ou* primaire et de *au* secondaire, cf. le messapien *traohandihî*.

24. *Ἴλιος* hom., rarement *Ἴλιον*, la ville principale de Troie de Priam — Troade, nommée aussi *Tρωή*, et souvent *Ἴλιον πολίεθρον*, ἄστυ; le nom de personne mythologique *Ἴλιος* — éponyme qui signifie le fondateur d'Illion,

fils de Tros, arrière-petit-fils de Dardan, grand-père de Priam, arrière-oncle d'Enée; 'Oïléus, selon les scholies, 'Ιλέus le nom d'un Troyen, de même le roi des Locriens, père d'Ajax; le nom de personne troyen 'Ιλιονεύς, 'Ιλιώνη (qui sert à désigner la fille aînée de Priam, femme du roi thrace). Nous pouvons reconstruire le son initial *u* (le *F* grec) dans tous les noms propres cités, bien que son reflet dans les textes soit irrégulier; en particulier en ce qui concerne le lexème de base 'Ιλιος/-ον dans 50 cas l'hiatus nous indique la présence du *F* et n'est que dans 15 cas qu'il disparaît sans laisser aucune trace dans 'Oïλέus, *F* digamma se remplace devant la voyelle. La forme du toponyme homérico-troyen 'Ιλιος: 'Ιλιον, non grec (Kretschmer, Sommer et autres), a un parallélisme morphologique déterminé en thrace Πέργαμος: Πέργαμον (cf. No 11, etc.). Il y a plus, non loin de l'Illion troyen, en Thrace un toponyme identique est attesté. 'Ιλιον — une ville située à proximité de βιζύνη, la région de la montagne Strandža, cf. No 12, et aussi en Propontide sur le fleuve Rhundaque.

Dans le cadre des conditions culturelles et historiques, rien ne nous empêche d'identifier le territoire de 'Ιλιος(-ον) chez Homère à celui de la région nommée *Wiluša* (dans le sens du πόλις grec ou de la ville ancienne orientale), la transcription généralisée, que nous trouvons dans le Pacte de Muwattalis avec Alaxandus de *Wiluša* (environ 1306—1282 av. n. ère, selon Garstang — Gurney; 1325—1305 av. n. ère, selon Goetze) et peut-être dans la lettre de Tawagalawas rédigée sous Muwattalis ou sous Hattusilis III (environ 1275—1250 av. n. ère, selon Garstang — Gurney); nous pouvons supposer que le même objet géographique soit attesté dans les Annales de Tudhalijas IV dans la forme dérivative *Wilusija*, où elle est située avant *Taruiša* à la 21e place de la liste des pays conquis, c'est-à-dire l'avant-dernière (cf. No 23). De même que *Taruiša* ne dépend pas de *Troίη* hom., *Wiluša* — *Wilušija* ne dépend pas des l'hom. 'Ιλιος -ον < **Filios*, possible-ment la transcription du toponyme d'origine thrace importé dans la partie nord-ouest d'Anatolie pendant la première migration des tribus balkaniques, aurait été séparée de la transcription homérique par plusieurs siècles. En se fondant sur ces deux fixations on peut reconstruire leur prototype sous la forme de la combinaison phonétique **Wilus*, où *s* se rapporte au thème, ou bien c'est la flexion d'entier lexème thématisé à l'aide de la voyelle *a* dans le cadre du hittite et inséré dans la classe productive des noms à voyelle *o* thématique comme dans le grec, cf. le raisonnement de Kretschmer du vieux thème en *u* dans 'Ιλιος et 'Ιλέus. Le rapport d'éponyme presque déterminé entre 'Ιλιος(-ον) et le nom de personne 'Ιλιος (resp. *Ιλέus*) serait celui de l'étymologie populaire, comparer le trope poétique de Pindar 'Ιλιον πόλιον, etc., il nous semble que c'est justement une fausse compréhension de ce lien qui a influencé en grec la dérivation de la forme adjectivale en -ιος/-ιον final.

Pour tout le système des conclusions extralinguistiques la possibilité de donner la chronologie absolue du toponyme anat., que nous venons d'analyser, est d'une extrême importance, cette possibilité nous est donnée par les textes hittites, datés avec plus ou moins d'exactitude. Sa fixation fréquente, dans la transcription hittite *Wiluša* attestée dans le Pacte entre Muwattalis et Alaxandus de *Wiluša*, nous permet de postuler l'existence du prototype de **Filios* hom. déjà à la limite des XIVe—XIIe s. av. n. ère (le temps approximatif de la rédaction du Pacte), la mention de *Wiluša* dans le préambule historique du document traitant du règne de Labarnas (environ 1680—

1650 av. n. ère) nous permet de situer l'apparition de la forme prototypique hittite ainsi que de la transcription homérique, avec une certaine probabilité de succès, dans le premier quart du IIe mill. av. n. ère, c.-à-d. au commencement de Troie VI (1800—1300 av. n. ère, d'après Blegen) et de considérer cette date comme *terminus ab quo* de l'arrivée des Thraces dans la contrée de Troade homérique.

Dans le VIe chapitre l'on résume le matériel contenant des isoglosses des deux couches, l'on fait le bilan de certains traits de la morphologie thrace et l'on tire les dernières conclusions ethno-génétiques sous une forme définitive.

La dernière partie de ce chapitre coordonne sur un plan très général, les résultats des analyses purement linguistiques et les données archéologiques pour cette même aire. Au cours du processus de synthèse des faits linguistiques nous avons évité consciemment le côté archéologique du problème, nous efforçant de suivre littéralement la méthodologie qui de moins chez nous n'appelle pas de controverses: lors de la solution des problèmes extra-linguistiques et en particulier les questions concernant l'ethnogenèse de la période précédant l'écriture nous pouvons confronter les conclusions finales de la linguistique et de l'archéologie obtenues indépendamment. Ce n'est que la soumission des conditions requises qu'offre à chacune des sciences mentionnées des critères accessoires confirmant la véracité, préservant l'analyse du maniérisme qui apparaît souvent au cours de pareils procédés.

Comme l'on pouvait s'y attendre, la comparaison des couches d'isoglosses thraco-hittito-louvites nous permettant de supposer des contacts sur le territoire d'Europe entre des Thraces et des Hittito-louvites à l'époque préanatolienne (IIIe mill. av. n. ère) et de faire des conclusions synchroniques ethno-linguistiques, ne contribue pas à diminuer l'amplitude des caractéristiques spatio-temporelles possibles du matériel des isoglosses examiné, autant que l'archéologie de cette époque donne une image très générale des relations et de la migration des cultures archéologiques, privée du contexte ethno-linguistique ramifié. La situation devient aggravée, grâce à l'impossibilité de comparer les contours de la distribution des cultures archéologiques, de l'aire et du territoire linguistique, habités par des groupes ethniques déterminés, selon les témoignages, contenus dans les sources historiques. Mais ces témoignages archéologiques indéterminés dans l'aspect mentionné, nous incitent à croire à la véracité de l'approche choisi, dans les expériences de la couche donnée des isoglosses d'une détermination ethnique et spatiale, d'autant plus que les archéologues situent souvent la région de la distribution des Louvites et des Hittites à l'époque préanatolienne, vers le nord-est de la péninsule Balkanique, dans les steppes bordant la mer Noire, ou dans les régions orientales des Balkans, ou, enfin, tracent la voie de la migration des Louvites en Anatolie à travers les régions orientales de la partie continentale de la péninsule Balkanique (G. Mellart, P. Bosch-Gimper, M. Gimbutas, etc.). D'ailleurs il n'existe point de garanties que l'attribution ethnique des cultures archéologiques, construite par les archéologues, ne soit pas inspirée par une image spatiale de la répartition de la communauté indo-européenne de l'époque quand ses idiomes étaient les moins proches d'après les données de la linguistique.

Lors de l'inclusion des résultats de l'analyse linguistique de la IIe couche du matériel lexicale comparé, fait des isoglosses thraco-micrasiatiques ou,

plus précisément thraco-troyennes (hom.) dans le contexte historico-culturel qui lui est contemporain, refait selon les recherches archéologiques de ce temps-là, toute la situation de correspondances change totalement, d'autant que les conclusions ethno-linguistiques, traitées étroitement, correspondent une équivalence suffisante des données archéologiques de la Thrace ancienne et de la contrée nord-ouest de l'Anatolie (la Troade homérique).

A cette même couche d'isoglosses s'approchent également les correspondances thraco-hittito-louvites, n'ayant pas d'étymologie indo-européenne et qui peuvent être éclaircies selon leur appartenance anatolienne.

Les fouilles archéologiques, entreprises intensément, dans les années d'après-guerre, sur le territoire de la Bulgarie des habitats à plusieurs couches, situés compactement au sud-est de la partie continentale de la péninsule Balkanique : Ezero — Chantiers 1 — 9, d'après les dernières données, 1 — 13, Mihalič, etc. (l'âge du bronze récent, type Karanovo VII, IIIe mill. av. n. ère), l'habitat de Nova Zagora, Junacite, Razkopenica, etc. (l'âge du bronze moyen et tardif, IIe mill. av. n. ère) ont confirmé non seulement la continuité de la tradition culturelle dans cette région de la Thrace historique, mais également la corrélation étroite du sud-est des Balkans avec l'Anatolie du nord-ouest, et en premier lieu avec la Troade. En tout cas, les résultats de l'identification, de la stratigraphie et de la chronologie des données archéologiques de l'âge du bronze récent attribuent plus de vraisemblance à la confirmation, selon laquelle les aires analysées possèdent une certaine unité, fait que l'on peut difficilement nier (V. Child, G. Georgiev, N. J. Merpert, cf. G. Götze, J. Mellart, J. Wiesner, etc.). Nous sommes en présence d'un fait extrêmement important. Si certaines caractéristiques locales de l'âge du bronze récent en Bulgarie et dans les autres régions balkaniques (forme des récipients, fils d'ornementation, haches de combat, cérémonies mortuaires) ont des traits communs avec les cultures d'Europe centrale et de sud-est, des régions du Danube et au nord de la mer Noire (N. J. Merpert, E. H. Černych), outre cela, compte tenu de l'aspect archéologique, le territoire troyen (resp. le nord-ouest de l'Asie Mineure) conserve son isolement par rapport aux autres territoires anatoliens habités par les tribus hittito-louvites au dernier quart du IIIe mill. et au début du IIe mill. av. n. ère (A. Götze, cf. J. Mellart). Cette dernière observation a été nettement formulée par C. W. Blegen dans son excellent ouvrage „Troy and the Trojans“ (New York, 1963, p. 37): „In any event, so far as is known to me, not a single hittite import has been recognized from any stratified deposit at Troy, and conversely characteristic Trojan objects have not been found in deposits at the principal Hittite centers.“

L'exposé, comme on le voit, donne des raisons réelles d'aborder de près la question très délicate, concernant l'attribution ethnique des divers habitats de l'âge du bronze récent sur le territoire de la Bulgarie (Ezero, etc.) qui peut trouver de réponse pour une période aussi ancienne seulement grâce à l'utilisation des données linguistiques. Ayant conscience de l'incertitude des hypothèses ethno-linguistiques, concernant une époque aussi lointaine de la préhistoire européenne, l'auteur pourtant ose suggérer l'idée que, les représentants des cultures de l'âge du bronze récent doivent être des tribus protothraces; ils sont apparus à la fin du IVe — IIIe mill. au sud des Carpates dans des régions de la partie continentale de la péninsule Balkanique, quand certains aspects de l'histoire des langues indo-européennes présentent une reconstruction plus ou moins

vraisemblable. L'appartenance thrace des cultures de l'âge du bronze récent et tardif paraît qu'elle ne pose pas de doute. Jugeant d'après tout le complexe de données linguistiques et archéologiques, ce sont les groupes ethniques protothraco-phrygiens qui ont peuplé, commençant de la frontière chronologique, les régions orientales de la péninsule Balkanique, y compris certainement le territoire, séparé d'un passage étroit, de la Troie homérique.

Ainsi les isoglosses thraces et troyennes (homériques), analysées dans le Ve chapitre, et leurs interprétations supposées ethniques et chronologiques s'inscrivent dans le contexte historique et culturel sans appeler trop de contradictions.

Оглавление

Предисловие	5
Глава I — Проблемы античной лингвистической балканистики	7
Глава II — Реконструкция фракийского в ареальном аспекте	20
Глава III — Черты древнебалканской индоевропейской переходной зоны в фонетике фракийского языка	30
Глава IV — Фрако-хетто-лувийские изоглоссы	33
Глава V — Фрако-малоазийские изоглоссы	117
Глава VI — Лингвистические результаты и экстралингвистические выводы	169
Список использованной литературы (с указанием принятых в тексте сокращений)	189
Языки и диалекты	204
Указатель форм	205
Резюме на французском языке	225

Древнейшая ономастика Восточных Балкан

Л. А. Гиндин

*

Редактор Лиляна Генчева
Художник Данаил Донков
Худ. редактор Емил Станкулов
Техн. редактор Александър Иванов
Коректор А. Дончева, С. Тодорова

*

Изд. индекс 7400
Дадена за набор на 26. VI. 1980 г.
Пдписана за печат на
Формат 70/1000/16 Тираж 2500
Печ. коли 15 Изд. коли 19,44
УИК 22,05 9535172311
Код 28 5014—22—81
Цена 4,14 лв.

*

Отпечатана в Печатницата на Издателството на БАН
1113 София, ул. „Акад. Г. Бончев“
Поръчка № 54

